Былое и настоящее

СИБИРСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Матерьялы для ихъ изученія. Выпускъ III.

КРАСНОЯРСКАЯ КРАЕВАЯ БИБЛІОТЕКА 83448 9(57) 9-73

А. А. Яриловъ.

КЫЗЫЛЬЦЫ И ИХЪ ХОЗЯЙСТВО.

(Литературныя, архивныя и опросныя данныя).

Весь сборъ отъ продажи изданій „Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ“ поступаетъ на дальнѣйшее изученіе инородцевъ и опубликованіе матерьяловъ о нихъ.

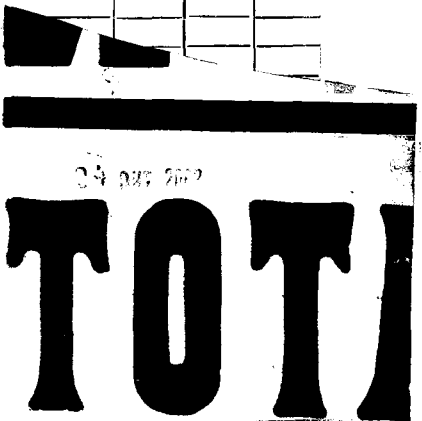
Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

9(57) Ярилов.
Я-73 Кызыльцы
и их хозяйство.
83448. ц. 1-50
Дозволено

ТОТ



Кызыльцы.

Настоящая работа выполнена по тому-же самому плану, что и предыдущая — о мелецкихъ инородцахъ.

И здѣсь, по поводу первой части, основанной на имѣющемся литературно-историческомъ матерьялѣ, приходится, въ объясненіе нѣкоторыхъ пробѣловъ, сослаться на условія работы въ провинціи.

Добытый мною въ Кызыльской управѣ архивный матерьялъ не вполнѣ использованъ въ настоящей работѣ и часть его будетъ въ ближайшемъ будущемъ представлена въ видѣ отдѣльной статьи.

Опросныя данныя, собранныя мною во всѣхъ тѣхъ улусахъ, гдѣ производились бюджетныя описанія хозяйствъ, мѣстами отрывочны и не полны, что объясняется частію недостаткомъ бывшаго въ распоряженіи времени, частію неполнотою самыхъ опросныхъ программъ, которыя, въ виду оригинальныхъ условій отдѣльныхъ мѣстностей, приходилось видоизмѣнять и пополнять на мѣстѣ во время самаго изслѣдованія.

Арс. Яриловъ.

Всякія въ интересахъ дѣла указанія на недостатки и погрѣшности работы, а равно нравственная и матерьяльная поддержка изданія „Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ“, со стороны ему сочувствующихъ, будутъ приняты составителемъ и издателями съ искреннею благодарностью.

Адресъ для сношеній: г. Минусинскъ, Енис. губ., Городской Музей. „Инородцы“.

Оглавленіе.

Перечень литературныхъ источниковъ. Стр. XII—XVI.

Глава первая. Происхожденіе и составъ кызыльскихъ инородцевъ. Извѣстія о нихъ на страницахъ сибирской исторіи. Положеніе кызыльскихъ волостей къ началу 18 ст. и количество уплачиваемаго ими въ началѣ того столѣтія ясаку. Гмелинъ о кызыльцахъ (1739 г.). Палласъ о нихъ-же (1770 г.). Свѣдѣнія о кызыльцахъ, собранныя кн. Костровымъ. Характеръ обитаемой кызыльцами мѣстности, величина земельныхъ угодій. Дѣленіе кызыльскихъ владѣній на естественные районы по даннымъ кн. Кострова и изслѣдованія 1890 г. Скотоводческія, земледѣльческія и промысловыя хозяйства кызыльскихъ инородцевъ, ихъ характеристика и распредѣленіе. Движеніе населенія въ предѣлахъ каждаго изъ трехъ хозяйственныхъ районовъ за періодъ съ 1829 по 1890 г. Уменьшеніе площади владѣній кызыльцевъ. Территоріальное разселеніе отдѣльныхъ родовъ и постоянные районы наибольшаго ихъ распространенія. Распредѣленіе отдѣльныхъ родовъ по характеру главныхъ ихъ занятій. Приспособляемость инородческихъ обществъ къ измѣняющимся условіямъ ихъ существованія. Примѣры наиболѣе типичнаго скотоводческаго и наиболѣе земледѣльческаго общества кызыльскихъ инородцевъ. Подробная цифровая характеристика отдѣльныхъ родовъ кызыльской управы по даннымъ изслѣдованія 1890 г. Стр. 1—35.

Глава вторая. Ревизскія сказки 1816 года четырехъ родовъ кызыльскихъ инородцевъ и ихъ анализъ. Стр. 36—45.

Глава третья. Учрежденіе Кызыльской степной Думы губернаторомъ Степановымъ и отношеніе инородцевъ къ послѣднему. Первыя должностныя лица Думы. Перемѣны мѣстопребыванія Думы и условія выборной службы. Вознагражденіе служащихъ по обще-

ственнымъ выборамъ инородцевъ. Жалобы и доносы на нихъ. Письмоводители Думы и данныя для характеристики ихъ дѣятельности. Попытки инородцевъ, направленныя къ улучшенію состава письмоводителей. Приходно-расходный бюджетъ Думы за разные года. Обязательная уплата ясака пушниной и вліяніе ея на хозяйство инородцевъ. Подати, повинности и доходныя статьи кызыльск. Думы по даннымъ изслѣдованія 1890 г. Натуральныя повинности, жалобы на трудность ихъ отнесенія и просьбы о переведеніи ихъ въ денежныя. Расходы на содержаніе церквей и удовлетвореніе религіозныхъ потребностей. Отношенія между инородцами и ихъ духовенствомъ. Расходы на школы и обученіе. Заботы объ открытіи школъ. Количество грамотныхъ, полуграмотныхъ и учащихся обоего пола и распредѣленіе ихъ по отдѣльнымъ родамъ. Расходы на организацію врачебной помощи. Положеніе медицинскаго дѣла у инородцевъ въ прежнее время и попытки инородцевъ къ его улучшенію. Расходы на благотворительность и оффиціозные налоги на инородческое общество. Расходы на пожарную часть. Пожары и причины ихъ. Положеніе продовольственнаго дѣла и расходы по нему. — Доходныя статьи кызыльскихъ инородцевъ. Условія арендованія у инородцевъ земельныхъ участковъ золотопромышленниками, торгующими и пр., величина арендной платы и колебанія ея. Образцы условій по арендованію земельныхъ и иныхъ угодій. Развитіе золотопромышленности въ предѣлахъ кызыльской Думы и въ ея сосѣдствѣ и вліяніе, оказанное этимъ развитіемъ на инородческое хозяйство. Жалобы инородцевъ на золотопромышленниковъ. Типы этихъ послѣднихъ по даннымъ архива. Приговора Думы о выселеніи изъ предѣловъ ея владѣній посторонихъ и условія разрѣшенія на проживаніе этихъ послѣднихъ. Поселенцы и ихъ вліяніе на инородческое населеніе. Отношеніе окрестныхъ крестьянъ къ инородцамъ и выгоды, извлекаемыя первыми изъ сосѣдства съ послѣдними. Отношеніе служилаго и чиновнаго люда къ инородцамъ. Самосудъ и примѣненіе тѣлеснаго наказанія. Задолженность инородцевъ, какъ главная причина ухода ихъ въ рекруты за крестьянъ, перехода отъ самостоятельнаго хозяйствованія къ батрачеству. Закрѣпощеніе и „скупка“ инородцевъ-батраковъ. Данныя о количествѣ нанимавшихся въ работники инородцевъ за разные года. Свѣдѣнія о хозяйствахъ отпускающихъ и нанимающихъ работниковъ, о числѣ лицъ мужск. и женск. пола живущихъ въ сроку и нанимающихся по даннымъ изслѣдованія 1890 г. Распредѣленіе указанныхъ цифръ по отдѣльнымъ хозяйственнымъ районамъ Думы. Данныя относительно средней годовой наемной платы за послѣднее

50-лѣтіе и ея колебанія. Образцы условій по найму въ работники. Составъ натуральной доли уплачиваемаго работнику жалованья. Величина выговариваемаго нанимающимся, „присѣвка“, качество его и оцѣнка. Наемъ въ пастухи. Образцы условій по найму въ пастухи. Прісковые рабочіе - инородцы, образцы заключаемыхъ съ ними условій. Условія найма и положеніе „вожатыхъ“ поисковыхъ партій. Заготовка и доставка инородцами на пріиска различныхъ продуктовъ и пр. и общій характеръ заключаемыхъ при этомъ условій. Поставка сѣна, производство построекъ, заготовка лѣса, проведеніе дорогъ, доставка тяжести, доставленіе почты, заготовка сухарей и пр. и пр. Стр. 44—164.

Глава четвертая. Возникновеніе земельныхъ сборовъ между инородцами-старожилами и пришлымъ крестьянскимъ населеніемъ. Общій характеръ этихъ споровъ. Споры изъ за земельныхъ угодій между кочевыми и осѣдлыми инородцами, между минусинскими и кызыльскими. — Относительное перенаселеніе сѣверной части Думы, вслѣдствіе приселенія сюда крестьянъ, и послѣдствія его для инородческаго населенія. Перечисленіе инородцевъ въ осѣдлое состояніе. Число перешедшихъ въ крестьяне за время съ 1833 по 1862 годъ. Образцы увольнительныхъ приговоровъ, составляемыхъ обществомъ инородцевъ при переходѣ членовъ ихъ въ крестьянское сословіе. Старанія губернскихъ и окружныхъ властей объ увеличеніи числа осѣдлыхъ инородцевъ. Поступленіе въ рекруты за крестьянъ, какъ причина перехода въ крестьянское сословіе. Общая сумма платы полученной въ теченіи 10 лѣтъ нанявшимися въ рекруты инородцами съ крестьянъ. Натуральная доля платы и ея составъ. Процедура перехода кочеваго инородца въ осѣдлое состояніе и найма въ рекруты; образцы приговоровъ условій сюда относящихся. Попытка образованія изъ рекрутскихъ денегъ общественнаго капитала. Примѣры перехода осѣдлыхъ инородцевъ въ общества кочевыхъ. Перечисленіе кочевыхъ инородцевъ изъ одного кочеваго общества въ другое. Несогласіе на увольненія инородцевъ со стороны ихъ обществъ и мотивы его. Стр. 165—201.

Глава пятая. Заботы администраціи о развитіи земледѣлія у кызыльцевъ и результаты ихъ. Распоряженія о разведеніи картофеля на поляхъ и отзвуки всероссійской картофельной эпопеи 40-хъ годовъ на кызыльской (и мелецкой) почвѣ. Попытки заведенія среди инородцевъ общественныхъ запашекъ. Заботы объ улучшеніи овцеводства въ связи съ возникновеніемъ акціонерной компаніи по улучшенію въ Вост. Сибири овцеводства. Мѣры воздѣйствія и результаты ихъ. Недовольство начальства и Думы успѣхами сельскаго

хозяйства у инородцевъ и противорѣчащія тому указанія. Общій сборъ хлѣбовъ за разные года. Причины, обусловившія развитіе земледѣлія у кызыльцевъ. Стр. 201—223.

Глава шестая. Хлѣбопашество. Свѣдѣнія объ общихъ условіяхъ мѣстности, почвѣ и климатѣ кызыльскаго вѣдомства. Характеръ запасныхъ пахотныхъ угодій. Система земледѣлія. Посѣвъ и участіе отдѣльныхъ хлѣбовъ въ общей площади его. Распредѣленіе и составъ посѣвной площади въ отдѣльныхъ районахъ Думы. Урожай. Уборка хлѣбовъ. Хлѣбныя и др. цѣны. Стоимость рабочихъ рукъ. Число занимающихся хлѣбопашествомъ. Чистый сборъ хлѣбовъ по данными, изслѣдованія 1890 г. — общій и на 1 душу об. н. населенія. Обезпеченность собственнымъ хлѣбнымъ запасомъ. Мельничное дѣло.

Огородничество. Развитіе огородничества, сорта культивируемыхъ овощей. Техника огородничества.

Сѣнокошеніе. Характеръ покосныхъ угодій. Производительность ихъ. Время сѣнокошенія. Поденная и отрядная плата. Время сѣнокосной страды. Количество накашиваемаго сѣна по отдѣльнымъ родамъ въ 1842 и 1890 гг.

Доходность покосныхъ и другихъ земельныхъ угодій.

Условія выгона. — Лѣсопользованіе.

Скотоводство. Перемѣны въ количествѣ и составѣ скота въ послѣдніе 75-лѣтіе. Причины уменьшенія количества скота, начиная со второй половины 20-ыхъ гг. Уходъ за скотомъ. Характеристика мѣстной породы лошадей. Описаніе бѣговъ и скачекъ, устраиваемыхъ инородцами. Составъ табуновъ и количество ихъ по отдѣльнымъ управамъ въ 1837 году. Общій составъ стада всякаго скота въ 1841 и 1890 гг. Доходъ отъ скотоводства. Цѣны на скотъ и продукты скотоводства. Болѣзни скота: отъ недостатка зимнихъ кормовъ („хромота" и прочь), чесотка, чума, сибирская язва, оспа; падежи скота. Мѣры борьбы съ болѣзнями скота, практикуемыя инородцами. Отношеніе инородцевъ къ вопросу о страхованіи скота.

Звѣроловство. Жалобы на паденіе звѣроловческаго промысла въ 20-ыхъ гг. и позднѣйшія. Причины уменьшенія звѣря, указываемыя самими инородцами. Уменьшеніе требованія казеннаго пороха со стороны инородцевъ. Число занятыхъ охотой и звѣроловствомъ хозяйствъ и душъ мужескаго пола. Добыча разнаго звѣря и стоимость ея въ различныя года. Техника звѣроловства. Средній годовой доходъ звѣропромышленника.

Рыболовство. Мѣста рыбной ловли и характеристика отдѣльныхъ рыболовныхъ озеръ. Техника рыболовства. Сорта добываемой рыбы. Средняя добыча на одного рыбака. Число хозяйствъ и лицъ, занятыхъ рыболовствомъ. Величина добычи рыбы за разные года. Условія арендованія крестьянами принадлежащихъ инородцамъ рыболовныхъ угодій. Продажа рыбнаго улова и цѣны на рыбу.

Пчеловодство. Начало занятія пчеловодствомъ у кызыльцевъ и постепенное развитіе его. Данныя о пчеловодствѣ, добытыя изслѣдованіемъ 1890 года. Состояніе пчеловодства въ 1896 году.

Заготовка лѣсныхъ матерьяловъ. Состояніе, возрастъ и составъ лѣсовъ. Обработка лѣснаго матерьяла. Стр. 223—264.

Бюджеты хозяйствъ кызыльскихъ инородцевъ.

Распредѣленіе описанныхъ хозяйствъ по отдѣльнымъ районамъ управы.

I. Районъ земледѣльческій.

Улусы: Божьеозерскій и Уракскій.

Опросныя данныя объ условіяхъ и техникѣ хозяйствованія.

Хозяйства: № № 15, 23, 33, 34 и 18.

II. Районъ скотоводческій.

Улусы: Чебаковскій, Торчинскій, Усть-Печищенскій, Сулековскій, Костинскій, Бѣлоіюсскій, Подкаменскій, Мамоновъ, Большe-Тайдоновскій и Янгуловскій.

Опросныя данныя объ условіяхъ и техникѣ хозяйствованія.

Хозяйства: № № 7, 8, 4, 10, 16, 27, 28, 32, 12, 31, 6, 1, 3, 29, 5, 19, 2, 17 и хозяйство А. Н. Ульчегачева (самое богатое скотоводческое хозяйство управы).

III. Районъ промысловый.

Улусы: Мажарскій, Большe-Ошкольскій и Нижне-Саралинскій.

Опросныя данныя объ условіяхъ и техникѣ хозяйствованія.

Хозяйства: № № 20, 24, 25, 26, 30, 14, 22, 13, 11, 21 и 9.

Необходимыя замѣчанія по поводу представленнаго бюджетнаго матерьяла. Распредѣленіе бюджетнаго матерьяла по зажиточности хозяйствъ. Стр. 264—333.

Таблицы:

I. Общая характеристика группъ хозяйствъ различныхъ районовъ и категорій зажиточности.

Приходъ и расходъ на 1 душу населенія въ различныхъ группахъ хозяйствъ. Стр. 335—339.

II. Инвентарь описанныхъ хозяйствъ и его оцѣнка. Стр. 341—342.

III. Годовой приходъ описанныхъ хозяйствъ. Стр. 343—344.

IV. Годовой расходъ описанныхъ хозяйствъ. Стр. 345—347.

Приложенія:

I. Указъ Императрицы Елисаветы Петровны кызыльской волости князцу Дмитрію Кулучакову объ увольненіи инородцевъ отъ содержанія по красноярской дорогѣ подводной гоньбы. Декабря 10 1751 года. Стр. 349—361.

II. Указъ изъ Томской Воеводской Канцеляріи кызыльско-ачинской волости князцу Дмитрію Колучакову по поводу жалобы инородцевъ на несносныя красноярскаго вѣдомства священниковъ и причетниковъ обиды и взятки. Апрѣля 17 1755 года. Стр. 362—366.

Перечень литературныхъ источниковъ.

1. Radloff. Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten. Erster Band. Leipzig 1884, S. 210—211.
2. Radloff. Ethnographische Uebersicht der Türkenstämme Sibiriens und Mongolei. Leipzig 1883, S. 10.
3. M. Alexander Castren's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. St. Petersb. 1856, S. 344 - 345.
4. Кн. Костровъ. Этнографическія замѣтки о кызыльскихъ татарахъ. Записки Сибирск. Отд. Импер. Русск. Географ. Общ., кн. VIII, стр. 97.
5. Кп. Костровъ. Кызыльскіе татара. Казанскія Губери. Вѣдомости 1853 г., №№ 24, 28, 30, 32, 34, 36, 38, 42 и 44—48.
6. Кн. Костровъ. Кызыльскіе татара. „Москвитянинъ", 1854 г., ч. III. № 11, Іюнь, кн. I. стр. 149—157.
7. Кн. Костровъ. Чулымскіе и кызыльскіе татара. Томск. Губери. Вѣдомости 1867 г., №№ 7—9. 11—15.
8. Щукинъ. Н. С. Народы турскаго языка, обитающіе въ южной Сибири. Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ, т. 18, 1847 г., стр. 255—284. — Извлеченіе изъ этой статьи помѣщено въ „Ermans Archiv f. wissensch. Kunde v. Russland." VI. Bd. 1847, Seite 724—732.

9. Миллеръ. Описаніе сибирскаго царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ и пр. Книга первая. Вторымъ тисненіемъ. СПБ. 1787 г., стр. 363.
10. Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ и пр. 1764 г. Сибирская исторія (Миллеръ) Мартъ. Глава седьмая, стр. 221—222. Апрѣль стр. 309, 320. Май. Глава осьмая, стр. 511.
11. Наказъ Евдокиму Баскакову, посланному въ г. Кузнецкъ для приведенія въ русское подданство тѣхъ жителей, которые платили ясакъ калмыкамъ. Сборникъ кн. Хилкова. СПБ. 1879 г., № 68, 1622 г. послѣ 10 ноября, стр. 188—194.
12. Фишеръ, I. E. Сибирская исторія съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли россійскимъ оружіемъ и пр. . . СПБ. 1774, стр. 474—475, 513.
13. Сказки поданныя въ Красноярской съѣзжей избѣ сыномъ боярскимъ Севастьяномъ Самсоновымъ и коннымъ казачьимъ атаманомъ Дементьемъ Злобинымъ, съ прописаніемъ ихъ службы. Дополненія къ Актамъ историч. т. IV, № 67, 1659 въ октябрѣ, стр. 178—183.
14. Отписка Красноярскаго воеводы Михаила Скрябина Томскому воеводѣ Никифору Нашокину о нашествіи Монгольскаго Алтына царя на Тубинскую волость. Дополненія къ Актамъ историч., т. III, СПБ. 1848 г., № 108, — 1652 послѣ 31 декабря, стр. 379—385.
15. Акты относящіеся до набѣговъ Калмыковъ и Киргизовъ на Кузнецкій и Томскій уѣзды. Дополненія къ Актамъ историч., т. VI, СПБ. 1857 г., № 93, 1673, послѣ 11 сент. — 1674, стр. 313—323, IX.
16. Кузнецовъ-Красноярскій, И. П. Историческіе Акты XVII ст., вып. I, Томскъ 1890, стр. 18—19, 59—60.
17. Статейный списокъ похода Томскихъ боярскихъ дѣтей Романа Старова и Ивана Гречанинова съ служилыми людьми въ Киргизскую землю. Сборникъ кн. Хилкова. 1680 послѣ 15 февраля, стр. 308—322.
18. Двѣ отписки Григорья Шишкова изъ Красноярска Енисейскому воеводѣ, князю Константину Щербатову о вѣстяхъ про татаръ и киргизовъ. Дополненія къ Актамъ историч., т. XI. СПБ. 1869 г., 53. 1884 іюня до сентября, стр. 159—162, I.
19. Кузнецовъ-Красноярскій. Историч. Акты, вып. II, стр. 62.

20. Акты о рудныхъ промыслахъ въ Сибири. Дополненія къ Актамъ историч. т. X. СПБ. 1867. № 77. 1683 февр. 28—1698 посль мая. стр. 322—341.

21. Gmelin, J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1738 bis zu Ende 1740. III. Theil, Göttingen 1752, S. 270 - 277, 538—540.

22. Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. кн. I, М. 1838, стр. 209—210.

23. Вопросы прибывшихъ въ Москву изъ Сибири служилыхъ людей о набѣгахъ киргизовъ и выписка изъ дѣлъ Сибирскаго приказа о томъ-же за прежніе года. Памятники Сибирск. исторіи XVII в., кн. I, 1700—1713 г. СПБ. 1882 г., 1, 1700, января 18, стр. 1—16. Ср. также актъ 2-й (1700 г. въ началѣ).

24. Объ успѣшномъ походѣ Томскихъ служилыхъ людей, Киргизовъ и Шустовъ. Памятники Сибирск. исторіи XVII в., кн. I. № 10. 1700 апрѣля 20, стр. 52—54.

25. Память толмачу, посланному изъ Томска къ киргизамъ по поводу ихъ набѣговъ и грабежей . . . и проч. Тамъ-же. № 13, 1709, стр. 68—75.

26. Послужной списокъ Томскихъ служилыхъ людей о походѣ ихъ въ Киргизскую землю. Тамъ-же. № 33. 1701 марта 3. стр. 136—142.

27. Память Красноярскимъ двумъ конным казакамъ, отправленнымъ въ Карауульный острогъ для призыванія инородцевъ въ ясачный платежъ. Тамъ-же. № 58. 1703 ноября 16, стр. 231—233.

28. Отписка Тобольскимъ воеводамъ Томскихъ воеводъ о посылкѣ ими Томскихъ служилыхъ людей для усмиренія киргизовъ и татаръ. Тамъ-же. № 60. 1704 марта 10, стр. 237—239.

29. Ремезовъ. С. Чертежная книга Сибири 1701 г. СПБ. 1882 г. Листъ 13, чертежъ земли Томскаго города.

30. Кузнецовъ-Красноярскій. П. П. Приходныя окладныя ясачныя книги Томскаго уѣзда 1706—1718 гг. Томскъ 1893 г.

31. Палласъ. Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго государства. Изд. 1786 г. Часть II, книга вторая, стр. 449—450, 454, 455.

32. Степановъ. Енисейская губернія. СПБ. 1835 г. ч. I., стр. 118—119, 204.

33. Köppen, P. v. Beilage II zu Castren's Reiseberichte und Briefe St. Petersb. 1856, Seite 519—521.

34. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г. LI. Енисейская губернія. Обработанъ Р. Маакомъ. СПБ. 1864 г. стр. XXIX и др.
35. Vámbéry. Das Türkenvolk in seinen ethnolog. und ethnogr. Beziehungen. Leipzig 1885, Seite 96.
36. Риттеръ. Землевѣдѣніе Азіи. Т. IV, стр. 551—555.
37. Гагемейстеръ. Статистич. обозрѣніе Сибири, составленное по Высоч. повелѣнію при Сибирскомъ комитетѣ СПБ. 1854 г. т. II, стр. 36—37, 307.
38. Пестовъ. Записки объ Енис. губерніи М. 1833, стр. 126—127.
39. Семеновъ. П. П. Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи. Т. I, стр. 170, 217, 259; т. II, стр. 581, т. V, стр. 913.
40. „Сибирскій Вѣстникъ“ 1893 г., № 145. Корреспонденція изъ Чебаковъ. Нѣсколько штриховъ изъ жизни инородцевъ (поведеніе въ церкви, употребленіе надали, корчемство, справочныя цѣны).
41. „Сибирскій Вѣстникъ“. 1889 г., № 18. Ф. К—въ. Экскурсіи въ вершины Бѣлаго и Чернаго Іюсовъ.
42. „Сибирь“ 1876 г., № 10. Ачинскіе и Минусинскіе татары.
42. Аристовъ. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей. „Живая Старина“. Годъ шестой. СПБ. 1896 г., вып. III—IV, стр. 345.
44. Матерьялы по изслѣд. землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній. Енисейская губернія. Т. III, стр. 374—381, 640—651, 753—754.
45. Матерьялы по изслѣд. землеп. . . . и пр., т. IV, вып. 2-ой.
Григорьевъ, В. Ю. Населеніе, стр. 10, 37, 40, 87, 109.
Погребецкій, И. М. и Молодыхъ, Ив. А. Условія школьн. обр. и грам. нас., стр. 41, 44—51, 54—55.
46. Матерьялы по изслѣд. землеп. . . . и пр., т. IV, вып. 3-й.
Григорьевъ, В. Ю. Землевладѣніе — стр. 17, 30, 31, 98, 99, 110, 132, 133.
Дубенскій, М. М. Формы землевладѣнія — стр. 217.
47. Матерьялы по изслѣд. землеп. . . и пр. т. IV, вып. 4-й.
Дубенскій, М. М. Земледѣліе — стр. 11, 16, 19, 25, 27, 28, 38, 42, 58, 114, 115, 120, 122, 123, 131.
Стрежневъ, Н. И. Огородничество — стр. 137.
Стрежневъ, Н. И. Пчеловодство — стр. 153.
Дубенскій, М. М. Скотоводство — стр. 201, 207, 213, 230, 232.

Ушаковъ, А. Н. Наемн. трудъ въ крест. хозяйствѣ — стр. 259,
Молодыхъ, И. А. Рыболовство — стр. 309, 323.
Таблицы: стр. LXII, LXXV, CXX, CXL, CXLV, CXLIX.

48. Матеріялы по изслѣд. землеп. . . и пр. т. IV, вып. 5-ый.
Ушаковъ, А. Н. Подати, мірскіе расходы, натуральныя повин. и мірск. доходн. статьи — стр. 160—161, 164, 171—172, 173—175, 179, 185—188, 190, 194—105, 197, 198, 201, 203, 205, 231, 235, 264, 286.
Личковъ, Л. С. Сбытъ с.-х. продуктовъ и покупки сельск. населенія — стр. 3, 5, 11, 12, 30, 39, 46.
Шешуновъ, И. Г. Кредитъ — стр. 125.
Таблицы: 320—321, 330—334, 335, 338—339.

49. Матеріялы по изслѣд. землеп. . . и пр., т. IV, вып. 6-ой.
Дубенскій, М. М. Изслѣдованіе доходности земельныхъ угодій — стр. 79, 90.
Приложеніе I. Описаніе пахотн. земель по пахотн. участкамъ — стр. 50—51, 54—57, 59.
Приложеніе III. Характеристика лѣсовъ и пѣны на лѣсной матеріялъ по пахотн. участкамъ — стр. 166, 168—170.
Приложеніе А. Таблицы доходности пашни по пахотн. участкамъ — стр. 10—14.
Составъ пахотныхъ участковъ — стр. 28.
Приложеніе Б. Таблицы данныхъ для опред. доходности земельн. угодій по селеніямъ — стр. 60—61.
Приложеніе В. Сводныя оцѣночныя табл. по подати. обществамъ — стр. 86—87.

50. Корниловъ, П. П. Олени Восточной Сибири. Вѣстн. Ест. наукъ 1856 г., №№ 15 и 16.

51. Энциклопедическій словарь Брокгаузъ-Эфронъ, т. XXIX, статья Н. Л. „Кизилы", стр. 47—48.

Глава первая.

По Радлову кызыльцы издавна обитаютъ іюсскія степи. Онъ указываетъ, что „Фишеръ упоминаетъ о нихъ . . . какъ союзникахъ киргизъ и противникахъ ариновъ уже въ 1635 году“.

Кызыльцы сами себя называютъ кызы — что значитъ человѣкъ (Щукинъ), и распадаются на 10 родовъ: Кызылъ, Мало-ачинъ, Больше-ачинъ, Агы, Бассагаръ, Камнаръ, Аргынъ, Калмакъ, Курчикъ, Шюй. На основаніи поименованныхъ родовыхъ названій, акад. Радловъ заключаетъ, что въ образованіи современныхъ кызыльцевъ участвовали весьма разнообразные элементы: — киргизы, телеуты, енисейцы и пр. Представителемъ первыхъ является родъ Аргынъ, осколокъ значительнаго тюркскаго племени, остатка средней орды, казакъ-киргизовъ. Родъ Калмакъ — представляетъ изъ себя поколѣніе телеутовъ, а родъ Шюй — енисейскихъ остяковъ. Названіе рода „Камнаръ“ — есть множеств. число отъ слова „камъ“ — шаманъ. Какъ это было выяснено Кастреномъ, въ прежнія времена не только народы преданные шаманизму, но и другіе, „вблизи ихъ живущіе“ часто въ оффиціальной перепискѣ именовались „язычниками камлярскаго (камнарскаго) толка“.

Имя кызыльцевъ попадается на страницахъ сибирской исторіи еще значительно ранѣе, чѣмъ вышеприведенное указаніе Фишера. Въ актѣ относящемся къ 1614 (7122) году и касающемся общаго киргизскаго въ этомъ году возстанія,

упоминаются въ числѣ приходившихъ „подъ Томской городъ войною“ „государевы измѣнники. . . Багасарскіе (Басагарскіе и кизыльскіе люди“, а въ слѣдующемъ затѣмъ году указывается, что возставшіе кызыльцы снова приведены были къ „шерти“ (присягѣ).

Въ 1619 г. „къ татарамъ Тулкиной Землицы“ приходили Киргизы и пробовали, хотя и безуспѣшно, „на свою сторону уговорить ихъ“. Это обстоятельство, по словамъ историка (Миллера), навело русскихъ на мысль о постройкѣ новаго острога. „Дабы удаленныхъ народовъ не допускать сообщиться съ киргизами, а сихъ потѣснить, также и ясашныхъ народовъ томскаго уѣзда отъ набѣговъ ихъ привесть въ безопасность, учинено въ 1620 г. предложеніе, чтобъ вверху рѣки Іюса, между Кызыльскими и Базагарскими татарами острогъ построить и снабдить довольнымъ числомъ казаковъ. . . Тогда, прибавляетъ историкъ, обыкновенно, ѣздили водою по рѣкамъ Чулымѣ и Іюсѣ, чего ради было не безполезно имѣть на пути крѣпкое мѣсто, есть ли начатыя изъ Томска завоеванія при Енисеѣ продолжать съ успѣхомъ. Однако сіе послѣднее съ построенія города Енисейска больше не было нужно, для того же тогда не исполнено. . .“

Въ слѣдующемъ 1621 г. „Базагары и Кызылы“ снова упоминаются въ числѣ племенъ враждебныхъ русскимъ.

Въ тотъ годъ, 1634—1635, подъ которымъ Фишеръ впервые упоминаетъ имя кызыльцевъ, когда и Красноярскъ и Кузнецкъ были осажденны полчищами киргизъ, „ясачные народы, почитая Красноярскъ уже за пропавшій, думали, что теперь пришло настоящее время, чтобы освободиться отъ чужестраннаго ига. Многіе Аринцы передались къ киргизамъ, а Кызыллы, татарскій народъ у р. Іюса, раззоряли аринскія волости“, причемъ „нѣкоторые изъ Аринцевъ были побиты, другіе плѣнены, а всѣ лошадей своихъ лишены были“. . . На кызыльцевъ красноярцы тогда „наибольше огорчились, почитая ихъ за зачинщиковъ сего печальнаго приключенія,

для того что они въ такое время, когда еще все было спокойно, убили красноярскихъ казаковъ, которые ѣхали въ Томскъ за жалованьемъ. . . Сіи же кызылы, при походѣ на Красноярскъ служили киргизамъ вожатыми, чего ради красноярскій воевода послалъ противъ нихъ партію Казаковъ подъ предводительствомъ Дементія Злобина, которые, воздавъ имъ равномѣрно, съ хорошею добычею и съ нѣсколькими плѣнниками назадъ возвратились". Между прочимъ тутъ были найдены у кызыльцевъ „похищенныя изъ Красноярска лошади, сабли и винтовки съ убитыхъ при Красноярскѣ казаковъ".

Въ то время кызыльцы были приписаны къ Томскому уѣзду и уплачивали слѣдуемый съ нихъ ясакъ въ Мелецкій острогъ. Въ этомъ послѣднемъ и въ Томскѣ они жаловались на расправу съ ними красноярцевъ и „сказывали, что неповиннымъ образомъ лишены своего имѣнія и нѣтъ у нихъ теперь ничего, изъ чего-бы могли платить ясакъ свой". Изъ Томска были „отосланы за то выговоры въ Красноярскъ. Но, прибавляетъ историкъ, симъ дѣло не рѣшилось: Киргизы, вмѣшавшись въ оное, отъ грабленія кызыловъ взяли поводъ совсѣмъ отъ Россійскаго владѣнія отложиться". . .

Въ 1652 г. кызыльскія владѣнія посѣтили нежданные гости. Спасаясь отъ Алтына-царя, „и киргизы, и тубинцы, и олтырцы, и керельцы. . . прибѣжали со всѣми своими улусы подъ Красноярской острогъ, на кызыльскую землю, на р. Еникъ[1]) и обсѣклися въ городкѣ, отъ Красноярскаго острогу въ дву днищахъ", оставаясь тамъ до самаго ухода Алтына царя въ свои владѣнія.

Гораздо болѣе непріятнымъ оказалось посѣщеніе киргизами кызыльскихъ владѣній въ октябрѣ 1674 г. Полчища киргизъ, возвращаясь съ похода на Красноярскъ и Енисейскъ, уничтожили до основанія построенный въ 1642 г. Ачинскій острогъ, получившій свое имя отъ одного изъ кызыльскихъ

1) По свидѣтельству Фишера, это была рч. „Индзулъ", впадающая въ Іюсъ. Такой однако въ настоящее время не имѣется, а есть рч Емдзулъ и впадаетъ она не въ Іюсъ, а въ Урюпъ.

родовъ. Еще идучи впередъ мимо Ачинскаго и Мелецкаго остроговъ, киргизы похвалялись ихъ сжечь на обратномъ пути. По разсказамъ очевидцевъ, бѣглецовъ изъ Ачинскаго острога, киргизскій князецъ Шалды съ 300 человѣками подступали „дни по три“ къ Ачинску и требовали: „выдайте-де намъ пушки и пушечный снарядъ и зелье, и мы де васъ не зажжемъ; а буде не выдадите пушекъ и пушечнаго снаряду, и мы де острогъ и васъ сожжемъ“, и октября въ 11-й день, въ ночи, стали приступать къ Ачинскому острогу, и Ачинскій острогъ приступомъ взять не могли, и часовню и Ачинскій острогъ зажгли, и мы де (т. е. разсказчики) видимъ, что де Божіе Милосердіе, Спасовъ образъ и государева казна сгоритъ, и не хотя выдать Спасовъ образъ въ поруганіе и государеву казну потерять, и въ другой конецъ изъ острогу къ полю выбѣжали, и Божіе милосердіе, Спасовъ образъ и государеву казну, пушки и пушечные снаряды и зелье съ собой изъ острогу вынесли, а мѣдную посуду, котелъ и безмѣнъ, да пѣшню, да двѣ теслы и насѣку прежъ того спрятали въ острогѣ въ землю, пушки и пушечные снаряды и зелье спрятали на лугу въ землю, и прятали де мы всякъ по своимъ мѣстамъ, порознь, а Спасовъ образъ, Божіе Милосердіе и книги принесли съ собой въ Мелеской острогъ. . . . . А которые ясашные люди даютъ ясакъ въ Ачинскій острогъ — Калатцы и тѣ отъѣхали въ киргизы, а изъ иныхъ волостей Кызыльцы и Ачинцы человѣкъ по пять въ киргизы же отъѣхали, а Балагарцы (Басагарцы) живутъ на своихъ урочищахъ“.

Разрушенный острожекъ находился „при озерѣ Синримѣ, на западной сторонѣ р. Іюса, около 60 верстъ къ сѣверу отъ обыкновенной красноярской дороги и отъ перевоза черезъ сію рѣку“. Въ 1683 г. Ачинскъ былъ снова отстроенъ уже на другомъ мѣстѣ, на берегу Чулыма, гдѣ находится и по сіе время.

Въ вышеупомянутомъ походѣ киргизъ на Красноярскъ и Енисейскъ, въ качествѣ вожатыхъ, называются „Томскіе

ясачные татары съ Чулыма рѣки, Шойскіе (Шуйскіе) два брата . . . Кузекъ да Таакай".

Въ 1680 г. встрѣчается упоминаніе о камнарахъ. Въ этомъ году изъ Томска на киргизовъ былъ высланъ отрядъ казаковъ подъ предводительствомъ Романа Старова и Ивана Гречанинова. Когда отрядъ достигъ Бѣлаго озера, нѣсколькимъ казакамъ удалось „взять . . . . . языковъ" — „шуйскихъ ясачныхъ людей, дву человѣкъ, — Кузечка съ братомъ; и они въ роспросѣ . . . сказали: измѣнникъ де Камлярскія волости, ясашной татаринъ Урузачко живетъ въ ближнихъ мѣстахъ. И по ихъ распросным рѣчамъ, ходили на измѣнника и взяли въ юртахъ его, Урузачковыхъ сыновъ, а онъ Урузачко кочуетъ съ Еренячкомъ". Отъ этихъ „Урузачковыхъ дѣтей и Шуйскихъ татаровей" казаки узнали: „киргизскіе де князцы Еренячко съ товарищи кочуютъ на усть двухъ Іюсовъ, отъ Бѣлаго озера въ полуднищѣ." [1]). Однако, лишь только вѣсти о приближеніи русскихъ дошли до киргизъ, они начали удаляться въ глубь степей, такъ что „мы, говорятъ Старовъ и Гречаниновъ, за нимъ, Ереначкомъ съ товарищи, съ томскими и съ енисейскими и съ красноярскими и съ кузнецкими ратными людьми гналися съ Іюсу до Уйбату семь дней. . . ."

Но уже въ 1684 году красноярскому воеводѣ доносятъ, что тотъ-же самый киргизскій князецъ Еренячко „собрався со всѣми своими воинскими людьми, пришелъ къ Бѣлому озеру и стоитъ . . .: а которые государевы ясашные кызыльскіе иноземцы стояли по своимъ урочищамъ, и тѣхъ де онъ Еренячко иноземцевъ всѣхъ взялъ къ себѣ, а говоритъ де онъ, Еренячко, тѣмъ иноземцамъ, чтобы де тѣ иноземцы великимъ государемъ ясаку не платили, а платили-бы де ясакъ ему, Еренячку". У казаковъ, ходившихъ изъ Мелецкаго

1) Между прочимъ, въ этомъ же актѣ упоминается о „чатцкомъ служиломъ татаринѣ — Саускапѣ Яголаковѣ". Въ настоящее время фамилія Саускановыхъ — одна изъ наиболѣе обычныхъ среди Кызыльскихъ инородцевъ Шуйскаго рода, а также встрѣчается и у Мелецкихъ инородцевъ.

острогу за ясакомъ киргизы отняли всю собранную уже ими рухлядь. А зять Еренячковъ — Алтагаки, ѣздилъ „по государскимъ ясачнымъ людямъ, по кызыльскимъ и по мелецкимъ иноземцамъ . . .,“ велѣлъ имъ готовиться въ походъ съ нимъ Алтагаки — подъ Енисейскъ и Красноярскъ и съ Еренячкой — подъ Томскъ.

Отъ 1685 года сохранилась грамота томскому воеводѣ кн. Кольцову-Мосальскому о воровствѣ кызыльскихъ татаръ. Жаловался казакъ Куземка Соловьевъ на то, что когда онъ вмѣстѣ съ двумя красноярскими ясачными татарами ѣздилъ на соболиный промыселъ, то ихъ „пограбили томскіе ясачные кызыльскіе татаровя Откутка съ товарищи, а грабежемъ де взяли 15 соболей да 3 ножа, 3 огнива, 20 стрѣлъ звѣровыхъ, 3 пуда хлѣбныхъ запасовъ. А говорятъ де они, томскіе татаровя: велятъ де имъ грабить и побивать томскіе служилые люди, которые де пріѣзжали къ нимъ, томскимъ ясачнымъ людемъ, съ памятми. . .“

Приблизительно къ тому же времени относится просьба Басагарскаго князца „Арыкпайка[1]) Евачина да Алыбайка Ипгакова“ — освободить ихъ отъ уплаты излишнихъ 20 соболей. „Всею волостью платили мы, сироты ваши, говорится въ челобитной, вашихъ великихъ государей ясакъ съ великою нуждою за двухъ умершихъ, за Чехрака да за Кучака, да за увѣчныхъ, и за старыхъ за двухъ человѣкъ — за Тахду да за Енгапа 20 соболей, и оттого мы, сироты ваши, одолжали великими долги“.

Въ 1696 г., томскій сынъ боярскій Степанъ Тупальскій былъ посланъ томскою канцеляріею въ татарскія волости за сборомъ ясака. Князецъ Шуйской вол. Мышанъ Кайлачаковъ[2]) далъ Тупальскому образецъ руды изъ той мѣст-

1) Арыпкасвы и въ настоящее время есть среди Басагарскаго I половина рода.

2) Мышаяовыхъ въ настоящее время нѣтъ, но въ спискахъ 1825 фамилія эта встрѣчается среди шуйцевъ. Въ этихъ же спискахъ фамилія Ко(у)лучаковыхъ попадается среди инородцевъ кызыльск.

ности, гдѣ онъ жилъ, а всѣ татары этой мѣстности удостовѣрили, что эта же самая руда была сплавлена у калмыцкаго князя Вонтухана и дала чистое серебро. Мѣстонахожденіе руды — указывалось по рч. Каштаку (по Гмелину-Хаштатъ), до которой отъ Томска считалось тогда водянымъ путемъ — 1 мѣсяцъ, сухимъ 5 дней. Тупальскій увезъ съ собой 8 пудовъ этой руды и, по сдѣланной въ Томскѣ Тимофеемъ Левкинымъ пробѣ, изъ 30 пудовъ ея надѣялись получить 72 золотника чистаго серебра, „а буде промышлять въ глубь чаетъ онъ (Т. Левкинъ), что будетъ лутче“. Однако разработка руды на первыхъ же порахъ встрѣла помѣху со сторона киргизъ, учинявшихъ безпрестанныя нападенія на работавшихъ.

Слѣдующія за тѣмъ вѣсти о кызыльцахъ имѣются отъ 1700 г. Изъ допросовъ прибывшихъ въ этомъ году въ Москву изъ Сибири служивыхъ людей, оказалось, между прочимъ, что „старинные ясашные люди, Киммарская (или „Камлярская“ — въ другомъ мѣстѣ) волость, ясаку съ 205 по 208 (т. е. съ 1697 по 1700 г.) году ничего не платятъ и съ киргизами сообщились, и подъ сибирскіе города и уѣзды ѣздятъ заочно и русскихъ ясашныхъ людей побиваютъ до смерти и раззоряютъ“.

Весною того же 1700 г., „по послѣднему зимнему пути, на лыжахъ и на нартахъ“ отправляются изъ Томска противъ киргизъ и шустовъ Юрій Роецкій и Алексѣй Свиридовъ съ 250 людьми. „. . . И какъ пришли въ Шуйскую землицу, на рч. Бережъ и на той рѣкѣ нашли шуйскихъ 7 юртъ, и тѣхъ шуйскихъ людей 20 человѣкъ побили до смерти, а четырехъ человѣкъ взяли въ полонъ и житья ихъ раззорили безъ остатку. А съ той рѣчки ходили въ киргизскую землицу, на Божье озеро, и на томъ Божьемъ озерѣ со многими

рода, у шуйцевъ-же и особенно у малоаргунцевъ отмѣчаются Карачаковы. Среди камнарцевъ немало однофамильцевъ „томскаго сына боярскаго“ — Тупальскихъ.

Киргизскими людьми бились, и на томъ бою многихъ киргизскихъ и шуйскихъ людей съ тѣхъ ихъ старыхъ жилищъ загнали въ дальніе мѣста. . . А съ того Божья озера пошли на рч. Базырь, и на той рѣчкѣ 11 юртъ людей разбили и 18 человѣкъ побили до смерти, а четырехъ человѣкъ взяли въ полонъ. . . А вдаль за ними гнатца было нельзя, для того что. . .“ настала бездорожица и на лыжахъ и партахъ итти было уже невозможно. Весь походъ длился шесть недѣль.

Въ томъ же 1700 г. посылаемому къ киргизамъ толмачу наказывалось потребовать отъ нихъ, „чтобы ясашныхъ государскихъ людей горные порубежныя волости и Камларскую волость отдали по прежнему великому государю въ ясакъ“.

Изъ послужнаго списка томскихъ служивыхъ людей о походѣ ихъ въ киргизскую землю, относящагося къ началу 1701 года узнаемъ, что камлярскіе татары „Ирмейка съ братомъ“, пойманные въ улусѣ „на Сереси“, „винились, что . . . подъ Томской войною ходили, соединяся съ Шуйскими татары, на Ю рѣку пріѣзжали и государевыхъ русскихъ людей побивали и пожитки ихъ къ себѣ имали“. За всѣ эти провинности „Ирмейка съ братомъ“ были повѣшены „за ноги на деревахъ“. . .

Въ одномъ актѣ, относящемся къ 1703 г. упоминается о „кызыльскомъ ясачномъ татаринѣ“, приходившемъ съ вѣстями о калмыкахъ и киргизахъ въ Караульный острогъ (на Енисеѣ).

Въ декабрѣ того же 1703 года, какъ видно изъ другого акта, изъ Томска было отправлено 500 человѣкъ „въ киргизскую землицу войною вверхъ по Томѣ рѣкѣ чрезъ Верхотомскій острогъ черпями въ урочища на рѣчки Сердь и Кожугъ до Бѣлаго озера“. . . На рѣчкѣ Базырь посланные встрѣтили „киргизскихъ людей и шуйскихъ татаръ“, побили ихъ „до смерти, а иныхъ переранили и въ полонъ живыхъ взяли 146 человѣкъ . . .“ — „Да въ нынѣшнемъ, — продолжаетъ тотъ же актъ — 1704 году, марта въ 10-й день . . . послали въ киргизскую землицу чрезъ рѣки Ю и

Кію до Бѣлаго озера и Чернаго и Бѣлаго Іюса на киргизскихъ людей и на шуйскихъ татаръ войною томскихъ жителей“ . . . всего 738 чел., на лошадяхъ. . .

На картѣ Ремезова, 1701 года мы находимъ обозначенными четыре кызыльскихъ волости: Кызыльскую, Камлярскую, Басагарскую и Ачинскую. Первая изъ этихъ волостей помѣщена на правомъ берегу р. Чулыма, при впаденіи въ него рѣчекъ Б. и М. Сыра — т. е. нѣсколько ниже теперешняго села Балахтинскаго, на мѣстѣ деревень Сырскихъ. Камлярская волость обозначена на картѣ между рѣками Сережемъ и Урюпомъ, лѣвыми притоками Чулыма, вблизи впаденія ихъ въ этотъ послѣдній тамъ гдѣ у Ремезова значатся рѣчки Колдатъ и Китатъ (Кататъ). На правомъ берегу Сережа, вблизи устья его, гдѣ въ настоящее время находятся с. Сережское и д. М. Сережская, на картѣ Ремезова указана Ачинская волость. Наконецъ Басагарская волость — на лѣвомъ берегу Урюпа, не далеко отъ впаденія его въ Чулымъ, т. е. уже въ предѣлахъ нынѣшней Томской губерніи.

Всѣ указанныя четыре волости уплачивали ясакъ въ Ачинскъ. Въ Кызыльской волости съ 1706 по 1716 г. отмѣчаются въ окладныхъ книгахъ „князецъ Агучекъ (или Угучекъ[1]) съ товарищи — десять человѣкъ. . . А по окладу съ нихъ поминку бобръ чернокарь да ясаку два сорока одинъ соболь“ (въ 1709 — „два сорока 15 соболей“). Въ 1715 г. взято было всего лишь шесть соболей да на 25 соболей другой рухляди — не считая „почести“: „коменданту бобръ чернокарь, восемъ горностаевъ, сборщикамъ три волка, толмачу 6 бѣлокъ“. Во всѣ остальные указанные года поминки и ясакъ уплачивались сполна.

Въ волости Ачинской — „князецъ Майрыкъ[2]) съ това-

---

1) Фамилія Угучековыхъ въ 1825 г. встрѣчалась среди инородцевъ Курчикова рода. Теперь ихъ осталось еще три или четыре семьи (Угужековы) въ ул. Усть-Парнинскомъ (1899).

2) Среди фамилій инородцевъ Игинскаго рода въ 1825 г. имѣлась фамилія Майрыковыхъ.

рицы — шесть человѣкъ . . . А по окладу съ нихъ поминку два соболя да ясаку 60 соболей". Въ 1706 г. по окладу ясаку взималось только 50 соболей, а начиная съ 1713 г. стали брать „съ той же волости съ захребетниковъ, по перепискѣ сына боярскаго Петра Петрова . . . съ 14 человѣкъ". Въ 1703 г. съ „захребетковъ" взято 14 соболей. Въ 1615 г. со всей волости полученъ въ ясакъ лишь одинъ соболь да прочей рухляди на 32 соболя (кромѣ „почести"). Въ 1716 г. въ ясакъ не взято ни одного соболя, а на сумму стоимости всѣхъ слѣдуемыхъ 78 соболей набрано другой пышнины. Въ 1717 г. въ ясакъ поступило два соболя, въ 1718 г. — одинъ. И здѣсь, кромѣ 1715 г., во всѣ остальные съ 1706 по 1718 г., поминки и ясакъ уплачивались полностью.

Въ Басагарской волости „князецъ Катышакъ[1]) съ товарищи — 6 человѣкъ. . . А окладу съ нихъ, поминку — бобръ черiокарь да ясаку 60 соболей". Начиная съ 1714 г. уплачивается ясакъ еще за 13 захребетниковъ — всего ясаку 83 соболя, да поминочныхъ, кромѣ бобра, еще одинъ соболь. Въ 1715 ясаку уплачено — 4 соболя да на 30 соболей прочей рухляди. Наибольшее количество соболей уплачено было басагарцами въ 1713 году — 23 соболя; въ 1709 и 1710 въ ясакъ не поступало ни одного соболя: весь ясакъ уплачивался другой рухлядью, въ 1718 г. — только одинъ, въ 1706, 1712 — по два соболя.

Въ Камлярской волости — сначала князецъ Камай, потомъ Каштакъ „съ товарищи — пять человѣкъ. . . А по окладу съ нихъ поминку — бобръ чернокарь да ясаку 25 соболей. Кромѣ 1715 г., когда въ ясакъ было уплочено разной рухляди всего лишь на 13 соболей, во всѣ остальные года ясакъ уплачивался полностью. Наибольшее число внесенныхъ въ уплату ясака соболей было 4, въ 1712 г.; въ 1710 и съ 1715 по 1718 г. не поступало ни одного соболя. Въ

1) Катышевыхъ много въ Басагарскомъ отдѣленномъ отъ второй половины родѣ.

1716 г., кромѣ поминочныхъ и ясаку было взыскано: „приказной почести . . . коменданту — волкъ, подъячему — 8 горностаевъ, сборщику — 8 горностаевъ, толмачу — лисица бѣлодушка. Да съ той же волости изъ доимки взято на 715 г. почести комендатской, вмѣсто лисицы сиводушки — соболь съ пушкомъ и съ хвостомъ до лосина; подъяческой — 8 горностаевъ, сборщиковой, вмѣсто 8 горностаевъ — 40 бѣлокъ. . .“

Когда въ 1739 г. Гмелинъ ѣхалъ изъ Красноярска въ Минус. округъ „Томскою дорогой“, для смѣна лошадей приходилось этихъ послѣднихъ вмѣстѣ съ ихъ хозяевами каждый разъ сгонять силою. . . „Но они тотчасъ же снова разбѣгались, такъ что нѣсколько станцій подрядъ нужно было ѣхать на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ“. На Сережѣ, гдѣ тогда стояло одно только зимовье, „мы съумѣли, говоритъ Гмелинъ, согнать и удержать лошадей, такъ что у насъ ни одна изъ нихъ не убѣжала“. Правда, для этого Гмелину и его спутникамъ пришлось предварительно выдержать „жестокую бурю“ („ein schweres Donnerwetter“), которая, вѣроятно, цѣликомъ обрушилась на головы не достаточно услужливыхъ инородцевъ. . . Слѣдующая станція была на Соксѣ, впадающей въ Сережъ; здѣсь Гмелинъ свернулъ съ Томскаго тракта на дорогу, ведущую „къ красноярскимъ горнымъ промысламъ“ и, проѣхавши по ней верстъ пять, переправился у впаденія Соксы черезъ Сережъ. Отсюда они поѣхали къ рч. Ужуръ, впадающей въ Бѣлое озеро, гдѣ остановились кормить лошадей. Повидимому, тутъ не было еще въ это время никакого жилья. На другой день Гмелинъ достигъ „соленаго озера Ужуръ“ длиною около 2 верстъ и глубиной въ 30 саженъ. „Изъ него, говоритъ Гмелинъ, можно вываривать соль.“ Отсюда онъ проѣхалъ къ Печищѣ (притокъ Чернаго Іюса), а затѣмъ, „между двумя горами“, къ Черному Іюсу. Черезъ Бѣлый Іюсъ они переправились верстахъ въ трехъ выше его соединенія съ Чернымъ. . . По словамъ Гмелина, инородцы, живущіе по сю сторону Іюса (кызыльцы), отличаются отъ

качинцевъ тѣмъ, что „не имѣютъ ни одной овцы; они говорятъ, что у нихъ овецъ истребляютъ собаки“. . .

„Еще сравнительно недавно, говоритъ Гмелинъ въ другомъ мѣстѣ, мѣстность между Красноярскомъ и Томскомъ была весьма ненадежна, и живущіе здѣсь татары то платили въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ясакъ русскимъ, то переставали платить его; въ особенности это относится къ киргизамъ, плативщимъ дань калмыцкому хану; въ концѣ концовъ русскіе сочли необходимымъ силою изгнать киргизовъ изъ предѣловъ Сибири и передать, на основаніи дружественнаго договора съ калмыками, этимъ послѣднимъ“.

Палласъ въ 1770 г. ѣхалъ въ Минусинскій округъ уже черезъ Ачинскъ и селеніе Назаровское. Далѣе, при впаденіи рч. Солгона въ Сережъ (гдѣ теперь дер. Солгонская) стояли тогда татарскія юрты. „Здѣшніе крещеные татары, говоритъ Палласъ, живутъ лѣтомъ въ мерзкихъ юртахъ, кои состоятъ частію изъ сведеныхъ кверху шпицемъ кольевъ, частью же изъ березовыхъ кольевъ, кои будучи съ самой земли около нѣкоторыхъ большихъ обручьевъ утверждены и обломаны, составляютъ видъ калмыцкаго шалаша, и устланы сильно разваренными и вмѣстѣ сшитыми бѣлыми берестами. Напротивъ того, зимные юрты, кои начали они теперь пріуготовлять, строятъ они изъ лежащихъ прямо и поперегъ тоненькихъ березовыхъ брусьевъ, на подобіе большаго ящика, съ косоватыми по бокамъ стѣнами. Передняя часть ящика остается пола и представляетъ сѣни, а другая половина загорожена поперечною стѣною и снаружи, ради тепла, завалена толсто землею. Среди сей землянки дѣлаютъ они изъ вѣточекъ и глины башкирскій каминъ съ деревянной трубою, а среди потолка оставляютъ дыру, чрезъ которую проходитъ свѣтъ и коя ночью во время сильной стужи затыкается. У двухъ стѣнъ противъ камина находятся широкія скамьи, на коихъ они спятъ; короче сказать оная ничто иное есть, какъ мерзкая на татарскій образецъ сдѣланная изба. Сіи татары удержали еще бо́льшую часть обычаевъ ихъ стараго рода

жизни и, кромѣ креста, который они на шеѣ носятъ и въ юртахъ вѣшаютъ, изъ христіанскаго закона малому, а изъ россійскихъ обычаевъ, кромѣ подражанья женскому платью и нужному хлѣбопашеству, ничему не послѣдовали. Однѣ дѣвки ходятъ еще отчасти одѣты по татарски, а мужики носятъ свои шубы и имѣютъ усы какъ прежде. Они обыкновенно бѣдные и имѣютъ мало скота. Причина тому, какъ они сказываютъ, есть глубокій снѣгъ, ради коего скотъ въ зиму, не такъ какъ у живущихъ вверхъ по Іюсу и Енисею, на полѣ оставляемъ, но ниже дома довольной пищи имѣть не можетъ, да также ради многихъ хищныхъ звѣрей, кои тутъ водятся въ множествѣ. Они держатъ также теперь и овецъ, русскимъ подобныхъ, но въ меньшемъ количествѣ, поелику они сами для оныхъ должны косить сѣно, къ чему они весьма лѣнивы. . .“

Далѣе „между ручьемъ Карачулою (Караджуломъ) и немного подалѣ мимотекущею рѣчкою Науджурью (Ужуромъ)“ Палласъ встрѣтилъ „домъ депутата къ Томску принадлежащихъ татаръ, Учугачефа [1]) . . . . Кромѣ того изъ лиственницы хорошо и съ балкономъ выстроеннаго загороднаго дома. . . . татарскаго депутата, построили себѣ также здѣсь нѣкоторые изъ его сродственниковъ и другіе татары дома на русскій образецъ. Здѣсь будетъ также и одна церковь для крещеныхъ татаръ, которые прежде къ Шерешу принадлежали, построена (теперь село Ужуръ) . . . . Итакъ, прибавляетъ Палласъ, сей депутатъ сдѣлалъ похвальное начало со своими соотчичами изъ дикаго ихъ рода жизни приводить къ благонравной деревенской жизни и къ земледѣлію“. . . . . .

Всего болѣе свѣдѣній о кызыльскихъ инородцахъ оста-

---

1) Ульчегачевыхъ много въ Больше-ачинскомъ родѣ. Григорій Ульчегачевъ былъ первымъ родоначальникомъ открытой въ 1824 г. Кызыльской Степной Думы; Нефедъ Ульчегачевъ — самый богатый скотоводъ во всей Кызыльской управѣ въ настоящее время. (Ср. ниже, въ главѣ о „бюджетахъ“ Янгуловскій улусъ).

вилъ намъ кн. Костровъ [1]). Сравнивая даваемое имъ описаніе жилищъ кызыльцевъ съ приведеннымъ у Палласа, мы видимъ, что лѣтній типъ ихъ остался тотъ-же, характеръ-же зимнихъ построекъ совершенно измѣнился. Зимніе юрты ихъ, говоритъ Костровъ, „можно даже вполнѣ назвать домами (?). Это многоугольной срубъ аршинъ до 3½ высоты, оканчивающійся конусообразною верхушкою изъ досокъ или бересты, съ отверстіемъ посрединѣ для выхода дыма. Для входа въ этомъ срубѣ устраивается небольшая деревянная дверь". Такимъ образомъ, „большой ящикъ" „съ косоватыми по бокамъ стѣнами" превратился въ многоугольную юрту.

Интересно отмѣтить и данныя, сообщаемыя кн. Костровымъ, относительно одежды кызыльцевъ для сравненія ихъ съ тѣмъ, что наблюдается въ этомъ отношеніи въ настоящее время [2]). „Одежда кызыльскихъ татаръ", говоритъ Костровъ, „какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, весьма проста. Мужчины лѣтомъ носятъ кафтаны синяго или сѣраго сукна, со стоячими воротниками, опушаемые мѣхомъ россомахи или выдры, и халаты изъ бумажныхъ матерій, а кто побѣднѣе — простые русскіе азямы или халаты изъ китайки; зимою всѣ безъ исключенія — овчинные тулупы или дохи козьи и оленьи . . . Женщины лѣтомъ являются чаще всего въ однѣхъ полотняныхъ или дабовыхъ рубахахъ, даже неподпоясанныхъ, съ бѣлымъ

1) Статьи Кострова (Ср. „Перечень литер. источн." №№ 4, 5, 32, 33) написаны главнымъ образомъ на основаніи матерьяла, доставленнаго ему, въ бытность его „производителемъ дѣлъ" Енисейскаго губернскаго статистич. комитета, Степною Думою въ 1852 г., по обширной, имъ самимъ составленной программѣ. Въ нее входили 1) одежда, 2) названіе дней, недѣль, мѣсяцевъ, праздниковъ; празднованіе этихъ послѣднихъ, скачки и пр., 3) пословицы, 4) преданія, 5) наказанія за воровство, блудодѣяніе и вообще неуголовныя преступленія, 6) болѣзни и ихъ лѣченія, 7) названіе звѣрей и рыбъ, 8) молитвы. „Нельзя ли, проситъ Костровъ, перевести на ихъ (кызыльцевъ) языкъ „отче нашъ" или „Богородицу". 9) Клятвы. Къ сожалѣнію, въ архивѣ управы не сохранилось черновика доставленныхъ Кострову свѣдѣній.

2) Ср. Кузнецова А. А., „Жилища, одежда и пища минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ" въ изд. Енис. губ. стат. ком.: „Минус. и ачинск. инородцы". Красноярскъ 1898 г. стр. 152—179.

колпакомъ на головѣ и босыми ногами. Желая нарядиться, онѣ надѣваютъ ситцевыя или даже шелковыя платья обыкновеннаго крестьянскаго покроя, а на голову — шапки изъ краснаго бархата, опушенныя чернобурой лисицей, съ длинными красными шелковыми кистями на маковкѣ. Красные сафьянные башмаки составляютъ обувь. Зимняя одежда женщинъ заключается въ мѣховыхъ шубахъ, бѣличьихъ, лисьихъ, крытыхъ шелковыми матеріями . . .“

„Владѣнія кызыльскихъ татаръ, читаемъ у того же Кострова, не обмежеваны еще; однакожъ границами ихъ вообще признаются р. Урюпъ, составляющая на нѣкоторомъ пространствѣ границу между Томскою и Енисейскою губерніями, волости Назаровская и Ужурская Ачинск. окр., владѣнія татаръ Минусинск. окр., лѣвый берегъ Бѣлаго Іюса и лѣвый берегъ Чулыма“. — Мѣстность заключенная въ этихъ границахъ „состоитъ или изъ долинъ стелющихся у подножья горъ и орошаемыхъ рѣками и озерами, или изъ горъ, въ иныхъ мѣстахъ безлѣсныхъ, въ иныхъ же покрытыхъ густою тайгою. По картѣ, составленной однимъ изъ томскихъ землемѣровъ около 1800 года, всей земли во владѣніи кызыльцевъ состоитъ до 865,017 десятинъ. Изъ этого числа, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, считается пахатной 626 дес., сѣнокосной 3,900 и выгонной 742 (?) дес., вся-же остальная занята лѣсами, горами и водами. Мы приводимъ всѣ эти числа, прибавляетъ цитируемый авторъ, потому только, что они оффиціальныя и потому, что не имѣемъ вѣрнѣйшихъ. Въ истинѣ ихъ есть много поводовъ сомнѣваться“.

Насколько необходима послѣдняя оговорка показываютъ слѣдующія, также „оффиціальныя“, свѣденія о пространствѣ земель кызыльскихъ инородцевъ. Въ 1833 г. Управа опредѣляла общую площадь ихъ въ 1,038019½ дес., считая изъ того числа 12240 дес. находящихся подъ строевымъ лѣсомъ, 13584 дес. подъ дровянымъ и 27168 — подъ смѣшаннымъ. Черезъ 8 лѣтъ послѣ этого Управа возвращается снова къ цыфрѣ, указанной томскимъ землемѣромъ (т. е. 865,017 дес.).

„Земли пашенной, говоритъ она, до настоящаго (1841 г.) исчислено 615 дес., но занимается (подъ пашню) не болѣе половины; сѣнокосной — до 70000, пастбищной 450,000 дес.“ и 344,402⅓ дес. — „остальной“.

Въ 1861 году, по свѣдѣніямъ доставленнымъ Ст. Сов. Полонскому, командированному для составленія новаго положенія о сборѣ ясака, тоже самое количество земель. 865,017 дес. распредѣляется опять иначе между отдѣльными угодьями: 1317 дес. пахатной земли, 12130 — сѣнокосной, 9189 дес. — выгонной, 20000 д. подъ лѣсами и 328525 дес. — „удобной, но необработанной“. — Изслѣдователи 1890 г. насчитывали у кызыльцевъ 2113 дес. мягкой пашни, 9109 (приблизительно) десятинъ сѣнокосной и 103 дес. усадебной (въ томъ числѣ 16 дес. огородной) земли. Въ среднемъ на каждую приписную душу приходилось по 4, 1 дес. всѣхъ угодій и по 0,8 десятинъ пашни и залежей.

„Всѣ земли кызыльскихъ татаръ, относительно качества ихъ почвы, дѣлятся, по естественному своему положенію, на двѣ совершенно различныя одна отъ другой полосы, именно одну удобную для земледѣлія, а другую совершенно неудобную. Первая занимаетъ всѣ сѣверозападныя мѣста владѣній кызыльскихъ татаръ, прилегающія къ Томской губ., именно по рѣчкамъ Урюпу, Шушѣ, Мажару и между Безпашными горами; вторая прилегаетъ къ юговост. границѣ Минусинскаго округа, около Божьихъ озеръ, рѣкъ Бѣлаго и Чернаго Юсовъ и озеръ Косонголя, Караголя и другихъ. Земли находящіяся въ первой полосѣ, хотя и весьма удобны для земледѣлія, но производить его въ большомъ количествѣ не выгодно, потому что снѣга выпадаютъ здѣсь довольно рано и очень долго лежатъ весною. Вслѣдствіе этого кызыльскіе татары, кочующіе близъ означенныхъ мѣстъ, хотя и занимаются хлѣбопашествомъ, но въ незначительномъ количествѣ и только для одного домашняго обихода. . . Вторая полоса земель кызыльскихъ татаръ представляетъ почву земли твердую, каменистую, которая совершенно неудобна для земледѣлія.

Жители этихъ мѣстъ преимущественно занимаются скотоводствомъ, звѣроловствомъ и рыболовствомъ". (Кн. Костровъ).

„За Чулымомъ и Урюпомъ, отдѣляющими съ запада земли кызыльцевъ отъ земель Томскаго уѣзда находятся — говоритъ изслѣдователь 1890 г. — горы и тайга. Тайга же покрываетъ вершины водораздѣльныхъ гривъ, которыми изобилуетъ все пространство района. Близъ рѣкъ гористый характеръ мѣстности значительно смягчается . . . земли . . , улусовъ . . ., расположенныя близъ селеній Шарыповской и Ужурской волостей, находятся въ мѣстности лѣсной и гористой; степныя пространства, окаймленныя горами, имѣютъ здѣсь видъ отдѣльныхъ луговинъ. Начиная затѣмъ отъ озера Божьяго и на югъ, мѣстность постепенно пріобрѣтаетъ степной характеръ, выступающій все рѣзче, и рѣзче, чѣмъ дальше пространства земель отодвигаются къ югу, такъ что на крайнемъ юговостокѣ представляется совершенно безлѣсной, болотистой и всхолмленной степью. . . Населенье (степной части Управы) занимается почти исключительно скотоводствомъ. . ."

Такимъ образомъ, какъ кн. Костровымъ, такъ и изслѣдователемъ 1890 года вполнѣ согласно отмѣчаются, съ одной стороны различіе въ естественно-историческихъ условіяхъ южной и сѣверной частей населяемой кызыльцами мѣстности, съ другой — зависимость отъ этихъ условій производимаго инородцами той и другой полосы хозяйства.

Руководствуясь данными подворной переписи 1890 г., мы попробуемъ установить въ общихъ чертахъ типы хозяйства кызыльскихъ инородцевъ. Мы найдемъ — какъ показываетъ приводимая ниже таблица —, что, кромѣ хозяйствъ степной части управы, живущихъ по преимуществу скотоводствомъ (мы ихъ будемъ называть „скотоводческими" хозяйствами), и хозяйствъ сѣверной половины управы, занимающихся въ болѣе или менѣе значительной степени хлѣбопашествомъ („земледѣльческія" хозяйства) — въ особую группу должны быть выдѣлены еще такія хозяйства, гдѣ раз-

витіе обоихъ этихъ промысловъ не достигаетъ размѣровъ необходимыхъ для существованія на счетъ однихъ ихъ средней инородческой семьи. Эта третья группа хозяйствъ, условно называемая нами „промысловыми“ хозяйствами, значительную часть своихъ потребностей покрываетъ на счетъ постоянныхъ доходовъ отъ промысловъ рыбнаго и звѣринаго, отъ заготовки и доставки на близь лежащія пріиска сѣна, дровъ и пр., отъ извоза, отхожихъ промысловъ и т. д.

Названіе районовъ.	Хозяйствъ.	Душъ об. пола.	Фактич. работниковъ.	На 1 хозяйство. Душъ об. пола.	Десятин. мягкой пашни: Изъ всѣхъ вообще.	Изъ пайщик. запашку.	Скота въ перев. на крупный.	На 100 душъ населенія голова скота въ перев. на крупный.	Накаш. сѣна пудовъ. На 1 год. скота въ пер. на круп.	На 1 фактич. работника.	Хозяйствъ не имѣющихъ пашни.	Хозяйствъ вовсе безъ скота или только безъ рогат. или безъ лошад.	Бездомныхъ хозяйствъ.	Мужчинъ занимающихся подѣнно.	Мужчинъ занятыхъ: исключительно охотой, звѣроловствомъ и рыбными промыслами.
I. Скотоводческ. районъ [1])	438	2265	581	5,1	1,0	3,4	18,2	351	63	853	312	46	33	237	228
II. Земледѣльч. районъ [2])	362	1851	454	5,1	4,0	9,5	8,3	162	81	530	154	62	24	239	148
III. Промысловый районъ [3])	249	1247	307	5,0	0,8	2,4	7,5	150	94	535	165	45	22	186	112
Всѣ три района Кызыльской управы . .	1049	5363	1342	5,1	2,0	5,0	12,2	237	71	714	631	153	79	662	488 [4])

1) Улусы: 1) Костинскій, Сулековъ, Черемшинскій, Печищенскій, Агаскырскій и Кагаевъ. 2) Подкаменскій, Барбиковъ, Ключинскій, Балыхчинъ, Большой Тайдоновъ, Юсскій (Кожиговъ), Итеменевъ, Малый Тайдоновъ. 3) Покровское село (Чебаки), Половинскій, Торчинскій. 4) Янгуловъ, Балыхчинъ, Максимовъ, Батанаковъ (Григорьевъ).

2) Улусы: 1) Божье-Озерскій, Сертачульскій и Мало-Озерскій, 2) Уракскій, 3) Косоложенскій, 4) Усть-Паршинскій, 5) Талкинскій и Косонгольскій, 6) Староурюпскій, 7) Айдашинскій.

3) Улусы: 1) Больше-Ошкольскій, Мало-Ошкольскій (занятія населенія: звѣроловство, скотоводство, доставка сѣна), Черно-Озерскій (рыболовство) и Сектинскій (доставка сѣна), 2) Ахайя, 3) Верхне-Саралинскій и Нижне-Саралинскій (звѣроловство и доставка сѣна), 4) Мажарскій (рыболовство, хлѣбопашество). (Ср. „Матерьялы . . . и пр.“ т. Ш, стр. 374).

4) Весьма подробныя (поулусныя) свѣдѣнія относительно площади запашки, размѣровъ сѣнокошенія и цѣнности недвижимаго имущества были составлены управой въ 1882 г., — т. е. не задолго передъ подвор-

Какъ видно изъ таблицы, наименьшее на 1 хоз. количество скота и наименьшая запашка приходятся на промысловыя хозяйства. Количество скота и здѣсь и въ земледѣльческихъ хозяйствахъ въ $2^1/_2$ раза менѣе, чѣмъ въ хозяйствахъ скотоводческихъ. Площадь запашки въ земледѣльческомъ районѣ въ 3—4 раза значительнѣе, чѣмъ въ двухъ другихъ. — Топографическое положеніе промысловыхъ хозяйствъ характеризуется рубрикой, показывающей количество сѣна, накашиваемаго на 1 голову скота. Это количество — наибольшее, по сравненію съ другими районами — указываетъ на то, что промысловыя хозяйства располагаются главнымъ образомъ въ окрайныхъ, ближайшихъ къ тайгѣ, наиболѣе лѣсистыхъ мѣстностяхъ, съ наименьшимъ пастбищнымъ періодомъ.

То обстоятельство, что среди хозяйствъ промысловаго района мы встрѣчаемъ наибольшій — по сравненію съ хозяйствами другихъ двухъ районовъ — процентъ бездомовыхъ и безскотныхъ, а также и то, что наибольшій процентъ нанимающихся на поденную работу мужчинъ падаетъ тоже на

ной переписью, по поводу возникшаго тогда вопроса о замѣнѣ подушнаго на земскія повинности сбора другими налогами. Небезинтересно сопоставить тѣ и другія данныя:

Районы.	Приходится на данный районъ изъ каждыхъ 100		Пашни десятинъ				Сѣнокоса десятинъ.				Цѣнность недвижим. имуществъ 1882 (рублей).	
	домохозяевъ въ 1882 г.	хозяйствъ 1890 г.	всего		На 1 домохозяина 1882.	На 1 хозяйство 1890 г.	всего		На 1 домохозяина 1882 г.	На 1 хозяйство 1890 г.	Общая.	На 1 домохозяина.
			1882	1890			1882	1890				
Скотоводч. . .	42.0	41,8	213	435	0,6	1,0	698	4959	2,0	11,3	6738	19,1
Земледѣльч. .	39,1	34,5	984	1471	3,0	4,0	623	2405	1,9	6,6	9621	29,3
Промысловый	18,8	23,5	79	207	0,5	0,8	364	1743	2,3	6,8	1963	12,4
Итого . . .	99,9	100,0	1276	2113	1,5	2,0	1685	9107	2,0	8,6	18322	21,8

Несмотря на громадную разницу между абсолютными размѣрами угодій указываемыми управой и установленными подворнымъ изслѣдованіемъ, относительное порайоное распредѣленіе ихъ и въ томъ и другомъ случаѣ идетъ параллельно.

въ Верхнеужурскомъ, Подлиственичномъ, Верхъ-Сектинскомъ, Изыкчульскомъ, Батанаковскомъ, Темринскомъ, Кызылгашскомъ, Ошкольскомъ, Косонгольскомъ, Божьеозерскомъ и др. — по 4 рода и. т. д. [1]). Представителей только одного какого нибудь рода находимъ лишь въ с. Шарыповскомъ, гдѣ всѣ 10 семей инородцевъ принадлежали къ кызыльскому роду [2]), въ ул. Итеменевскомъ — три семьи Басагарцевъ (отдѣлен. отъ 2-й пол. рода), въ ул. „По Черному Ключу“ (Караджулъ, при рч. Ужуръ) — 11 хозяйствъ Басагарцевъ 1 и 2 половины рода. Въ ул. „по Стенному Ключу“ (на Черномъ Юсѣ) — два двора Курчиковцевъ, и наконецъ въ ул. Верхурюпскомъ — 7 юртъ малоаргунцевъ.

Несмотря однако на эту пестроту въ разселеніи родовъ по отдѣльнымъ улусамъ, по отношенію, покрайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ родовъ представляется возможнымъ установить для каждаго изъ нихъ районъ его наибольшаго распространенія, мало измѣнившійся, повидимому, за послѣднее 70-тилѣтіе. Принимая въ основаніе установленное нами выше дѣленіе на районы, мы при помощи данныхъ архива можемъ построить слѣдующую таблицу территоріальнаго распредѣленія отдѣльныхъ родовъ въ 1829 году:

---

1) Въ слѣдующихъ улусахъ Управа насчитывала инородцевъ трехъ родовъ: Усть-Чернорѣчинскомъ, („на протокѣ Бѣлаго Юса и Черной рѣчкѣ“), Печищенскомъ, Айдашинскомъ, Базырскомъ, Бантипскомъ, Подгорномъ, Тарчинскомъ, Чарочкиномъ, Кузурбинскомъ, Усть-Сектинскомъ, Кабатскомъ, Уракскомъ, Саралинскомъ (2 мъ ?), Колбинскомъ, Тахзазскомъ, Агаскырскомъ, Мало-Божье-Озерскомъ, Чатыкскомъ (по ту сторону Черн. Юса, верстахъ въ 8 отъ ул. Подкаменскаго), въ д. Изындаевой и др. Наконецъ инородцы двухъ какихъ-либо управъ жили въ улусахъ: Салгонскомъ, Тюгюрюковскомъ (на рч. Урюпѣ), Сопкинскомъ, Когаевскомъ, Черно-Озерскомъ, Шерешинскомъ, Черноюсскомъ, Подкаменскомъ, Перевозномъ (по Черному Юсу, верстахъ въ трехъ отъ р. Печищи), Тайдоновскомъ, Сектинскомъ, Базырскомъ, въ д. Кадатской, Чигильдѣевскомъ, Усть-Базырскомъ, Верхъ-Печищенскомъ (теперь Сулековскій), Староурюпскомъ и пр.

2) Теперь осталось здѣсь еще два дома обрусѣвшихъ кызыльцевъ (1899 г.).

Районы. / Рода.	Скотоводческій.			Земледѣльческій.				Промысловый.			Итого.			
	душ. об. пола.	мужчинъ.	юртъ.	душ. об. пола.	мужчинъ.	юртъ.	домовъ.	душ. об. пола.	мужчинъ.	юртъ.	душ. об. пола.	мужчинъ.	юртъ.	домовъ.
Кызыльскій	192	107	43	381	192	48	10	198	109	41	771	408	132	10
Игинскій	199	100	42	353	194	64	6	39	22	8	614 [1])	329	123	6
Больше-Ачинскій . .	320	167	57 [2])	305	167	56	6	—	—	—	678 [3])	363	126	10
Мало-Ачинскій . . .	123	66	14	—	—	—	—	389	204	72 [4])	512	270	86	1
Басагарск. 1 и 2 пол.	—	—	—	88	50	20	—	314	163	50 [5])	402	213	70	1
Басагарскій отдѣл. .	118	65	27	—	—	—	—	—	—	—	118	65	27	—
Камларскій	129	71	26 [5])	304	157	45	6	121	66	24	554	294	95	10
Курчиковскій 2 пол.	205	108	35	84	46	18	—	—	—	—	289	154	53	—
Мало-Аргунскій . .	—	—	—	172	97	25	9	—	—	—	172	97	25	9
Шуйскій	63	34	12	508	274	40	45	—	—	—	571	308	52	45
Итого:	1349	718	256	2195	1177	316	82	1061	564	195	4681	2501	789	92

Наиболѣе надежнымъ въ приведенной таблицѣ, по извѣстнымъ уже причинамъ, является исчисленіе мужскаго населенія. Поэтому, останавливаясь на немъ и выражая распредѣленіе его по отдѣльнымъ районамъ и родамъ въ процентахъ, получимъ слѣдующія цифры (см. слѣд. табл. на стр. 24).

Отсюда слѣдуетъ что всего болѣе въ скотоводческомъ районѣ въ 1829 г. были представлены инородцы Басагарскаго отдѣлен. отъ 2-ой полов. рода; въ земледѣльческомъ — малоаргунцы и шуйцы, въ промысловомъ — басагарцы 1-й и 2-й половины.

---

1) Сюда же относятся еще:

1) 3 юрты съ 5 душ. м. п. и 9 душ. об. п. расположенныя по Койбѣ (?)
2) 6 „ „ 8 „ „ „ „ 14 „ „ „ „ „ Койсѣ (?)

2) Кромѣ того еще 2 дома въ ул. Батанаковскомъ.

3) Сюда же относятся еще 13 юртъ и 1 домъ съ 29 мужчинами и 53 душ. об. п. находящіяся по ключу Подгорному (?).

4) Кромѣ того 1 домъ въ улусѣ Можарскомъ.

5) Кромѣ того 4 дома — въ улусѣ Тайдоновскомъ и въ улусѣ „на Большомъ Іюсѣ и Тохзасѣ“.

Районы. / Рода.	Мужское населеніе въ % % къ общему числу его.			
	Скотоводческій.	Земледѣльческій.	Промысловый.	Итого.
Кызыльскій	26,2	47,0	26,7	99,9
Игинскій	30,4	59,0	6,7	96,1
Б.-Ачинскій	46,0	46,0	—	92,0
М.-Ачинскій	24,4	—	75,5	99,9
Басагарскій 1 и 2 пол.	—	23,5	76,5	100,0
Басагарскій отдѣл.	100,0	—	—	100,0
Камларскій	24,4	53,1	22,5	99,8
Курчиковскій	70,1	29,9	—	100,0
Мало-Аргунскій	—	100,0	—	100,0
Шуйскій	11,0	88,9	—	99,9
Итого:	28,7	47,6	22,6	98,9
Въ 1890 г. было [1]):	41,7	34,5	23,5	99,9

Если мы затѣмъ обратимся къ помѣщаемой ниже сводкѣ элементовъ наиболѣе [2]) характеризующихъ хозяйственный

Названіе родовъ.	% хозяйствъ неимѣющихъ запашки.	На 1 хозяйство.					
		Средняя запашка.		Всякаго скота въ переводѣ на крупн.	Рабочихъ лошадей.	Рогатаго скота.	На 1 голову скота накашиваетъ пудовъ сѣна.
		имѣющихъ запашку	вообще.				
Кызыльскій	58,7	2,9	1,2	11,0	2,5	4,3	54,4
Игинскій	72,1	4,8	1,3	9,4	2,5	4,0	66,0
Больше-Ачинскій	66,9	4,1	1,3	21,2	2,6	6,2	31,4
Мало-Ачинскій	60,2	2,8	1,1	14,5	3,0	6,7	50,2
Басагарскій 1 и 2 пол.	57,5	2,9	1,2	6,4	2,2	2,8	66,9
Басагарскій отдѣл.	68,2	3,3	1,1	22,9	3,0	5,3	34,2
Камларскій	62,0	5,7	2,2	10,9	2,8	4,6	53,6
Курчиковскій	72,4	2,1	0,6	7,7	2,2	3,5	77,4
Мало-Аргунскій	38,5	5,9	4,4	9,1	3,3	3,5	67,4
Шуйскій	32,2	8,2	5,5	11,3	3,6	4,5	63,5
Итого:	59,3	5,0	2,0	12,2	2,8	4,6	51,7

1) По даннымъ подворн. переписи 1890 г., см. выше стр. 13.
2) Въ предѣлахъ данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ 1890 года.

укладъ современнаго инородца, мы убѣдимся, что хозяйства вышеназванныхъ родовъ являются въ настоящее время наиболѣе типичными для тѣхъ-же самыхъ районовъ, въ какихъ они обитали 70 лѣтъ тому назадъ, т. е. наиболѣе развитое скотоводческое хозяйство мы встрѣчаемъ въ Басагарскомъ отдѣл. родѣ; земледѣльческое — у мало-аргунцевъ и шуйцевъ. Наименѣе всего занимаются скотоводствомъ и въ незначительныхъ размѣрахъ земледѣліемъ — Басагарскій 1 и 2 половины родъ. Сказанное еще лишній разъ можетъ служить свидѣтельствомъ того до какой степени хозяйство инородца опредѣляется естественными условіями обитаемаго имъ района. Отсюда не слѣдуетъ впрочемъ, что и всякое измѣненіе въ инородческомъ хозяйствѣ, его развитіе и улучшеніе возможно лишь подъ условіемъ измѣненія климата, почвы, рельефа данной мѣстности и пр. Ранѣе или позднѣе въ жизни всякаго племени или народа выступаютъ на сцену и иные могущественные факторы, оказывающіе на первыхъ порахъ свое вліяніе, если не на самый характеръ хозяйства, опредѣляемый по прежнему почти исключительно природными условіями мѣстожительства, такъ на его организацію, форму комбинированія отдѣльныхъ отраслей его. Однимъ изъ таковыхъ, прежде другихъ появляющихся и съ самаго момента своего появленія уже не перестающимъ вліять и въ дальнѣйшемъ на хозяйственный строй даннаго общества, оказывается извѣстная степень увеличенія населенія, ростъ этого послѣдняго. Вліяніе роста населенія, подкрадываясь вначалѣ постепенно, начинаетъ чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше отражаться на хозяйственномъ укладѣ даннаго общества.

Подчиняясь инстинктивно этому вліянію, и нашъ инородецъ находитъ себя вынужденнымъ варьировать форму своего хозяйства, усиливая одну сторону своей хозяйственной дѣятельности, ослабляя другую, усложняя, или упрощая типъ этого хозяйства .... Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно бросить взглядъ на предлагаемую ниже таблицу.

Названіе родовъ.	Душъ об. пола по переписи 1890 г.	На 1 душу мужскаго пола.												Въ посѣвѣ десятинъ.		
		1824 годъ.				1841 годъ.				1890 г.						
		Лошадей.	Рогатаго.	Овецъ.	Итого.	Лошадей.	Рогатаго.	Овецъ.	Итого.	Лошадей.	Рогатаго.	Овецъ.	Итого.	1824	1841	1890
Кызыльскій	560	0,9	0,8	1,2	2,9	0,9	0,9	0,8	2,7	2,7	2,3	1,6	6,7	17,0	20,2	45,9
Мало-Аргупскій	185	0,7	0,5	0,2	1,4	1,0	1,0	1,3	3,3	2,5	2,0	1,8	6,3	3,0	20,7	64,0
Курчиковскій	296	3,1	2,2	2,3	7,7	2,4	2,6	1,7	6,7	1,9	2,0	1,1	4,9	7,5	—	28,5
Мало-Ачинскій	377	13,6	7,6	8,3	29,5	4,8	4,5	6,1	15,5	3,1	3,6	3,4	10,0	2,0	—	35,0
Камларскій	527	1,6	1,3	1,4	4,4	2,6	2,3	2,4	7,4	2,7	2,5	1,8	7,1	8,5	33,0	137,4
Больше-Ачинскій	611	8,7	2,8	2,4	14,0	2,9	3,0	3,1	9,0	6,2	3,2	2,2	11,6	3,5	42,5	82,5
Басагарскій отдѣлен. .	267	1,2	1,8	1,4	4,4	1,2	1,1	2,2	4,6	7,0	2,8	2,3	12,1	—	—	12,5
Басагарскій 1 и 2 пол.	286	1,0	0,7	0,5	2,3	0,8	0,8	1,2	2,7	1,6	1,6	1,1	4,3	5,0	17,2	52,0
Игинскій	758	2,8	1,4	1,2	5,4	2,0	2,1	2,1	6,3	2,3	2,1	1,3	5,7	9,0	25,0	60,8
Шуйскій	597	1,9	1,6	1,1	4,6	2,4	2,3	1,5	6,3	2,3	2,0	1,6	5,8	8,0	155,5	306,7
Итого:	4980	3,5	1,9	1,8	7,3	2,3	2,2	2,3	6,8	3,1	2,4	1,8	7,4	63,5	314,1	825,3

Если мы на основаніи этой таблицы прослѣдимъ хозяйственную эволюцію инородцевъ Малоаргунскаго и Шуйскаго родовъ, мы найдемъ, что за протекшее 70-лѣтіе оба эти рода успѣли въ значительныхъ размѣрахъ развить у себя земледѣльческое хозяйство. Принимая во вниманіе отсутствіе у нихъ 70 лѣтъ тому назадъ сколько нибудь значительнаго скотоводства и хлѣбопашества, а также и близость земледѣльческаго района къ тайгѣ, можно думать, что главнымъ занятіемъ инородцевъ указанныхъ родовъ въ то время была промышленность, главнымъ образомъ, звѣроловство. Благодаря заселенію земледѣльческаго района русскими крестьянами, благодаря уменьшенію доходности лѣсныхъ промысловъ, переходъ къ земледѣлію сдѣлался обязательнымъ для тѣхъ изъ инородцевъ, которые не хотѣли уйти дальше, въ тайгу или, сдѣлавшись скотоводами, перебраться въ южную часть управы.

Послѣднее, т. е. переселеніе въ степь, предпочла, повидимому, одна часть инородцевъ Камларскаго — наиболѣе послѣ двухъ вышеназванныхъ пашущаго — рода. Другая часть

камларцевъ — въ спискахъ 1859 г. она значится въ деревняхъ Баитской, Изындаевой, Парнинской — подобно малоаргунцамъ и Шуйцамъ — занялось хлѣбопашествомъ и имѣетъ въ настоящее время запашку выше средней по управѣ. Относительно всѣхъ трехъ наиболѣе занятыхъ пашней родовъ можно замѣтить еще, что количества содержимаго ими скота ниже средняго по управѣ.

Скотоводческими родами въ настоящее время могутъ быть названы: Басагарскій отдѣлен., Большеачинскій и Малоачинскій. Изъ нихъ два послѣдніе и въ 1824 г. принадлежали къ наиболѣе богатымъ скотомъ. Но въ то время, какъ Малоачинскій родъ занималъ тогда въ этомъ отношеніи первое мѣсто, въ настоящее время онъ стоитъ на третьемъ, и количество скота на 1 мужск. душу въ немъ теперь чуть не въ трое менѣе тѣмъ 70 лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны Басагарскій отдѣлен., занимающій по количеству скота въ настоящее время первое мѣсто, — никоимъ образомъ не могъ быть причисленъ ни въ 1824, ни въ 1841 году къ скотоводческимъ родамъ. — Если мы обратимъ вниманіе на мѣста жительства этихъ двухъ родовъ — Малоачинскаго и Басагарскаго отдѣлен. — въ 1824 г., мы увидимъ, что они жили смежно, занимая, вторые — мѣста по Черному и Бѣлому Іюсамъ и рч. Торчѣ (улусы Итеменевъ, Протоко-Іюсскій, Перевозный), а первые — при озерахъ Ошкольскомъ и Черномъ, по Черному Іюсу и рч. Сектѣ (улусы: Ошкольскій, Кызылгашскій, Усть-Сектинскій, Подкаменскій, Кабакскій, Чалончульскій). Обитая одинаково мѣстности лежащія на границѣ степи и тайги, эти оба рода вели однако тогда совершенно различныя хозяйства. Басагарцы использовали, главнымъ образомъ, богатства подтаежныхъ и таежныхъ пространствъ, малоачинцы же разводили громадныя стада на сосѣдней степи. Съ выселеніемъ на степь инородцевъ изъ сѣверной части управы, просторъ пастбищный былъ настолько стѣсненъ, что малоачинцамъ пришлось въ значительной степени сократить свои стада. Въ тоже время начавшаяся въ

предѣлахъ земель управы и смежныхъ съ ней разработка золотыхъ пріисковъ и рудныхъ богатствъ оживила и направила въ совершенно новое русло жизнь наиболѣе населенныхъ малоачинцами улусовъ — Ошкольскаго, Сектинскаго, Подкаменскаго, лежавшихъ какъ разъ на самой дорогѣ, по которой промыслы системы рр. Чернаго и Бѣлаго Іюсовъ сообщались со всѣмъ *остальнымъ міромъ*.

Совершенно иначе отразилось развитіе руднаго и золотого дѣла на басагарцахъ (отдѣлен.) — промышленникахъ. Съ *появленіемъ въ глуши тайги наѣзжаго люда*, не заинтересованнаго въ охраненіи ея природныхъ богатствъ — дичи, звѣря, кедровника, лѣса — вооруженнаго хорошимъ ружьемъ,— все больше и больше стало *появляться въ тайгѣ огромныхъ* „лѣсныхъ кладбищъ“ — пространствъ усѣянныхъ на десятки верстъ обгорѣлыми стволами и пнями — вселявшихъ глубокое уныніе въ душѣ инородца-охотника; все чаще и громче начали раздаваться жалобы этого послѣдняго на паденіе лѣснаго промысла, все труднѣе и труднѣе давался ему насущный кусокъ хлѣба. . . Еще въ 40-хъ годахъ басагарецъ (отдѣлен.) не покидалъ своего изстари излюбленнаго, привычнаго занятія, но за послѣднее полустолѣтіе онъ рѣзко измѣнилъ самый характеръ своего хозяйства, перенеся арену своей хозяйственной дѣятельности изъ тайги въ степь и быстро занявъ здѣсь среди степняковъ-скотоводовъ первое мѣсто. . .

Весьма характернымъ для скотоводческихъ хозяйствъ является отношеніе между количествомъ лошадей и количествомъ рогатаго скота. Можно сказать, что чѣмъ больше общее количество скота, чѣмъ типичнѣе скотоводческое хозяйство, тѣмъ сильнѣе выраженъ въ немъ перевѣсъ конскаго скота *надъ рогатымъ* [1]). *Исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются*

1) Это объясняется бо́льшею устойчивостью конскаго хозяйства въ здѣшнихъ степяхъ. Лошади гораздо легче добываютъ себѣ зимой кормъ изъ подъ снѣгу и въ состояніи разгребать копытами гораздо болѣе толстые слои этого послѣдняго, чѣмъ всякій иной скотъ. Онѣ лучше защищаютъ себя отъ хищнаго звѣря и требуютъ вообще за собой меньшаго присмотра.

лишь хозяйства малоачинцевъ, запасающихъ значительныя количества мяснаго скота — рогатаго и овецъ — для продажи на пріиска. По этой же иричинѣ мы встрѣчаемъ у малоачинцевъ большія сравнительно съ другими скотоводческими хозяйствами, запасы сѣна (ср. табл. 2 на стр. 24) предназначенные частію на кормъ мясному скоту, а частію также на продажу пріискателями.

Въ хозяйствахъ земледѣльческихъ слѣдуетъ еще отмѣтить (ср. табл. 2 на стр. 24) наибольшія количества рабочихъ лошадей, сравнительно даже съ наиболѣе богатыми конскимъ скотомъ скотоводческими хозяйствами.

Всего менѣе занимаются какъ земледѣліемъ, такъ и скотоводствомъ инородцы Курчиковскаго и Басагарскаго 1 и 2 пол. рода. Первый родъ въ 1829 г. жилъ около Божьего озера (рыбная ловля!) и по рч. Печищѣ (печищенскіе рудники!). Къ 1859 году курчиковцы перебрались однако ближе къ тракту ведущему на іюсскія промыслы, въ улусы Подкаменскій, Тайдоновскій, Ошкольскій. . . Занятіе скотоводствомъ у нихъ — какъ и слѣдуетъ ожидать въ виду степнаго характера мѣстности — все-же значительнѣе чѣмъ хлѣбопашествомъ. По величинѣ запашки на 1 хозяйство Курчиковцы занимаютъ самое послѣднее мѣсто (ср. туже табл., стр. 24). Въ свою очередь басагарцы 1 и 2 пол. стоятъ позади всѣхъ остальныхъ родовъ, какъ скотоводы, что станетъ также понятнымъ, если принять во вниманіе ихъ мѣсто жительства (1824 г.) — около озеръ Бѣлаго и Уракскаго и по рѣчкѣ Ужуру.

Кызыльскій родъ, размѣщавшійся въ 1829 году (ср. таблицы на стр. 23 и 24) всего болѣе въ предѣлахъ земледѣльческаго района, въ настоящее время ведетъ болѣе скотоводческое, чѣмъ земледѣльческое хозяйство. Это объясняется тѣмъ, что всѣ 192 души муж. п. кызыльскаго рода, указываемыя списками 1829 года жили въ с. Шарыповскомъ и въ улусахъ Усть-Терехтинскомъ, Верхъ-Ужурскомъ и Солгонскомъ, т. е. въ мѣстностяхъ перешедшихъ затѣмъ всецѣло въ руки рус-

скаго населенія ассимилировавшаго, вѣроятно, значительную часть этихъ инородцевъ. Поэтому, въ настоящее время сохранилась, повидимому, главнымъ образомъ та горсть ихъ, которая подъ напоромъ *русской колонизаціи переселилась въ степную* часть управы.

Тоже самое должно сказать и про Игинцевъ, изъ 194 душъ муж. п. которыхъ (1829 г.) — 149 жило также въ районѣ подвергшемся заселенію русскими — по рр. Терехтѣ, Сережу, Изыкчулю, Кузурбѣ, Ягѣ, Ужуру (улусы — Изыкчульскій, Терехтинскій, Сережскій, — Бѣлоозерскій [1]). По-

1) Нужно думать, что указанное въ текстѣ ассимилированіе инородческаго населенія русскимъ является одной изъ причинъ уменьшенія перваго какъ разъ въ наиболѣе соприкосавшихся съ русскимъ крестьянствомъ родахъ — Кызыльскомъ, Игинскомъ. Малоаргунскомъ. Слѣдующая таблица движенія населенія отдѣльныхъ родовъ, составленная по даннымъ архива, „Списковъ насел. мѣстъ“ и „Матерьяловъ“ 1890 г. отмѣчаетъ указанное явленіе:

Названіе родовъ.	1816 годъ.		1835 г.	1859 г.	1890 годъ.	
	Душъ об. пола.	Душъ муж. пола.	Душъ муж. пола.	Душъ муж. пола.	Душъ об. пола.	Душъ муж. пола.
Кызыльскій	560	288	241	254	527	270
Мало-Аргунскій	185	103	87	116	195	93
Курчиковскій	296	155	196	265	592	312
Мало-Ачинскій	377	194	197	268	557	274
Камларскій	527	291	314	412	731	378
Больше-Ачинскій	611	340	331	391	734	388
Басагарскій отдѣлъ . .	267	141	132	149	234	121
Басагарскій 1 и 2 пол.	286	168	191	200	367	196
Игинскій	758	397	334	384	560	292
Шуйскій	597	322	285	416	866	465
Итого	4980	2392	2308	2855	5363	2789

Изслѣдователь 1890 года сравниваетъ цифры 10 ревизіи съ данными подворной переписи 90 года и выводитъ за этотъ періодъ времени (30 лѣтъ) для Кызыльской управы убыль населенія въ 2,2%. Правильнѣе было бы однако взять не количества населенія обоего пола, а только

видимому, Игинскій родъ ведетъ въ настоящее время наиболѣе смѣшанное — земледѣльческо-скотоводческо-промысловое хозяйство. Впрочемъ и въ 1829 г. среди нихъ были уже земледѣльцы — айдашинцы и уракцы, скотоводы — кагаевцы и Торчинцы и промысловыя хозяйства черноозерцевъ. . .

Все вышеизложенное относительно эволюціи хозяйственнаго строя у отдѣльныхъ родовъ Кызыльскихъ инородцевъ позволяетъ заключить о хозяйственной жизнеспособности этихъ инородцевъ, объ умѣньи ихъ, подчиняясь комбинаціи окружающихъ естественно-историческихъ и общественныхъ условій, развивать или видоизмѣнять форму своего хозяйства. Эта способность, это умѣнье являются притомъ не качествами характеризующими отдѣльныя, наиболѣе жизненныя и выносливыя особи изъ среди инородцевъ, а оказываются присущими цѣлымъ общественнымъ группамъ ихъ — родамъ. . . Мы видѣли, какъ въ какое нибудь 50-лѣтіе Басагарскій отдѣл. родъ превратился изъ промысловаго въ скотоводческій, а Малоаргунскій и Шуйскій — въ земледѣльческія.

Чтобы показать, какихъ размѣровъ при наиболѣе благопріятныхъ естественныхъ условіяхъ можетъ достигать инородческое хозяйство, укажемъ здѣсь на два участка, отмѣченные подворнымъ изслѣдованіемъ 1890 г. Одинъ изъ нихъ, въ составъ котораго входятъ улусы Янгуловскій, Балыхчинъ, Григорьевскій и Максимовскій, находится въ степной части управы, между Бѣлымъ и Чернымъ Юсами и состоитъ изъ 54 хозяйствъ. Въ среднемъ на каждое хозяйство приходится здѣсь около 37 штукъ всякаго скота въ переводѣ на крупный (или 707 головъ на каждые 100 душъ населенія). Только одно хозяйство вовсе не имѣетъ скота. Хлѣбопашествомъ занимается лишь 10 хозяйствъ, но и у нихъ въ среднемъ на 1 хозяйство приходится лишь 1,1 дес. пашни. (Средняя за-

---

мужскаго населенія — и тогда вмѣсто убыли получился бы такой-же приростъ. (Ср. „Матерьялы“, т. IV, вып. 2, стр. 87). О другихъ возможныхъ ошибкахъ при исчисленіи и сравненіи населенія, ср. въ главѣ четвертой о переходѣ инородцевъ въ осѣдлое состояніе.

пашка изъ всѣхъ вообще хозяйствъ = 0,2 дес.). Сѣна на 1 голову скота накашивается всего только 30 пуд. Кромѣ занятія скотоводствомъ около 40% всѣхъ мужчинъ-работниковъ занято еще охотой и звѣропромышленностью.

Другой, избранный нами участокъ — улусъ Старо-Урюпинскій (онъ-же Стародеревенскій), находится на р. Урюпѣ и въ настоящее время со всѣхъ сторонъ окруженъ русскимъ населеніемъ. Въ немъ всего 11 хозяйствъ съ 92 душами об. п. На каждое хозяйство въ среднемъ приходится болѣе 24 головъ скота въ пер. на кр. На каждую голову скота накашивается до 106 пудовъ сѣна. Безскотныхъ хозяйствъ нѣтъ вовсе. Нѣтъ и хозяйствъ не имѣющихъ запашки. На 1 хозяйство въ среднемъ приходится 25,1 дес. мягкой пашни. Охотой и звѣроловствомъ здѣсь никто не занимается. Въ трехъ хозяйствахъ держатъ пчелъ (всего 85 колодокъ).

Болѣе детальныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ Кызыльской Управы даетъ приводимая ниже таблица.

Названіе родовъ.	Число хозяйствъ.	Средн. составъ наличныхъ хозяйствъ. Душъ об. пола.	Средн. составъ наличныхъ хозяйствъ. Работниковъ мужского пола.	Наличныхъ хозяйствъ въ %% къ общему числу ихъ. Безъ всякой рабоч. силы и съ полураб.	Наличныхъ хозяйствъ въ %% къ общему числу ихъ. Съ 1 работникомъ.	Наличныхъ хозяйствъ въ %% къ общему числу ихъ. Съ 2 и болѣе работниками.	Наемные рабочіе мужского пола. %% хозяйствъ. Нанимающихъ годов. рабоч.	Наемные рабочіе мужского пола. %% хозяйствъ. Кромѣ того еще срочн.	Наемные рабочіе мужского пола. Рабоч. въ возр. Годовыхъ.	Наемные рабочіе мужского пола. Рабоч. въ возр. Срочныхъ.	% хозяйствъ бездомовыхъ.	% хозяйствъ безусадебныхъ.	% хозяйствъ съ жилищемъ въ лѣтникахъ.	% юртъ въ общей суммѣ жилыхъ построекъ (домовъ и юртъ безъ лѣтн.¹)	% наличныхъ хозяйствъ [illegible]
Кызыльскій	104	5,1	1,3	8,6	65,4	26,0	2,0	1,0	3	1	6,7	25,0	6,7	27,3	37,5
Мало-Аргунскій	39	5,0	1,2	12,8	64,1	23,1	7,7	—	6	—	10,3	7,7	—	7,0	15,4
Курчиковскій	127	4,7	1,3	7,8	65,3	26,8	1,6	—	3	1	9,4	33,1	5,5	26,8	38,6
Мало-Ачинскій	103	5,4	1,3	6,8	63,1	30,0	3,9	2,9	6	4	1,0	21,3	7,8	35,2	63,1
Камларскій	150	4,9	1,2	8,0	67,3	24,7	6,0	2,7	10	4	11,3	24,0	6,0	20,7	22,5
Больше-Ачинскій	139	5,3	1,4	5,7	58,2	36,0	5,0	2,1	14	3	7,2	30,0	1,4	28,2	42,9
Басагарское отдѣл.	44	5,3	1,4	6,8	56,8	36,4	9,1		4		11,4	20,4	13,6	22,2	48,0
Басагарск. 1 и 2 пол.	80	4,6	1,3	3,7	66,2	30,0	1,2		1		7,5	18,7	—	23,3	17,5
Игишскій	111	5,0	1,4	2,7	70,2	27,0	5,4	1,8	7	2	9,9	30,0	4,5	28,7	50,9
Шуйскій	152	5,7	1,3	9,2	60,5	30,7	8,5	1,3	14	2	3,9	11,8	0,7	11,0	34,9
Итого	1049	5,1	1,3	7,0	64,0	29,0	4,8	1,4	68	17	7,5	23,1	4,3	24,3	37,6

Какъ видно изъ таблицы наилучше обезпечены рабочею силой (1,4 работн. муж. п. на 1 хоз.) хозяйства Большеачинскаго, Басагарскаго отдѣлен. и Игинскаго родовъ. Въ двухъ послѣднихъ мы находимъ и наименьшій изъ всѣхъ % хозяйствъ необезпеченныхъ вовсе или слабо обезпеченныхъ (полуработниками) рабочею силою. Своего максимума этотъ % достигаетъ, наоборотъ, въ хозяйствахъ Шуйскаго и Малоаргунскаго родовъ.

Хозяйствъ нанимающихъ годовыхъ работниковъ всего болѣе (процентно) у басагарцевъ отд. и шуйцевъ.

У басагарцевъ же — отдѣл. и у малоаргунцевъ мы находимъ — какъ уже указывалось ранѣе — наибольшій % бездомовыхъ, а всего менѣе онъ у малоачинцевъ и шуйцевъ. Наибольшее количество безусадебныхъ хозяйствъ отмѣчается въ Курчиковскомъ и Большеачинскомъ родахъ, наименьшее — въ Малоаргунскомъ и Шуйскомъ.

По числу отмѣченныхъ изслѣдованіемъ хозяйствъ съ

Въ % % къ числу наличныхъ хозяйствъ.

Безъ рабочихъ лошадей.	Съ 1 рабочей лошадью.	Съ 2 рабочими лошадьми.	Съ 3—4 рабочими лошадьми.	Съ 5—9 рабочими лошадьми.	Съ 10 рабочими лошадьми.	Безъ круп. рогатаго скота.	Съ 1 голов. круп. рогатаго скота.	Съ 2—3 голов. кр. рогатаго скота.	Съ 4—9 гол. круп. рогатаго скота.	Съ 10 и болѣе гол. кр. рог. скота.	Не имѣющихъ мягкой пашни.	Имѣющихъ менѣе 1 десятины.	Отъ 1 до 3 десятинъ.	Отъ 3 до 5 десятинъ.	Отъ 5 до 10 десятинъ.	Отъ 10 до 15 десятинъ.	15 и болѣе десятинъ.	Maximum мягкой пашни на 1 хоз. (десятинъ).	% % хозяйствъ имѣющихъ пчелъ.
3,8	22,1	32,7	31,7	7,7	2,0	13,5	16,2	27,9	33,6	8,7	60,6	10,6	15,4	5,8	4,8	2,7	—	13,3	1,0
7,7	12,8	30,7	23,1	20,5	5,1	20,1	15,4	41,0	10,2	12,8	38,5	2,6	15,4	10,3	20,6	5,2	7,7	28,7	7,7
5,5	25,2	32,3	29,9	7,1	—	15,7	17,3	30,7	30,0	6,3	73,2	5,5	14,9	4,7	0,8	0,8	—	10,0	—
4,9	10,7	34,0	34,9	15,5	—	4,9	10,7	26,2	32,0	26,2	60,2	8,7	9,7	15,5	5,0	1,0	—	11,3	—
6,7	20,7	26,0	26,0	19,3	1,3	14,7	10,0	32,0	32,6	10,7	63,3	10,0	10,7	4,0	4,7	2,7	4,7	35,3	2,0
0,8	23,7	23,7	29,5	10,8	1,4	18,7	12,9	26,5	28,8	12,9	69,1	2,2	16,5	5,0	4,3	2,1	0,7	43,9	—
3,6	13,6	13,6	40,9	15,9	2,3	15,9	15,9	22,7	29,5	15,9	68,2	9,1	11,4	6,8	—	4,5	—	13,7	4,5
0,0	20,0	32,5	32,5	5,0	—	16,3	22,5	38,7	18,7	3,7	57,5	5,0	18,7	10,0	8,7	—	—	8,3	—
6,3	23,4	30,6	27,9	10,8	1,0	12,6	17,1	36,0	25,2	9,0	72,1	3,6	10,8	5,4	3,6	3,6	0,9	16,3	—
2,6	11,8	23,6	39,5	18,4	3,9	9,2	11,8	30,9	37,5	10,5	33,6	2,6	17,7	11,8	17,1	5,3	11,8	61,3	5,3
6,6	19,1	28,2	31,5	13,0	1,5	13,6	14,4	30,9	29,7	11,3	60,2	5,9	14,2	7.6	6,7	2,7	2,8	61,3	1,6

жильемъ въ лѣтникахъ мы можемъ составить себѣ представленіе *о томъ*, насколько распространено еще въ отдѣльныхъ родахъ кочеваніе. Наиболѣе кочевымъ оказывается Басагарскій отд. родъ, гдѣ число хозяйствъ съ жильемъ въ лѣтникахъ достигаетъ 13,6%. Съ другой стороны, Малоаргунскій и Басагарскій 1 и 2 пол., повидимому, совершенно уже прекратили перекочевки, а въ Шуйскомъ и Большеачинскомъ кочующія хозяйства являются большою рѣдкостью (0,7—1,4%). Какъ извѣстно, еще долгое время вслѣдъ за прекращеніемъ перекочевокъ съ одного мѣста на другое, съ приближеніемъ лѣта семья инородца продолжаетъ переселяться изъ зимняго своего помѣщенія — избы или юрты, — въ находящуюся на *одномъ съ нимъ дворѣ лѣтнюю* юрту („лѣтникъ"). Насколько можно судить по большому проценту хозяйствъ, имѣющихъ два и болѣе жилыхъ помѣщенья, указанная заключительная стадія кочеванья еще не пройдена большинствомъ кызыльскихъ родовъ. Только въ двухъ родахъ — Малоаргуискомъ и Басагарскомъ 1 и 2 пол., указанный процентъ сравнительно незначителенъ — 15,4, resp. 17,5; въ двухъ другихъ, наиболѣе земледѣльческихъ родахъ — Шуйскомъ и Камларскомъ процентъ хозяйствъ съ 2 и болѣе жилыми помѣщеньями равняется 22,7 и 34,9; въ Кызыльскомъ и Курчиковскомъ родахъ онъ достигаетъ уже 37,5, resp. 38,6%, *во всѣхъ же остальныхъ — свыше* 40 (*колебанія*: 42,9—63,1). Максимума своего (63,1) этотъ процентъ достигаетъ въ Малоачинскомъ родѣ. У нихъ же, у малоачинцевъ, болѣе распространеннымъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ родахъ типомъ жилой постройки является юрта, составляющая здѣсь 35,2% всѣхъ жилыхъ построекъ зимниковъ. Менѣе всего сохранилась юрта въ двухъ земледѣльческихъ родахъ — Малоаргунскомъ (7,0%) и Шуйскомъ (11,8%). Въ общемъ для всей управы юрта, какъ оказывается, уже въ значительной степени вытѣснена избой (75,7% домовъ и только 24,3% юртъ). — Наибольшимъ (процентно) числомъ амбаровъ отличается Шуйскій родъ (за *нимъ слѣдуетъ Малоачинскій*), наименьшимъ — Курчиковскій.

Обращаясь къ цифрамъ, характеризующимъ обезпеченность отдѣльныхъ управъ рабочими лошадьми, мы усматриваемъ, что процентъ хозяйствъ средне и хорошо обезпеченныхъ (не менѣе 2 лошадей на хозяйство) ими всего благопріятнѣе у малоачинцевъ и шуйцевъ; число безлошадныхъ (рабочихъ) и однолошадныхъ хозяйствъ въ этихъ родахъ колеблется около 15%. Число хозяйствъ съ максимумомъ рабочихъ лошадей (10 и болѣе) наибольшее въ обоихъ земледѣльческихъ родахъ.

Крупнымъ рогатымъ скотомъ наименѣе обезпечены хозяйства Малоаргунскаго рода, гдѣ процентъ безскотныхъ хозяйствъ и съ 1 головой скота доходитъ до 35,9. Наиболѣе обезпеченными являются хозяйства малоачинцевъ, 26,2% которыхъ имѣютъ болѣе 10 головъ крупн. рогат. скота и лишь 15,6% не имѣютъ его вовсе или имѣютъ не болѣе 1 головы.

Наибольшій процентъ хозяйствъ не имѣющихъ вовсе пашни или распахивающихъ менѣе 1 дес. встрѣчаемъ у курчиковцевъ — 78,7% и у басагорцевъ отдѣл. — 77,3%. Запашка въ 15 и болѣе десятинъ отмѣчается въ двухъ земледѣльческихъ родахъ — Шуйскомъ и Малоаргунскомъ, — въ Камларскомъ (въ 4,7% всѣхъ хозяйствъ) и въ двухъ хозяйствахъ Большеачинскаго и Игинскаго родовъ. Въ Курчиковскомъ родѣ только два хозяйства распахиваютъ болѣе 5 десятинъ, всѣ остальные менѣе. Въ Малоачинскомъ родѣ одно хозяйство пашетъ 11,3 дес., всѣ другіе менѣе 10 десятинъ. Максимумъ запашки въ хозяйствахъ Басагарскаго 1 и 2 пол. рода равняется 8,3 дес., въ Курчиковскомъ — 10 дес., въ Малоаргунскомъ — 28,7 дес., въ Камларскомъ — 35 дес., въ Большеачинскомъ — 44 дес. и въ Шуйскомъ — 61 десятина.

Пчеловодство, вообще незначительное у кызыльскихъ инородцевъ, существуетъ въ хозяйствахъ двухъ земледѣльческихъ родовъ и въ еще меньшихъ размѣрахъ — въ Басагарскомъ отдѣл., въ Камларскомъ (3 хозяйства) и въ Кызыльскомъ (1 хозяйство).

Глава вторая.

Въ виду особаго интереса, какой представляютъ ревизскія сказки 1816 г., — самыя раннія изъ дошедшихъ до насъ — я позволяю себѣ возможно полно использовать заключающійся въ нихъ матерьялъ, рискуя даже далеко выйти изъ предѣловъ намѣченной себѣ задачи. Къ сожалѣнію въ архивѣ Кызыльск. Управы сохранились ревизскія сказки 1816 г. лишь четырехъ (изъ 10) родовъ (тогдашнихъ управъ), а именно: Кызыльскаго, Большеачинскаго, Малоачинскаго и Игинскаго.

Въ помѣщаемой ниже сводкѣ представлены фамиліи, число семей и душъ мужскаго и женскаго рода указанныхъ четырехъ родовъ.

I. Кызыльскій родъ.

	Число семей	Душъ мужск. п.	Душъ женск. п.
1. Сарачаковы	21	61	50
2. Тамочаковы (Тамочины)	20	52	38
3. Гашковы	9	30	32
4. Сереневы	9	14	15
5. Будачаковы	8	22	13
6. Трыштаевы	8	14	14
7. Самочиковы	7	14	11
8. Кобычаковы	5	8	6
9. Тюкрюковы	4	10	12
10. Кутеневы	4	6	7
11. Тайдоновы	3	6	7
12. Тергусновы	4	7	7
13. Арчелоковы	2	8	4
14. Искучековы	2	3	7
15. Тартаяковы	2	5	3
16. Бабыргаковы	2	5	3
17. Усадычаковы	2	2	1
18. Кандычешевы	1	5	3
19. Туртачаковы	1	5	5
20. Сурликовы	1	5	4
21. Тумачевы	1	1	4
22. Катычаковы	1	2	1[1])

1) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ лѣтомъ 1899 г. выборнымъ управы Е. Ф. Таможиковымъ, изъ числа приведенныхъ фамилій кызыльскаго рода не существуетъ уже: Трыштаевыхъ, Кобычаковыхъ, Кутеневыхъ, Тайдоновыхъ, Тергусновыхъ, Бабыргаковыхъ, Усадычаковыхъ, Кандычешевыхъ, Туртачаковыхъ, Тумачевыхъ, Катычаковыхъ. Послѣдній изъ фамиліи Тюкрюковыхъ умеръ два года тому назадъ въ Мажарскомъ улусѣ. Увеличилось число семей: Сарачаковыхъ (Чарыжаковыхъ) — до 30, Самочиковыхъ (Саможиковыхъ) — до 20, Арчелоковыхъ — до 15, Искучековыхъ — до 10. Число остальныхъ или осталось безъ перемѣны или измѣнилось мало.

II. Больше-Ачинскій родъ.

	Число семей.	Душъ муж. п.	Душъ жен. п.
1. Саламачевы	19	53	47
2. Абдарины	18	47	46
3. Чарочкины	13	35	28
4. Улчугачевы	11	23	24
5. Талкины	9	26	16
6. Абаловы	7	26	11
7. Балыхчины	7	16	14
8. Итпековы	6	19	17
9. Отроковы	7	25	13
10. Иберейчековы	4	11	6
11. Идичековы	3	11	10
12. Орокины	3	11	7
13. Бугучины	2	10	5
14. Епишкины	2	4	4
15. Егалдаевы	1	6	3
16. Барсуковы	1	3	3
17. Уразовы	1	3	3
18. Табалгачевы	1	2	1
19. Канажаковы	1	1	1
20. Стефановы	1	1	—[1]

III. Мало-Ачинскій родъ.

1. Янгуловы	34	124	118
2. Куртеяковы	9	26	23
3. Чарочкины	9	24	20
4. Балахтины	8	17	14
5. Саламачевы	3	3	7

IV. Игинскій родъ.

1. Аргудаевы	14	30	30
2. Кокоиовы	14	32	28
3. Тайянтыновы	13	28	28
4. Кугаевы	11	32	28
5. Когояковы	9	24	21
6. Тайжаковы	8	15	19
7. Абалаковы	7	25	17
8. Бахчараковы	6	8	9
9. Тюгучековы	5	12	11
10. Куругаевы	5	10	11
11. Куназаковы	5	10	7
12. Когодаевы	4	18	15
13. Ачетовы	4	15	13
14. Сайгыновы	4	12	7
15. Макрыковы	4	9	7
16. Анажаковы	3	7	9
17. Барбаковы	3	16	13
18. Байдуровы	3	6	5
19. Сапараковы	5	13	14
20. Аяндыровы	3	9	9
21. Тайтыновы	3	10	10
22. Балчуковы	3	8	8
23. Ачисовы	3	6	7
24. Мунашевы	2	3	2
25. Табанаковы	2	3	4
26. Кулаксаевы	2	3	5
27. Чарочкины	2	2	3
28. Сафанаковы	2	4	3
29. Сакодуковы	2	3	4
30. Урусовы	1	3	3
31. Унагаевы	1	1	—
32. Татины	1	4	3
33. Оконгачевы	1	1	—
34. Костяковы	1	2	2
35. Имжаяковы	1	2	1
36. Балагысовы	1	5	5
37. Куругачевы	1	2	1[2]

1) Среди большеачинцевъ въ настоящее время нѣтъ фамилій Идичековыхъ, Бугучиныхъ, Епишкиныхъ, Егалдаевыхъ, Уразовыхъ, Табалчаковыхъ, Канажаковыхъ и Стефановыхъ. Увеличилось число семей Балахчиныхъ — до 20, значительно уменьшилось — Саламачевыхъ — до 10 семей (приблизит.).

2) Въ дѣлахъ архива за 1825 г. имѣется списокъ 1421 инородца

На основаніи приведенныхъ цифръ мы можемъ построить слѣдующую табличку средняго состава семьи инородцевъ четырехъ указанныхъ родовъ.

Названіе родовъ.	Число семей.	Число душъ об. пола.	На 1 семью душъ об. пола 1816 г.	На 1 хозяйство душъ об. пола 1890.
Кызыльскій . . .	115	536	4,6	5,1
Больше-Ачинскій	117	615	5,2	5,3
Мало-Ачинскій . .	63	377	6,0	5,4
Игинскій	159	758	4,7	5,0

Откуда слѣдуетъ, что составъ семьи за истекшее 75-лѣтіе измѣнился мало[1]) — поскольку, конечно, объ этомъ можно судить на основаніи приведенныхъ данныхъ.

разныхъ родовъ, неуплатившихъ подати и повинности. Привожу изъ этого списка фамиліи остальныхъ 6 кызыльскихъ родовъ, причемъ курсивомъ отмѣчены чаще встрѣчающіяся:

1. **Шуйскій родъ:** Итегечевы, Шушеначевы, Кучелаевы, Саускановы, Тархановы, Колешевы, Кардаткины, Карабашлыкъ, Изелеевъ, Качкинъ, Кукарцевы, Карачаковы, Маніаковы, Мышановы, Сандычаковы, Байтраковы, Корепанаковы, Итыгинъ, Итигечевъ (всѣхъ 157 душъ муж. пола).
2. **Басагарскій 1 и 2-й пол.:** Табаткины, Кулаковы, Борчегачевы, Капыгаевы, Тургунаковы, Алыбаевы, Чичканаковы, Итегменевы, Арчибаевы, Антычаковъ, Купатинъ (всѣхъ 70 душ. м. п.).
3. **Малоаргунскій родъ:** Шурбины, Карачаковы, Колмагоровы, Етыгнеевы, Челгидѣевы, Ерочаковы, Сагынбаковы, Едимечевы, Арыгачевы, Токмаковы, Антыраковы, Шепшелаковъ (всѣхъ душъ мужск. п. 50).
4. **Курчиковскій родъ:** Сулековы, Корбечековы, Ямандыковы, Базаевы, Тюхтеевы, Угучековы, Батаевы, Баускаловы (всѣхъ 68 душъ об. пола).
5. **Басагарскаго отдѣл. отъ 2-й пол. рода:** Итеменевы, Катышевы, Арчимачевы, Улугачевы, Коураковы, Кулигановы (всѣхъ 74 душъ мужск. пола).
6. **Камлярскаго рода:** Тайдоновы, Карачаковы, Тундешевы, Тупальскіе, Суртучаковы, Улугачевы, Сепелины, Кондеевы, Торточаковы, Кочкалдѣевы, Урускашины, Когашевы, Шагалаковы, Балдашевы, Шунгуловы, Бобыргашевъ, Тартаевъ, Барашевъ. (Всѣхъ 150 душ. м. пола.)

[1]) Особенно, если принять во вниманіе неполноту исчисленія женскаго населенія въ 1816 г.

Слѣдующая за симъ таблица характеризуетъ повозрастный составъ мужскаго и женскаго населенія, представленнаго ревизскими сказками —

Названіе родовъ / Возрастъ населен.	0—5 лѣтъ.	5—10 лѣтъ.	10—15 лѣтъ.	15—20 лѣтъ.	20—25 лѣтъ.	25—30 лѣтъ.	30—35 лѣтъ.	35—40 лѣтъ.	40—45 лѣтъ.	45—50 лѣтъ.	50—55 лѣтъ.	55—60 лѣтъ.	60—65 лѣтъ.	65—70 лѣтъ.	70—75 лѣтъ.	75—80 лѣтъ.	80—85 лѣтъ.	85—90 лѣтъ.	Итого.
Кызыльскій.																			
Мужчины . .	54	45	19	37	15	22	19	21	13	18	9	7	4	1	3	—	—	—	287
Женщины . .	37	33	29	18	23	22	23	21	18	7	10	3	1	2	1	1	—	—	249
Больше-Ачинскій.																			
Мужчины . .	39	43	39	43	30	26	20	29	18	18	11	7	7	3	7	—	—	—	340
Женщины . .	35	34	26	21	20	16	25	28	22	15	14	4	3	2	3	2	1	—	271
Мало-Ачинскій.																			
Мужчины . .	38	20	28	19	15	16	4	22	7	11	—	2	5	3	1	2	—	1	194
Женщины . .	28	31	26	9	12	10	17	19	10	4	7	—	4	2	1	2	—	—	182
Игинскій.																			
Мужчины . .	64	51	37	54	26	37	28	27	23	15	11	12	5	1	2	1	—	—	394
Женщины . .	52	55	46	22	35	37	29	22	20	14	12	7	3	—	3	—	1	—	356
Итого: Мужчины	195	159	123	153	86	101	71	99	61	62	31	28	21	8	13	3	—	1	1215
Женщины	152	153	127	70	90	85	94	90	70	40	43	14	11	6	8	5	2	—	1060

или, выражая цифры таблицы въ ихъ процентныхъ отношеніяхъ, имѣемъ:

Названіе родовъ. / Возрастъ населенія.	0—5 лѣтъ.	5—10 лѣтъ.	10—15 лѣтъ.	15—20 лѣтъ.	20—25 лѣтъ.	25—30 лѣтъ.	30—35 лѣтъ.	35—40 лѣтъ.	40—45 лѣтъ.	45—50 лѣтъ.	50—55 лѣтъ.	55—60 лѣтъ.	60—65 лѣтъ.	65—70 лѣтъ.	70—75 лѣтъ.	75—80 лѣтъ.	80—85 лѣтъ.	85—90 лѣтъ.	Итого.
Кызыльскій.																			
Мужчины . .	18,8	15,6	6,6	12,9	5,2	7,6	6,6	7,3	4,5	6,3	3,2	2,4	1,4	0,3	1,0	—	—	—	99,9
Женщины . .	14,9	13,2	11,6	7,2	9,2	8,8	9,2	8,4	7,2	2,8	4,0	1,1	0,4	0,8	0,4	0,4	—	—	99,6
Больше-Ачинскій.																			
Мужчины . .	11,4	12,6	11,4	12,6	8,8	7,6	5,8	8,5	5,2	5,3	3,2	2,0	2,0	0,9	2,0	—	—	—	99,3
Женщины . .	13,0	12,6	9,6	7,7	7,4	6,0	9,2	10,3	8,1	5,5	5,2	1,5	1,1	0,7	1,1	0,7	0,3	—	100,0
Мало-Ачинскій.																			
Мужчины . .	19,6	10,3	14,4	9,8	7,7	8,2	2,0	11,2	3,6	5,6	—	1,0	2,6	1,5	0,5	1,0	—	0,5	99,5
Женщины . .	15,4	17,0	14,3	4,9	6,6	5,5	9,2	10,4	5,5	2,2	3,8	—	2,2	1,1	0,5	1,1	—	—	99,7
Игинскій.																			
Мужчины . .	16,2	12,9	9,4	13,7	6,6	9,4	7,1	6,9	5,8	3,8	2,8	3,0	1,2	0,2	0,4	0,2	—	—	99,6
Женщины .	14,6	15,4	12,9	6,1	9,7	10,3	8,1	6,1	5,6	3,9	3,4	1,9	0,8	—	0,8	—	0,3	—	99,9
Итого: Мужчины	16,0	13,0	10,1	12,6	7,1	8,3	5,8	8,2	5,0	5,1	2,6	2,3	1,7	0,7	1,1	0,2	—	0,1	99,9
Женщины	14,3	14,2	12,0	6,6	8,5	8,0	9,0	8,5	6,6	3,8	4,0	1,3	1,0	0,6	0,8	0,5	0,2	—	99,9

Весьма интереснымъ представляется сравнить повозрастный составъ населенія въ 1816 г., на сколько онъ представленъ ревизскими сказками, и въ 1890 г. Для этой цѣли составлены помѣщаемыя ниже таблицы.

Возрастъ мужскаго пас. / Названіе родовъ.	До 7 лѣтъ.		Отъ 7 до 14 л.		Отъ 14 до 18 л.		Отъ 18 до 60 л.		60 л. и болѣе.		Итого.	
	1816	1890	1816	1890	1816	1890	1816	1890	1816	1890	1816	1890
Кызыльскій . . .	78	57	38	34	15	25	149	134	8	20	288	270
Больше-Ачинскій	58	81	59	51	33	37	174	197	16	22	340	388
Мало-Ачинскій .	46	52	38	40	20	26	79	138	11	18	194	274
Игинскій	82	53	69	57	36	17	199	151	9	14	395	292
Итого . . .	264	243	204	182	104	105	601	620	44	74	1217	1224
Тоже въ процентахъ.												
Кызыльскій . . .	27,1	21,1	13,2	12,6	5,2	9,3	51,7	49,6	2,8	7,4	100,0	100,0
Больше-Ачинскій	17,1	20,8	17,3	13,2	9,7	9,5	50,9	50,8	5,0	5,7	100,0	100,0
Мало-Ачинскій .	23,7	19,0	19,6	14,6	10,4	9,5	40,7	50,4	5,6	6,5	100,0	100,0
Игинскій	20,7	18,2	17,5	19,5	9,1	5,8	50,4	51,7	2,3	4,8	100,0	100,0
Итого . . .	21,6	19,9	16,8	14,8	8,5	8,6	49,4	50,7	3,6	6,0	99,9	100,0

Возрастъ женскаго пас. / Названіе родовъ.	До 7 лѣтъ.		Отъ 7 до 12 л.		Отъ 12 до 16 л.		Отъ 16 до 55 л.		60 л. и болѣе.		Итого.	
	1816	1890	1816	1890	1816	1890	1816	1890	1816	1890	1816	1890
Кызыльскій . . .	53	56	29	38	18	18	140	123	9	22	249	257
Больше-Ачинскій	52	70	32	40	15	22	157	185	15	29	271	346
Мало-Ачинскій .	41	52	30	47	18	34	83	135	10	15	182	283
Игинскій	73	61	55	25	29	23	190	134	14	25	361	268
Итого . . .	219	239	146	150	80	97	570	577	48	91	1063	1155
Тоже въ процентахъ.												
Кызыльскій . . .	21,3	21,8	11,6	14,8	7,2	7,0	56,3	47,9	3,6	8,5	100,0	100,0
Больше-Ачинскій	19,2	20,2	11,8	11,6	5,5	6,4	57,9	53,5	5,5	8,3	99,9	100,0
Мало-Ачинскій	22,5	18,4	16,5	16,6	9,9	12,0	45,6	47,7	5,5	5,3	100,0	100,0
Игинскій	20,2	22,8	15,2	9,3	8,0	8,6	52,6	50,0	3,9	9,3	99,9	100,0
Итого . . .	20,6	20,7	13,7	13,0	7,5	8,4	53,6	50,0	4,5	7,9	99,9	100,0

Цифры приведенной таблицы констатируютъ во первыхъ уменьшеніе разницы въ количествахъ мужскаго и женскаго населенія. Въ то время какъ въ 1816 г. въ среднемъ для всѣхъ четырехъ родовъ на 100 мужчинъ приходилось 87 женщинъ, въ 1890 г. послѣднихъ было уже 94. Поскольку мы здѣсь имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ измѣненіемъ въ половомъ составѣ инородцевъ и поскольку указанная разница должна быть отнесена на счетъ неудовлетворительной регистраціи женскаго населенія въ 1816 г. — сказать, конечно не возможно.

Далѣе, весьма характерно въ таблицахъ, всюду одинаково — какъ среди мужскаго такъ и среди женскаго населенія, какъ среди родовъ показывающихъ приростъ, такъ и въ показывающихъ уменьшеніе — абсолютное и относительное увеличеніе числа лицъ предѣльныхъ возрастовъ — начиная отъ 60 (мужчинъ) и 55 (женщинъ) лѣтъ. — Наконецъ, укажемъ еще на неодинаковость въ измѣненіи количества населенія дѣтскаго и вплоть до 18, resp. 16-лѣтняго возраста — среди мужчинъ и среди женщинъ. Тогда какъ у первыхъ мы замѣчаемъ несомнѣнное уменьшеніе населенія этихъ возрастовъ, у послѣднихъ, наоборотъ, замѣчается нѣкоторое увеличеніе его [1]).

Слѣдующая за симъ цифровая сводка указываетъ число

Мужск. насел. умерло и родилось. / Названіе родовъ	Умерло въ возрастѣ: 0—5 лѣтъ.	5—10 лѣтъ.	10—15 лѣтъ.	15—20 лѣтъ.	20—25 лѣтъ.	25—30 лѣтъ.	30—35 лѣтъ.	35—40 лѣтъ.	40—45 лѣтъ.	45—50 лѣтъ.	50—55 лѣтъ.	55—60 лѣтъ.	60—65 лѣтъ.	65—70 лѣтъ.	70—75 лѣтъ.	75—80 лѣтъ.	80—85 лѣтъ.	85—90 лѣтъ.	Итого	Родилось за то же время.
Кызыльскій . . .	2	2	1	--	1	2	6	2	3	1	2	1	2	4	3	—	1	—	33	54
Больше-Ачинскій .	8	4	1	—	2	1	1	2	—	2	2	—	1	2	2	—	—	—	28	38
Мало-Ачинскій . .	9	—	1	3	—	—	1	2	1	1	1	1	—	1	—	—	—	—	22	30
Игинскій	7	4	6	1	6	5	5	3	5	2	1	7	4	2	5	1		—	64	68
Итого	26	10	9	4	9	8	13	9	9	6	6	9	7	9	10	1	1	—	147	190[2])

1) Не нужно забывать, что всѣ эти и послѣдующіе выводы изъ цифровыхъ данныхъ извлеченныхъ изъ ревизскихъ сказокъ, въ зависимости отъ достовѣрности этихъ послѣднихъ, должны быть принимаемы съ большою осторожностью.

2) Число рожденій среди женскаго населенія за тотъ-же періодъ времени выражается такими цифрами: Кызыльскій родъ 36, Больше-ачинскій родъ 34, Малоачинскій родъ 21, Игинскій родъ 47. — Итого: 138.

умершихъ и родившихся мужчинъ въ теченіи промежутка между 6-ю и 7-ю ревизіями. Этотъ промежутокъ для Малоачинскаго рода равенъ тремъ годамъ (1813—1815 вкл.), для остальныхъ — четыремъ (1812—1815 г.).

Какъ видно изъ таблицы, число рожденій всюду превышаетъ число смертныхъ случаевъ. Въ среднемъ для всѣхъ четырехъ родовъ за указанный промежутокъ времени на 100 рожденій приходится 77 смертей [1]).

Въ дальнѣйшей таблицѣ сопоставлены повозрастныя отношенія между супругами, количество и полъ ихъ дѣтей и число бездѣтныхъ браковъ.

Повозрастныя отношенія между супругами.	Число случаевъ.					Бездѣтныхъ браковъ.					Въ числѣ родившихся. Дѣвочекъ.					Мальчиковъ.				
	Кызыльск. род.	Б.-Ачинск.	М.-Ачинск.	Итинск.	Итого.	Кызыльск.	Б.-Ачинск.	М.-Ачинск.	Итинск.	Итого.	Кызыльск.	Б.-Ачинск.	М.-Ачинск.	Итинск.	Итого.	Кызыльск.	Б.-Ачинск.	М.-Ачинск.	Итинск.	Итого.
Мужъ и жена однихъ лѣтъ	9	8	3	11	31	2	2	1	2	7	5	2	3	11	21	6	10	4	11	31
Мужъ старше на 1— 5 л.	31	37	23	52	143	3	10	5	9	27	38	28	20	45	131	48	49	30	53	180
„ „ „ 5—10 „	28	32	14	47	121	3	5	3	10	21	20	18	16	35	89	32	42	22	46	142
„ „ „ 10—15 „	13	10	5	23	51	—	—	—	5	5	12	3	5	15	35	20	16	13	28	77
„ „ „ 15—20 „	6	6	1	6	19	1	1	—	—	2	3	4	1	4	12	4	4	—	14	22
„ „ „ 20—25 „	3	1	2	2	8	—	—	—	—	—	5	—	1	1	7	4	1	4	1	10
„ „ „ 25—30 „	1	—	—	—	1	—	—		—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—
„ „ „ 30—35 „	1	—	—	—	1	—		—	—	—	1	—	—	—	1	2	—	—	—	2
„ „ „ 35—40 „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ „ „ 40—45 „	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	3
„ „ „ 45—50 „	—	1	—	—	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Жена старше на 1— 5 л.	21	33	21	22	97	3	6	3	2	14	20	25	26	26	97	24	39	29	26	118
„ „ „ 5—10 „	5	15	11	16	47	1	2	—	3	6	6	16	19	8	49	3	12	18	19	52
„ „ „ 10—15 „	1	3		2	6	1	1		—	2	—	2		2	4	—	2	—	3	5
„ „ „ 15—20 „	—	1	—	1	2	—	—		1	1	—	1	—	—	1	—	1	—	—	1
Итого	120	147	80	182	529	14	28	12	32	86	111	99	91	147	448	146	176	120	201	643

1) По свѣдѣніямъ Кызыльск. Степной Думы, въ теченіи 6 лѣтъ съ 1823 г. по 1829 г. родилось всего 1363 человѣка, умерло — 922, или на каждый годъ приходилось по 227 рожденій и 154 смертныхъ случая.

Откуда слѣдуетъ, что въ моментъ ревизіи изъ каждыхъ 100 браковъ 16 были бездѣтными, а на каждый изъ остальныхъ приходилось въ среднемъ по 1 дѣвочкѣ и 1,5 мальчика. Наичаще встрѣчающаяся разница въ лѣтахъ обоихъ супруговъ (68,2 % всѣхъ случаевъ) — это или когда мужъ старше жены на 1—10 лѣтъ или же эта послѣдняя старше своего мужа на 1—5 лѣтъ. Максимумъ разницы въ лѣтахъ супруговъ отмѣчается ревизскими сказками въ Большеачинскомъ родѣ и достигаетъ 49 лѣтъ: мужу 71 годъ, женѣ 22 (дѣтей нѣтъ). Преобладаніе мальчиковъ надъ дѣвочками замѣчается всюду, независимо отъ повозрастныхъ отношеній между родителями. Вторичныхъ браковъ отмѣчено во всѣхъ родахъ 23 (третичныхъ — 2). Наибольшій составъ семьи указывается въ Кызыльскомъ родѣ въ 22 человѣка, въ Большеачинскомъ въ 11, въ Малоачинскомъ въ 19, въ Игинскомъ въ 13 человѣкъ [1]).

Наконецъ, прежде чѣмъ разстаться съ ревизскими сказками 1816 года, остановимъ еще наше вниманіе на возрастѣ родителей — отца и матери — во время дѣторожденія. Относящіяся сюда свѣдѣнія сгруппированы въ нижеслѣдующей таблицѣ.

(См. табл. на 44 стр.).

Такимъ образомъ, наибольшее число дѣторожденій приходится для мужчинъ на возрастъ отъ 25 до 35 лѣтъ, для женщинъ — отъ 20 до 30 лѣтъ. Начало дѣторожденія у мужчинъ отмѣчается (?) уже въ 11 лѣтъ, у женщинъ — даже въ 10 лѣтъ (?). Прекращается дѣторожденіе у первыхъ послѣ 70 лѣтъ, у вторыхъ — послѣ 55 лѣтъ. Вотъ наиболѣе интересныя сюда относящіяся случаи раннихъ дѣторожденій [2]).

---

1) За шестилѣтіе съ 1823 по 1829 годъ Кызыльская Степная Дума указываетъ 176 браковъ, или въ среднемъ на 1 годъ приходится по 29 браковъ.

2) Обыкновенно въ ревизскихъ сказкахъ всюду указываются отдѣльно дѣти отъ перваго и отъ второго брака. Поэтому тамъ гдѣ такихъ

Возрастъ родителей.	Число случаевъ. отцевства					материнства					Бездѣтные браки (всѣ четыре рода)	
	Кызыльск. родъ.	Б.-Ачинск.	М.-Ачинск.	Игинскій.	Итого	Кызыльск. родъ.	Б.-Ачинск.	М.-Ачинск.	Игинскій.	Итого	мужу	женѣ
10 лѣтъ	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—
11 „	—	1	—	—	1	—	2	—	—	2	—	—
13 „	—	—	2	—	2	—	—	—	1	1	—	—
14 „	—	—	—	2	2	—	2	—	—	2	—	—
15 „	—	—	1	1	2	—	2	1	2	5	1	—
16 „	—	2	1	1	4	2	4	1	4	11	4	—
17—20 „	7	15	12	16	50	20	13	7	40	80	12	23
20—25 „	37	72	29	67	205	72	56	35	91	254	22	27
25—30 „	73	66	51	94	284	67	82	80	76	305	18	6
30—35 „	56	78	62	81	277	58	55	55	60	228	5	9
35—40 „	38	47	34	57	176	25	35	23	34	117	12	5
40—45 „	32	21	22	48	123	9	13	13	23	58	4	4
45—50 „	21	16	8	31	76	9	5	1	9	24	1	2
50—55 „	7	4	2	20	33	2	1	1	2	6	3	2
55—60 „	5	—	—	9	14	—	—	—	1	1	—	—
60—65 „	3	1	1	1	6	—	—	—	—	—	—	1
65—70 „	2	—	2	1	5	—	—	—	—	—	—	1
70—75 „	1	—	—	1	2	—	—	—	—	—	3	1
Итого	282	323	227	430	1262	264	270	217	344	1095	85	81

Большеачинскій родъ:

1) № 16. Василій Прокопьевъ Салымачевъ 74 лѣтъ
Жена его Татьяна . . . . . 50 „
Сынъ его Федоръ . . . . . 39 „
Сынъ Федора, Наумъ. . . . . 28 „

указаній нѣтъ — приходится относить всѣхъ дѣтей къ одной общей матери. Нечего и говорить, что при этомъ возможны ошибки — вслѣдствіе ли пропуска указаній на вторичный бракъ, вслѣдствіе-ли неправильнаго обозначенія лѣтъ родителей или дѣтей, вслѣдствіе-ли прижитія дѣтей съ посторонней женщиной, вслѣдствіе-ли наконецъ, усыновленія чужаго ребенка. Въ кызыльскомъ родѣ указывается напр. въ числѣ членовъ семьи Игнатья Михаилова Серенева (№ 64) „Игнатья вскормленникъ“ — Иванъ Семеновъ — 3 лѣтъ. Понятно, что въ виду всего вышесказаннаго при обсужденіи матерьяла ревизскихъ сказокъ требуется чрезвычайная осторожность.

2) № 102. Федоръ Андреевъ Салымачевъ . 54 лѣтъ (умеръ въ 1814 г.)
Жена его Марья . . . . . 45 „
Сынъ его Семенъ . . . . . 34 „
3) № 68. Сергѣй Дмитріевъ Атраковъ . . 53 „
Жена его, Акулина. . . . . 50 „
Сынъ его, Ларіонъ. . . . . 36 „

Малоачинскій родъ:

1) № 3. Григорій Самсоновъ Янгуловъ 22 лѣтъ
Жена его, Марфа. . . . . 31 „
Дочери: Фекла . . . . . 9 „ } двойни![1])
Фекла-же . . . . . 9 „ }

Игинскій родъ:

1) № 54. Иванъ Герасимовъ Коконовъ . . 31 года
Женѣ его, Варварѣ . . . . . 33 „
Сыну его, Анисиму . . . . . 17 „
2) № 55. Иванъ Герасимовъ Коконовъ-же 22 „
Жена его, Марья. . . . . 28 „
Сынъ его, Федоръ . . . . . 6 „
3) № 123. Никоформъ Никитинъ Тайтыновъ 40 „
Женѣ его, Степанидѣ . . . . . 27 „
Сыну его, Федору . . . . . 17 „

Въ Кызыльскомъ родѣ ревизскія сказки отмѣчаютъ семью состоящую изъ мужа 15 лѣтъ и жены 20 лѣтъ (дѣтей нѣтъ).

Глава третья.

Въ январѣ 1824 года Кызыльскіе инородцы хлопотали у Енисейскаго губернатора Степанова о разрѣшеніи учредить имъ Степную Думу, каковое разрѣшеніе и послѣдовало въ концѣ апрѣля того же года[2]). Къ предписанію объ этомъ

1) Въ трехъ родахъ (кромѣ кызыльскаго) ревизскими сказками отмѣчается всего 8 случаевъ рожденія двоенъ.

2) А не въ 1823 г., какъ указываетъ въ своей работѣ кн. Костровъ. Ср. Арх. Кызыл. Ст. Думы 1852 г., дѣло № 29.

(отъ 23 апрѣля 1824 г.) губернатора, высланному на имя родоначальника Ульчегачева, было приложено „наставленіе Степной Кызыльской Думѣ“.

„Такъ какъ ты, говорится въ предписаніи, по новому званію своему, есть предсѣдатель Степной Думы, то предписываю тебѣ съ полученія сего вступить въ отправленіе своей должности.

„Въ Степной Думѣ, гдѣ ты глава и предсѣдатель, должны быть у тебя засѣдателями или твоими совѣтниками всѣ князцы или головы твоихъ улусовъ; когда соберешь ты въ первый разъ Степную свою Думу, до вели прочесть для всѣхъ князцевъ присланное къ тебѣ утвержденіе тебя родоначальникомъ. При семъ первомъ собраніи назначьте мѣсто, въ какомъ улусѣ собираться Думѣ, и объ ономъ донеси г. окружному начальнику. Если, по удобности кочевьевъ и зимовьевъ, сборное мѣсто или присутствіе Думы перемѣняться будетъ, то при такой перемѣнѣ ты долженъ давать знать г. окружному, гдѣ именно кочуешь или зимуешь ты самъ, и гдѣ собирается Дума.

„При семъ первомъ собраніи условьтесь нанять письмоводителя или секретаря и положите ему жалованье, а также изберите казначея для храненія общественныхъ суммъ.

„При семъ посылается къ тебѣ уставъ объ инородцахъ, подписанный Его Имп. Вел., наставленіе и печать Степной Кызыльской Думы“.

Текстъ наставленія Думѣ — слѣдующій:

„По 119 ст. устава объ инородцахъ, обязанность Степной Думы состоитъ: 1-е въ народоисчисленіи; 2-е въ раскладкѣ сборовъ; 3-е въ правильномъ учетѣ всѣхъ суммъ по общественнымъ имуществомъ; 4-е въ распространеніи народной промышленности и 5-е въ ходатайствѣ у высшаго начальства о пользѣ родовичей.

„Тамъ только, продолжаетъ наставленіе, бываетъ добро и спокойствіе, гдѣ есть хорошій порядокъ; когда человѣкъ дурнаго и развратнаго поведенія — въ немъ нѣтъ никакого порядка, тогда онъ всегда безпокоенъ и несчастливъ.

„Когда отецъ наблюдаетъ порядокъ между семействомъ своимъ, тогда въ юртахъ его спокойствіе, радость и изобиліе.

„Добрый хозяинъ долженъ все знать, что у него есть; безъ того невозможно будетъ ему устроить и хранить порядокъ.

„Добрый и мудрый нашъ Государь и отецъ — есть хозяинъ величайшаго въ свѣтѣ государства. Богъ благословилъ его землями, какихъ не было ни у Чингизъ-хана, ни у Батыя, ни у Кучума; земли сіи лежатъ на 14,000 верстъ въ длину и на 5000 въ ширину. На таковомъ пространствѣ онъ изъявляетъ милости всѣмъ и каждому; но чтобы распоряжаться оными, нужно ему вѣдать состояніе народовъ, Богомъ ему ввѣренныхъ.

„Нужно ему знать число жителей, для того чтобы знать число милостей, которыя всегда готовы у него для своихъ подданныхъ: можетъ случиться голодъ — необходимо по числу людей дѣлать продовольствіе; можетъ, случатся болѣзни, моръ — необходимо по числу людей принять мѣры къ спасенію. А потому должно, чтобы Степная Кызыльская Дума объявляла правительству о числѣ людей, составляющихъ весь родъ.

„Когда звѣри рыщутъ по тайгамъ — имъ ничего не нужно болѣе, какъ ноги избѣжать ловца, когти чтобы оборониться, зубы, чтобы утолить голодъ свой.

„Человѣку одному также болѣе ничего не нужно, какъ стрѣла и лукъ, чтобы достать пищу для самого себя и оборониться отъ звѣря.

„Но когда человѣкъ имѣетъ у себя жену, дѣтей, внучатъ, тогда нужно ему думать, какъ достать пищу не только для себя, но и для всего семейства; ему больше трудовъ и заботъ.

„Когда же нѣсколько семействъ соединятся въ одинъ улусъ, то помогаютъ другъ другу въ трудахъ своихъ: бѣдные трудятся для богатыхъ, а богатые питаютъ ихъ и снабжаютъ всѣмъ, что нужно.

„Когда соединятся вмѣстѣ нѣсколько улусовъ, или нѣсколько волостей, или нѣсколько деревень и городовъ, то такое соединеніе называется народомъ. Въ каждомъ семействѣ есть отецъ или старшій: онъ управляетъ всѣмъ семействомъ; но въ улусѣ управляетъ князецъ, въ соединенныхъ улусахъ — родоначальникъ, въ округѣ — окружный, въ губерніи — губернаторъ, а всѣмъ народомъ управляетъ царь, какъ отецъ большаго семейства.

„Онъ знаетъ всѣ нужды своихъ дѣтей — своихъ подданныхъ. Онъ содержитъ войска, чтобы защищать народъ; Онъ устанавливаетъ судъ, чтобы наблюдать правосудіе, и полицію, чтобы сохранять порядокъ; Онъ велитъ исправлять дороги, чтобы удобнѣе проѣзжать странникамъ и караванамъ купеческимъ; Онъ учреждаетъ посты, больницы, училища и прочее.

„Все это на пользу народа; но чѣмъ все это должно устроиться?

„Народъ для собственнаго своего добра удѣляетъ часть своего имущества и взноситъ въ казну положенную подать и повинности.

„Вы — ясачные; вы, по благости нашего отца и Государя, избавлены отъ большой подати, но повинны также, какъ и другіе, дѣлать общій сборъ повинности.

„Повинности сіи бываютъ не всегда одинаковы, иногда больше или меньше, смотря по тому, какова нужда въ цѣломъ народѣ.

„Всякіе три года дѣлается смѣта повинности, и раскладка, что придется на душу, утверждается генералъ-губернаторомъ; вы должны вносить положенную на васъ сумму въ назначенный срокъ въ казначейство въ ачинское.

„Правительство знаетъ васъ только по счету и потому дѣлаетъ свою раскладку, но вы можете дѣлать свою домашнюю раскладку съ тѣмъ, чтобы только вся повинность, положенная на васъ, была выполнена.

„А потому обязанность Степной Думы Кызыльской состоитъ въ томъ, чтобъ наблюдать за правильною и безпристрастною раскладкою сбора.

„Вы пользуетесь своимъ общественнымъ имуществомъ, какъ то: землями и суммою, собираемою съ разныхъ лицъ за позволенія вступать въ работу и тому подобное.

„Какъ вышнему правительству необходимо знать все, что до подвѣдомственныхъ людей относится, такъ и вамъ должно имѣть вѣрное свѣденіе о своихъ общественныхъ имуществахъ: безъ того могутъ подпасть къ безпорядку, а подпавши къ безпорядку, нанесутъ безпокойствіе цѣлому обществу и причинятъ несчастіе для многихъ и вашихъ родовичей.

„А потому нужно Кызыльской Степной Думѣ дѣлать правильный учетъ всѣхъ общественныхъ имуществъ.

„Кто честнымъ образомъ хорошо ведетъ свои дѣла, тотъ пользуется изобиліемъ, а изобиліе доставляетъ не только спокойствіе въ жизни для самого себя, но и пользу для другихъ; отъ изобилія продаетъ добрый хозяинъ коней, коровъ, овецъ, масло, сало и кожи; порядокъ, терпѣніе и труды доставляютъ изобиліе; ими-то размножаются стада и табуны; ими пріобрѣтается добыча звѣрей. Чѣмъ болѣе кызыльцы будутъ промышлять скотоводствомъ и звѣроловствомъ, тѣмъ болѣе принесутъ выгоду людямъ торговымъ и пользы для себя.

„Одинъ человѣкъ можетъ дѣлать менѣе, чѣмъ вмѣстѣ многіе. И для того Кызыльская Степная Дума должна пещись и разсуждать о распространеніи и улучшеніи своихъ промысловъ и торговли.

„Чѣмъ свободнѣе люди дѣйствуютъ, тѣмъ удобнѣе могутъ пріобрѣтать для себя и выгоды и спокойствіе. Отецъ нашъ и Государь Александръ, краткій и милостивый, смотритъ на васъ за 5000 верстъ, какъ будто-бъ вы были у него передъ глазами; учрежденіемъ своимъ сибирскимъ краямъ даровалъ вамъ полную свободу судить самимъ вашихъ людей по вашимъ законамъ и обычаямъ. Доселѣ вы принуждены были по дѣламъ своимъ хлопотать по судамъ, не зная ни законовъ, ни языка русскаго; доселѣ съ униженіемъ и трепетомъ стаивали вы по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ на крыльцахъ нашихъ судилищъ. Но нынѣ ваши дѣла должны разбираться въ улу-

сахъ родоначальника, и князцы кругомъ огня въ юртахъ своихъ или подъ небомъ чистымъ судятъ на родномъ языкѣ по правамъ предковъ, какъ отцы, какъ старшіе братья своихъ родовичей. За таковыя милости царскія должны вы жить мирно, честно, вносить малыя подати и повинности ваши въ назначенные сроки бездоимочно и повиноваться окружному начальнику.

„Къ нему то должна относиться донесеніями Кызыльская Степная Дума и ходатайствовать о пользѣ родовичей.

„Не воспрещается ей также писать и въ Красноярскъ прямо на имя губернатора или въ Губернскій Совѣтъ".

Въ приведенномъ документѣ чрезвычайно ярко вырисовывается личность автора его, одного изъ гуманнѣйшихъ и образованнѣйшихъ сибирскихъ администраторовъ — А. П. Степанова.

Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Степановъ покидалъ губернаторскій постъ, кызыльцы поднесли ему адресъ, въ которомъ немногими простыми словами отмѣтили его отношеніе къ инородческому населенію губерніи. Вотъ этотъ адресъ:

„Его Превосходительству

„Господину Д. Ст. С. и Кавалеру Александру Петровичу Степанову.

„Отъ Степнаго Управленія
Кызыльской татарской орды.

„Мы, родоначальникъ, засѣдатели Думы, князцы и всѣ родовичи кызыльскіе получили увѣдомленіе Ачинскаго Земскаго Суда о томъ, что Ваше Превосходительство оставляетъ Енисейскую губернію почему всѣ единогласно положили поднесть Вашему Превосходительству нашу благодарность на письмѣ, утвердивъ опую печатями Степной Думы и всѣхъ улусовъ и приложеніемъ тамговъ, что симъ и исполняемъ. Примите, Ваше Превосходительство, слова наши за совершенную истину, что мы въ теченіи 8 лѣтъ не иначе Васъ почитали, какъ

своимъ отцомъ Благодѣтелемъ, Возстановителемъ нашего спокойствія и Преобразователемъ; что желаемъ отъ всей души нашей Вашему Превосходительству долгихъ лѣтъ и здравія". „Іюня 25 дня 1831 года (слѣдуютъ надписи [1])".

Вслѣдъ за учрежденіемъ Думы, родоначальникъ ея, князцы и переводчикъ были вызваны въ Красноярскъ „для составленія законовъ" (?). За эту поѣздку князцамъ было выдано отъ Думы по 10 рубл. каждому, переводчику — 50 р.; на прогоны издержено было 40 р., на иродовольствіе въ городѣ и въ уплату за квартиру — 60 рубл.

Первымъ съ основанія Думы родоначальникомъ, какъ сказано, былъ Ульчегашевъ; первыми князцами: Кызыльской Управы (рода) — Сайдажаковъ, Большеачинской — Ульчегашевъ (родоначальникъ), Малоачинской — Янгуловъ, Игин-

---

1) Въ дѣлахъ Кызыльской Управы имѣется еще адресъ, подписанный инородцами въ 1833 году сослуживцу Степанова — ачинскому исправнику Готчину, слѣдующаго содержанія:

„1833 г. ноября 15 дня. Подъ симъ подписавшіеся, вѣденія Кызыльской степной думы 12 инородныхъ управъ, князцы, ясаулы и старшины, бывъ въ собраніи по дѣламъ службы въ Кызыльской степной думѣ и вслѣдствіе изъявленнаго намъ отзыва отъ подвѣдомственныхъ кочующихъ, въ коемъ они просили насъ изъявить достодолжную благодарность господину ачинскому земскому исправнику Меѳодію Евсеевичу Готчину, который нынѣ, какъ намъ извѣстно, по домашнимъ своимъ надобностямъ оставляетъ здѣсь службу и на время отбываетъ въ Россію. Сіе болѣе чувствительно до сихъ (инородцевъ), что онъ, господинъ Готчинъ, въ теченіи 9-ти лѣтняго управленія ими обращался съ ними совершенно отечески, исправлялъ дурные нравы, искоренялъ рѣшительно грабежи, убійства и прочіе законопротивные поступки, умножая хлѣбопашество, лѣнивыхъ и нерадивыхъ побудилъ къ трудолюбію; удерживалъ отъ распутной и пьянственной жизни, столь свойственной инородцамъ, и все сіе совершенствовалъ мѣрами кротости и снисхожденіемъ, такъ что нынѣ значительная часть народа, оставя лѣность, ощутительно исправили свое состояніе. По поводу какового желанія инородцевъ и составили мы сей приговоръ, который покорнѣйше просимъ степную думу при своемъ рапортѣ представить къ дѣлу господину исправнику, какъ доказательство искренняго нашего къ нему уваженія и всегдашней благодарности за его объ насъ попеченіе".

„Къ сему приговору личною просьбою бывшаго родоначальника, имѣющаго Всемилостивѣйше пожалованную за усердіе медаль, Григорія Ульчегачева, руку приложилъ (такой то.)".

ской — Кугаевъ, Шуйской — Шушеначевъ, Малоаргунской — Чигильдеевъ, Басагарской отдѣленной отъ 2 пол. управы — Итеменевъ, Басагарской 1 и 2 половины — Кулаковъ и Курчиковской управы — Сулековъ. Письмоводителемъ былъ избранъ инородецъ же Шушеначевъ; жалованье ему опредѣлено (вмѣстѣ съ расходами на канцелярію) въ 700 р. ассигн. Мѣстомъ пребыванія Думы, по общему согласію князцовъ, передъ отъѣздомъ ихъ въ Красноярскъ, былъ избранъ улусъ Нечищенскій. Этотъ выборъ былъ одобренъ и самимъ губернаторомъ, посѣтившимъ кызыльцевъ въ томъ же 1824 году. Позже, когда родоначальникомъ былъ избранъ Шушеначевъ, жившій въ Божьеозерскомъ улусѣ, онъ „не желая, вѣроятно, отлучаться далеко отъ мѣста своего кочевья“, ходатайствовалъ о переводѣ Думы въ улусъ Божьеозерскій, каковое ходатайство его и было уважено.

Въ 1851 г. инородцы составили приговоръ объ обратномъ переводѣ Думы въ Нечищенскій улусъ, но такъ какъ, на запросъ исправника о мотивахъ для такого перевода, инородцы ничего, кромѣ „желанія общественниковъ“, не указали, то на этотъ разъ имъ было отказано. Тогда новый, только что избранный родоначальникъ, Ульчегашевъ, поспѣшилъ самъ раскрыть истинный мотивъ ходатайства о переводѣ Думы. Въ своемъ донесеніи начальству онъ указывалъ, что живетъ въ 70 верстахъ отъ Божьеозерскаго улуса и потому затрудняется постоянно находиться при Думѣ, вести дѣла, чинить разбирательства и проч. Въ отвѣтъ на это получается бумага отъ губернатора (Падолки) съ наставленіемъ, что „не Дума должна ходить за своимъ родоначальникомъ, а онъ за Думой“. Тогда инородцы въ слѣдующемъ 1852 году составляютъ новое ходатайство, въ которомъ указываютъ на неудобства Божьеозерскаго улуса для пребыванія въ немъ Думы. Главная часть населенія, говорятъ они, живетъ по Бѣлому и Черному Юсамъ, „въ сторонѣ отъ Божьяго озера“. (Торчинскій улусъ напр. въ 80 верстахъ отъ него) „Если между инородцами возникаетъ какая нибудь претензія другъ на

друга. . , то для разбора оной они должны оставлять безъ всякаго призрѣнія свое хозяйство и отправляться въ Думу, находящуюся почти подлѣ самой границы владѣній Думы, только въ 40 верстахъ отъ Ужура". Во время весны и осени и во время разлива рѣчекъ сообщеніе съ нею еще труднѣе. Особенно большія неудобства приходится претерпѣвать должностнымъ лицамъ Думы, а надзоръ за инородцами, живущими близь Минусинскаго округа становится для нихъ прямо таки невозможнымъ. Вышеприведенные доводы оказали свое дѣйствіе и Губернскій Совѣтъ въ октябрѣ того-же года разрѣшилъ переводъ Думы въ Печищенскій улусъ. Этимъ дѣло не кончилось. Въ 1868 году снова составляется приговоръ о перенесеніи Думы въ улусъ Божьеозерскій и Дума перекочевываетъ въ этотъ послѣдній. Въ 1882 году начинаются опять разговоры о переводѣ Думы „въ болѣе центральное мѣсто", какимъ признается лежащій невдалекѣ отъ улуса Печищенскаго Тайдоновскій улусъ. Составляется приговоръ и просьба начальству о разрѣшеніи. Въ слѣдующемъ 1883 году новымъ приговоромъ инородцы хлопочутъ о переводѣ Думы опять таки въ тотъ-же Печищенскій улусъ, „такъ какъ раньше тамъ была Дума и находилась въ центрѣ".

Вышеописанное кочеваніе Думы обусловливалось отнюдь не одними удобствами или даже капризомъ того или иного родоначальника, но вызывалось въ значительной степени настоятельной нуждой.

Весь капиталъ богатаго инородца-скотовода ходитъ на полѣ и требуетъ гораздо большаго за собой личнаго надзора (если не работы), чѣмъ всякій другой. Постоянныя и продолжительныя отлучки изъ своихъ кочевьевъ, связанныя съ отбываніемъ выборной службы и, въ особенности съ должностью родоначальника Думы, — въ состояніи въ короткое время, богача превратить чуть не въ нищаго. А между тѣмъ служба родоначальника бозсрочная и совершенно безвозмездная. . . . Если къ сказанному добавить, что чрезмѣрнымъ тщеславіемъ и погоней за почетамъ и отличіемъ кызыльскій

инородецъ не страдаетъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему не родоначальникъ ходилъ за своей Думой, а эта послѣдняя за нимъ. Да и что стоило перевезти несложную канцелярію Думы изъ одного улуса въ другой? . . .

О тѣхъ послѣдствіяхъ какія влечетъ за собою для хозяйства инородцевъ служба ихъ по общественнымъ выборамъ мнѣ уже приходилось говорить въ работѣ о мелецкихъ инородцахъ [1]). И здѣсь, какъ тамъ, почти всякій, покидающій общественную службу жалуется на „совершенный упадокъ“ и „разстройство“ своего хозяйства. Въ 1882 г. инородцы выбираютъ двухъ новыхъ родовыхъ старостъ — одного вмѣсто Кауракова, „который дослужилъ узаконенный срокъ и кромѣ того въ настоящее время не имѣетъ никакого имущества“, другого на мѣсто Янгулова: „по той причинѣ, что въ продолженіи 13-лѣтней службы родовымъ старостой, хозяйство его пришло совершенно въ упадокъ, такъ что осталась одна лошадь, и (онъ) долженъ отправиться куда-нибудь на заработки, для прокормленія себя и семейства своего.“ Черезъ два года послѣ этого третій родовой староста — Саможиковъ проситъ избрать на его мѣсто другого такъ какъ и его хозяйство также „пришло совершенно въ упадокъ.“

Инородцы не разъ пробовали хотя сколько нибудь смягчить тяжесть выборной службы. Такъ, въ 1876 г. они общественнымъ приговоромъ опредѣляютъ жалованье родоначальнику и двумъ засѣдателямъ Думы, „избраннымъ на неопредѣленное время“. Первый изъ нихъ (родоначальникъ) служитъ уже съ 1868 года, а два другіе съ 1872 и 1874 года, „не получая отъ общества никакого денежнаго вознагражденія на предметъ поддержки своихъ хозяйствъ; по кочующему быту, чрезъ это самое въ глазахъ нашихъ изъ нихъ у нѣкоторыхъ хозяйства съ каждымъ годомъ постепенно упадаютъ, но чтобъ не привести къ большему упадку ихъ хо-

1) Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ. Вып. II, А. А. Ярилловъ. Мелецкіе инородцы, Юрьевъ 1899 г., стр. 46—47.

зяйства, оцѣняя ихъ трудъ въ дѣятельности по службѣ, всѣ мы съ общаго согласія приговорили назначить . . . . родоначальнику Думы 120 р. и двумъ засѣдателямъ 122 р. 44 к. — „всего по 20 коп. съ бойца (съ 1212 бойцовъ или „дѣльныхъ работниковъ“).

Однако приговоръ этотъ не былъ утвержденъ Казенною Палатой, „такъ какъ — говорится въ отвѣтѣ ея инородцамъ — на основаніи 73 и 47 ст. 2 ч. 2 т. об. управл. сибирск. инор., родоначальники и засѣдатели должны служить безъ жалованья“. По полученіи этого отвѣта, инородцы снова имѣли сужденіе о томъ, что видятъ на дѣлѣ „ежедневно тревожную службу членовъ нашей Думы, ибо одинъ изъ членовъ безотлучно обязанъ находится въ присутствіи Степн. Думы для безостановочнаго веденія текущаго дѣлопроизводства Думы, а также принятія и разбирательства жалобъ, для принесенія каковыхъ инородцы приходятъ изъ дальныхъ улусовъ, отстоящихъ отъ Думы нерѣдко на нѣсколько дней хода, всл. чего отсутствіе домой члена изъ Думы можетъ навлечь ропоты и принести немалый ущербъ просителямъ, ибо, по степнымъ обычаямъ, б. ч. словесныя жалобы должны разбираться тотчасъ же по заявленіи оныхъ, иначе значительныя преступленія, которыя, по уставу об. управл. въ Сибири инородцами, считаются маловажными и потому ведутся исключительно Степнымъ Управленіемъ, могутъ причинить на всегда не малое несчастіе въ жизни кочевыхъ инородцевъ, и въ этихъ то очень часто повторяемыхъ случаяхъ необходимъ неотлагательный переѣздъ либо родоначальника, либо засѣдателя Думы на довольно большія разстоянія; изъ чего видно, что служба инородч. нашихъ начальниковъ сопряжена со всѣми возможными лишеніями въ удобствахъ жизни, не даетъ имъ возможности (?) и можетъ привести къ раззоренію, а потому продолжительное время никто изъ нихъ не согласится служить да и трудно будетъ согласить новаго благонадежнаго человѣка на такую жертву своимъ состояніемъ. Вслѣдствіе чего мы справедливымъ признаемъ, по примѣру волостныхъ правленій, гдѣ члеиамъ поло-

жено жалованье назначить . . .“ (помянутое выше) жалованье.

Когда и на этотъ разъ разрѣшенія получено не было, инородцы стали прибѣгать къ системѣ единовременныхъ наградъ. Напр. въ 1882 году родоначальнику было выдано награды 100 рублей — „дабы не было у него упущенія по хозяйству“.

Въ настоящее время родовые старосты получаютъ въ кызыльской управѣ, какъ и въ другихъ, опредѣленныя суммы „на разъѣзды“, по размѣрамъ своимъ иногда не меньшія, чѣмъ оплата соотвѣтственнаго труда въ крестьянскихъ обществахъ. Вообще расходъ по оплатѣ должностныхъ лицъ имѣетъ *гораздо большее значеніе* у инородцевъ, чѣмъ у русскихъ, гдѣ годовое вознагражденіе (за исключеніемъ Красноярск. округа) много ниже, чѣмъ въ инородческихъ управахъ. (Ср. „Матерьялы. . .“ т. IV вып. 5. стр. 186—187).

Кромѣ опредѣленія денежныхъ наградъ (обыкновенно изъ суммъ получаемыхъ отъ оброчныхъ статей), инородцы нерѣдко обращаются съ ходатайствомъ о награжденіи членовъ Думы похвальными листами и пр. къ начальству. Въ 1875 они просятъ губернатора о выдачѣ похвальнаго листа родовому старостѣ Сапаракову, который нѣсколько лѣтъ служитъ уже въ этой должности „безвозмездно“, „а . . . не получалъ отъ начальствующихъ лицъ за успѣшное и своевременное со своихъ сородичей взысканіе ясачной подати и другихъ окладныхъ сборовъ, чѣмъ онъ, Сар—въ, предъ другими родовыми старостами ежегодно отличался — достодолжныхъ похвалъ; кромѣ этого С—въ, какъ положительно намъ извѣстно, по хорошему своему поведенію, при каждомъ удобномъ случаѣ внушаетъ и пріохачиваетъ своихъ сородичей къ земледѣлію и разведенію огородничества, въ особенности молодому поколѣнію, которое (т. е. земледѣліе) въ полудикомъ и праздномъ здѣсь нашемъ населеніи приноситъ очень большую пользу и этимъ самимъ поддерживается хозяйственный ихъ бытъ. . .“

Въ 1876 г. былъ представленъ къ наградѣ засѣдатель

Думы Балахчинъ; въ 1879 г. родовые старости Тархановъ, Тайдоновъ, Арышкаевъ и т. д. При губернаторѣ Степановѣ, послѣ ревизій составъ Думы дважды удостоивался отъ него общей благодарности — въ 1828 и въ 1830 годахъ. „Вслѣдствіе ревизіи Степной Думы, долгомъ считаю объявить ей благодарность: за найденный мною порядокъ въ производствѣ дѣлъ ея; 2) за исправный сборъ повинностей и 3) въ особенности за то, что подвѣдомственные ей инородцы дѣтей своихъ учатъ грамотѣ“ (23 іюля 1828 г.).

Помимо матерьяльнаго ущерба, соединеннаго, какъ мы видѣли, съ выборной службой, членамъ Думы приходилось считаться еще постоянно съ доносами на нихъ исправнику или губернатору, исходившими то отъ инородцевъ же, то отъ поселенцевъ или крестьянъ. Подчасъ эти доносы косвенно опять таки ложились бременемъ на хозяйство обвиняемыхъ. . .

Первый доносъ почти совпадаетъ съ основаніемъ Думы. Губернатора оповѣстили, что вызванные имъ въ 1824 г. въ Красноярскъ члены Думы, вмѣсто ассигнованныхъ имъ 200 руб., истратили 800 р. общественныхъ денегъ. . . Согласно объясненію, данному Губернатору родоначальникомъ, доносъ этотъ оказался ложнымъ.

Въ слѣдующемъ 1824 г. былъ какой то доносъ на игинскаго князца Кугаева, по каковому поводу игинцы составили общественный приговоръ, въ коемъ свидѣтельствуютъ, что означенный князецъ „обществу никакого притѣсненія не чинилъ, равно и поборовъ излишнихъ, не нашихъ, не дѣлалъ, а служилъ добропорядочно, въ чемъ по своему обыкновенію и прикладываемъ тунги, лукъ и стрѣлы“ (◐).

Начиная съ 1838 г. по 1865 тянется большое дѣло по обвиненію родоначальника, письмоводителя (оба Шушеначевы) и засѣдателя Думы въ поборахъ и притѣсненіяхъ инородцевъ и крестьянъ Старикова и Замяткина съ товарищами. Приведемъ обстоятельства этого характернаго дѣла и опредѣленія по нему въ той формѣ, въ какой они изложены въ окончательномъ приговорѣ общаго присутствія Степной Думы.

1) „Въ минувшемъ 1838 г. ясачные Прокопій Барашевъ, Никифоръ Янгуловъ и Семенъ Тайдоновъ, назвавши себя ложно довѣренными отъ здѣшнихъ инородцевъ, принесли г. Енисейскому Гражданскому Губернатору жалобу: что родоначальникъ Шушеначевъ и бывшій засѣдатель Сулековъ отняли у насъ, инородцевъ доходы получаемые съ отдаваемыхъ въ акцизъ рыбныхъ промысловъ; а лѣса, гдѣ ясачные имѣли главное звѣроловство, отдали золотопромышленикамъ и получаютъ съ сихъ послѣднихъ оброкъ и сверхъ того преувеличиваютъ денежный сборъ съ инородцевъ. И, будто бы, будучи доведены этимъ до крайности, нуждаясь часто въ хлѣбѣ, — съ общаго согласія всѣхъ родовичей, (они, т. е. Барашевъ съ товарищами) дозволили въ 1837 году крестьянамъ, перечисленнымъ изъ Назаровской въ Ужурскую волость, Гордѣю Старикову и прочимъ, всего 9 семействамъ, поселиться на пусто-порожнемъ мѣстѣ, принадлежащемъ инородцамъ, съ тѣмъ чтобы въ неурожайные года крестьяне могли помогать имъ своими избытками. Хотя Барашевъ, Янгуловъ и Тайдоновъ дали крестьянамъ, Старикову съ товарищами, на означенное переселеніе два общественныхъ приговора, а сіи послѣдніе крестьяне на уступленномъ имъ мѣстѣ построили четыре дома, но Шушеначевъ, несогласившійся на принятіе крестьянъ, послалъ засѣдателя Сулекова, который будто бы, требовалъ, чтобы ясачные письменно отказались отъ дачи приговоровъ. Наконецъ, вышеписанные ложные довѣренные писали еще въ своей жалобѣ: 1) что Шушеначевъ, Сулековъ и бывшій письмоводитель думы Шушеначевъ-же, получая отъ улусныхъ князцовъ, старостъ и есауловъ налагаемые большею частію по ихъ же произволу денежные сборы, не даютъ въ полученіи ихъ расписокъ, и, такимъ образомъ, инородцы не знаютъ справедливо-ли берутъ подати по 15 руб. и 2) что во время послѣдней народной переписи нанятыми обществомъ ясачныхъ для составленія ревизскихъ сказокъ писарями, Шушеначевымъ и Кичкильдѣевымъ, собрано съ міру 1500 руб., и куда сіи деньги употреблены не извѣстно.

„Послѣ же сего, въ 1848 году всѣ эти обстоятельства были повторены въ иросьбѣ къ Г. Генералъ Моіору Черкасову.

2) „Крестьяне же Стариковъ и Замяткинъ также взошли къ г. Губернатору въ 1838 году съ просьбою, что по случаю переселенія ихъ изъ Назаровской въ Ужурскую волость, казенная палата поручила губернскому землемѣру Шабанову освидѣтельствовать избранное ими у рѣчки Печищи пустопорожное мѣсто. Въ ожиданіи же пріѣзда Шабанова, они распахали до 180 десятинъ земли, а между тѣмъ инородцы дали имъ Старикову съ товарищами два приговора на прочное устройство домовъ. Несмотря на что, родоначальникъ Шушеначевъ и нѣкоторые изъ его родственниковъ истребили устроенныя крестьянами жилища и разогнали скотъ ихъ и потомъ, по домогательству Шушеначева, отъ Ачинскаго исправника пріѣжали два казака съ волостнымъ головою, начальствомъ степной думы и понятыми, для разломанія избъ выстроенныхъ Стариковымъ съ товарищами, чему однако же воспрепятствовалъ волостной голова.

„По всѣмъ этимъ жалобамъ произведены слѣдствія г. г. Окружными начальниками Минусинскимъ Меркушевымъ, Енисейскимъ Тарасовымъ и Ачинскимъ земскимъ исправникомъ Басаревымъ, по коимъ оказалось: А) князцы и родовичи всѣхъ 10 управъ отозвались, что съ нихъ излишнихъ поборовъ производимо не было, да и нынѣ таковыхъ не существуетъ. Б) за отдаваемыя въ оброчное содержаніе рыбныя ловли собрано въ разныя времена 546 руб. 30 коп. и за отдачу мѣстъ золотопромышленникамъ 1700 руб. ассигнаціями и всѣ эти деньги обращены по общественнымъ приговорамъ въ замѣнъ, нѣкоторыхъ сборовъ. В) что 1500 рублей собранные писаремъ нанятымъ для составленія ревизскихъ сказокъ, по случаю отмѣны таковой переписи, возвращены имъ по принадлежности. Г) что Барашевъ и Колешевъ съ товарищами не были уполномачиваемы отъ нихъ на подачу жалобъ, въ чемъ и самъ Барашевъ сознался, а составитель жалобъ Василій Колешевъ показалъ, что онъ о злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ ино-

родцевъ ничего не знаетъ, писалъ жалобы по просьбѣ Барашева, подписаны же къ просьбамъ ясачные заочно. Кромѣ, сего черезъ показаніе ясачнаго Ачисова открыто, что онъ, бѣжавшій со своими товарищами съ золотыхъ промысловъ, уговаривался подать на родоначальника думы прошеніе съ тою цѣлью, чтобы родоначальникъ не заставлялъ ихъ возвращаться на промыслы. Другіе же ясачные, Никифоръ Янгуловъ съ товарищами, отъ имени коихъ составлена жалоба рѣшительно отказались отъ всякаго соучастія съ Барашевымъ и удостовѣрили, что никакихъ злоупотребленій за членами думы не знаютъ и Д) отъ дачи согласія и приговоровъ на принятіе крестьянъ Старикова съ товарищами для поселенія на земляхъ инородческихъ они отказались рѣшительно, да и о составленіи таковыхъ вовсе никто не зналъ, а ясачный Василій Колешевъ, писавшій приговора или одобреніе, объявилъ: что онъ писалъ таковыя по просьбѣ Старикова съ товарищами и подписалъ свидѣтелей заочно.

„Затѣмъ извѣстно намъ лично, и что значится по дѣламъ Кызыльской степной думы, что всякое дѣйствіе, и ходатайство, употребляемыя со стороны родоначальника Шушеначева и прочихъ членовъ, по предмету смѣщенія самовольно поселяющихся около рѣчки Печищи на инородческихъ мѣстахъ крестьянина Гордѣя Старикова съ товарищами, возникали собственно по общему настоянію и жалобамъ инородцевъ, приносимымъ своимъ начальникамъ словесно и часто письменно; но, вопреки сего, ясачный Василій Колешевъ (онъ же Этигечевъ) въ минувшемъ 1838 году, находясь при князцѣ Кызыльской управы Балахчинѣ писаремъ, какъ видно изъ рапорта сего послѣдняго, успѣлъ украсть ввѣренную ему казенную печать и приложилъ тайно къ фальшивымъ приговорамъ, вѣроятно, приготовленнымъ уже прежде того, и вручилъ оные, какъ выше значится изъ обстоятельства дѣла сего, крестьянину Старикову. А какъ вышеписанные ясачные Прокопій Барашевъ и Василій Колешевъ ясно изобличены доказательствами и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружены собственными ихъ сознаніями во всѣхъ преступныхъ

ихъ замыслахъ и дѣяніяхъ, которыми они, наруша общее благосостояніе, навлекли на инородцевъ большіе убытки, состоящіе въ натурѣ, — то есть: происшедшія въ разныя времена отъ съѣзда ихъ на каждое слѣдствіе и прожитіе тутъ до значительнаго времени, бывъ отвлечены отъ нужныхъ и главныхъ работъ своихъ; въ слѣдствіи чего мы заключили: за вышеписанныя преступленія Барашева и Колешева, хотя бы и слѣдовало по обычаямъ инородческимъ наказать при думѣ лозами, но по силѣ Высочайшаго манифеста, состоявшагося въ 16 день апрѣля 1841 года отъ этого наказанія освободить. Но какъ они и прежде сего вели распутную жизнь, то сдѣлать о томъ справку въ думѣ и собрать всѣ свѣденія и потомъ представить на общественное распоряженіе, которое бы сообразило минувшій образъ ихъ жизни съ вышеписанными преступленіями и сдѣлало свое заключеніе, а товарищей ихъ Демида Форбакова, Никифора Янгулова и Ермолая Тайдонова, отказавшихся отъ соучастія съ ними, отъ дѣла сего освободить. Ясачный же Семенъ Тайдоновъ, самовольно присвоившій себѣ незаконную печать, какъ видно изъ того же дѣла и, назвавшись старшиною, прикладывая оную къ одобреніямъ или приговорамъ и чѣмъ свидѣтельствовалъ ложно, почему за таковой поступокъ также бы слѣдовало наказать его, Тайдонова лозами; но по силѣ Высочайшаго манифеста, состоявшагося въ 16 день апрѣля 1841 года оставить безъ наказанія, съ подтвержденіемъ дабы онъ на будущее время подобныхъ пакостей не дѣлалъ. О каковомъ рѣшеніи и донести г. Ачинскому земскому исправнику и земскому суду“.

Въ 1868 г. къ губернатору поступаетъ новая жалоба якобы отъ цѣлой группы инородцевъ, „вѣрителемъ“ которой выступаетъ однако одинъ лишь инородецъ Барбаковъ (Фарбаковъ). Въ составленномъ по этому поводу приговорѣ, инородцы-гласники отклоняя взводимыя Барбаковымъ на должностныхъ лицъ Думы обвиненія въ различныхъ злоупотребленіяхъ, въ тоже время даютъ характеристику самаго жалобщика. „Никакихъ способовъ къ пріобрѣтѣнію для себя

пропитанія — говорится въ приговорѣ — мы не лишены, а напротивъ того, кто имѣетъ трудолюбіе и не предается мотовству и *праздности*, *подобно Барбакову*, тотъ имѣетъ всего въ достаточномъ для себя количествѣ". . . „Доходы-же съ озеръ — продолжаетъ приговоръ — получаются и употребляются на общественные расходы, повѣрка коихъ бываетъ всегда при сборѣ всего общества, но подати собираются родовыми старостами по раскладкѣ составляемой самимъ обществомъ и никакъ не превышаютъ болѣе положеннаго количества суммы, въ чемъ дѣлается обществомъ и учетъ. Но, само собой, что Барбакова при ономъ (учетѣ) не бываетъ, такъ какъ онъ уже 15 лѣтъ не платитъ податей и никакихъ повинностей не отбываетъ". . .

„И весьма было бы желательно знать — говорится еще въ другомъ документѣ по томуже дѣлу — его (Барбакова) вѣрителей, кои, вѣроятно, какіе либо бездомовые лѣнтяи, упражняются только въ ябедахъ, мотовствѣ, воровствѣ и пьянствѣ, не заботясь о собственномъ о своемъ благоустройствѣ, и неимѣющіе прилежности къ трудолюбію, какъ и самъ Барбаковъ, чрезъ постоянныя кляузы уже совершенно промотавшійся, таскаясь по разнымъ мѣстамъ, не имѣя даже постояннаго *жилища*". . .

Въ 1876 г. трое инородцевъ „за несправедливую жалобу губернатору на родоначальника", относительно якобы неправильнаго 30-копѣечнаго сбора съ инородцевъ, наказаны были при думѣ 20 ударами розогъ каждый.

Далеко не всегда однако жалобы на должностныхъ лицъ Думы оказывались „несправедливыми". Да и трудно было бы ожидать, при указанныхъ выше условіяхъ выборной службы, чтобы среди всѣхъ этихъ князцовъ, засѣдателей, старостъ и пр. было менѣе людей порочныхъ, чѣмъ среди остальной массы инородческаго населенія. Въ 1843 г. „состоящіе при сенаторѣ, ревизующемъ Восточную Сибирь чиновники", во время обозрѣнія Степныхъ управъ доносили, что засѣдатель Сулековъ, „человѣкъ развратнаго и буйственнаго поведенія, покрови-

тельствуетъ родившейся между соплеменниками его страсти къ азартнымъ играмъ, и вообще поведеніемъ своимъ подаетъ дурной примѣръ народу, на который имѣетъ большое вліяніе".

Князецъ Сереневъ въ 1845 г. былъ отданъ подъ судъ за выкурку „корчемнаго изъ хлѣба вина въ улусѣ Чебаковскомъ".

Въ 1873 году родовой староста кызыльскаго рода Гошковъ былъ изобличенъ своими родовичами въ сборѣ съ нихъ — якобы въ ясачную подать — излишнихъ 65 рублей и употребленіи ихъ въ свою пользу.

Около этого же времени начинаютъ раздаваться жалобы на новаго родоначальника Кауракова. Онъ обвиняется то въ самоуправствѣ, то въ замѣщеніи должностей своими родственниками, то въ оскорбленіяхъ словами и дѣйствіемъ и пр. Въ 1880 г. Кауракovъ, вмѣстѣ съ двумя засѣдателямы Думы — Балахчинымъ и Итпековымъ, былъ наконецъ, по распоряженію губернскаго начальства удаленъ отъ должности и преданъ суду „по дѣлу о наказаніи истязаніемъ ясачнаго инородца Ягучакова". Тотчасъ же (25 Іюля 1880 г.) на его мѣсто избранъ родоначальникомъ инородецъ Итеменевъ. Прошло однако цѣлыхъ $1^1/_2$ лѣтъ, прежде чѣмъ инородцы дождались его утвержденія. Въ февралѣ 1881 г. они жалуются, что неутвержденіе Итеменева ихъ „очень безпокоитъ, тѣмъ болѣе, что Кауракovъ высказывалъ нѣкоторымъ изъ насъ, что будто-бы просьба наша удовлетворена быть не можетъ и онъ, Кауракovъ, будетъ продолжать службу родоначальникомъ, чего мы въ числѣ $^2/_3$ не желаемъ. . . ." Въ октябрѣ того же года въ новомъ по тому же поводу составленномъ приговорѣ читаемъ: „Вслѣдствіе неимѣнія въ нашей управѣ родоначальника чувствуемъ несомнѣнныя упущенія по обязанности родоначальника, которыя (упущенія) могутъ отразиться на насъ и имѣть вредныя послѣдствія и въ виду того еще, что обязанность эту исправляетъ родовой староста и безъ этой обязанности имѣющій не мало хлопотъ, а при исполненіи двухъ должностей всегда сопутству-

ютъ ему упущенія, медленность въ разбирательствахъ, и вообще представляется тяжелымъ бременемъ, какъ для временно занимающаго эту обязанность, „такъ и для насъ всегда терпящихъ медленность въ удовлетвореніи нашихъ ходатайствъ“.

Инородцы тутъ же избираютъ изъ своей среды довѣреннаго для возбужденія новаго ходатайства и ассигнуютъ въ распоряженіе его 6 рублей на телеграмму „тому начальству, отъ котораго зависитъ утвержденіе родоначальника“. О результатахъ своего ходатайства довѣренный обязуется сообщить „немедленно и основательно“.

Наконецъ Итеменевъ утвержденъ. Проходитъ годъ, другой и вотъ въ 1884 году мы узнаемъ изъ дѣлъ архива, что „бывшій родоначальникъ Кауракovъ“, на основаніи произведеннаго слѣдствія, оставленъ Ачинскимъ Полицейскимъ Управленіемъ „въ подозрѣніи въ подговорѣ . . . инородца Курбижекова на убійство родоначальника Думы Итеменева“. Извѣщенные объ этомъ инородцы общественнымъ приговоромъ постановили: „инородца Кауракова, какъ служившаго прежде въ нашей Думѣ нѣсколько лѣтъ родоначальникомъ, оставить въ средѣ своей въ прежнемъ мѣстѣ жительства, но только съ тѣмъ, чтобы онъ въ общественныхъ дѣлахъ не имѣлъ никакого права голоса“.

Вникая въ дѣла о злоупотребленіяхъ и проступкахъ выборныхъ лицъ, нельзя не видѣть, что, въ большинствѣ случаевъ, лица эти являлись лишь козлами отпущенія за грѣхи думскихъ письмоводителей, или, самое большее, помощниками этихъ послѣднихъ, исполнителями ихъ хитроумныхъ проэктовъ и замысловъ. Среди пестрой толпы прожектеровъ-письмоводителей, одни являлись подлинными „калифами на часъ“ и отцвѣтали, не успѣвъ разцвѣсть, другіе долго — „какъ плошка жалкая“ распространяли вкругъ себя „чадъ удушливый, зловонный“, — но жизненный маршрутъ какъ тѣхъ такъ и другихъ, въ предѣлахъ Думы, одинаково могъ бы-быть опредѣленъ очень короткою формулой: „появлялись — попададались — выгонялись“. Вся разница между отдѣльными изъ

персонажей сводилась лишь къ коэффиціэнту времени, опредѣлявшему моментъ наступленія той или другой фазы въ указанной формулѣ. . .

Въ 1841 году, „по волѣ начальства“, былъ „устраненъ“ отъ должности письмоводитель Думы, енисейскій мѣщанинъ изъ ссыльныхъ Волошинъ; въ 1854 г. удаленъ отъ должности письмоводитель Петровъ; въ 1858 — письмоводитель Карпушевъ, въ 1859 г. — Соболевъ, въ 1870 — Федоровъ, въ 1891 — Зоринъ, въ 1892 — Козельскій и т. д. . .[1])

Въ 1843 г. инородцами былъ приглашенъ на службу письмоводителемъ „третьей гильдіи минусинскій купеческій сынъ Широковъ“. Уже съ слѣдующаго послѣ этого года книги условій и договоровъ начинаютъ пестрѣть фамиліею новаго письмоводителя. Покупка и перепродажа скота и продуктовъ скотоводства, хлѣба, муки; доставка различныхъ продуктовъ на пріиски, ссуда денегъ — все это одинаково входило въ сферу дѣятельности купца-письмоводителя. Для примѣра, приведу одно изъ многочисленныхъ аналогичныхъ ему условій Широкова съ инородцами. Инородецъ Кукарцевъ беретъ у Широкова 78 скотскихъ кожъ, по цѣнѣ 5 руб. за кожу, и $5^1/_2$ пуд. сала, по 8 руб. за пудъ (на ассигн.), „которые деньги — говорится въ условіи — и обязуюсь заплатить, всего 82 рубля асс., по продажѣ кожъ и сала; въ поручительство по себѣ поставляю двухъ своихъ сыновей родныхъ, Василья (24 лѣтъ) и Аполлона (19 лѣтъ), не доводя его, Широкова до жалобы въ присутствіе Думы“.

Послѣ оставленія уже Широковымъ должности письмоводителя, въ 1853 г. земскій засѣдатель обратился въ Думу съ такою бумагой: „Предписываю Степной Думѣ истребовать отъ бывшаго письмоводителя ея, минусинскаго купеческаго сына Широкова, объясненіе о томъ, на какомъ именно

1) Мой перечень далеко не полный, такъ какъ при разборѣ архива я не задавался спеціальною регистраціей письмоводительскаго персонала. Да и не всѣ письмоводители дожидались пока будутъ уволены, а, зачуявъ не доброе, сами спѣшили перелетѣть на свѣжее мѣсто.

основаніи, въ бытность его письмоводителемъ занимался въ Кызыльскомъ родоначаліи коммерціей и произвелъ много одолженій подвѣдомственнымъ ему инородцамъ, а также о коммерціи этой и одолженіяхъ сдѣлать подробное удостовѣреніе. . . .“ — Изъ разслѣдованія, произведеннаго Думой, оказалось, что 21 инородецъ изъ различныхъ улусовъ Думы должны Широкову 381 рубль; изъ нихъ 8 человѣкъ должны каждый „за лошадь“, а остальные 13 брали деньгами (отъ 3 до 51 рубля), Въ ноябрѣ того же 1853 г. инородцы Божьеозерскаго улуса, „бывъ въ собраніи, и имѣвъ разужденія о томъ, что бывшій письмоводитель нашей думы минусинскій купеческій сынъ Николай Виссаріоновъ Широковъ въ нашемъ улусѣ имѣетъ большое количество лошадей, которыми и не однократно случалось потравлялъ приготовленное сѣно, а такъ же и хлѣба, за что вмѣсто того, чтобъ заплатить какую нибудь потраву, подвергаетъ насъ къ платежу. Кромѣ того Широковъ, имѣя часто припадки пьянства, въ которыхъ, когда бы это не случилось, днемъ или ночью, ругаетъ всякими скверными словами, какъ ясачныхъ нашаго улуса, такъ равно и пастоящаго письмоводителя Петрова, при чемъ похваляется, что онъ все общество нашего улуса загнетъ въ бараній рогъ; эти слова означаютъ, мы думаемъ, что онъ хочетъ при удобномъ случаѣ какъ нибудь всѣхъ насъ обидить. А какъ бывшій письмоводитель нашей Думы, минусинскій купеческій сынъ Николай Широковъ, у насъ въ Думѣ уже не служитъ, а потому мы просимъ, чтобъ избавиться вышеозначенныхъ обстоятельствъ, изъ мѣста жительства нашего улуса Широкова удалить, вмѣстѣ со всѣмъ его хозяйствомъ“.

Получивъ приведенный, приговоръ божьеозерцовъ, земскій засѣдатель въ дополненіе къ нему прибавляетъ: „кромѣ сего я имѣю еще убѣжденіе и въ томъ, что Широковъ, со времени удаленія его отъ должности письмоводителя Кыз. Ст. Думы, постоянно заводитъ ссоры съ нынѣшнимъ писаремъ Петровымъ и личности недозволенныя закономъ, нерѣдко входитъ въ посредничество дѣйствій Думы, что вредно для

службы. И между тѣмъ отъ этого возникаютъ кляузы и переписки, и начальство обременяется такого рода разбирательствами. А по всему этому, имѣя въ виду воспрещеніе селиться россіянамъ между инородцами безъ согласія сихъ послѣднихъ, я вынужденнымъ нашелся предписать Думѣ, объявить Широкову, чтобы онъ немедленно, на означенномъ основаніи, удалился изъ жительства Божьеозерск. улуса со всѣмъ своимъ скотомъ рогатымъ, и нерогатымъ, и тѣмъ успокоилъ бы ропотъ мѣстныхъ жителей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и начальство отъ вредныхъ для службы личностей его съ письмоводителемъ Петровомъ. . . .“

Не смотря на все вышеприведенное, Ш—въ еще разъ былъ письмоводителемъ и умеръ въ улусѣ Божьеозерскомъ, не покидая его. . . Однако пріемникъ Широкова, памянутый выше Петровъ оказался еще хуже. Черезъ какой-нибудь годъ онъ, по жалобѣ инородца Самочикова, былъ отставленъ отъ должности. Самочиковъ жаловался, что Петровъ за скрытіе преступленія учиненнаго женою С—ва взялъ съ послѣдняго три головы рогатаго скота и двухъ лошадей; далѣе, — что П—въ освобождалъ и не представлялъ по принадлежности бродягъ и людей подозрительныхъ. Когда на мѣсто П—ва былъ избранъ въ письмоводители инородецъ Сулековъ, „нарочито ученый на этотъ предметъ“, то этотъ послѣдній обнаружилъ, что П—въ кромѣ того скрылъ дѣло о взысканіи съ купца Т—ва „акцизныхъ за золотые пріиски 1500 р. асс. принадлежащихъ инородцамъ думы“. Наконецъ онъ же отказался представить отчетъ о принятыхъ имъ деньгахъ „при взносѣ 1 половины государственныхъ повинностей и въ хлѣбный капиталъ“, ссылаясь на то что онъ относящіяся сюда „документы сжегъ“. . .

Въ 1858 г. земскій засѣдатель извѣстилъ земск. ачинскій судъ, что письмоводитель Кызыльской Думы, Карпушевъ, замѣченъ имъ „въ нерадѣніи къ службѣ и различныхъ противозаконныхъ поступкахъ“. Тоже самое замѣчено было и самимъ земскимъ судомъ а также и исправникомъ. Карпу-

шевъ былъ немедленно удаленъ, а по произведенному слѣдствію о растратѣ оказалось, что сумма растраченныхъ общественныхъ денегъ равнялось 357½ рубл. По рѣшенію Сената (1861 г.) опредѣлено было взыскать ее съ бывшаго въ то время казначея Качкина. Взыскано было однако лишь 98 рубл., остальные обществомъ прощены. Избранный на мѣсто Карпушева письмоводитель Кузнецовъ былъ очень скоро (20 февр. 1859 г.) удаленъ отъ должности, согласно предписанію губернатора. Слѣдующій за нимъ письмоводитель Соболевъ, еще въ томъ же 1859 году былъ отстраненъ по указу *начинск. земскаго* суда отъ должности „за допущеніе безпорядковъ и растрату общественныхъ денегъ“.

Смѣненный въ 1870 г. Федоровъ обвинялся инородцами „въ противозаконныхъ поступкахъ“.

Стремясь сколько нибудь повысить уровень своего письмоводительскаго персонала, инородцы не разъ пытались увеличить вознагражденіе письмоводителя, уменьшить лежащія на немъ обязанности. Приговоромъ 27 мая 1879 г., инородцы „для правильнаго и успѣшнаго дѣлопроизводства по письменной и хозяйственной частямъ“ признаютъ нужнымъ образовать „изъ 48 нынѣ улусовъ нашей Степной Думы . . . 7 участковъ, и для содержанія въ каждомъ участкѣ отдѣльнаго ста́ночнаго улуснаго писаря признаемъ необходимымъ и справедливымъ уплачивать въ жалованье каждому по 210 р. въ годъ, а на всѣхъ семь писарей всего 1470 р.“ Проэктъ этотъ получилъ однако осуществленіе лишь послѣ того, какъ *инородцы, согласно желанія начальства, уменьшили жалованье* улусныхъ писарей съ 210 р. до 60 рублей. . .[1]) Въ такомъ

1) Старанія администраціи свести размѣры издержекъ населенія до возможнаго минимума начались „подъ вліяніемъ циркуляра министра внутр. дѣлъ отъ 6 окт. 1878 г. за № 3, обратившаго вниманіе мѣстныхъ властей на то, чтобы сельскіе и волостные сходы, при назначеніи расходовъ на волостныя и мірскія потребности, не вносили въ свои смѣты и приговоры такихъ расходовъ, которые не возлагаются на крестьянъ закономъ, и не обременяли населеніе назначеніями, мало полезными и отяготительными. Въ виду этого, губернское и окружныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія стали утверждать смѣтные приговоры только по тѣмъ

видѣ институтъ улусныхъ писарей продолжаетъ существовать и понынѣ, являясь, несомнѣнно, лишнимъ притономъ для поселенческаго элемента среди инородцевъ.

Въ концѣ того-же 1879 г. находимъ еще и другой приговоръ инородцевъ. „Такъ какъ, — говорится въ немъ, — жалованье письмоводителю Думы изъ суммъ частной земск. повинности ассигновано въ весьма ограниченномъ количествѣ (т. е. 200 руб. въ годъ), за каковую сумму не находится желающихъ лицъ служить письмоводителемъ, тѣмъ болѣе, что одному письмоводителю безъ помощника при увеличенномъ нынѣ дѣлопроизводствѣ, какъ мы и сами признаемъ, служить невозможно, потому случаю, что кромѣ обыкновеннаго дѣлопроизводства, въ вѣдѣніи Думы, часто временно бываютъ случаи происшествій, и для производства по онымъ дознаній требуется непремѣнно человѣкъ знающій хорошо слѣдственную часть, а если же для дознанія ѣздить самому письмоводителю, то въ такомъ случаѣ, за неимѣніемъ помощника письмоводителя, дѣлопроизводство по Степн. Думѣ должно непремѣнно останавливаться, чего невозможно сдѣлать. А привлеченіе къ дѣлопроизводству по Думѣ улусныхъ писарей, признаемъ совершенно невозможнымъ, ибо привлеченіе это должно остановить дѣлопроизводство въ улусныхъ правленіяхъ, да улусными писарями, вслѣдствіе малаго оклада жалованья, служатъ люди малограмотные, и не могутъ быть при дѣлопроизводствѣ Думы; поэтому, дабы въ будущемъ году немогло остановиться дѣло-

---

статьямъ, по которымъ предполагаемые расходы казались умѣренными и обязательными по закону; всѣ-же прочія статьи смѣтъ или совсѣмъ не разрѣшались, или разрѣшались въ уменьшенномъ размѣрѣ“. . . . Позже присутствія начали руководствоваться при этомъ „главнымъ образомъ примѣрной смѣтой на содержаніе волостныхъ правленій, указанной циркуляромъ генер-губернатора Вост. Сибири отъ 12 авг. 1886 г. за № 46 и, во вторыхъ, соображеніями о размѣрахъ предполагаемыхъ расходовъ по тѣмъ-же статьямъ въ сосѣднихъ волостяхъ и сельскихъ обществахъ. Однако на практикѣ населеніе всегда стремится пополнять смѣту въ первопачальномъ ея объемѣ, игнорируя или обходя разными способами сдѣланныя присутствіемъ измѣненія“. („Матерьялы по изслѣд. землеп. . . . и пр.“, т. IV, вып. 5, стр. 182).

производство по Думѣ, признаемъ необходимымъ назначить въ 1880 г. къ сбору въ добавленіе жалованья письмоводителю . . . и на наемъ помощника 400 руб.“

Проходитъ еще два года, а вопросъ объ увеличеніи жалованья письмоводителю остается все въ прежнемъ положеніи. Въ февралѣ 1882 г. — новое ходатайство инородцевъ: „Въ жалованье письмоводителю признаемъ необходимымъ и справедливымъ уплачивать по 500 руб. въ годъ, потому что дѣлопроизводство въ Думѣ постоянно увеличивается, по случаю развитія жизни между инородческимъ населеніемъ, ибо почти во всѣхъ улусахъ поселились на жительство . . . (и) . . . для разныхъ промысловъ лица другихъ сословій, а потому переписка и дѣлопроизводство по Думѣ принимаетъ болѣе обширные размѣры, а личный трудъ дорожаетъ, такъ какъ, по неразвитости между инородцами въ надлежащей мѣрѣ сельскаго хозяйства и хлѣбопашества, все содержаніе стóитъ дорого и приходится его покупать у крестьянъ и другихъ лицъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ“. Кромѣ того на помощника письмоводителя инородцы ассигнуютъ еще 180 руб.

Немногіе, сравнительно лучшіе письмоводители, попадавшіе въ Думу задерживались въ ней, обыкновенно, очень недолго. Само окружное начальство смотрѣло на службу въ Думѣ, какъ на своего рода ссылку, и время отъ времени переводило сюда изъ волостей провинившихся тамъ писарей, а письмоводителей Думы въ награду за усердіе и знаніе дѣла назначало волостными писарями. . . Такъ въ 1872 г. удаленный изъ Ужура волостной писарь перешелъ въ Думу письмоводителемъ, письмоводитель же Думы назначенъ ужурскимъ волостнымъ писаремъ. Въ 1876 г. ачинское окружн. полиц. упр. предписываетъ Думѣ, „вслѣдствіе избранія письмоводителя Думы, мѣщанина Патюкова назаровскимъ волостнымъ писаремъ . . , нынѣ же уволить Патюкова . . .“ и сдать всѣ дѣла „командированному вмѣстѣ съ симъ, впредь до избранія обществомъ другого письмоводителя . . , Максимову“. Черезъ мѣсяцъ этотъ Максимовъ былъ, конечно, избранъ письмоводителемъ.

Инородцы, съ своей стороны, принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы задержать у себя сколько нибудь порядочныхъ письмоводителей. Они назначали имъ награды [1]), старались увеличить скромную цифру ихъ жалованья косвеннымъ путемъ заключая съ ними условія по содержанію земской квартиры, по доставкѣ почты [2]) и т. под. Въ общемъ, содержаніе канцеляріи Думы — считая въ томъ числѣ плату письмоводителю, писцамъ, содержаніе земской квартиры, отопленіе и освѣщеніе зданій Думы — въ 1875 г. обходилось въ 1000 руб. Всѣхъ должностныхъ лицъ въ Думѣ считалось въ 1845 году 47 человѣкъ, получавшихъ всѣ вмѣстѣ 1660 руб. [3]).

Бюджетъ Думы выражался слѣдующими цифрами:

	Приходъ	Расходъ
1842 годъ	2559 р.	2503 р.
1852 „	5372 „	5332 „
1862 „	2330 „	2330 „
1872 „	3886 „	3866 „
1882 „	8175 „	8515 „

Въ 1824 г. со всего числа ревизскихъ душъ, равнаго 2863 взималось въ общемъ 13561 р. 72 к. ассигн., или по 5 р. 41½ к. асс. съ каждой ревизск. души. Въ томъ числѣ:

1) Казенныхъ повинностей — 12711 р. 72 к. или 4 р. 44 к. съ каждой ревизк. души.
2) Волостныхъ повинностей:

---

1) Въ 1875 г., приговоромъ отъ 23 октября, постановлено было взыскать съ торгующихъ въ Чебакахъ за 1875 годъ въ пользу Думы по 100 рублей съ каждаго „и по взысканіи таковые (всѣ?) выдать съ росписью письмоводителю нашей Степной Думы, мѣщанину Патюкову, въ видѣ награды отъ насъ за усердную службу“. Въ 1882 году было выдано 100 рублей наградныхъ письмоводителю Донскому.

2) До 1884 г. почта доставлялась изъ Корелинскаго почтов. отдѣл. (Минус. окр.); только въ этомъ году было открыто отдѣленіе въ Ужурѣ. Тотъ-же Донской въ 1882 г. за доставку почты получилъ по условію 120 рублей.

3) Кромѣ того два оспенныхъ ученика получали по 22 р. 83¾ коп. каждый.

a) жалованье головѣ и старостамъ — 50 р.
b) писарямъ волостн. и сельскимъ — 700 „
c) на доставленіе государств. подат. — 100 „
Итого волостныхъ повинностей — 850 р.

Казенную подать (ясакъ) инородцы до 1835 года платили по окладу 1763 года, на основаніи котораго „каждый родъ или улусъ, — смотря 1) по числу людей способныхъ къ работамъ и промысламъ, 2) по обилію занимаемыхъ мѣстъ *въ отношеніи къ разнымъ родамъ промышленности* и 3) по согласію родоначальниковъ — обложенъ былъ или 1) опредѣленнымъ родомъ звѣря, разъ на всегда тогда же оцѣненымъ, или 2) опредѣленнымъ родомъ звѣря, разъ на всегда оцѣненымъ и вмѣстѣ деньгами, или, наконецъ 3) одпѣми деньгами. При семъ дозволено было, въ случаѣ неулова опредѣленныхъ, или такъ называемыхъ окладныхъ звѣрей, вносить въ цѣну ихъ (въ цѣну 1763 г.) другихъ звѣрей, оцѣняемыхъ однако не по таксѣ 1763 г., но *по цѣнамъ справочнымъ, или просто* деньгами или и тѣми и другими по частямъ.“ [1])

Къ чему приводилъ такой порядокъ взноса ясака можно видѣть на кызыльскихъ инородцахъ, платившихъ часть его пушниной, другую деньгами. Въ 1824 году въ нижепоказанныхъ управахъ (родахъ) ясакъ былъ оплаченъ слѣдующимъ образомъ. (См. табл. на стр. 73).

Такимъ образомъ инородцамъ приходилось для оплаты опредѣленной части ясака, взносимой пушниною, *прикупать* эту послѣднюю, вслѣдствіе недостаточнаго собственнаго улова звѣрей, — у „частныхъ лицъ“. Какъ можно заключить изъ вышеприведенныхъ данныхъ, эта операція бывала далеко не выгодной для инородцевъ, вслѣдствіе болѣе низкой цѣны, назначаемой *казначействомъ* (*устанавливаемой на трехлѣтіе*), сравнительно съ той, по какой производилась покупка пушнины самими инородцами.

1) „Общее наставл. коммиссіи Зап. и Восточн. Сибири о составленіи для кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ окладныхъ ясачныхъ книгъ“ 1828 года.

Названіе управъ (родовъ).	Душъ м. п.		Внесено въ ясакъ.								Примѣчаніе.
	Ревизскихъ.	Наличныхъ [1]).	Соболей.	Лисицъ. Бѣлодушекъ.	Лисицъ. Сиводушекъ.	Волковъ.	Выдръ.	Россомахъ.	Итого пушниной на сумму (руб.)	Вмѣсто съ деньгами всего на сумму.	
Шуйская	322	150	11	10	3	4	2	—	216,31	1950,56	*Прикуплена* 1 *выдра за* 60 руб.
Игинская	397	176	4	7	—	8	—	—	100,00	1191,20	За неуловомъ звѣря куплены у частныхъ лицъ 10 волковъ за 110 руб. асс., принятыя въ казначейство лишь за 65 рублей.
Больше-Ачинская .	340	169	10	16	—	5	—	1	219,70	1149,20	За неуловомъ звѣря, куплено: 6 лисицъ бѣлодушекъ за 64 р. 50 к. Вся пушнина (улову на 219 р. 70 к. + на 64 р. 50 к. куплен. лисицы) *оцѣн. казначействомъ*, вмѣсто 284 *р.* 20 к. въ 220 рублей.
Басагарская отдѣл.	141	70	4	2	—	3	—	1	55,00	895,00	Куплено на 20 р. бѣлокъ; казначействомъ оцѣнена пушнина вмѣсто 75 р. въ 65 рублей.
Камларская . . .	291	137	13	9	—	3	—	—	145,00	2405,50	Куплено 7 соболей за 80 руб. и 1 россомаха за 4 руб.
Кызыльская . . .	288	134	—	17	—	13	—	—	200,00	1138,00	За недостачею улова куплено на 20 р. бѣлки.

Въ январѣ 1825 г. было собрано въ ясакъ за первую половину года:

Названіе управъ.	Число наличныхъ душъ м. п.	Соболей		Лисицъ		Волковъ		Россом.		Бѣлокъ		Выдръ		Всего на сумму рублей асс.
		Число.	стоимость.	число.	стоимость.	число.	стоимость.	число.	стоимость.	число.	стоимость.	число.	стоимость.	
Кызыльская	140	4	16	17	180	9	60	2	6	—	—	—	—	262
Шуйская	170	6	24	24	157	5	33	1	2	—	—	—	—	216
Мало-Ачинская . . .	113	10	33	—	—	5	22	—	—	200	50	—	—	105
Больше-Ачинская .	157	—	—	2	12	—	—	—	—	750	190	—	—	202
Басагарск. отдѣл. .	70	7	15	—	—	2	3	—	—	182	37	—	—	55
Мало-Аргунская . .	48	—	—	5	35	4	33	—	—	—	—	—	—	68
Игинская	165	15	67½	8	40	7	35	2	6	66	16½	—	—	165
Басагарск. 1 и 2 пол.	81	4	16	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	31
Курчиковская . . .	?	—	—	3	15	2	12	3	7	40	10	—	—	44
Камларская	137	10	35	3	16½	8	25	1	2	400	100	1	12	190½

1) За исключеніемъ „престарѣлыхъ, нездоровыхъ, малолѣтнихъ“.

Благодаря весьма неблагопріятнымъ условіямъ взноса ясака, онъ не могъ — по крайней мѣрѣ временами — не отзываться тяжело на благосостояніи инородцевъ. „По дошедшимъ до меня слухомъ, — пишетъ въ концѣ іюля 1824 года ачинскій исправникъ родоначальнику Кызыльской Думы — извѣстился я, что вѣдомства твоего, разныхъ волостей князцы для взносу податей деньгами, платятъ на сію сумму весьма неумѣренные проценты". Исправникъ дѣлаетъ распоряженіе прекратить уплату процентовъ по займамъ князцовъ, а этимъ послѣднимъ впредь безъ общественнаго приговора денегъ не занимать. Не трудно понять, насколько безсильны были подобнаго рода старанія даже наиболѣе расположенной къ инородцамъ власти оградить ихъ отъ дорогой помощи сосѣдей — русскихъ крестьянъ и поселенцевъ.

Въ томъ-же 1824 г. исправникъ „вынужденъ нашелся. . . пополнитъ недоимку" малоаргунцевъ „взносомъ въ казну собственныхъ своихъ денегъ". (266 р. 77 к., слѣдовавшіе съ нихъ въ ясакъ за половину того года), а нерадиваго князца той волости распоряжается выслать къ нему. . .

Напоминаніями о взносѣ недоимокъ полна переписка тогдашнихъ властей съ Думою. . . Одинъ изъ князцовъ Кызыльской Думы въ 1827 году свидѣтельствуетъ, что подвѣдомственные ему инородцы „подати и повинности едва оплачивали, продавая послѣднихъ лошадокъ и скотишекъ, а иные ясашные заключаются крестьянамъ въ годовую срочную работу"..

Съ января 1835 г., въ результатѣ работъ „Коммисіи Вост. Сибири о составленіи для кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ окладныхъ книгъ" — податное обложеніе инородцевъ было измѣнено. Сборъ началъ производиться съ этого времени только съ „бойцовъ", работниковъ мужск. пола въ возрастѣ отъ 18 до 50 л., которыхъ въ то время въ Думѣ было 1294 человѣка [1]). Окладъ изъ нихъ былъ опредѣленъ въ размѣрѣ 6118 р., взимаемыхъ деньгами и пушниной.

1) А по исчисленію Думы только 1107 человѣкъ.

Казенныя подати вносимыя кызыльскими инородцами въ настоящее время слагаются изъ 1) подушной подати (государственной сборъ и сборъ въ хозяйственный капиталъ) по третьему разряду (т. е. 28 коп. съ каждой окладной души); 2) ясачной подати, размѣръ которой — неодинаковый для различныхъ родовъ — колеблется между 1 р. 15 к. и 1 р. 58 к. [1]); 3) межеваго сбора (3 коп.); 4) сбора въ губернскую повинность третьяго разряда (1 р. 25 к.); 5) сбора въ частную повинность (1 коп.).

Въ общемъ, полное обложеніе каждой окладной души ревизскаго работника (въ возрастѣ отъ 18 до 50 л.) въ Кызыльской управѣ колеблется въ предѣлахъ 2 р. 72 к. и 3 р. 15 к.

Кромѣ казенныхъ платежей, съ инородцевъ, на равнѣ съ другимъ сельскимъ населеніемъ, взимаются суммы на волостныя (управскія) и сельскія надобности. Сюда входятъ указанныя уже частію выше расходы на жалованье должностнымъ лицамъ, письмоводителю, писарямъ, содержаніе канцелярій, расходы по содержанію и ремонту общественныхъ зданій, по найму земскихъ квартиръ, гоньбовая и дорожная повинности, содержаніе причта и церквей, училищные расходы и пр.

Общая сумма относимыхъ кызыльцами податей и повинностей, равная 9873 рубл. (1889 годъ), слѣдующимъ образомъ распредѣлялась по отдѣльнымъ статьямъ ихъ [2])

I. Управскіе (волостные) расходы.

1)	Жалованье членамъ Управы	98	руб.
2)	„ письмоводителю и его помощнику	490	„
3)	Канцеляр., типографск., почтовые и пр. расходы	79	„
4)	Освѣщеніе, отопленіе и ремонтъ зданій Управы	96	„

1) Ясачную подать въ размѣрѣ 1 р. 15 к. относитъ одинъ только Малоаргунскій родъ; въ размѣрѣ 1 р. 29 к. — Курчиковскій, Басагарскій 1 и 2 пол. и Кызыльскій; въ 1 р. 43 коп. — Басагарскій отдѣлен. отъ 2 половины родъ; въ размѣрѣ 1 р. 58 к. — Мало-Ачинскій, Камларскій, Игинскій, Больше-Ачинскій, Шуйскій.

2) („Матерьялы . . . и пр.“, т. IV, вып. V, стр. 330 и сл.).

5) Сторожа и разсыльные при Управѣ	24	руб.
6) Содержаніе земской квартиры при Управѣ .	60	„
7) Гоньбовая повинность	50	„
8) Дорожная повинность	100	„
9) Содержаніе церквей, домовъ причта, молебны и проч.	494	„
10) Содержаніе училищъ	135	„
11) Прочіе расходы	15	„
Итого	1641	руб.

II. Сельскіе расходы.

1) Жалованье родовымъ старостамъ, эсауламъ, довѣреннымъ гласникамъ и пр., расходы на разъѣзды и квартиры для нихъ	640	руб.
2) Жалованье станочнымъ (восьми) и родовымъ (10) писарямъ [1]) считая тутъ же канцелярск. расходы и освѣщеніе	622	„
3) Расходы на помѣщеніе сельскихъ управленій	20	„
4) Оплата каморщиковъ и десятниковъ . . .	25	„
5) Содержаніе земскихъ квартиръ (при станкахъ)	239	„
6) Наемъ подрячиковъ для отбыванія гоньбы .	330	„
7) Жалованье причту и проч.	53	„
8) Содержаніе ледника и погребеніе безродныхъ .	37	„
9) Расходы на сходахъ	17	„
Итого	1997	руб.

III. Натуральныя повинности (въ переводѣ на денежную стоимость).

1) Станочная и междудворная гоньба	4330	руб.
2) Дорожная повинность (исправленіе и пр. проселочныхъ дорогъ)	800	„
3) Исправленіе обязанности ходоковъ и десятниковъ	625	„
4) „ „ транездниковъ и караульныхъ при церквахъ	480	„
Итого	6235	руб.

1) Обязанности тѣхъ и другихъ, обыкновенно, совмѣщаются въ одномъ лицѣ.

Попробуемъ вышеприведенныя цифры сравнить съ соотвѣтствующими имъ цифрами для сосѣднихъ съ Кызыльской управой русскихъ волостей — Шарыповской и Ужурской [1]).

Названіе админ. единицъ.	В ъ	п р о ц е н т а х ъ.												
	Содержаніе вол. и сельск. долж. лицъ, глас. никовъ и пр. съ разъѣздами ихъ.	Волости. и сельск. писаря, канцеляріи и освѣщеніе ихъ.	Волости. и сельск. обществ. зданія, ремонтъ ихъ, отопленіе, канцелярскіе, десятники.	Земскія квартиры.	Гоньбовая повинность.	Дорожная повинность.	Содержаніе причта, ругъ и проч.	Квартирная часть.	Училищная часть.	Прочіе расходы.	Итого.	Волостные расходы.	Сельскіе расходы.	Натуральныя повинности.	Итого.
Кызыльская управа [2])	7,5	12,3	7,8	3,0	47,7	9,1	10,4	—	1,5	0,7	100,0	16,6	20,2	63,2	100,0
Ужурская и Шарыповская волости	1,2	20,3	6,4	3,6	33,9	17,2	10,2	1,3	3,1	1,8	100,0	15,3	27,0	57,7	100,0

1) Общая сумма расходовъ этихъ двухъ волостей равнялась (въ 1889 г.) 32663 рублямъ.

2) По отдѣльнымъ родамъ и въ переводѣ на 1 душу (окладную) населенія означенные выше расходы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Названіе родовъ.	Число окладн. душъ (по окл. листамъ).	Общая сумма казенныхъ податей (1889 г.)	Волостныхъ расходовъ.	Сельскихъ расходовъ.	Оцѣнка всѣхъ натуральныхъ повинностей.	Итого всѣхъ податей расход. и повинностей.	Тоже на 1 приписную наличную душу м. п.	Тоже на 1 личнаго работника.	Тоже на 1 десятинъ пашни.
Басагарскій отдѣлен	62	186	84	139	321	730	6,03	12,17	15,77
Басагарскій 1 и 2 пол.	91	230	123	164	483	1030	5,26	10,00	10,57
Больше-Ачинскій. . . .	144	454	195	262	889	1800	4,64	9,38	9,70
Игинскій	178	561	241	293	849	1944	6,66	13,05	13,16
Кызыльскій	111	317	150	196	576	1239	4,59	9,60	10,20
Курчиковскій	108	311	146	214	669	1340	4,29	8,70	18,08
Камларскій	189	595	255	236	737	1823	4,82	10,24	5,68
Мало-Аргунскій	50	136	68	91	225	520	5,69	11,82	3,05
Шуйскій	178	561	241	212	946	1960	4,22	9,90	2,35
Мало-Ачинскій	102	321	138	190	540	1189	4,34	8,81	10,39
Итого . . .	1213	3702	1641	1997	6235	13575	4,87	10,12	6,31
Среднее по Ачинскому округу	—	—	—	—	—	—	8,03	17,13	1,88

(Ср. „Матерьялы . . . и пр.“, т. IV, вып. 5, стр. 320—321.)

Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, содержаніе выборныхъ должностныхъ лицъ обходится въ настоящее время инородцамъ значительно дороже, чѣмъ сосѣдямъ ихъ русскимъ. Наоборотъ, расходы на наемъ волостныхъ и сельскихъ писарей у этихъ послѣднихъ превышаютъ расходъ на письмоводителя и писарей у инородцевъ. — Общая стоимость относимыхъ натурою повинностей у инородцевъ больше, чѣмъ въ русскихъ волостяхъ. Однако, благодаря отсутствію въ предѣлахъ управы трактовыхъ дорогъ, стоимость отнесенія дорожной повинности здѣсь гораздо меньшая, чѣмъ въ обѣихъ волостяхъ; за то гоньбовая повинность инородцамъ обходится много дороже, чѣмъ крестьянамъ. — Расходы на врачебную помощь, весьма незначительныя и въ волостяхъ, въ Кызыльской управѣ вовсе отсутствуютъ, школьные же издержки этой послѣдней вдвое меньше соотвѣтственнымъ имъ въ волостяхъ. — Наконецъ, общая сумма волостныхъ (уиравскихъ) расходовъ у инородцевъ больше чѣмъ у русскихъ, тогда какъ сельскіе расходы у крестьянъ превышаютъ сумму таковыхъ-же расходовъ у инородцевъ [1]).

Такимъ образомъ, среди всѣхъ вышеуказанныхъ расходовъ и повинностей наибольшее значеніе для инородцевъ имѣютъ относимыя ими натурой, въ особенности же гоньбовая повинность. Трудно указать время, когда начались жалобы на тяжесть этой послѣдней повинности.

Къ подлиннику приведеннаго уже въ работѣ о мелецкихъ

1) Инородцы не устаютъ жаловаться на свою бѣдность, при видѣ всякаго новаго расхода. Ссылаясь на бѣдность, они отказываются отъ отправки депутатовъ на коронацію, отъ заведенія пожарныхъ инструментовъ и прочее. О той же бѣдности свидѣтельствуетъ и вся внѣшняя обстановка въ помѣщеніи Думы. Въ 1884 г. ассигновано было на покупку сукна и клеенки для „третьяго стола“ канцеляріи, 36 р. 39 кон. (по 3 коп. съ платежной души — всѣхъ „годныхъ“ душъ было 1213). Въ приговорѣ по этому поводу говорится, что сукна на двухъ присутственныхъ столахъ заведены еще въ 1823 г. (предъ основавіемъ Думы!) и „по ветхости ихъ, нредставляютъ видъ непріятный и безобразный даже и для насъ (инородцевъ), не говоря уже о высшихъ начальствующихъ лицахъ, посѣщающихъ изрѣдка думу“.

инородцахъ приговора, относящагося къ 1827 году, которымъ инородцы Кызыльской Думы просили освободить ихъ отъ гоньбовой и дорожной повинностей, приложенъ былъ, какъ сказано въ приговорѣ „указъ 1726 года данный предкамъ кызыльскихъ инородцевъ“ и освобождающій якобы ихъ отъ отнесенія натуральныхъ повинностей. [1]) Къ сожалѣнію, копіи означеннаго указа въ дѣлахъ архива намъ не удалось отыскать. За то въ нихъ сохранился списокъ съ другого чрезвычайно интереснаго документа, относящагося къ 1751 году, и также служившаго, повидимому, для инородцевъ обороною противъ посягательствъ на дарованныя когда то имъ вольности. Документъ этотъ, приведенный цѣликомъ въ приложеніи I къ настоящей работѣ, сообщаетъ въ тоже время новыя свѣденія о заселеніи Енис. губерніи и устройствѣ въ ней путей сообщенія [2]). — Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что почти всѣ жалобы кызыльскихъ инородцевъ на трудность отбыванія гоньбовой повинности относятся къ болѣе или менѣе раннему періоду существованія Думы. Уже въ 1839 году мы встрѣчаемъ въ дѣлахъ архива приговоръ, въ которомъ, наоборотъ, самими инородцами свидѣтельствуется необременительность для нихъ этой повинности. Вотъ этотъ приговоръ (отъ 10 декабря 1839 г.): „ . . . Учинили сей приговоръ въ нижеслѣдующемъ: какъ со времени открытія этой Думы, по распоряженію мѣстнаго начальства, съ согласія общества, ясачные инородцы всегда отправляли при Думѣ подводную гоньбу по очереди, по двѣ пары въ недѣлю, необходимо нужныхъ для отвоза почты до села Ужурскаго, разстояніемъ на 50 верстъ, бываемой одинъ разъ въ недѣлю, а равно и на проѣзды чи-

1) Ср. „Мелецкіе инородцы“, стр. 44—45.

2) „ . . . Когда именно открылась проѣзжая дорога отъ Томска на Красноярскъ до Иркутска — точныхъ свѣдѣній въ Тобольскихъ архивахъ нѣтъ; извѣстно только, что дороги въ Иркутскъ — одна отъ Красноярска на Канскъ и другая изъ Енисейска на Нижнеудинскъ — были проложены купеческими прикащиками, ѣздившими скрытно лѣтомъ и зимой для тайной закупки пушного звѣря у бурятъ и карагасовъ“. „Сибирск. Вѣстн.“ 1887 г. Начало почтовыхъ сообщеній съ Сибирью и въ Сибири (изъ Тобольскихъ архивныхъ дѣлъ). Ср. также брошюру П. М. Головачева, о старинныхъ путяхъ сообщенія въ Сибири (Тобольскъ).

новниковъ и казаковъ, по дѣламъ службы разъѣзжающихъ, а также на внутреннія по Думѣ разсылки ходоковъ, — то мы и нынѣ предложили таковую гоньбу отправлять на прежнемъ же основаніи: по двѣ пары въ недѣлю; считая съ каждой души по одной лошади . . ., должны участвовать по четыре человѣка въ каждой (недѣлѣ), впрочемъ, освободя отъ сей повинности тѣхъ инородцевъ, которые рѣшительно не имѣютъ скотоводства и находятся болѣе въ срочныхъ работахъ, а равно освободить отъ сей обязаности ясачныхъ улуса Божьеозерскаго, отправляющихъ, по малому числу людей, до значительнаго количества междудворныхъ подводъ; въ коемъ противъ другихъ улусовъ увеличивается такая гоньба троекратно. Прочіе же ясачные, кочующіе въ другихъ улусахъ, должны участвовать въ сей повинности безъ изъятія, по числу душъ, полагая въ каждую недѣлю по четыре человѣка т. е. двѣ пары лошадей и со всею принадлежностью къ упряжи. А потому и обязываемся мы являться на мѣсто Думы по первой повѣсткѣ, безпрекословно, и не упуская назначеннаго ею времени, по очереди; въ противномъ же случаѣ, если кто изъ насъ инородцевъ не явится въ назначенный день къ этой обязанности, то Дума имѣетъ нанимать на счетъ таковыхъ другихъ желающихъ ясачныхъ за умѣренную плату, смотря по обстоятельствамъ, какъ разгона, такъ и времени, въ чемъ виновные и обязаны отвѣтствовать и удовлетворять нанимающихся въ полной мѣрѣ безъ взякихъ отговорокъ. При чемъ не излишнимъ считаемъ пояснить и то, что повинность эта, въ коей, какъ соображено, должны участвовать до 840 душъ ясачныхъ, для насъ не будетъ отяготительна, ибо очередь каждаго человѣка будетъ доставаться черезъ 4 года. Въ чемъ и утверждаемъ сей нашъ приговоръ приложеніемъ печатей и рукоприкладствомъ". (Курсивъ мой. А. Я.)

На основаніи сказаннаго, можно заключить, что, несмотря на значительность относимой натурою гоньбовой повинности, все же здѣсь, въ Кызыльской управѣ, она не ложится такимъ

бременемъ на населеніе, какъ въ Мелецкой и въ управахъ Минусинск. округа. Въ то время какъ въ Мелецкой управѣ каждый изъ весьма немноголюдныхъ улусовъ ея лежитъ по линіи единственной пролегающей чрезъ управу дороги, и является, въ силу этого, самостоятельнымъ станкомъ, — въ Кызыльской имѣется всего на всего 8 станковъ, по которымъ направляется все главнѣйшее движеніе; инородцы изъ остальныхъ улусовъ, наравнѣ съ жителями станковъ, участвуютъ въ отнесеніи гоньбовой повинности, являясь ко времени своей очереди съ лошадьми и экипажами на эти-же самые станки. Кромѣ того кызыльцы богаче лошадьми, среди нихъ нѣтъ такихъ мало обрусѣлыхъ и бѣдныхъ поселковъ, какими являются низовые улусы мелецкихъ инородцевъ. Наконецъ, по сравненію съ Минусинскими управами, Кызыльская представляется болѣе густо населенной, болѣе обрусѣлой, пашущей и менѣе кочевой.

Несравненно больше, чѣмъ на гоньбовую повинность, жалуются инородцы, на отбываніе натурой дорожной повинности. Тутъ жалобы съ нѣкотораго времени повторяются почти каждый годъ.

Въ 1824 г. (23 сент.) „живущіе своими домами въ селѣ Шарыповскомъ ясашные“ „рапортомъ“ извѣщаютъ управу о полученіи генералъ-губернаторскаго приказа относительно высылки жившихъ съ крестьянами въ однѣхъ деревняхъ инородцевъ на московскій трактъ — править дорогу: „отъ двухъ — одного человѣка съ двумя лошадьми и съ топорами, на одинъ мѣсяцъ. Шарыповцы просятъ Думу выслать вмѣсто нихъ людей, такъ какъ „нынѣ наступаетъ время отправляться въ тайгу для добычи звѣрей. Ибо, если намъ отправиться на московскій трактъ на мѣсяцъ, то у насъ останутся въ домахъ одни малолѣтки и престарѣлые, и мы останемся безъ добычи звѣрей, — какъ бы не было потомъ какой нибудь въ ясакѣ остановки“.

Въ 1825, въ 1827 — снова жалобы на трудность выполненія дорожной повинности натурой. Изъ одного дѣла

1825 г. видно, что въ то время съ инородцевъ „на устройство дорогъ и водяныхъ сообщеній“ взималось деньгами по 30 коп. съ души.

Въ 1851 г., въ отвѣтъ на требованіе смотрителя поселенцевъ о доставленіи описаній дорожныхъ участковъ, инородцы въ приговорѣ своемъ указываютъ, что скотоводство у нихъ, особенно послѣ „общаго и повальнаго“ падежа (предъ открытіемъ думы) находится въ упадкѣ и что, если ихъ заставятъ, наравнѣ съ крестьянами относить дорожную повинность натурой, тогда они лишатся и прибылей отъ рыбнаго и звѣринаго промысловъ, „которые требуютъ заниматься ими всегданняго времени года, а именно: весною, съ открытія озеръ и рѣкъ до самыхъ сѣнныхъ работъ; по окончаніи сихъ послѣднихъ мы опять занимаемся звѣриными промыслами также постоянно, до самой весны. При всемъ томъ не имѣемъ крѣпкой снасти, которая потребна будетъ при самыхъ работахъ на дорожныхъ участкахъ, какая (снасть) имѣется у крестьянъ. Сверхъ того, мы съ великими трудами поправляемъ и внутреннія по вѣдомству думы дороги, на пространствѣ болѣе 100 верстъ. . . .“

Въ 1852 г. ачинскій исправникъ дѣлалъ въ губернію запросъ: „должны ли кочевые инородцы отправлять дорожную повинность наравнѣ съ крестьянами?“ Енис. губерн. совѣтъ, журналомъ отъ 2/9 сентября того же года, „большинствомъ голосовъ и Его Превосходительствомъ г. Начальникомъ губерніи одобреннымъ, положилъ совершенно справедливымъ подвергнуть кочевыхъ инородцевъ Енис. губ., наравнѣ съ прочими сельскими обывателями, отнесенію натуральной повинности по устройству и содержанію дорогъ“.

Въ отвѣтъ на это рѣшеніе губернскаго совѣта, инородцы составили, въ слѣдующемъ 1853 г. (31 авг.) приговоръ, въ которомъ они (инородцы), „сообразивъ всю тягость этой повинности и искусственныя ея работы, достойныя природныхъ способностей, съ настоящимъ бытомъ нашей жизни и съ настоящими промышленностями нашими“, находятъ „себя со-

вершенно неспособными", и не имѣютъ „никакой возможности исправлять дорожную повинность натурой, которую прежде сего, при открытіи енце Енисейской губерніи, мы (инородцы) относили денежнымъ сборомъ, но впослѣдствіи какъ это измѣнилось — намъ неизвѣстно. Принятствующія въ этомъ случаѣ причины долгомъ почитаемъ изложить на благоусмотрѣніе Высшаго Начальства, — (онѣ) слѣдующія: по извѣстнымъ древнимъ азіатскимъ обычаямъ, оставленнымъ нашими прародителями и, по воспитанію и образованію, до нынѣ же нами сохраняемыми, мы имѣемъ промышленности: скотоводство разнаго рода, рыбную и звѣриную ловлю; для пріобрѣтенія же существенныхъ выгодъ отъ нихъ, кочуемъ мы два и три раза въ годъ весной, лѣтомъ и осенью, ибо скотоводцы переѣзжаютъ на свѣжіе кормы, а прочіе промышленники, не имѣющіе значительнаго скотоводства, перекочевываютъ часто къ тѣмъ таежнымъ мѣстамъ и озерамъ, гдѣ наиболѣе изобилуютъ звѣрь или рыба. Изъ нихъ (промышленностей) первая (скотоводство), со времени открытія Кызыльской думы, отъ упадка въ скотѣ, пришла рѣшительно въ крайнюю бѣдность и нынѣ оная производится весьма немногими инородцами. Вторая (рыбная) есть главная, доставляющая полные избытки, покрывающая всѣ наши нужды и надобности. И третья (звѣриная), хотя со времени открывшихся золотыхъ пріисковъ уменьшилась, но иногда, по находу звѣрей изъ другихъ таежныхъ мѣстъ, тоже вознаграждаетъ труды и доставляетъ безбѣдную пищу для семейства всякаго промышленника. Изъ числа насъ инородцевъ весьма малая часть хотя и занимается вновь образуемою промышленностью — хлѣбопашествомъ, но оная, по недавному предпріятію ея, недоставляетъ енце значительныхъ выгодъ, и потому есть временная и случайная при главныхъ промышленностяхъ. Изъ чего и видно, что прежде бывшая главная промышленность скотоводство, послѣ упадка, — теперь не имѣетъ енце совершенныхъ избытковъ и существуетъ не у всѣхъ, наравнѣ съ прочими промышленностями, а занимаются ею около 20 человѣкъ; хлѣбопашество енце не

усовершенствовалось. Слѣдовательно, нынѣ имѣемъ главныя промышленности только двѣ рыбную и звѣриную; посредствомъ коихъ единственно оплачиваемъ ясакъ, земскія повинности и прочія утвержденныя сборы, а равно внутреннія натуральныя повинности; и отъ нихъ наиболѣе имѣемъ пищу, одежду и всѣ орудія промышленности. — Но эти промыслы требуютъ всегданняго неотлучнаго времени отъ тѣхъ мѣстъ, или озеръ, гдѣ можетъ остановиться грудное теченіе звѣря, или привалъ рыбы, и дѣятельныхъ занятій безпрерывно — преслѣдовать и падзирать за движеніемъ оныхъ. Изъ нихъ наиглавнѣйшій избыточный рыбный промыселъ существуетъ каждогодно въ весеннее время, начиная съ апрѣля мѣсяца, и продолжается до 1 ч. іюля; во время малѣйшаго упущенія, или отсутствія въ необходимыхъ случаяхъ отъ сего занятія всякій лишается промысла, и считается это невозвратною потерею цѣлаго года. Когда же покончится въ одномъ мѣстѣ тайги ловъ звѣра, или въ озерѣ прекратится привалъ рыбы, то ясачные промышленники, не имѣющіе достаточнаго скотоводства перекочевываютъ съ одного озера на другое, съ другаго на третье и такъ далѣе; такимъ же образомъ переѣзжаютъ и звѣропромышленники. Вслѣдствіе каковыхъ промысловъ, мы суть (въ полномъ смыслѣ) ловцы, подобные бродячимъ инородцамъ, и образъ жизни нашей доказываетъ неспособность нашу къ отнесенію натуральной дорожной повинности. А потому мы, при открытіи Енисейской губерніи и Кызыльской Степной Думы относили дорожную повинность денежнымъ сборомъ; но въ послѣдствіи почему это распоряженіе измѣнилось — намъ неизвѣстно, или не введена-ли оная въ классъ обыкновеннаго денежнаго сбора, на земскія повинности. — Но какъ прежняя наша жизнь и образованіе, даже и самыя промышленности, по настоящее время нисколько не измѣнились, то и вышеписанную дорожную повинность отправлять натурою не предстоитъ возможности. Пока не измѣнятся вышеписанныя промышленности, и не усовершенствуются главными избытками остальныя двѣ промышленности — скотоводство и хлѣбопа-

шество, въ этомъ обстоятельствѣ заключаются явныя препятствія: 1-е если исправлять дорогу натурою, то мы должны лишиться на весь годъ главныхъ промысловъ, бывающихъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, и отъ этого неминуемо подвергнемся несостоятельности и самому оскудѣнію; 2-е неспособность инородцевъ къ подобнымъ работамъ; 3-е неимѣніе запаснаго продовольствія, т. е. ни хлѣба, ни масла, такъ-же нѣтъ прочной упряжной снасти и прочныхъ разныхъ желѣзныхъ инструментовъ, потребныхъ къ этому дѣлу до значительнаго количества и 4-ое отъ таковой перемѣны нашего состоянія, изъ числа насъ инородцевъ, которые начали заниматься хлѣбопашествомъ, совершенно отступятся отъ сей недавно водворяющейся промышленности, которая есть еще случайная, и такимъ образомъ сія послѣдняя останется безъ всякаго успѣха. Но дабы поощрить изъ числа насъ, инородцевъ, къ оной, къ чему они принимаются въ настоящее время съ должнымъ усердіемъ и охотно, и не лишить насъ всеобщихъ нашихъ промышленностей, мы вынужденными нашлись по сему обстоятельству составить сей просительный приговоръ, коимъ, повергая себя предъ стопы Высшаго Начальства, всенижайше просимъ не благоугодно-ли будетъ, по вышеизложеннымъ причинамъ и по качеству главныхъ нашихъ промысловъ, отъ исправленія натурою дорожной земской повинности насъ, инородцевъ освободить; а въ необходимыхъ случаяхъ нельзя ли, на основаніи прежнихъ положеній, обратить сію повинность въ денежный сборъ, какъ и прежде мы платили. Единственно этою мѣрою Высшее Правительство сохранитъ общее наше благосостояніе и доставить безпрепятственный способъ достигнуть и постоянно усовершенствовать двѣ главныя промышленности — хлѣбопашество и скотоводство, какъ необходимые предметы въ натуральномъ состояніи, и, между тѣмъ, для поддержанія нашего состоянія не уронить настоящія двѣ промышленности — рыбную и звѣриную, которыми мы, собственно, оплачиваемъ ясачныя подати и земскія повинности и прочіе сборы. Это-то обстовтельство, единственно, вынудило насъ прибѣгнуть

съ сею просьбою, на которую имѣемъ честь ожидать благодѣтельную милость отъ Высшаго Начальства. — Для ходатайствованія-же по сему предмету представляемъ сей нашъ приговоръ въ Кызыльскую Степную Думу, покорнѣйше просимъ, по засвидѣтельствованіи, представить оный по принадлежности къ Высшему Начальству. Для чего и утверждаемъ сей приговоръ — князцы приложеніемъ печатей, а остальныя своимъ рукоприкладствомъ".

Когда въ маѣ (17) 1866 г. ачинскій исправникъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы дума назначила „половинное количество (всего числа) бойцовъ . . . для исправленія дорогъ по московскому, минусинскому и старо-енисейскому" трактамъ, — то инородцы отвѣтили, что привести въ исполненіе означенное распоряженіе нѣтъ никакой возможности, потому что нѣкоторые изъ инородцевъ, „преимущественно бѣдные, . . . находятся въ работѣ на золотыхъ промыслахъ, проживаютъ у разныхъ лицъ въ работникахъ по условіямъ, занимаются рубкою дровъ, а самая большая часть инородцевъ отправилась въ тайгу для добычи кедровыхъ орѣховъ, такъ же за промысломъ оленей и мараловъ — такъ что все количество въ отлучкѣ инородцевъ составитъ примѣрно болѣе 1/2 числа бойцовъ . . . думы. Затѣмъ остальные, на мѣстѣ находящіеся бойцы, самая значительная часть тоже бѣдны, и съ большимъ трудомъ поддерживаютъ свое самое скудное скотоводство и пропитываютъ свое семейство". Наконецъ у инородцевъ нѣтъ ни таратаекъ, ни кайлъ и пр. инструментовъ. Въ виду всего этого, дума проситъ „освободить" инородцевъ, иначе „повинность эта поведетъ насъ къ положительному разоренію".

Въ приговорѣ 1881 г. инородцы, указывая на то, что поданное ими чрезъ довѣреннаго Кулужакова губернатору прошеніе объ освобожденіи ихъ „отъ отнесенія дорожной повинности" оставлено безъ послѣдствій, — вновь ссылаются на „крайній упадокъ у 2/3" хозяевъ скотоводческаго промысла — „по случаю неблагопріятствованія климата" — и, вслѣдствіе того, большую бѣдность населенія думы, на малое развитіе

хлѣбопашества, несовмѣстимость дорожныхъ работъ съ звѣропромышленностью, неимѣніе у инородцевъ потребныхъ при исправленіи дорогъ и мостовъ инструментовъ, неспособность ихъ къ плотничнымъ работамъ, — наконецъ, что они и безъ того уже относятъ „безъ посторонней помощи дорожныя повинности въ районѣ своего вѣдомства, на разстояніи около 200 верстъ“. Принимая во вниманіе все это, инородцы снова обращаются къ начальству съ просьбою уволить ихъ отъ участія въ исправленіи минусинскаго тракта. [1])

Въ годъ статист.-экономич. изслѣдованія расходъ кызыльцевъ на выполненіе дорожной повинности указанъ во 100 руб. Они должны были тогда выставлять на минусинско-ачинскій трактъ 22 рабочихъ, „расходуя на одного рабочаго въ среднемъ около 4½ рублей“ [2]). Но это было въ 1889 году. А въ 1895 г. инородцы подряжаютъ выполнить за нихъ работы на минусинско-ачинскомъ трактѣ ачинскаго мѣщанина Горбунова уже за 788 руб. 45 коп.[3]). Въ приговорѣ по этому поводу (и въ отвѣтъ на предписаніе исправника о томъ, чтобы было приступлено къ работамъ по исправленію почтоваго тракта, отъ 6 февраля) говорится: „всѣ мы пришли къ единогласному мнѣнію, что всѣ наши инородцы неспособны къ исполненію натурой дорожной повинности, такъ какъ, по природѣ своей, неподвижность инородческихъ племенъ не пріучила ихъ къ физическому труду, слѣдовательно наши инородцы, высланные на трактъ въ указанное въ законѣ время, ни подъ какимъ условіемъ не могутъ привести въ должный порядокъ тракта и мостовъ, такъ что имъ потребуется продолжать работы на

1) Ссылаясь на приведенное ходатайство, инородцы отказывались отъ уплаты земскому засѣдателю „выданныхъ имъ за исправленіе дороги, мостовъ и пролета въ семъ (1881) году 22 р. 50 к.“, которыя были уже по распоряженію ачинск. полиц. управленія взысканы съ нихъ лишь въ самомъ концѣ года.

2) „Матерьялы по изслѣд. земл. . . . и пр.“, т. IV, вып. 5, стр. 231, 235.

3) Въ 1893 г. для выполненія работъ по исправленію тракта былъ нанятъ инородецъ Кукарцевъ за 110 рубл. При этомъ случаѣ инородцами былъ составленъ новый приговоръ со старыми указаніями на невозможность исправлять трактъ натурою.

тракту въ сѣнокосное время и, проводя таковое время на исправленіе почтоваго минусинско-ачинскаго тракта, инородцы эти останутся на весь годъ безъ сѣна, необходимаго имъ для прокормленія ихъ скота и лошадей, которые отъ безкормицы въ зимнее время, по случаю выпадающихъ иногда довольно глубокихъ снѣговъ, дохнутъ или пропадаютъ. Утрата инородцами скота и лошадей безусловно поведетъ къ разоренію ихъ хозяйства и полному обнищанію. . .“

Черезъ годъ послѣ этого, 10 февраля 1896., кызыльцы новымъ приговоромъ „всѣ, единогласно“ ходатайствуютъ о разрѣшеніи имъ перевести дорожную повинность изъ натуральной въ денежную. „Принимая во вниманіе — читаемъ въ этомъ приговорѣ, что весною сего года означенную гальку придется намъ раскидывать на тракту для исправленія выбоинъ, образовавшихся отъ ѣзды и дождей, а также строить шесть пролетовъ съ канавами отъ 15 до 50 саж. длины и выполнять другія работы, и что, по идущей у насъ въ родахъ очереди отбыванія дорожной повинности, въ лѣтѣ сего года состоитъ очередь за инородцами положительно бѣдными, у коихъ нѣтъ ни кайлы, ни лопаты и путняго плотничнаго топора, не говоря уже другихъ инструментовъ, потребныхъ при постройкѣ пролетовъ, и что люди эти совершенно не годны для исправленія тракта, нанимать же за себя они положительно не въ состояніи, замѣнить же ихъ не кѣмъ, такъ какъ люди, стоящіе за ними на очереди для отправленія этой повинности, такіе-же бѣдные и неспособные къ плотничнымъ работамъ; требовать же на трактъ людей, уже отбывшихъ за себя эту повинность, будетъ несправедливо и составитъ явное нарушеніе основного начала объ управленіи инородцевъ, коимъ постановлено, чтобы ни одно родовое управленіе не стѣсняло, ни подъ какимъ видомъ, ввѣренныхъ ему людей и не упускало изъ виду нуждъ народныхъ (ст. 154 Полож. объ инородцахъ). Въ видахъ чего, находя въ настоящемъ году исправленіе минусинскаго тракта натурою людьми, до коихъ нынѣ дошла очередь, не только разорительнымъ, но и невозможнымъ, такъ какъ по

опыту мы убѣдились, что большинство изъ насъ для такихъ работъ негодны, — всѣ единогласно приговорили . . . ходатайствовать о переводѣ въ денежную повинность".

Переходя отъ натуральныхъ повинностей къ денежнымъ расходамъ, отмѣтимъ сначала, что среди волостныхъ (управскихъ) расходовъ кызыльскихъ инородцевъ наибольшій представляютъ издержки по содержанію церквей, домовъ причта и удовлетворенію религіозныхъ потребностей населенія (494 руб.)

Просматривая архивъ Кызыльской управы, мы не найдемъ въ немъ ничего, что бы говорило о существованіи между инородцами этой управы и ея духовенствомъ подобныхъ же отношеній, на какія мы натолкнулись въ мелецкомъ вѣдомствѣ. (Ср. „Мел. ин." стр. 75—79.)

Бывали и здѣсь отдѣльные эпизоды, врядъ-ли способствовавшія упрочненію связи пастырей съ ихъ паствой, но они никогда не переходили въ форму хронической непріязни. Лучшимъ доказательствомъ того служитъ добровольное участіе инородцевъ въ постройкѣ церквей, участіе въ расходахъ на церковно-приходскія школы и пр.

Въ дѣлахъ кызыльскаго архива нами найденъ относящійся къ 1755 г. документъ, касающійся отношеній между инородцами и духовенствомъ. Фамилія князца, упоминаемаго въ немъ — Кулучаковъ, позволяетъ думать, что здѣсь идетъ рѣчь опять таки о мелецкихъ инородцахъ. Документъ этотъ приводится въ приложеніи II-мъ.

Въ 1827 г. священникъ Мелецкаго острога Копейкинъ, „отношеніемъ" своимъ въ думу, проситъ „объ уничтоженіи и разрывѣ беззаконнаго жительства съ родственницами инородцевъ Каштакаракова и Талкина" (въ улусахъ Кильчековскомъ и Бирилюсскомъ). Дума отвѣчаетъ на это: „за силою 291 § уст. об. упр. инородцами, степная дума не можетъ принять мѣръ къ исполненію его отношенія, а благоловилъ бы онъ, священникъ, какъ духовникъ, отклонить Каштакаракова и Талкина отъ беззаконнаго съ родственницами сожитія, духов-

ными увѣщеваніями, ибо въ § упомянутомъ сказано: „Внушеніе и убѣжденіе суть одни приличныя въ семъ случаѣ мѣры“.

Только однажды, въ 1850 году, намъ попалось въ бумагахъ кызыльскаго архива, столь обычное въ мелецкомъ оглавленіе „дѣла“ — „о высылкѣ къ священно- и церковнослужителямъ Ужурской церкви ясачныхъ инородцевъ для сдѣланія имъ внушенія объ исполненіи христіанской религіи“. (Дѣло № 6, 1850 г.).

Въ томъ же, въ 1850 г., ужурскій священникъ, О. Сосуновъ требовалъ чрезъ исправника отъ инородцевъ уплаты ему за истекшій 1849 годъ 120 р. асс. квартирныхъ денегъ. Въ отвѣтъ на это инородцы составили общественный приговоръ, въ которомъ отказываются отъ выдачи означенной суммы. „Какъ въ прежнія времена, говорится въ приговорѣ, по обитанію нашихъ предковъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ состоитъ Ужурская волость и самое село, — была ими возведена съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, собственно на свой счетъ, по тогдашнему состоянію, деревянная церковь во имя св. апостолъ Петра и Павла. Впослѣдствіи, когда на инородческихъ мѣстахъ населились крестьяне, и составили многія деревни, то они такъ же съ помощею нашей, соорудили каменныя церкви въ селахъ Ужурскомъ и Шарыповскомъ. Вслѣдствіе сего. инородцы раздѣлились на два прихода, а нынѣ кочуютъ безъ разбору въ разныхъ мѣстахъ Кызыльского вѣдомства; но священники этихъ церквей съ самаго начала всегда имѣли собственные свои дома, а за неимѣніемъ таковыхъ нанимали на свой счетъ квартиры, ограничиваясь доходами, закономъ положенными по ихъ сану, и на содержаніе таковыхъ (квартиръ) какъ прежде не было, такъ же по настоящее время не имѣетъ въ виду никакого законнаго права, по коему инородцы могли бы отправлять сію повинность деньгами или натурою. И притомъ, по образу нашей жизни, и непостоянно принадлежащихъ къ одному приходу, не находимъ себя въ возможности изъявить нашего согласія. А потому мы необходимо нужнымъ поставили себя въ обязаность составить (и составили) на этотъ

предметъ сей приговоръ и всепокорнѣйше просимъ высшее начальство черезъ Кызыльскую степную думу отъ вышеписанной квартирной повинности насъ избавить, для чего и представить сей приговоръ, по запискѣ въ шнуровую книгу, высшему наначальству".

Въ 1863 г. при Божьеозерской, только что выстроенной церкви, не было еще своего особаго священника, а завѣдывалъ ею священникъ с. Шарыповскаго. Въ концѣ этого года, по случаю отъѣзда послѣдняго и въ виду храмоваго праздника въ Божьемъ озерѣ, священникъ Тайдоновской церкви [1]) хотѣлъ было отправиться туда для совершенія богослуженія. Однако инородцы отказались дать ему для проѣзда лошадей „и я долженъ былъ — жалуется священникъ земскому засѣдателю — остаться дома. Чрезъ это могли произойти убытки церковные и интересы казенные потеряться, не говоря уже объ ослабленіи религіознаго чувства тамошнихъ прихожанъ". Жалоба эта была однако, какъ засѣдателемъ, такъ и ачинскимъ земскимъ судомъ оставлена — „по неимѣнію закона" относительно безплатнаго провоза священнослужителей — безъ послѣдствій.

Къ 1867 году относятся два дѣла по оскорбленію Тайдоновскаго священника, о. Іоанна Данилова. Сначала, во время отсутствія его, трое инородцевъ изъ Костинскаго улуса, въ продолженіи трехъ ночей ломились въ его квартиру. Затѣмъ инородцемъ Подкаменскаго улуса, Янгуловымъ были нанесены „оскорбленія и обиды" какъ самому священнику, такъ и его семейству и діакону Раевскому. На послѣднемъ Янгуловъ изорвалъ даже „полукафтанье". По первому дѣлу виновные — всѣ трое — приговорены были думою къ наказанію роз-

1) Тайдоновская церковь была построена инородцемъ Тайдоновскаго улуса Василіемъ Тайдоновымъ, получившимъ за это „отъ Святѣйшаго Правит. Синода благословленіе, изясненное въ присланной ему изъ онаго грамотѣ". До постройки Чебаковской церкви она имѣла большой приходъ, съ постройкой же этой послѣдней потеряла всякое значеніе. Во второй половинѣ 50-хъ годовъ заготовлялся было инородцами лѣсъ и былъ нанятъ подрядчикъ для постройки церкви въ Костинскомъ улусѣ, но затѣмъ, по распоряженію духовнаго начальства, постройка этой церкви была отмѣнена.

гами, по 50 ударовъ каждый. По второму — опредѣлено было наказать Янгулова „при думѣ, въ собраніи общества, 15 ударами“ и уплатить дьякону за изорванное платье — 12 рублей.

Въ книгѣ явокъ за 1871 г. находимъ такое заявленіе инородца Шуйской управы Итыгечева: „. . . по случаю тяжкой болѣзни сына его 7 лѣтняго Прокопія, онъ, Итыгечевъ, въ прошлую пятницу (21 ч. с. мая) обращался къ мѣстному Божіе-Озерскому приходскому священнику Алексѣю Л. съ просьбою о напутствованіи сего мальчика по обряду христіанскому, пріобщеніемъ св. таинъ. Священника Л. — онъ засталъ тогда въ пьяномъ видѣ. Но впрочемъ онъ приказалъ Итыгечеву явиться въ воскресенье (23 ч.) въ Божіе Озерскій храмъ, гдѣ за литургіей обѣщалъ причастить Прокопія. Но въ воскресенье Итыгечевъ, прійдя предварительно къ священнику для узнанія будетъ-ли Божественная Служба, засталъ у него въ гостяхъ инородца Ивана Кукарцева и графинъ съ виномъ на столѣ, и получилъ отъ священника отвѣтъ, что, по случаю его болѣзни, онъ не въ состояніи служить литургію, и дѣйствительно отозвался правильно, потому что былъ точно не въ состояніи ни къ чему, по хмѣльному его положенію. Сего 26 числа мая сынъ Федора Итыгечева умеръ, но, по случаю, и по нынѣ нахожденія священника Л. въ томъ же положеніи — отпѣть и предать землѣ тѣло умершаго онъ встрѣчаетъ затрудненіе“.

Въ 1879 г. Божьеозерскій священникъ жаловался, что, благодаря неимѣнію „надежной одежды“ у трапездниковъ выбираемыхъ изъ бѣдняковъ, и караулъ церкви дѣлается „ненадежнымъ“. Кромѣ того, говоритъ онъ, инородцы, какъ неопытные и не вышедшіе еще изъ невѣжества входятъ даже, — къ нарушенію правилъ церковныхъ и въ царскія церковныя врата, [1]) а такъ же не могутъ примѣниться, чтобы производить

1) Ср. такъ же жалобы на непристойное поведеніе инородцевъ въ церкви и пр. „Сибирск. Вѣстн.“ 1893 г., № 145.

правильный колокольный благовѣстъ; да и вообще причиняютъ разные подобные соблазны". — „Признавая это заявленіе священниковъ весьма справедливымъ, говорится въ приговорѣ инородцевъ по этому поводу, мы находимъ лучшимъ выборъ трапезниковъ замѣнить наймомъ изъ благонадежныхъ лицъ, для чего опредѣляемъ каждому трапезнику по 5 р. въ мѣсяцъ", а всего 240 р. въ годъ (на 4 трапезниковъ). . .

Изъ всѣхъ инородческихъ вѣдомствъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ, одно только Кызыльское довольствуется церковно-приходскими школами [1]) въ Чебакахъ и въ ул. Божьеозерскомъ, затрачивая на нихъ 149 рублей. Изъ этихъ школъ Чебаковская помѣщается въ зданіи бывшей конторы, пожертвованномъ золотопромышленникомъ Иваницкимъ. Въ 189½ учебн. году въ ней было 27 мальчиковъ и 3 дѣвочки. Причемъ, въ числѣ учащихся инородч. дѣтей было 14 и 6 крестьянскихъ (изъ нихъ 2 дѣвочки).

Въ годъ статистико-экономич. изслѣд. (189½ учебн.) было зарегистрировано всего: мужчинъ грамотныхъ — 19 и полуграмотныхъ — 21; женщинъ грамотныхъ — 5. Кромѣ того учащихся: мальчиковъ — 26, дѣвочекъ — 6. Процентъ хозяйствъ съ грамотными и учащимися (вмѣстѣ) ко всему числу хозяйствъ вѣдомства равнялся — 5,1; % грамотн. и учащихся мужчинъ къ общему числу мужчинъ — 2,4; женщинъ къ общему числу ихъ — 0,4; % грамотн. и учащихся об. п. ко всему населенію — 1,4; % учащихся къ числу мужчинъ въ возрастѣ отъ 7 до 14 л. былъ = 0,6, къ числу мужщинъ свыше 14 лѣтн. возраста — 1,4.

Первоначальными проводниками грамотности — и довольно долгое время единственными — являлись тѣ-же управскіе письмоводители. Въ дѣлахъ 1826 г. мы находимъ слѣдующій приказъ исправника (отъ 10 марта): „Въ отвращеніе совершеннаго недостатка между поселянами ввѣреннаго мнѣ округа грамотныхъ людей, я счелъ необходимо нужнымъ, дабы во-

1) Мелецкая управа не имѣетъ вовсе школъ.

лостные писаря, въ числѣ получаемой ими платы, каждый обучалъ по крайней мѣрѣ двухъ способныхъ мальчиковъ, избранныхъ по согласію обществъ, которые-бы впослѣдствіи могли занимать ихъ мѣста“ (а сначала — ихъ помощниковъ — такъ-же безплатно, за ученье). Въ свою очередь, губернаторъ „въ разрѣшеніе. предписалъ мнѣ привесть оное (предположеніе) въ исполненіе, съ тѣмъ, чтобы мальчики обучались, читать, писать и выкладывать на счетахъ“.

Позже общество инородцевъ стало ассигновать уже нѣкоторую сумму на обученіе мальчиковъ не только грамотѣ и счету, но также и оспопрививанію. Такъ, въ 1844 г. „по примѣру прочихъ лѣтъ, на обученіе двухъ мальчиковъ оспопрививанію и россійской грамотѣ“ ассигновано было 34 руб. 28 коп. сер.

Въ 1879 г. инородцы на общемъ сходѣ „имѣли сужденіе о томъ, что для улучшенія нашего быта, какъ мы нынѣ уже убѣдились, необходимо обучать нашихъ малолѣтнихъ дѣтей грамотности, для чего находимъ полезнымъ и удобнымъ образовать училище въ нашемъ селѣ Божіеозерскомъ, чтобы дѣти наши могли всегда быть подъ надзоромъ своихъ родныхъ и чтобы бѣдность нѣкоторыхъ инородцевъ не могла быть препятствіемъ къ образованію ихъ дѣтей; и мы согласились выстроить въ с. Божіеозерскомъ для училища общественный удобный домъ и на содержаніе училища ежегодно собирать нужную сумму денегъ по раскладкѣ на все общество съ тѣмъ, чтобы уже дѣти всѣхъ инородцевъ, безъ различія, обучались въ этомъ училищѣ безвозмездно. . . .“ Инородцы просятъ исправника ходатайствовать о разрѣшеніи имъ открыть училище и „прекратить съ насъ сборъ денегъ на содержаніе Иркутской учительской семинаріи (!)“ . . .„Но такъ какъ — говорится въ другомъ протоколѣ отъ того же 28 янв. — для училища нужно имѣть домъ, постройка котораго и вообще покупка разныхъ учебныхъ книгъ и первое обзаведеніе необходимыхъ предметовъ, потребуетъ разомъ большихъ расходовъ, что для насъ будетъ очень обременительно и это

можетъ быть препятствіемъ къ осуществленію этой благотворной мысли, обученія дѣтей грамотности, то мы единогласно просимъ нашего родоначальника Кауракова обратиться съ починомъ сего дѣла къ комм. совѣтн. Зах. Мих. Цыбульскому, какъ къ высоко-уважаемому человѣку не только нами, но и лицами всѣхъ сословій вообще и сибирскаго края въ особенности, по его общеизвѣстной благотворительности на пользу общественнаго блага, и просить . . . не найдетъ ли онъ возможнымъ оказать и въ этомъ дѣлѣ для общей пользы нашего молодаго поколѣнія свое просвѣщенное вниманіе пособіемъ намъ въ первоначальномъ устройствѣ училища, пожертвованіемъ деревяннаго дома, принадлежащаго ему и находящагося въ с. Божьеозерскомъ, а также помочь другими предметами и учебными пособіями по его усмотрѣнію, и этимъ полезнымъ дѣломъ увѣковѣчить въ сердцахъ нашихъ благодарную ему память . . . . .“

Въ свою очередь, исправникъ въ предписаніи отъ 18 февр. того же года выражаетъ недоумѣніе, по поводу того, что „въ приговорахъ инородцевъ назначаются каждогодно къ сбору деньги на содержаніе Иркутской Учительской Семинаріи, но по чьему распоряженію собираются деньги на содержаніе семинаріи другой губерніи, а не своей, когда дѣти инородцевъ, вѣроятно, воспитываются въ здѣшней семинаріи — неизвѣстно“. Исправникъ, согласно предписанія казенной палаты, требуетъ составленія приговора о переводѣ ассигнуемыхъ на семинарію денегъ въ Красноярскъ [1])

Всѣхъ грамотныхъ въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ въ 1829 г. было — 4 человѣка, въ 1841 г. — 16 человѣкъ.

Въ 1890 г. грамотные и учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по отдѣльнымъ родамъ и по полу:

---

1) Какъ видно изъ дѣлъ архива, еще въ 1868 г., согласно предложенія губернскаго правленія было постановлено инородцами вносить въ Красноярскую учительск. Семинарію по 70 рубл. Но вносились-ли эти деньги до 1879 г. — намъ не извѣстно. Въ 1884 г. „на содержаніе Краснояр. учит. Семинаріи“ ассигновано было 70 руб. 70 коп.

Названіе родовъ.	Число хозяйствъ съ грамотн. или учащимися.	% такихъ хозяйствъ.	Мужчинъ.		Учащихся муж. пола.		Женщинъ.	
			Грамотн.	Полуграм.	Въ школѣ	Дома.	Грамотн. и полуграм.	Учащихся.
Кызыльскій	8	7,7	2	3	3	1	—	2
Мало-Аргунскій	3	7,7	-	1	1	—	1	—
Курчиковскій	6	4,7	6	2	1	1	—	—
Мало-Ачинскій	2	1,9	2	—	—	1	—	—
Камларскій	8	5,3	3	2	6	—	2	3
Больше-Ачинскій	4	2,9	1	1	3			—
Басагарскій отдѣлъ . .	4	9,1	—	2	1	1	—	—
Басагарскій 1 и 2 пол.	2	2,5	1	—	1	—	—	—
Игинскій	2	1,8	1	2	1	—	—	—
Шуйскій	15	9,9	3	8	5	—	2	1
Итого	54	5,1	19	21	22	4	5	6

Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, грамотность населенія даже наиболѣе обрусѣлыхъ и осѣдлыхъ родовъ крайне незначительная — въ особенности женщинъ.

Въ еще болѣе, чѣмъ училищное дѣло, печальномъ положеніи находится медицинское. Кромѣ незначительныхъ расходовъ на содержаніе оспопрививателей, Кызыльское вѣдомство не дѣлаетъ никакихъ затратъ для улучшенія у себя врачебной помощи.

Оспопрививатели были заведены съ самаго основанія Степной Думы, причемъ на каждую 1000 ревизскихъ душъ опредѣлено было имѣть одного оспопрививателя. Въ 1826 году оспопрививателями состояли инородцы — Сапараковъ и Шушеначевъ.

Въ 1850 и 1851 г. въ нѣкоторыхъ улусахъ кызыльскихъ инородцевъ (наир. въ Мажарскомъ) „свирѣпствовала какая то повальная болѣзнь“ (весною).

Время отъ времени окружные лѣкари вызывали къ себѣ „для излѣченія“ больныхъ, одержимыхъ „любострастной болѣзнью“. Устанавливать діагнозъ болѣзни лежало на обязанности Степной Думы. Въ 1852 г. послѣднею, согласно

распоряженію, высланы были въ Ачинскъ инородцы Куртояковъ и Салыгачевъ. Первый изъ нихъ оказался „болѣзни этой неподверженъ“, и Дума получила нагоняй отъ исправника, требовавшаго отъ нея „именно тѣхъ, которые одержимы любострастной болѣзнью, т. е. венерической“. . .

Въ концѣ (30 декабря) 1848 г. въ Думѣ было получено извѣщеніе, что „Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить представленіе Министра Внутр. Дѣлъ о денежномъ пожертвованіи инородцевъ на устройство больницы для леченія зараженныхъ изъ нихъ сифилитическою болѣзнью.“ Подписка на означенную больницу началась еще съ 1844 г., когда по четыремъ подписнымъ листамъ двумя стами шестью лицами пожертвовано было всего 1825 р. асс. Къ 1848 г. эта сумма возросла до 1855 р. асс. Деньги по подписнымъ листамъ должны были, по мѣрѣ полученія, поступать въ кассу приказа обществ. призрѣнія. — Дальнѣйшая судьба этой подписки намъ неизвѣстна.

Въ 1881 г., по случаю эпидеміи дифтерита, было предложено кызыльцамъ завести своего отдѣльнаго фельдшера. Въ состоявшемся по этому поводу приговорѣ инородцевъ говорится, что хотя они и находятъ, „что дѣйствительно медицинская помощь при болѣзненныхъ случаяхъ всегда необходима, а въ особенности при существованіи болѣзни дифтерита, каковою помощью медицины желали бы воспользоваться всегда и мы, но какъ содержаніе такой медицинской помощи стоитъ очень дорого, а мы на то не имѣемъ ни малѣйшихъ средствъ и едва уплачиваемъ государств. подати и прокормливаемъ свои семейства“ . . . , то и фельдшера отдѣльнаго имѣть не въ состояніи.

Въ вышеприведенномъ исчисленіи расходовъ на 1889 годъ не указывается вовсе въ этомъ году расходовъ на благотворительность. Зато, какъ видно изъ дѣлъ архива, въ прежніе времена инородцы весьма часто привлекались къ участію во всякаго рода подпискахъ на сооруженіе церквей, помощь погорѣльцамъ и пр. и пр. Такъ, въ 1825 году съ троихъ инородцевъ (изъ коихъ одного звали „Байдышка, онъ же Федоръ“,

другого „Иклукуй“, взыскано было 4 р. 50 к., пожертвованные ими на красноярскую кладбищенскую церковь. Въ томъ же году собирались пожертвованія „на сооруженіе въ г. Архангельскѣ памятника статскому совѣтнику Ломоносову“.

Въ дѣлахъ 1826 г. находимъ такое распоряженіе исправника: „еще разъ предписываю Думѣ наистрожайше, дабы она усугубила стараніе къ приглашенію жителей къ пожертвованію денегъ . . . на выкупъ македонскаго жителя Ивана Сатырье“. . . .

Въ 1868 г., по общественному приговору собрано было инородцами „на устройство въ С.-Петербургѣ церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая — 40 р.“ и „въ пользу пострадавшихъ жителей отъ бывшихъ неурожаевъ хлѣба“ — 19 руб.[1])

Не производится инородцами въ настоящее время и расходовъ „на пожарные инструменты“, не смотря на то, что заботы администраціи о заведеніи ихъ начались вмѣстѣ съ учрежденіемъ Думы. Въ 1824 г. эта послѣдняя получила уже распоряженіе о томъ, чтобы, какъ при самомъ помѣщеніи ея, такъ и въ другихъ улусахъ, „преимущественно лежащихъ на тракту“, были заведены по 2 бочки, 4 ведра, 2 лѣстницы, 4 багра и пр. Инородцы однако нашли такой расходъ для себя „крайне отяготительнымъ“ и признали нужнымъ имѣть означенные пожарные инструменты лишь при помѣщеніи Думы. По ихъ словамъ, большинство населенія ихъ вѣдомства „болѣе жительствуютъ въ земляныхъ; а хотя нѣкоторые и имѣютъ деревянные зимники, но и тѣ (инородцы) съ мѣста на мѣсто кочуютъ“.

Впрочемъ, въ слѣдующемъ 1825 г. самъ губернаторъ въ отвѣтѣ на принесенныя ему жалобы родовичей, предписываетъ „ни подъ какимъ видомъ не дѣлать никакихъ сборовъ, кромѣ означенныхъ выше, и въ особенности на пожарные инструменты“. Большинство случающихся у инородцевъ пожаровъ происходятъ, какъ видно изъ архивныхъ данныхъ, отъ палова. Въ 1849 г. (25 апрѣля) отъ палова пого-

1) Въ 1893 г., въ силу циркул. предписанія губернатора, ассигновано было инородцами 28 рубл. на выписку „Описанія путешествія Е. И. В. Государя Наслѣдника на востокъ“.

рѣло 11 дворовъ въ Тайдоновскомъ зимникѣ, въ томъ числѣ домъ князца Тайдонова, состоящій изъ 4 комнатъ, крытый тесомъ, съ амбаромъ, деревянной юртой и дворами, оцѣненный самимъ владѣльцемъ въ 2260 р., а по общественной оцѣнкѣ стоющій 645 р. 71½ к. Общій убытокъ отъ этого пожара, по оцѣнкѣ потерпѣвшихъ, равнялся 3000 рубл., по оцѣнкѣ инородческаго общества — 857 р. 25¼ к. Благодаря тому, что жители Тайдоновскаго улуса перекочевали уже „на весеннее жительство“, „никакого имущества въ зимникѣ не оставалось“. Отъ всего улуса сохранилось лишь три дома [1]).

Съ 1836 года инородцы начали жаловаться на „горящую тундру.“ Въ 1837 г. „вверху Бѣлаго Іюса“ выгорѣло про-

---

1) Для примѣра, приведемъ актъ слѣдствія произведеннаго по поводу пожара, бывшаго въ концѣ октября 1837 года въ улусѣ Итеменевскомъ. Между прочимъ въ немъ мы находимъ опять упоминаніе о землянкахъ, служившихъ жилыми помѣщеніями для инородцевъ этого улуса. „Въ присутствіи Кызыльск. Степн. Думы засѣдатель Сулековъ дѣлалъ разысканіе относительно возникшаго въ сей Думѣ пожара въ ул. Итеменевомъ, коимъ похищено сѣна до 500 копенъ, и который собравшимися людьми, человѣкъ до 70 былъ уже погашенъ отъ улуса въ двухъ верстахъ. . . . По коему (разысканію) и оказалось, что въ полдни сего дня сначала, неизвѣстно отъ чего, загорѣлся дворъ, принадлежащій ясачному Архипу Итеменеву, который (дворъ) былъ покрытъ сѣномъ, къ утушенію коего (пожара) хотя и были тутошними жителями принимаемы мѣры, но при маломъ числѣ людей и шибкомъ вѣтрѣ погасить не могли и порывомъ сего вѣтра (былъ) выброшенъ на лугъ съ огнемъ клокъ сѣна, и (пожаръ) сталъ распространяться далѣе и потомъ, какъ выше сказано, собравшимися людьми былъ уже утушенъ. Умышленнаго-же зажигательства и даже подозрѣнія въ томъ никакого не открылось, а полагаютъ, какъ бывшіе тутъ инородцы, (такъ) и засѣдатель Сулековъ, что пожаръ произошелъ отъ искры выброшенной изъ чьей либо землянки тѣхъ инородцевъ, и которая, павши на дворъ, при раздутіи вѣтра обратилася въ огонь, а сей послѣдній и принялъ уже дѣйствіе до высшей степени. — А потому и заключено: изъ обстоятельства сего видно, что пожаръ сей произошелъ отъ неосторожностей самихъ ясачныхъ улуса Итеменева, и который (пожаръ) какъ кромѣ похищенія у нихъ же сѣна никакого вреда другимъ инородцамъ не сдѣлалъ, то согласно Уст. об. Упр. инор. § 194, зарѣшить сіе дѣло симъ приговоромъ и Ачинск. Земск. Суду донести о семъ только къ свѣдѣнію, между-же тѣмъ всѣмъ инородцамъ строго подтвердить, дабы они на будущее время обращались съ огнемъ какъ можно осторожнѣе“. (Подписалъ) засѣдатель Сулековъ.

странство верстъ въ 15 длиною. Въ 1838 году „отъ весенних паловъ тундра вновь загорѣлась“, близь улуса Кызылганскаго (на Бѣломъ Юсѣ). Часть пожарища залило водой разлившагося Юса, но все-же оно успѣло уже настолько распространиться, что инородцы, не надѣясь на свои силы, просятъ для тушенія огня выслать имъ въ помощь 10 казаковъ. Въ октябрѣ 1850 года князецъ Большеачинской управы Ульчегачевъ доносилъ Думѣ, что въ концѣ сентября этого года, неподалеку отъ рч. Заплотъ, неизвѣстно отчего, загорѣлась „тундра земли.“ Собравъ человѣкъ 50 инородцевъ, Ульчегачевъ сталъ проводить глубокія, „до самаго щебня“ канавы, которыми и окружилъ все горѣвшее мѣсто. Однако 1 октября, утромъ, сильнымъ вѣтромъ раздуло огонь и перебросило чрезъ канавы на траву, „которая сильно загорѣла и сдѣлался ужасный палъ“, потушить который они не были въ силахъ. Огонь распространился на пространствѣ 7 верстъ вплоть до улуса качинскихъ инородцевъ — Кобякова, гдѣ и былъ потушенъ. У кызыльцевъ огнемъ похищено было 662 копны (собраннаго) сѣна.

Въ числѣ годовыхъ расходовъ Кызыльскаго вѣдомства мы не встрѣчаемъ также суммъ на наемъ караула экономическихъ магазиновъ, на перемѣрки хлѣба въ этихъ магазинахъ и пр. Объясняется это весьма просто самымъ отсутствіемъ у Кызыльцевъ подобныхъ магазиновъ. Еще въ 1841 году Дума докладывала, „командированному отъ V-го отдѣленія собственной Его Импер. Велич. Канцеляріи ген.-майору Черкасову“, что „для продовольствія сихъ инородцевъ никакихъ здѣсь хлѣбныхъ запасовъ казенныхъ или общественныхъ никогда не было и не имѣется, и они этого не просили и не желаютъ, потому что могутъ сами собой имѣть содержаніе“. Съ тѣхъ поръ вплоть до 1893 года продовольственное дѣло въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ оставалось въ томъ же видѣ. Въ 1893 г., по предложенію исправника, инородцы рѣшили выстроить при управѣ хлѣбозапасный магазинъ, вмѣстимостью на 4000 пудовъ и опредѣлили собрать для этого 509 р. 46 к.

или по 42 коп. съ каждой изъ 1213 наличныхъ душъ: „Въ виду незначительности — говорится въ приговорѣ инородцевъ — членовъ нашихъ улусовъ занимающихся хлѣбопашествомъ, и большинства жителей бѣднаго состоянія, мы нашли возможнымъ на первое время засыпать съ каждой наличной души мужского пола, которыхъ у насъ числится 1213, по одному пуду ржи, продолжая таковой же взносъ ежегодно впредь до пополненія установленнаго количества хлѣба на душу, долженствующаго быть въ магазинѣ".

Въ окт. 1895 г. рѣшено было пополнить продовольственный магазинный запасъ взносомъ по 2 пуда ржи или ярицы съ каждой ревизской души.

Помимо денежныхъ сборовъ съ населенія, расходы по выполненію податей, повинностей и пр. пополняются частью также поступленіями отъ доходныхъ статей общества. Точная регистрація этихъ послѣднихъ совершенно невозможна въ виду того, что населеніе, обыкновенно, стремится прикрывать ими образуемыя въ общественной смѣтѣ, послѣ критическаго разсмотрѣнія ея со стороны начальства, прорѣхи...

По свѣдѣніямъ, собраннымъ изслѣдователями 1890 г., общая сумма поступленій отъ доходныхъ статей Кызыльскаго вѣдомства въ этомъ году равнялась 484 рублямъ. Изъ нихъ 220 рублей получено въ уплату оброка за пользованіе усадебными мѣстами, 4 рубля за сѣнокосы, 230 рубл. „за прочія угодья" и 30 рубл. „оброки съ постороннихъ". Въ рубрику „прочія угодья" вошла и ежегодно получаемая кызыльцами сумма 215 р. за мѣсто подъ мѣднымъ рудникомъ.

Въ 1877 г. съ оброчныхъ статей отданныхъ инородцами разнымъ лицамъ, проживающимъ въ с. Покровскомъ (Чебаки), а также золотопромышленникамъ — получалось всего 121 р. Съ золотопромышленника Богомолова, резиденція котораго уже въ теченіи 18 лѣтъ находилась въ Торчинскомъ улусѣ, арендной платы взималось по 33 р. въ годъ. — Арендаторами различныхъ угодій у инородцевъ являются главнымъ образомъ золотопромышленники и торгующіе. Уже въ 1825 г., по

свѣденіямъ Думы, въ предѣлахъ ея владѣній проживало двое томскихъ купцовъ, 1 ачинскій мѣщанинъ, 1 крестьянинъ, 98 качинскихъ и 3 томскихъ инородцевъ. Кромѣ того въ іюнѣ и сентябрѣ каждаго года наѣзжали „для закупа скота и пушнаго товара и мѣны товаровъ“ торговцы изъ другихъ мѣстностей.

Одинъ изъ указанныхъ выше „томскихъ купцовъ“ — Евсѣевъ „имѣлъ пребываніе въ степи, называемой рѣки Чернаго Іюса, на устьѣ рѣчки Печища, гдѣ и пасъ собственные свои табуны, и нѣкоторыхъ закупленныхъ мериновъ, кобылъ и ланшаковъ, исключая ланшаковъ малыхъ и селѣтокъ, всего числомъ 180 лошадей“. Платилъ-ли что нибудь инородцамъ за пользованіе выгономъ и усадебнымъ мѣстамъ Евсѣевъ — мы не знаемъ. Лишь съ 60-хъ годовъ начинаютъ въ книгахъ приговоровъ или „условій и договоровъ“ попадаться указанія на взиманіе съ посторонннихъ за угодья арендной платы. До этого времени только однажды встрѣтилось намъ указаніе, относящееся къ 1841 г., на полученіе съ пріискателей взысканіемъ за отведенныя подъ пріиски мѣста — 398 рублей (съ компаніи Толкачева и Коробкова). Въ тоже время имѣются и прямыя указанія на безплатное пользованіе инородческими угодьями со стороны тѣхъ-же напр. золотопромышленниковъ. Въ 1859 году жители улуса Чебаковскаго отдали купцу Сосулину „мѣстность на полянѣ праваго берега рч. Изыкіюля“, причемъ, „по случаю“ болотистаго по ней мѣста и неимѣнію никакихъ угодій . . . за землю эту — говорится въ приговорѣ инородцевъ — какъ для насъ совершенно безполезную, вознагражденія никакого не полагаемъ, (вплоть) до окончанія выработки пріиска“. Въ томъ же году другой участокъ земли въ 250 тысячъ кв. саженъ по рч. Изыкчулю уступается подъ прійски купцу Озерову. А такъ какъ мѣсто это „пустопорожнее, болотистое, не имѣющее никакихъ угодій — потому мы за эту землю, какъ для насъ безполезную, вознагражденія никакого со стороны Озерова не полагаемъ“. . .

Арендная плата, получаемая инородцами за уступаемыя

ими промышленникамъ подъ разработку площади земли — значительно варьировалась въ зависимости не только отъ величины и мѣстоположенія участка, но, повидимому, и отъ личности арендатора. Въ 1872 г. была уступлена Мединой подъ мѣдные рудники на 99 лѣтъ мѣстность по рч. Печищѣ, длиною въ 20, и шириною въ 1½ версты за плату 55 руб. въ годъ. Въ 1875 году инородцы Усть-Парнинскаго улуса уступаютъ красноярскому купцу Плеханову участокъ въ двѣ квадратныхъ версты „по ключу Тустулъ, называемый Малымъ, впадающій въ р. Базырь, подъ заявленный имъ мѣдный рудникъ“ за плату по 5 руб. въ годъ. Въ томъ же 1875 году Хворостову отдана подъ разработку золотоносныхъ розсыпей площадь длиной въ 3 версты, шириной въ ½ версты, въ 5 верстахъ отъ Чебаковъ, по теченію рч. Изикіюля, за 10 руб. въ годъ. Въ слѣдующемъ году съ тѣмъ же Хворостовымъ составлено общее условіе, согласно которому онъ уплачиваетъ за каждую отведенную ему впредь подъ пріиски площадь по 10 руб. въ годъ. Тогда же (1876 г.) инородцы Малоозерскаго улуса отдаютъ купцу Чернядьеву, на 99 лѣтъ „участокъ земли съ лѣсами въ границахъ отъ устья р. Верхней Печищи, прямой линіей до озера Кызынголя по хребту горъ къ Малому озеру до грани мѣстности уступленной подъ Печищенскіе мѣдные рудники“, съ правомъ пользованія лѣсами. Арендная плата назначена 20 руб. въ годъ. Въ это же самое время тому-же Чернядьеву уступленъ въ аренду на 99 лѣтъ жителями улуса Усть-Парнинскаго участокъ земли, мѣстоположеніе котораго опредѣляется ими такимъ образомъ: „1) съ вершины Абьюла по вершину р. Сегеньюла — 2) съ вершины Сегеньюла по устье ключа Нижняго Тустула — 3) отъ устья Тустула прямой линіей до устья Сегеньюла, впадающей въ рч. Абьюлъ и затѣмъ вверхъ по рч. Абьюлу до вершины ея“. При этомъ инородцы „разсуждали, что такъ какъ приведенный участокъ земли никакой пользы обществу не приноситъ, то, слѣдовательно и уступка онаго въ арендное пользованіе . . . не влечетъ за собой никакого общественнаго ущерба“. Чернядьеву

разрѣшается пользоваться строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, съ тѣмъ, чтобы и онъ, въ свою очередь, не запрещалъ инородцамъ въ отведенной ему дачѣ рубить лѣсъ. Годовая арендная плата установлена въ 40 рублей. — Двумя мѣсяцами позже Усть-Парнинцы вмѣстѣ съ инородцами улуса Косоложенскаго сдаютъ въ аренду Мелину „мѣстность въ 1—2 верстахъ по зимней дорогѣ“ отъ улуса Усть-Парнинскаго къ улусу Косоложенскому, „подъ свинцово-серебряный рудникъ“, вплоть до его выработки, за 30 руб. въ годъ. — Въ 1879 году тотъ же Чернядьевъ арендуетъ на 99 лѣтъ „подъ разработку мѣдныхъ и другихъ рудъ“ двѣ мѣстности: одну „шириною — по теченію съ правой стороны рч. Агаскырской Печинци на 4 версты и длиною — отъ вершины ея по теченію до самаго устья ея впаденія“; другую — „въ трехъ верстахъ отъ соединенія трехъ рѣкъ, Печинцей, длиною по теченію на 2 версты и въ ширину — въ лѣвую сторону отъ рч. Печинци внизъ по теченію три версты, а въ правую сторону — двѣ версты“. Арендная плата — 20 р. въ годъ. Въ этомъ-же году золотопромышленница Имшенецкая получила подъ разработку золота площадь, лежащую въ 10 верстахъ отъ Чебаковъ за 5 руб. годовой арендной платы, а купецъ Васильевъ въ томъ-же году обязался съ каждой отведенной ему подъ разработку золота площади, уплачивать 100 руб. аренды въ годъ“ и, кромѣ того съ каждаго намытаго пуда золота еще 100 рублей. Наконецъ тогда же Рагожниковой и Иванову отдаются участки подъ пріиски съ платой по 10 рублей въ годъ. . .

Не меньшимъ колебаніямъ подвержена и арендная плата за пользованіе усадебными мѣстами равно какъ и сборъ за право производства торговли въ улусахъ. Такъ въ 1870 г.: инородцы Чебаковскаго улуса разрѣшаютъ крестьянину Кирепкину проживать въ теченіе 10 лѣтъ и производить торговлю въ ихъ улусѣ за плату по 10 р. въ годъ. Въ 1872 г. за право торговли въ тѣхъ же Чебакахъ (по 1900 годъ) опредѣляется годовая плата въ 20 рублей, а въ 75 году съ

купцовъ Николаева и Иванова за производство торговли „мануфактурными товарами“ въ теченіе 10 лѣтъ рѣшено было взимать по 40 р. „въ пользу всего инородческаго общества“ и по 10 рублей сверхъ того еще въ пользу инородцевъ Чебаковскаго улуса“. Годъ спустя томская мѣщанка „Грюнштейнова“ получаетъ право бесрочнаго жительства въ Чебакахъ, производства торговли, пользованія пахотными угодьями и проч., все это за 8 рублей въ годъ. Въ 1879 году Чебаковцы пускаютъ къ себѣ строиться и жить солдатку Галкину за 5 рубли въ годъ. „А если Г—й нужно будетъ для ея коровы или коня корма накосить на телѣгу —, чтобъ мы ей не прекословили, но покосовъ косить безъ вѣдома общества она не должна, а просила бы общество; и обходчику, за ночной караулъ платила бы на ряду съ прочими. Съ тѣмъ и уступаемъ ей . . . . мѣстность“ (подъ постройку). — Въ 1871 году инородцы Костинскаго улуса дали разрѣшеніе проживать въ теченіе 10 лѣтъ въ ихъ улусѣ мѣщанину Терентьеву съ платой по 5 рублей въ годъ. По истеченіи 10 лѣтъ, въ 1882 г. ему, „какъ уже долгое время проживающему въ Костиной“ вновь уступаютъ за ежегодную плату въ 5 рублей на 30 лѣтній срокъ „мѣсто подъ постройки, съ выпускомъ для скота“ и правомъ производства торговли. Инородцы Саралинскаго улуса принимаютъ къ себѣ въ томъ же году на жительство на 15 лѣтъ мѣщанина Журавлева „съ правомъ пасти скотъ, рубить дровяной и строевой лѣсъ, торговать въ лавкѣ — за плату 10 рублей въ годъ.“ За право торговли въ теченіи 15 лѣтъ въ Чебакахъ Хижинскій въ 1880 г. обязался уплачивать ежегодно по 35 рублей (сверхъ того еще 5 рублей арендной платы за мѣсто подъ домомъ), а довѣренный Мухина за производство торговли въ продолженіи 3 лѣтъ съ 1884 года вноситъ лишь по 10 рубл. ежегодно.

Въ 1894 г. инородцы разрѣшаютъ крестьянкѣ Пермск. губ. проживать въ теченіи 10 лѣтъ въ ул Подкаменскомъ, отводятъ ей усадебное мѣсто (25×60), предоставляютъ право

мелочной торговли, пастьбы принадлежащаго ей скота, косьбы травы на пустопорожныхъ мѣстахъ, пользованія лѣсомъ „для отопленія и другихъ хозяйственныхъ нуждъ.“ За все это арендная плата — 8 рубл. въ годъ. Въ слѣдующемъ году крестьянину Шарыповск вол. разрѣшается проживать въ улусѣ Талкинскомъ въ теченіи 8 лѣтъ съ платою по 4 рубл. въ годъ. При этомъ вмѣняется ему въ обязанность занимать какъ подъ пашни, такъ и подъ сѣнокосъ только тѣ мѣста, которые будутъ указаны обществомъ, „своевольно (же) нигдѣ не занимать; причемъ обязанъ отбывать гоньбовую ихъ повинность. Лѣсъ ему для своей постройки дозволяемъ нарубить потребное число, но отнюдь не для продажи; дрова рубить ему только для себя, продавать ихъ въ другія руки мы не дозволяемъ.“

Въ 1896 г. двое крестьянъ Ужур. вол. просятъ Верхне-Саралинцевъ дозволить имъ проживать въ ихъ улусѣ въ теченіи 5 лѣтъ, причемъ обязуются „лѣсу строеваго не . . . шевелить ни одного кола безъ вѣдома общества, покосовъ и земель подъ хлѣбопашество не . . . . занимать“.

Случаи сдачи въ аренду озеръ, столь частые въ Мелецкой управѣ, здѣсь весьма рѣдки — за отсутствіемъ такихъ какъ тамъ богатыхъ рыбой, заливаемыхъ весной „старицъ“. Въ 1876 г. у нѣсколькихъ лицъ явилась мысль прорыть перешеекъ, отдѣляющій Малое Божіе озеро отъ выше его лежащаго Круглаго, выпустить такимъ образомъ изъ этого послѣдняго воду, и воспользоваться тѣми — рыбными и иными богатствами — какія окажутся на осушеномъ днѣ озера.... По условію, составленному инородцемъ Кукарцевымъ, священникомъ Тыжновымъ, письмоводителемъ Думы Патюковымъ и купцомъ Сажинымъ съ „10 старостами управъ и уполномоченными отъ обществъ гласниками“, Круглое озеро передано было въ 20 лѣтнее арендное пользованіе первымъ 4-мъ лицамъ, „на предметъ постройки на прокопѣ и выпускѣ воды въ Малое озеро мукомольной мельницы и улова въ этомъ озерѣ рыбы, а такъ равно и прочихъ выгодахъ.“ Платы

арендной, съ нихъ никакой не взимается. „Нужное количество лѣсу для постройки мельницы и пр. предоставляемъ (мы, инородцы) полное право пользоваться въ неопредѣленномъ количествѣ вблизи этого озера, а равно и въ другихъ мѣстностяхъ, принадлежащихъ нашему обществу“ . . . . „Дивиденты“ какъ отъ мельницы и рыбной ловли, „такъ и въ случаѣ, если будутъ въ ономъ (озерѣ) найдены по выпускѣ воды мѣдныя или другого названія руды, а такъ равно и прочія драгоцѣнности“ — отъ всѣхъ ихъ полученные „дивиденты“ дѣлятся пополамъ между всѣми четырмя участниками. . . .

Право разработки всѣхъ этихъ ожидаемыхъ „драгоцѣнностей“ остается до окончанія срока аренды за арендаторами. . . Но увы! — драгоцѣнности открыты не были и „дивидентовъ“ не послѣдовало. . .

Въ 1879 году томскій купецъ Васильевъ обратился въ Думу съ предложеніемъ уступить ему въ арендное пользованіе на 99 лѣтъ „мѣстность на низменномъ берегу оз. Инголь близъ Талкинск. ул., именно отъ самаго озера въ длину на 400 саженъ, шириною полосу земли въ ширину озера, съ тѣмъ чтобы онъ могъ на вышесказанной мѣстности пользоваться всѣми угодьями, какъ-то: лѣсомъ, сѣнокосомъ и ловлею рыбы для своего употребленія и съ правомъ производить на этомъ мѣстѣ нужныя ему постройки“. „Вслѣдствіе чего, посовѣтовавшись между собою — говорится въ приговорѣ инородцевъ по этому поводу — мы заключили: что такъ какъ мѣстность просимая купцомъ В—мъ въ арендное содержаніе, принадлежащая намъ, никѣмъ нынѣ не занята и пока не приноситъ нашему обществу никакой пользы; а между тѣмъ, по арендованіи этой мѣстности г. В—мъ, кромѣ полученія арендной платы, по всей вѣроятности, и многіе наши инородцы будутъ имѣть различную пользу полученіемъ заработковъ и сбытомъ въ эту резиденцію своихъ произведеній, черезъ что и благосостояніе наше можетъ улучшиться, а потому, на основ. 26 и 42 ст. Уст. объ Упр. ин. въ Сиб. изд. 1822 г., приговорили:“ отдать Васильеву просимый участокъ земли на 99

лѣтъ, съ платою — первые 10 лѣтъ по 25 рублей, а затѣмъ — по 50 руб. въ годъ. При полученіи приведеннаго приговора, Васильевъ уплатилъ арендную плату за 9 лѣтъ, т. е. 225 р. и далъ слѣдующую подписку (Талкинскому инородцу Чигильдееву): „Согласно полученнаго мною сего числа приговора ясачныхъ инородцевъ сей Думы на право арендованія земли на бер. оз. „Инголь", хотя я и могу владѣть пространствомъ земли на 400 сажанъ отъ берега озера, но не буду стѣснять въ занятіяхъ хлѣбопашествомъ на тѣхъ пашняхъ, которыя нынѣ находятся на арендованной мною землѣ съ тѣмъ, что болѣе нынѣшней пашни — земли у меня не распахивать; въ томъ и подписуюсь". . .

Развитіе золотопромышленности — а частію и рудnаго дѣла — въ предѣлахъ владѣній Кызыльскаго вѣдомства и въ ихъ сосѣдствѣ, вызвавшее, въ свою очередь, наплывъ сюда всевозможнаго торговаго и предпринимательскаго люда — весьма скоро отразились на всемъ жизненномъ укладѣ инородца.

Въ 1832—34 годахъ въ Ачинскомъ окр. было найдено золото [1]). „Успѣхъ томскаго купца Попова вызвалъ массу подражателей . . . Разработка началась производиться руками поселенцевъ. . . . Деревни стали пустѣть . . . земледѣліе упадать. . . .[2])" Въ 1834 г., по указаніи В. И. Семевскаго, ссыльно-поселенцы составляли 82% всѣхъ сибир. пріисковыхъ рабочихъ, а въ 1847 г. — 68%[3]). Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ въ 1879 г. все еще 55% пріисковыхъ рабочихъ — были ссыльно-поселенцы[4]). Общее число всѣхъ пріисковыхъ рабочихъ въ Ачинскомъ округѣ уже въ 1837 году доходило до 3803 человѣкъ[5]).

1) Пестовъ. Записки объ Енис. губ. 1831 г., стр. 54 и 63. Семевскій, В. И., Рабочіе на сибирск. золот. промыслахъ, т. I, СПБ. 1898 г., стр. 3.

2) Щукинъ въ „Журн. Мин. Вн. Дѣлъ" 1848 г. мартъ, стр. 411. Ср. также „Отечеств. Зап." 1848 г., № 4. Смѣсь, стр. 168—173.

3) Семевскій, В. И., Рабочіе на сибирск. золот. промыслахъ. т. I. стр. XXXI.

4) Семевскій, В. И., тамъ-же т. II, СПБ. 1898 г., стр. 854.

5) Семевскій, т. I, стр. 7.

Вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ людей, новыхъ источниковъ заработка, формъ жизни, потребностей, предметовъ обихода и роскоши — возможность прежней привычной и привольной, беззаботной, никѣмъ не смущаемой жизни полускотовода, полуохотника-кочевника, сильно уменьшилась. Очень скоро почувствовали это и сами инородцы. Уже въ дѣлахъ 1834 г. мы находимъ такого рода приговоръ: „1834 года августа 8 дня. Подъ симъ подписавшіеся, енисейской губерніи, ачинской округи, вѣдѣнія Кызыльской степной думы, 10 инородныхъ управъ князцы, ясулы, старшины и лучшіе изъ среды общества люди, бывъ, по повѣсткѣ родоначальника и засѣдателя, выслушали приказъ господина Ачинскаго земскаго исправника и приложенный при ономъ въ спискѣ указъ енисейскаго губернскаго правленія, данный на имя сего г. исправника отъ 17 ч. минувшаго іюля съ № 14,713, относительно того дабы, — сообразно принесенныхъ отъ инородцевъ начальству жалобъ о стѣсненіяхъ нами чувствуемыхъ и сопровождаемыхъ уже нѣсколько лѣтъ сряду и впредь неизмѣнно могущихъ сопровождаться отъ приговоровъ по золотымъ пріискамъ, собственно, на земляхъ намъ правительствомъ отведенныхъ, — отобрать отъ насъ свѣдѣнія какое мы за нихъ желаемъ получить вознагражденіе. Имѣли мы по сему, столь для насъ важному предмету, разсужденіе и единодушно признали, что принесенная начальству жалоба есть справедливая, потому что оная проистекаетъ отъ слѣдующихъ источниковъ:

„1-ое. Вмѣстѣ съ открытіемъ въ урочищахъ, принадлежащихъ вѣдѣнію Думы, золотыхъ пріисковъ и другихъ рудъ нѣкоторыми только имѣющими на сіе право рудопромышленниками, — число ихъ постепенно стало умножаться и, наконецъ, возросло до высшей степени. Сіи люди и посланные по довѣренностямъ отъ нихъ въ теченіи почти всего годичнаго времени, стали имѣть постоянное пребываніе въ мѣстахъ таежныхъ, кои только прежде сего были посѣщаемы одними промышленниками — инородцами. При размноженіи людей, оби-

тающій въ лѣсахъ разнаго рода звѣрь уклонился въ мѣста отдаленныя, принадлежащія другому вѣдомству и даже постепенно началъ вовсе исчезать. Черезъ что ясачные (которые) имѣли прежде чрезъ уловъ его значительные избытки и оплачивали ясакъ, нынѣ же съ большимъ трудомъ успѣваютъ только выполнять натурою послѣдній (ясакъ); но даже и сей взносъ можетъ въ предбудущее время поставленъ быть на точку измѣненія, а инородцы въ невозможность оплачивать его. Болѣе всего усугубляется, по видимому, даже и самымъ небреженіемъ рудопромышленниковъ въ тайгѣ въ употребленій огня, что ясно доказываетъ въ недавнемъ предъ симъ времени происшедшій въ тайгѣ пожаръ, размножившійся и погубившій лѣсу въ огромномъ количествѣ, который проистекъ, какъ мы предполагаемъ, собственно отъ нихъ.

„2-ое. Разработки пріисковъ, разумѣется, требуютъ значительнаго количества людей, которые, приходя къ мѣсту своего назначенія, не только десятками, но даже и сотнями, дѣлаютъ немалое отягощеніе, какъ приходомъ (такъ) равно и постоями во время пути, къ чему инородцы, по необразованности своей, вовсе непривычны; и какъ они (инородцы) большею частью, кочуютъ юртами одиноко, то въ непремѣнную они поставлены обязанность имѣть за ними (пришельцами) частный надзоръ, дабы иногда не лишиться какой-либо своей собственности, ибо опытомъ дознано, что изъ приходящихъ на пріискъ людей, по крайней мѣрѣ двѣ части (?) испорченной нравственности, — что отвлекаетъ ихъ (инородцевъ) отъ настоящихъ занятій. Люди сіи, прибывъ на мѣста, послѣ же дѣлаютъ съ оныхъ неоднократные побѣги, къ прекращенію чего и поимкѣ ихъ [1]), а равно представленію куда слѣдуетъ употребляются многіе люди и рѣшительно по всѣмъ улусамъ содержатся денные и ночные караульные, которые, хотя исполняются и по-очередно,

1) У золотопромышленника Цибульскаго, имѣвшаго резиденцію въ Чебакахъ, было, по свидѣтельству В. И. Семевскаго, соглашеніе съ инородцами, „чтобы они ловили бѣглыхъ“. (Семевскій, тамъ-же, т. I, стр. 440, прим. 2).

но и сіе тоже, собственно, для инородцевъ есть ощутельно-тяжестно.

„3-е. Съ устройствомъ пріисковъ и пребываніемъ тамъ значительнаго количества людей, водворились разъѣзды командированныхъ по дѣламъ службы чиновниковъ, какъ по горной части, такъ по земской полиціи; сіе обстоятельство требуетъ дачи имъ подводъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и самого даже исправленія дороги, что и заставляетъ насъ учредить въ нѣкоторыхъ пунктахъ постоянныхъ лошадей, въ видѣ междудворной гоньбы; сіе необходимо совершенно, ибо многіе изъ инородцевъ — и даже нерѣдко и цѣлые улусы — не имѣютъ лошадей и есть безконные.

„4-ое. Для бытія при отводахъ на пріискахъ лошадей необходимо тоже должны быть понятые, которые и будутъ оставаться въ мѣстахъ таежныхъ значительное время и, можетъ быть, въ случаѣ долговременной потребности, потеряютъ лѣтнее время.

„Таковыя всѣ вышеизложенныя чувствуемыя нами со времени открытія пріисковъ стѣсненія и даже самое разстройство въ инородческомъ быту нашемъ, а при томъ, имѣя въ виду § 5 мнѣнія Государственнаго Совѣта. Высочайше утвержденнаго въ 11 день декабря 1801 года, мы, дабы оградить себя отъ немаловажнаго разстройства состояній и не пасть даже до того, чтобы въ послѣднее время не быть въ состояніи оплачивать государственныя подати и повинности, и нѣсколько замѣнить отягощеніе наше какимъ-либо возмездіемъ отъ пріищиковъ, — присогласовали: брать съ каждаго пріищика и съ каждой отводной площади по рѣчкамъ и лѣсамъ, гдѣ будетъ производиться дѣйствительная разработка и устро́ятся возведенія — въ каждый годъ отъ 250 до 300 рублей, относительно чего должно заключать особыя съ прикащиками условія, законнымъ порядкомъ. Деньги же сіи, по полученіи отъ хозяевъ, должны быть записываемы въ полной суммѣ на приходъ по книгѣ, данной отъ енисейской казенной палаты или имѣемой впредь особо даться; сія сумма должна употребляться

собственно на предметъ содержанія Степной Думы, безъ всякихъ уже особыхъ поборовъ, — тоже на сіе съ разрѣшенія правительства; а въ случаѣ избытковъ — и на платежъ государственныхъ податей и повинностей за неисправныхъ плательщиковъ. Въ заключеніе сего представляется нашъ приговоръ въ Степную Думу, покорнѣйше просимъ представить оный на благоусмотрѣніе г. ачинскому земскому исправнику и просимъ его ходатайствовать объ утвержденіи онаго правительствомъ, каковой и утверждаемъ приложеніемъ печати и рукоприкладствомъ".

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ жалобъ повторяются инородцами еще почти 25 лѣтъ спустя. Въ 1863 году (28 августа) общее собраніе ихъ имѣло „разсужденіе о нуждахъ подвѣдомственныхъ намъ инородцевъ, претерпѣваемыхъ ими отъ золотопромышленниковъ и самовольно поселившихся на земляхъ инородческихъ разнаго наименованія людей. Отъ золотопромышленниковъ — первое: хотя по закону слѣдуетъ отводить казенныя, принадлежащія инородцамъ, подъ золотопромышленность площади не иначе, какъ по обоюдному согласію и съ дозволенія инородцевъ, — но, не смотря на это, золотопромышленники, занимая подъ золотыя промысла постепенно принадлежащія инородцамъ земли, — или вовсе безъ согласія на это инородцевъ, или не смотря на то, что таковое дозволеніе должно быть дано не иначе, какъ по согласію всѣхъ родовыхъ старостъ и всѣхъ родовъ общества инородцевъ, такъ какъ всѣ роды инородцевъ живутъ смѣшенно по всѣмъ улусамъ и вообще всѣми землями пользуются нераздѣльно; но золотопромышленники, или ихъ довѣренные, таковыя дозволенія написавъ сами, какъ имъ вздумается, и собравъ по близости нѣсколько человѣкъ инородцевъ, подписываютъ оныхъ подъ составленными ими документами, — что случилось въ настоящее время при отводѣ площади компаніи Озерова, около Саралинскаго улуса, и Ко. Григорова, около Чебакинскаго улуса; и мы увѣрены, что, если бы изслѣдовать это, то окажется, что собранные оными компаньонами инородцы, если —

которые и подписывали эти, составленные компаньонами-же документы, то нисколько не понимали значенія оныхъ [1]). Второе: что золотопромышленники самопроизвольно позаводили подъ резидеиціи дома въ улусахъ Чебакинскомъ и Саралинскомъ, безъ всякаго для инородцевъ возмездія; и третье: что инородцы не только очень часто возятъ отъ улуса въ улусъ слѣдующую отъ разныхъ мѣстъ и лицъ золотопромышленникамъ письменную кореспонденцію и бѣглыхъ съ промысловъ рабочихъ, но еще принуждены какъ конверты, такъ и бѣглыхъ возить на самые, состоящіе въ тайгѣ, станы золотопромышленниковъ; а какъ становъ считается болѣе десяти, то на это въ годъ употребляется какъ людей, такъ и лошадей большое количество; и все это производятъ инородцы безъ всякаго имъ вознагражденія. А между тѣмъ, самовольно поселившійся въ улусѣ Саралинскомъ, купецъ

1) Въ 1878 г. вопросъ о томъ, кому принадлежитъ право взимать оброчныя деньги — Думѣ или отдѣльнымъ улусамъ, обсуждался принципіально по поводу сдачи въ аренду „мѣстности Карасукъ“. Арендную плату за эту мѣстность получали одни инородцы Костинскаго улуса, чѣмъ въ особенности недовольны были ихъ ближайшіе сосѣди — малоозерцы. Дума разъясняетъ, что „мѣстность Карасукъ“ принадлежитъ, какъ и всякая другая мѣстность вѣдѣнія сей Думы, вообще всѣмъ ясачнымъ кочевымъ инородцамъ сей Думы; ибо, по степному закону и обычаю, кочевые инородцы могутъ переходить съ одного мѣста на другое по всей степи сей Думы, съ переносомъ и домовъ, такъ что могутъ образовываться и улусы на новомъ мѣстѣ, а старые улусы сами собою могутъ уничтожаться, и въ каждомъ улусѣ жители могутъ постоянно перемѣняться. Изъ чего и выходитъ, что вся земля этой Думы есть общая всѣхъ инородцевъ, а потому и доходы, получаемые отъ арендованіи частей этой земли, должны собираться Степнымъ управленіемъ и расходоваться вообще на нужды всѣхъ инородцевъ сей Думы, а не отдѣльнаго какого либо улуса. . . . Но . . . для удобства промышленниковъ, для которыхъ трудно каждый разъ собирать сходъ инородцевъ всей Думы, Степное управленіе находитъ возможнымъ допустить составленіе приговоровъ объ отдачѣ въ аренду земель и другихъ угодій кочевыми инородцами ближайшихъ сосѣднихъ улусовъ, съ тѣмъ, чтобы эти приговора, для вѣрности и неподложности, составлялись съ вѣдома Степн. управленія и въ присутствіи командированнаго члена Думы, и потомъ, чтобы приговора, акты и вообще всѣ условія были явлены въ Присутствіи Думы для записки въ надлежащія книги, со взысканіемъ арендnаго дохода въ пользу всѣхъ инородцевъ“. . . .

Михайло Озеровъ занимаетъ подъ разными постройками и огородами до двухъ десятинъ и еще огородовъ до 15 десятинъ самой лучшей земли, производитъ хлѣбопашество и, притомъ, имѣя лошадей и рогатаго скота болѣе 300 штукъ, въ теченіе цѣлаго года, выпасаетъ таковой на инородческихъ земляхъ, на пространствѣ до 30 верстъ, не только даромъ но еще нерѣдко стравливаетъ хлѣбъ и покосныя мѣста. А въ улусѣ Чебакахъ, кромѣ заведенныхъ золотопромышленниками подъ резиденціи домовъ, мѣщане Юшковъ и Должниковъ, тоже подъ постройку домовъ, самопроизвольно занимаютъ довольное количество земли и, въ то время какъ инородцы принуждены возить даромъ бумаги и бѣглыхъ и даже пріѣзжающихъ по дѣламъ золотопромышленности большое количество разныхъ лицъ, за указанные прогоны и нерѣдко безъ платежа оныхъ, не только по улусамъ, но даже на самые пріиски, по неудобнымъ и таежнымъ дорогамъ, черезъ что протерпѣваютъ страшное для себя и лошадей изнуреніе, даже самое увѣчье, — (въ то-же время) мѣщанинъ Юшковъ и, въ особенности, Должниковъ, заведши хорошее домообзаводство и выпасая на инородческихъ земляхъ своихъ лошадей и скота, съ золотопромышленниковъ, ихъ довѣренныхъ, приказчиковъ и прочихъ проѣзжающихъ лицъ за квартиру, пищу и извозъ берутъ значительныя деньги, безъ малѣйшаго для инородцевъ со стороны ихъ вознагражденія, или въ чемъ либо пособія. Опасаясь, дабы, по прописаннымъ обстоятельствамъ, если таковыя и далѣе будутъ продолжаться, т. е., первое: если впередъ золотопромышленники будутъ безъ вѣдома инородческихъ управъ, а тѣмъ самымъ безъ согласія всего инородческаго общества, а отъ нѣкоторыхъ только собираемыхъ ими самими инородцевъ, которые даже, по большей части, не понимаютъ по русски и не могутъ даже знать важности подписываемаго ими документа (на коемъ обыкновенно по безграмотности руки прикладываетъ, вмѣсто ихъ, кто либо тоже изъ стороны золотопромышленниковъ же), и таковыя документы будутъ имѣть законную силу, — то не только лѣсныя и прочія мѣста, гдѣ

водится звѣрь, но даже и самыя угодныя мѣста для хлѣбопашества и сѣнокосныя могутъ отобрать у инородцевъ, а тѣмъ самимъ лишить ихъ даже способа въ пропитаніи себя и скота. И если поселившіяся лица будутъ пользоваться всѣми мѣстными выгодами, къ великому ущербу инородцевъ, а инородцы, какъ и нынѣ, безъ всякаго возмездія, возить не только по улусамъ, но на самые пріиски, проѣзжающихъ по дѣламъ золотопромышленниковъ людей, письменную корреспонденцію и бѣглыхъ, терпя только одно изнуреніе и убытки, а между тѣмъ не видя никакой для себя пользы, — то, по праву кочевыхъ инородцевъ, не минуемо, постепенно перекочуютъ всѣ въ сторонѣ отъ промысловой дороги лежащія мѣста, и тѣмъ самымъ можетъ прерваться всякое по этому тракту сообщеніе. — А по сему, по обоюдному согласію составивъ сей приговоръ, представляемъ оный въ нашу степную думу, съ тѣмъ чтобъ оная, по засвидѣтельствованіи, таковой представила бы на благоусмотрѣніе Г. ачинскому земскому исправнику и ходатайствовала бы, — первое: чтобы безъ согласья родовыхъ старостъ, а тѣмъ самымъ и подвѣдомственныхъ онымъ обществъ инородцевъ, и свидѣтельствованія степной думы — никакихъ актовъ никто на отводъ кому либо, принадлежащихъ инородцамъ земель не составлялъ. Второе: всѣ самовольно поселившіеся, пользующіеся инородными землями, изъ вѣдомства сей думы удалились (бы), занимаемые ими земли оставили (бы) свободными. И третье: если не возможно получить съ золотопромышленниковъ какое вознагражденіе за возку корреспонденціи, бѣглыхъ и прочихъ, но ихъ дѣламъ проѣзжающихъ, то хотя бы возку всего этого въ тайгу на пріиски пріостановить, ибо, какъ всѣ компаніи золотопромышленниковъ имѣютъ свои резиденціи въ улусахъ Чебаковскомъ и Саралинскомъ, то всѣ они возили бы на своихъ лошадяхъ и своими людьми".

Приведенный приговоръ пересланный земскимъ исправникомъ горному, удостоился отъ этого послѣдняго слѣдующихъ замѣчаній. „Господину Ачинскому Земскому Исправнику. — Настоящая переписка съ моей стороны никакого исполненія

требуетъ, и потому имѣя честь возвратить ее къ Вашему Высокоблагородію, долгомъ считаю присовокупить, что, какъ оказалось по личному моему удостовѣренію, Кызыльскихъ инородцевъ никто изъ золотопромышленниковъ Ачинскаго Округа не обязываетъ привозить на пріиски ни людей оффиціальныхъ, ни рабочихъ и ни пріисковыя почты; если-же это исполняется инородцами, то или по обязанности, за указные прогоны, или съ добровольнаго согласія; но ни почему не безъ платы. Что же относится до занятія золотопромышленниками принадлежащихъ имъ (инородцамъ) земель, то и въ этомъ случаѣ врядъ ли кто, по совѣсти, можетъ изъ нихъ пожаловаться на стѣсненіе, потому что земли, имъ принадлежащія, такъ обширны и поля, на которыхъ пасутся ихъ стада такъ необозримы, что если бы еще 10 золотопромышленниковъ основали себѣ жилища въ ихъ кочевьяхъ, — то нисколько бы не потревожили ихъ природной апатіи и лѣни, оставляя на долю ихъ во множествѣ еще необработанныя земли и не снятыя травы, какъ это видно въ натурѣ. Но за всѣмъ тѣмъ, не считая себя вправѣ входить въ этомъ случаѣ въ бытъ инородцевъ и настойчиво оправдывать золотопромышленниковъ, занимающихъ ихъ земли, я могу только сказать, что большинство инородцевъ, при личномъ Вашего Высокоблагородія удостовѣреніи, никогда бы не рѣшилось роптать на золотопромышленниковъ за угнетѣніе; напротивъ выразило бы, въ доступной имъ степени, благодарность за доставляемую имъ возможность имѣть хлѣбъ насущный, а если и подписанъ приговоръ уполномоченными отъ инородческихъ обществъ, — то, вѣроятно, по внушенію людей между ними сильныхъ, но другимъ, отъ Вашего Высокоблагородія скрытымъ причинамъ, при дознаніи которыхъ приговору инородцевъ было бы трудно дать вѣру".

Что горный исправникъ становится въ данномъ случаѣ всецѣло на сторону золотопромышленниковъ — вполнѣ понятно. Но не менѣе понятными дѣлаются —, при ближайшемъ ознакомленіи съ отдѣльными типами пришельцевъ —, и тѣ постоянныя жалобы на пришлый элементъ со стороны ино-

родцевъ, какими полны дѣла кызыльскаго архива въ періодъ наибольшаго разцвѣта промысловой жизни. Остановимся для примѣра на помянутыхъ выше золотопромышленникѣ Озеровѣ и мѣщанинѣ Должниковѣ. Довольно привести жалобы, поступавшія на перваго изъ нихъ въ теченіи одного только года, чтобы составить себѣ достаточное о немъ представленіе. Въ началѣ 1867 года лошадьми золотопромышленника Озерова потравлено у инородцевъ 30 возовъ сѣна. Въ февралѣ того же года въ Думу поступаетъ жалоба на Озерова отъ инородца Усть-Печищенскаго улуса, Сулекова. Въ день освященія Божьеозерской церкви, 12 февраля, Сулековъ, находясь въ Божьеозерскомъ улусѣ, зашелъ въ квартиру Озерова за полученіемъ слѣдующихъ ему съ него, Озерова, 4 рублей денегъ. Но Озеровъ, по словамъ Сулекова денегъ „не отдалъ по неизвѣстной мнѣ причинѣ, и послѣ этого началъ меня бить и нанесъ мнѣ тяжелые удары по лицу и головѣ и, сбивъ меня съ ногъ, началъ ногами, обутыми въ сапоги, бить въ лицо, чѣмъ въ нижней челюсти на правой сторонѣ вышибъ зубъ изъ корня, но не совсѣмъ и повредилъ носъ, приговаривая притомъ: „я, Озеровъ и не такихъ бивалъ какъ ты, Сулековъ“ . . . Въ настоящее время, жалуется далѣе Сулековъ „по болѣзненному моему состоянію, не могу заниматься домашними работами и принужденъ поэтому нанимать работника. Дальнѣйшаго движенія приведенная жалоба не имѣла, такъ какъ Сулековъ съ Озеровымъ помирились. Въ сентябрѣ того же, 1867 года на Озерова жалуется, „занимающійся обученіемъ дѣтей“, поселенецъ Владиміровъ, за нанесеніе ему тяжелыхъ побоевъ. По словамъ Владимірова, Озеровъ сшибъ его съ ногъ, „отъ неистовства своего билъ меня кулаками, теребилъ за волосы, билъ подборами каблуковъ. . . При этой театральной, убійственной сценѣ — прибавляетъ жалующійся — находились“ свидѣтели такіе то. Какъ видно изъ акта осмотра Владимірова въ Думѣ, у него „на лицѣ подъ обоими глазами знаки — синебагровыя пятна; губа нижняя извнутри разсѣчена; за лѣвымъ ухомъ царапина;

на обоихъ бокахъ знаки красноватые . . .“ одежда изорвана и пр. и пр. — Вслѣдъ за жалобой Владимірова, въ Думу поступило сдѣдующее заявленіе Озерова: „Я ниже подписавшійся объявленіе поселенца Андрея владимерова представленное въ кызыльскую Степную Думу о нанесеніи будто-бы поселенцу владимерову я опроверыгаю и темъ болѣе, какъ онъ объясняетъ въ доказательство урядника коего покорнейще прошу допросить думаю на законномъ основаніи въ чомъ подписуюсь Маріинскій купецъ М. Озеровъ“. Въ концѣ концовъ и здѣсь дѣло рѣшилось мировой. Въ общемъ съ Владиміровымъ „мировомъ прошеніи“ въ Думу, Озеровъ между прочимъ уже „добавляетъ“, что . . . причинилъ оскорбленіе не вслѣдствіе чего-либо, а вслѣдствіе, не упомнитъ нынѣ кѣмъ-то принесенныхъ ему . . . на Владимірова какихъ-то ничто иное, какъ кляузныхъ сплетней, которыя впослѣдствіи оказались неправдоподобны. При этомъ, это презрѣнное обстоятельство доведено было до него въ то самое время, когда онъ, Озеровъ, находился въ порывѣ сильнаго раздражанія происшедшаго отъ стеченія не припомнитъ только какихъ то непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. . .“ Еще интереснѣе покаянное письмо самаго потерпѣвшаго. Въ обращеніи своемъ въ Думу-же Владиміровъ, находя, что, хотя жалоба его „по закону гражданскому и правая, но съ закономъ божественнымъ совершенно не согласна, потому именно: 1) этимъ послѣднимъ не дозволяется простирать какое бы то ни было неблаговидное мщеніе къ оскорбившему; 2) что черезъ это самое я несогласно поступаю съ заповѣдью Божіею о любви къ ближнимъ; 3) что мщеніе словомъ или дѣломъ, нанесенное оскорбившему есть самый гнусный и ненавистный порокъ предъ людьми и Богомъ; 4) что Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ, не только не мстилъ врагамъ своимъ, но даже во время крестной смерти своей молился за нихъ и просилъ своего Небеснаго Отца о прощеніи ихъ; и 5) что каждый мститель, если не проститъ оскорбившаго, то не будетъ помилованъ въ день Правосудія Божія. И потому,

сколько повинуясь гласу не заглушенной еще порочными дѣяніями совѣсти своей, и болѣе еще — страшась отвѣта за сіе предъ нелицепріятнымъ Судіею Вселенной, я съ купцомъ Озеровымъ нынѣ миролюбно примирился... притомъ единственно изъ повиновенія гласу совѣсти своей, а не изъ чего либо..."[1]).

Жалобы на Должникова начались еще съ конца 1853 г. и не прекращались до 1869. 24 декабря 1853 г. „инородцы кочующіе по Черному озеру, въ улусѣ Чебаки, бывъ въ общемъ собраніи, имѣли между собою разсужденіе относительно золотопромышленниковъ и прочихъ лицъ, не извѣстно по какимъ

---

1) Другой братъ — Василій Озеровъ, имѣвшій въ Ачинск. округѣ пріиски общіе съ помянутымъ выше Мих. Озеровымъ, по донесенію енисейск. жандармск. штабъ-офицера Борка (въ іюлѣ 1862 г.), тоже „есть довольно замѣчательное явленіе: владѣя, за исключеніемъ уже многихъ, отошедшихъ въ казну, нѣсколькими десятками промысловъ, заявленныхъ на разные имена, и не имѣя достаточно средствъ обстановить надлежащимъ образомъ для разработки даже одного пріиска, онъ прибѣгаетъ къ разнымъ уловкамъ и выдумкамъ, лишь бы удержать ихъ за собою, нанимая рабочихъ по образцу прилагаемаго контракта. Несчастные рабочіе не всегда сполна получаютъ и ничтожную трехрублевую въ мѣсяцъ плату; Озеровъ или уклоняется подъ разными предлогами или заставляетъ ихъ брать вмѣсто денегъ гнилой товаръ собственнаго издѣлія и пріобрѣтенный имъ какъ бракъ". Далѣе Боркъ разсказываетъ, что въ прошломъ году горный исправникъ формально доносилъ енисейскому губернатору о неисполненіи Озеровымъ его законныхъ требованій и распоряженій, но губернаторъ передалъ этотъ рапортъ на распоряженіе губернскаго правленія, которое, сдѣлавъ выговоръ исправнику за то что онъ безпокоитъ начальство (!!), приказало ему дѣйствовать на основаніи законовъ. Въ нынѣшнемъ году горный исправникъ, получивъ списокъ съ контракта, съ марта мѣсяца разыскиваетъ Озерова, чтобъ заставить его перемѣнить контрактъ; поиски его, даже съ помощью земской полиціи, остаются до сихъ поръ тщетными, а, между тѣмъ онъ (Озеровъ) не выѣзжаетъ изъ Минус. и Ачинск. округовъ". „Это свидѣтельство, говоритъ В. И. Семевскій, у котораго мы заимствуемъ приведенныя свѣдѣнія объ Озеровѣ,—жандармскаго офицера Борка многое объясняетъ въ бездѣятельности исправниковъ (горныхъ). Находясь при своемъ тогдашнемъ ничтожномъ жалованьѣ въ полной экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ, даяніями которыхъ они, главнымъ образомъ, существовали, горные исправники и сами не особенно хлопотали о раскрытіи злоупотребленій пріисковыхъ управленій но, разумѣется, они стали еще менѣе заботиться объ этомъ, узнавъ, что не слѣдуетъ „безпокоить начальство" донесеніями о совершаемыхъ золотопромышленниками безобразіяхъ". Семевскій, Рабочіе на сиб. зол. пром., т. I, стр. 344—345.

правамъ заселившихся въ нашемъ улусѣ, и занимающихся сѣнокошеніемъ и хлѣбопашествомъ, на принадлежащихъ, собственно, намъ, инородцамъ урочищахъ. Почему мы вынуждены составить на этотъ предметъ сей приговоръ и объявить нижеслѣдующее: какъ съ самаго начала переселенія въ нашъ улусъ довѣренныхъ отъ разныхъ компаньоновъ и прочихъ лицъ, первоначально стѣснены мы были . . . (вслѣдствіе) вытаптыванія подножнаго скотскаго корма и покосовъ, собственными ихъ лошадями, потребными для золотопромышленности до значительнаго количества, — то мы въ необходимости поставлены были выселиться съ того пункта, гдѣ состоятъ теперь разныя заведенія золотопромышленниковъ; одна половина изъ насъ: выше, противъ рѣки, отъ того мѣста, на версту, а другая ниже по теченію Чернаго Іюса на полверсты. Но впослѣдствіи, вмѣстѣ съ умноженіемъ золотопромышленниковъ, останавливающихся въ улусѣ Чебакахъ довольно на долгое время, начали занимать мѣста (и) для скотскаго выпуска обширное пространство; отъ чего мы нынѣ протерпѣваемъ крайнія стѣсненія. И изъ числа заселившихся, вытѣснившихъ лицъ, мѣщанинъ Тобольской губерніи Петропавловскаго города Алексѣй Петровъ Должниковъ, сверхъ занимаемыхъ нашихъ сѣнокосныхъ и хлѣбопахатныхъ мѣстъ, дѣлаетъ намъ разныя обиды, самовольно увозя принадлежащее намъ сѣно, подъ предлогомъ какихъ то неизвѣстныхъ намъ разсчетовъ, а равно захватываетъ вольные прогоны, не допуская къ тому мѣстныхъ обывателей. Вслѣдствіи чего мы вынужденными были прибѣгнуть съ симъ приговоромъ въ Кызыльскую степную думу, и всепокорнѣйше просить о смѣщеніи вышеписанныхъ лицъ, а паче помянутаго мѣщанина Алексѣя Должникова и о уничтоженіи ихъ заведеній, устроенныхъ самовольно въ нашихъ дачахъ, сдѣлать надлежащія распоряженія и употребить на то, гдѣ слѣдуетъ, свое ходатайство“.

По причинамъ, архивными данными не выясняемымъ, вышеозначенное ходатайство Чебаковцевъ успѣха не имѣло и Д-въ остался проживать въ ихъ улусѣ по прежнему. Черезъ

девять лѣтъ по поводу Д-ва вновь возникаетъ обширная переписка между Думой, Чебаковцами, засѣдателемъ и пр., заканчивающаяся слѣдующимъ приговоромъ инородцевъ Чебаковскаго улуса: „Хотя изъ означенной переписки видно, что намъ не возбраняется войти съ Должниковымъ въ соглашеніе о дозволеніи ему, Должникову, временнаго проживанія въ улусѣ Чебакахъ, о чемъ при семъ же объявлено засѣдателемъ Сулековымъ и ему Должникову; но имѣя въ виду, что онъ, поселившись произвольно въ нашемъ улусѣ, съ самаго начала занимается провозомъ разныхъ вольныхъ проѣзжающихъ и приниманіемъ всѣхъ этихъ лицъ къ себѣ на квартированіе, и прочими стѣсненіями онъ причиняетъ намъ вредъ и лишаетъ насъ слѣдующихъ намъ выгодъ, и какъ онъ, Должниковъ, грубаго характера, то мы, избѣгая могущихъ быть отъ него непріятностей, поставлены въ необходимость уступать ему собственныя наши выгоды, а за сими обстоятельствами, мы никакъ уже не можемъ согласиться на дальнѣйшее проживаніе въ нашемъ улусѣ означеннаго Должникова.“

Но времена мѣняются. Прошло еще семь лѣтъ и въ мартѣ 1867 г. — „мы нижеподписавшіеся, Ачинского округа Кызыльской степной думы Чебаковскаго улуса инородцы изъ старожилъ дали это дозволеніе, какъ указавшему образъ домообзаводства. Петропавловскому мѣщанину Алексѣю Петрову Должникову на постоянное, между нами жительство въ улусѣ Чебакахъ, для чего и уступаемъ ему, подъ строенія его, землю въ квадратѣ 200 с., съ тѣмъ, чтобъ онъ, Должниковъ не пользовался особыми нашими угодьями, — какъ то пашенною и сѣнокосною землею, а если пожелаетъ этимъ заняться, то долженъ кортомить особо у кого либо изъ насъ за особую обоюдную плату, а потому и не обязывается относить никакихъ нашихъ повинностей, кромѣ каждогоднаго платежа обществennикамъ Чебаковскаго улуса по 10 руб. серебромъ . . . .“ и т. д. и т. д.

Приговоръ этотъ былъ утвержденъ и Думой, обязавшей еще только Д-ва, чтобы онъ „въ Чебакахъ собственныхъ

своихъ лавокъ не имѣлъ для торговли при расчетѣ (т. е. во время разсчета) людей съ промысловъ, и подрядовъ съ золотопромышленниками къ поставкѣ продовольственныхъ для людей продуктовъ въ подрывъ инородцамъ не занималъ; въ противномъ же случаѣ условіе сіе теряетъ свою силу и онъ, Д—въ, обязывается при первомъ нарушеніи сего условія выѣхать изъ села Чебаковъ куда либо въ другое мѣсто. . .“

Слѣдуетъ упомянуть еще о большомъ дѣлѣ нѣкоего купца Розенбаумъ, обвинявшагося, между прочимъ, „въ спаиваніи инородцевъ с. Божьеозерскаго при взятіи имъ отъ этихъ инородцевъ въ аренду земли, ранѣе уступленной ими вдовѣ майора Медина“, въ ложныхъ обвиненіяхъ, взведенныхъ имъ на священника Божьеозерской церкви о. Г. Т—ва и пр. . . . Переписка по этому дѣлу тянулось съ 1876 по 1885 годъ.

Въ 1880 г. чебаковцы составили приговоръ о выселеніи изъ ихъ улуса проживающихъ тамъ безъ общественнаго на то разрѣшенія — Крупенникова и Сачковой, изъ коихъ послѣдняя „своимъ поведеніемъ вызываетъ частыя общественныя сходки и занимается безпатентною продажей вина“. При этомъ рѣшено было „за предосудительное ихъ поведеніе и впредь не дозволять (имъ) селиться или проживать въ районѣ Чебаковскаго участка“. — Но не только въ Чебакахъ селился „самопроизвольно“ пришлый людъ. Согласно свидѣтельству приговора Думы 1884 г., и „во многихъ“ другихъ улусахъ проживали лица „не инородческаго сословія“ — „въ числѣ ихъ и евреи — безъ матерьяльной пользы“ для инородцевъ и безъ вѣдома Думы. Въ виду чего, было постановлено „принять за правило на будущее время, дабы дозволеніе на осѣдлое проживаніе въ инородческихъ улусахъ разнаго сословія людямъ другихъ вѣдомствъ, по содержанію 31 и 32 §§ устава объ инородцахъ, производилось всегда съ вѣдома Думы, а не самопроизвольно тѣми инородцами, кои сами допускали подобныя дозволенія безъ матерьяльной пользы для себя и общества всей Думы, единственно за одно только вино“.

Однако постановленіе это выполнялось, повидимому, далеко не строго. Десять лѣтъ спустя Кызыльская управа жалуется, что инородцы Чебаковскаго улуса даютъ отъ своего улуснаго общества приговора о дозволеніи посторонним лицамъ проживать безъ разрѣшенія общаго схода или управы, при чемъ арендную плату получаютъ произвольно — „съ кого сколько захотятъ“. Много случаевъ такихъ, что торговцы, пріѣзжая торговать въ Чебаковскій улусъ платили по 35 рубл., а въ этомъ году общество Чебаковскаго улуса — самопроизвольно дозволило получить съ тѣхъ только по 15 рубл. . . .“ Въ виду этого управа устанавливаетъ для Чебаковскаго улуса общую плату за право торговли мануфактурными товарами въ теченіи не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ — 40 рубл., въ теченіи 1 года 50 рублей. Въ Саралинскомъ улусѣ желающіе торговать тамъ не дальше 3-хъ мѣсяцевъ платятъ 25 р., а за цѣлый годъ — 35 рубл. Точно также и для всѣхъ остальныхъ улусовъ назначіе платы за право производства торговли зависитъ отъ усмотрѣнія Управы. Въ томъ же (1896) году находимъ еще другой приговоръ. „Не смотря на приговоръ составленный (ранѣе) . . . . полнымъ сходомъ о недопущеніи проживать въ нашемъ инородческомъ вѣдомствѣ евреямъ, нынѣ оказывается, что нѣкоторые улусы нашего вѣдомства самовольно, безъ разрѣшенія управы и полнаго схода инородческаго, даютъ евреямъ приговора и дозволяютъ имъ въ тѣхъ улусахъ проживать и производить разную торговлю. Уже разъ признано, что евреи не желательны намъ и признаемъ для себя непріятнымъ бременемъ терпѣть ихъ проживаніе въ нашемъ вѣдомствѣ, а потому вновь приголосовали: не допускать проживать или производить постоянную торговлю въ нашемъ вѣдомствѣ ни одному еврею, причемъ поручаемъ нашей инородной управѣ предписать всѣмъ родовымъ старостамъ и улуснымъ старшинамъ . . . .“ Постановлено виновные въ допущеніи къ проживанію у себя улусы штрафовать отъ 3 до 10 рублей.

Таковъ былъ пришлый на инородческія земли элементъ и культурное его на инородцевъ воздѣйствіе. . . .

Изъ среды о к р е с т н а г о населенія особенно нежелательное вліяніе оказывали на инородцевъ, безспорно, поселенцы, игравшіе всегда весьма важную роль въ судебной хроникѣ Кызыльскаго вѣдомства. Въ дѣлахъ о кражахъ, грабежѣ, обманахъ, вымогательствѣ, и. т. д. — то и дѣла фигурируютъ разные „бѣгло-каторжные", „крестьяне изъ поселенцевъ," „поселенцы", „пропитанные посельщики" и т. под. [1]) Вотъ двое поселенцевъ пойманы въ то время, когда гнали „для продажи въ Томскую округу" табунъ краденыхъ лошадей въ 26 головъ". (1829 г.). Вотъ поселенецъ Мошеевъ обвиняется въ дачѣ инородцамъ Карепанакову съ товарищами фальшиваго увольненія. (1833 г.). Тамъ „пропитанный посельщикъ" уличается въ кражѣ (1826), или оставляется, по недостатку уликъ, „въ подозрѣніи" (1827), а отъ „бѣглокаторжнаго" от-

1) О деморализующемъ вліяніи ссыльныхъ на окрестное населеніе — см. „Матерьялы по изслѣд. землеп. . . . и пр.", т. IV, вып. 2, стр. 22—29 и 57—120. Само „начальство желая по возможности избавить поселенцевъ отъ неполнотъ и недостатковъ по нѣкоторымъ статьямъ хозяйства, если не санкціонировало, то, по крайней мѣрѣ, смотрѣло снисходительно на воровство и, въ частности, на конокрадство поселенцевъ. При выдачѣ инвентаря ссыльнымъ (въ казенныхъ поселеніяхъ) на одну лошадь давалось напр. два хомута. Въ этомъ обстоятельствѣ поселенцы усматривали тонкій намекъ со стороны начальства на то, чтобы поселенцы еще какимъ нибудь путемъ пріобрѣтали по другой лошади: „начальство ходъ давало" — говорили ссыльные. Исправникъ Лоскутовъ, какъ говорятъ крестьяне, прямо требовалъ, чтобы поселенцы работали или воровали, по непремѣнно пользовались благосостояніемъ. И дѣйствительно конокрадство приняло въ поселеніяхъ обширные размѣры и существовало какъ постоянный промыселъ. . . . Про конокрадство и вообще грабежи, производившіеся тигрицкими поселенцами, разсказывали ихъ внуки и дѣти. . . . Крестьяне Прирѣчинской деревни, Ирбейск. вол., происходя отъ поселенцевъ водворенныхъ въ это бывшее казенное поселеніе, до сихъ поръ неутратили наклонности къ грабежамъ, конокрадству и даже разбоямъ; ихъ боятся въ окрестныхъ селеніяхъ, и Прирѣчное пользуется весьма дурной репутаціей". „Матерьялы", т. IV, вып. 2, стр. 26—27. Въ 1890 г. всѣхъ ссыльныхъ въ Кызыльск. упр. было зарегистрировано 10 чел. — 2 изъ другихъ округовъ, 8 изъ Ачинскаго. Изъ нихъ одинъ занимался только земледѣліемъ, четверо нанимались въ батраки, трое — мастерствомъ, одинъ на пріискахъ, одинъ дворничествомъ.

бираются ворованныя лошадь, деньги, и др. вещи. (1861). Въ 1826 г. инородецъ Игинскаго рода Ачесовъ обвиняетъ поселенца Зелянина въ кражѣ утокъ. „Сего текущего мая, 6 числа, жалуется онъ, придя я, Федотъ Ачесовъ, на Бѣлое озеро, гдѣ у меня были поставлены для утокъ пленки", числомъ 200, нашелъ „часть ихъ оборванными". Идя далѣе, онъ нагналъ поселенца Зелянина, у котораго своихъ пленокъ не было, а между тѣмъ теперь онъ несъ штукъ 25 утокъ. На вопросъ, гдѣ онъ ихъ взялъ, З-нъ отвѣтилъ: „купилъ у такого-то" (ясачнаго-же). Когда же Ачесовъ попросилъ его пересчитать утокъ, поселенецъ „изъ лотка утокъ по камышу разбросалъ, а самъ измѣнился изъ л и ц а своего . . . . и погнался за мной (Ачесовымъ), говоря: „вамъ, ясашнымъ какое дѣло нашихъ утокъ считать!" Ачесовъ поспѣшилъ укрыться отъ него въ станъ, гдѣ были еще другіе инородцы. . . — Въ 1827 году инородецъ и поселенецъ претендуютъ на одну и туже лошадь. — Тогда же Назаровская волость проситъ Думу объ „удовольствіи пропитаннаго поселенца Григорьева чрезъ взысканіе съ ясашной (богачки!) Янгуловой" за проданную ему, якобы „воровскую рыжую кобылу, другою лошадью". — Въ 1829 г. поселенецъ Бошнинъ взыскиваетъ съ троихъ инородцевъ Чарочкиныхъ, за оставленныхъ, будтобы у нихъ овецъ — 66 р. 50 коп. Отрекаясь отъ овецъ Б-на, двое изъ Чарочкиныхъ заявляютъ, что даже и его самого вовсе не знаютъ. . . . — Въ 1833 г. инородецъ Талкинъ, будучи, предъ отправкой въ тайгу за звѣремъ въ с. Шарыповскомъ, для закупа табаку и припасовъ, зашелъ къ поселенцамъ Болотовымъ выпить вина, котораго кромѣ того онъ тутъ же купилъ еще на 6½ рубл., уплативъ за него наличными деньгами. Однако на другое утро Болотовы потребовали съ Талкина, якобы за выпитое имъ вино, еще 15 рублей, отобрали у него коня, на которомъ одинъ изъ нихъ сейчасъ-же и уѣхалъ въ Ачинскъ. Оставшись безъ коня, Талкинъ лишился возможности отправиться въ тайгу „звѣровать", и въ своей жалобѣ въ Думу выражаетъ опасеніе, что не будетъ въ со-

стояніи уплатить слѣдуемый съ него ясакъ. — Въ 1851 г. поселенецъ Тихомировъ требуетъ съ инородца Шушеначева за проданный якобы этимъ послѣднимъ и принадлежащій ему, Т—ву товаръ 448 рублей. По произведенному слѣдствію оказалось, что вмѣстѣ съ Ш-вымъ до г. Красноярска ѣхалъ товарищъ Т-ва, Смирновъ, производившій дорогою продажу товара. Шушеначевъ-же былъ подряженъ лишь доставить товаръ, за плату по 20 коп. съ пуда, въ Красноярскъ.

Приведенныхъ фактовъ вполнѣ достаточно, чтобы освѣтить роль представителя высшей культуры, поселенческаго элемента въ его воздѣйствіи на представителя низшей — инородца. Временами поселенцамъ, не смотря на прямое запрещеніе проживать на инородческихъ земляхъ, удавалось проникать въ инородческіе улусы. Ранѣе уже говорилось о поселенцѣ Владиміровѣ, жившемъ въ улусѣ Божьеозерскомъ и занимавшемся „обученіемъ дѣтей“. Изъ дѣлъ архива за 1846 г. видно далѣе, что поселенецъ Ивановъ„ ѣздилъ по верховымъ улусамъ и селеніямъ со всякою мелочью для продажи и всю осень проживалъ . . . при озерѣ Конголѣ, у самовольно заселившихся крестьянъ“. . .

Надо-ли говорить, что и сосѣдъ крестьянинъ-старожилъ, всюду тамъ, гдѣ онъ могъ извлечь для себя пользу отъ инородца — не упускалъ случая, доходя иной разъ до весьма удачнаго подражанія своему „приписному“ однодеревенцу-„посельщику“. Только одинъ примѣръ для иллюстраціи сказаннаго. Въ 1839 году, въ Степную Думу отъ „ясачнаго Большеачинской управы, улуса Кагаевскаго, Сергѣя Саламачева“ поступило слѣдующее „покорнѣйшее прошеніе“ :

„Сего 1839 года, въ теченіи нынѣ прошедшей весны, по безграмотству, не знаю котораго числа, послѣ праздника Троицина дня въ 3-й день поѣхалъ я въ деревню Сютинскую, Ужурской волости, для покупки хлѣба; по прибытіи куда, встрѣтилъ тамъ незнаемыхъ мною крестьянъ Балахтинской волости деревни Тумнинской, Василья — прозывается какъ

неизвѣстно — и Ефима Марьясова, которые, среди разговоровъ нѣсколько сдѣлались знакомѣе. Потомъ начали подчивать виномъ. Я же, не зная предпринимаемой ими цѣли и причины ихъ разъѣздовъ, принималъ оное, простосердечно, за друженное расположеніе. Между тѣмъ, постепенно выпивая вино, по слабой натурѣ, вдругъ сдѣлался пьянъ, и валялся почти безъ чувствъ. Вышеописанные же крестьяне, при помощи жителей деревни Сютинской, — не помню ихъ имена — положили меня въ телѣгу и повезли съ собою. Проснувшись дорогою, къ удивленію моему, услышалъ слова, произнесенныя тѣми крестьянами, что я у перваго изъ нихъ нанялся въ солдаты, — что мною, не только наняться никогда не было говорено, (но) даже не думалъ. Отъ чего, хотя и дѣлалъ отрицательство, и хотѣлъ воротиться съ дороги пѣшкомъ, — ибо лошадь осталась неизвѣстно у кого, въ деревнѣ Сютиной, — но они, не упуская меня, стали бить и стращали даже лишить на пути же жизни. Потомъ начали опять поить виномъ до безчувствія, — котораго (вина) они имѣли съ собою достаточно. Въ каковомъ видѣ и довезли меня до деревни Тумнинской, къ вышеописанному крестьянину Василью, гдѣ то-же я отъ найма въ рекруты отказывался и рѣшительно не имѣлъ на то желанія. Крестьянинъ же, держа меня подъ карауломъ, дня три спаивалъ виномъ и уговаривалъ согласиться. Но когда же не могъ убѣдить, то нѣсколько разъ билъ, и потомъ, не могши къ тому принудить, насчиталъ на меня съ лишкомъ до 200 руб., и требовалъ оные безотступно, — которые, хотя и не были мною браты, и даже ни на что не расходовалъ, — но просилъ его отвезти меня до дому, гдѣ обѣщался ему отдать таковые всѣ сполна, хотя бы то было безвинно, и сопряжено съ распродажею нѣсколькихъ штукъ собственнаго моего скота. Но онъ всетаки меня не отпущалъ. Потомъ повезъ меня, будто-бы отвозить домой, а между тѣмъ доѣхалъ до какой-то деревни, гдѣ встрѣтился ему крестьянинъ той же волости деревни Безъязыковой, Фирсъ Тихоновъ Безъязыковъ,

искавшій наемщика въ солдаты, которые (оба), споивъ меня тоже пьянаго, отдалъ первый послѣднему и взялъ отъ Безъязыкова вышеписанныя, насчитанныя на меня деньги, 205 рублей. Почему Безъязыковъ, отдавъ оныя, повезъ меня домой. Я же былъ въ пьяномъ видѣ и окруженъ незнакомыми людьми, чрезъ пронужденіе, конечно, по неволѣ давалъ слово наняться. Нѣсколько времени пробывъ у него, все въ гуляньѣ, повезъ меня въ городъ Красноярскъ, гдѣ написалъ какую то бумагу, велѣлъ мнѣ подать, незнаю въ какое-то присутственное мѣсто; какого же содержанія была написана бумага — мнѣ совершенно, по безграмству и незнанію хорошо русскаго языка, неизвѣстно. Впрочемъ, только было сказано, что я, будто бы желаю перечислиться въ крестьяне. Послѣ чего оттуда и возвратились обратно. Крестьянинъ Безъязыковъ, разумѣется, зная все существо бумаги о перечисленіи меня въ крестьяне, былъ во твердой надеждѣ, что буду я потомъ его наемщикомъ въ рекруты и задавалъ мнѣ еще насильно денегъ около 100 рублей, кромѣ первыхъ, и отпустилъ меня домой. Получа каковую уволку, я въ тоже время и возвратился въ свое мѣсто. Какъ бывъ совершенно не способенъ и не свойствененъ, не только къ военной службѣ, но даже и къ крестьянскому быту, ибо я отъ предковъ своихъ имѣю и по нынѣ образъ жизни кочующій, и есть (у меня) домъ, скотоводство съ избыткомъ, жена, малолѣтнихъ 3 дѣтей, а занимался всегда звѣропромышленностью; кочевье же имѣю по Черному Іюсу — о чемъ извѣстно и мѣстному инородческому Начальству и не былъ намѣреннымъ переходить ни въ какое другое сословіе, а паче въ солдаты, къ чему принуждаютъ, какъ выше изложено, помянутые крестьяне, — то вынужденнымъ нашелся прибѣгнуть подъ покровительство и защиту оной Кызыльской Степной Думы, и всепокорнѣйше просить не оставить о томъ довести до свѣдѣнія высшаго Начальства и исходатайствовать у онаго Правосудія, во огражденіе крайнихъ стѣсненій и насилій, дѣлаемыхъ мнѣ крестьянами, и не довести меня до крайняго раззоренія и

разстройства въ семействѣ, оставя страдать жену и малолѣтнихъ дѣтей, безъ всякой помощи.

При семъ также осмѣливаюсь пояснить, что крестьяне, подкупая другихъ товарищей, дабы вспомоществовать имъ къ принужденію меня въ наемъ въ рекруты, платили за то деньги по 50 руб., которыя тоже выведены на счетъ мой, чѣмъ самымъ и насчитали на меня до столь значительнаго количества совсѣмъ безвинно. Поясняя вышеописанное обстоятельство во всей справедливости его, имѣю честь и счастіе ожидать въ разрѣшеніи этого законнаго удовлетворенія и правосудія. — На подлинномъ подписано такъ: къ сему прошенію личною просьбою ясачнаго Сергѣя Саламачева руку приложилъ ясачный крестьянинъ Шушеначевъ."

Бывали случаи и еще болѣе печальные, чѣмъ происшедшій съ Саламачевымъ, отъ чрезмѣрнаго увлеченія виномъ. Такъ въ 1834 г. инородецъ Карабашлыковъ пилъ вино „дудочкой изъ логушки, данной крестьяниномъ С—мъ", до тѣхъ поръ, пока не „послѣдовала ему отъ неумѣреннаго употребленія (вина) . . . смерть".

Не представляло исключенія въ обращеніи съ инородцемъ и служилое сословіе добраго стараго времени. Въ 1825 г. „канцелярист" Абрамовъ жаловался земскому засѣдателю, на ясачнаго Колешева, получившаго съ него, А—ва, за проданную ему корову 15 р., но самой коровы не доставившаго. Засѣдатель, послѣ цѣлаго ряда „понужденій", дѣлаетъ распоряженіе Думѣ: „взыскать съ Колешева въ пользу Абрамова двадцать пять рублей". Въ слѣдующемъ году инородецъ Чарожаковъ обвиняетъ казака Соленоозерной станицы, Василовскаго, въ томъ, что онъ отнялъ у него „самаго лучшаго коня, который для промыслу соболинаго былъ весьма удобный, — почитая за мною долговыхъ денегъ 4 р. 50 к.". Другой инородецъ совершенно такое же обвиненіе предъявляетъ къ хорунжему Кожуховскому. Этотъ же самый Кожуховскій, заподозривъ инородца Чарочкина въ кражѣ у него рубахи и портовъ, приказываетъ сначала двумъ казакамъ бить его, потомъ „вести

на улицу и драть лозами, и такъ, яко настоящаго и обличеннаго вора".

Вообще фамилія Кажуховскаго попадается въ жалобахъ инородцевъ весьма часто.

Въ 1830 г. родоначальникъ Думы, Ульчегачевъ сообщаетъ ей слѣдующее: „Пріѣхавъ ко мнѣ, въ улусъ Заплотъ енисейскаго казачьяго полка казакъ Федоръ Василовскій, объявилъ, что проживающій на Соленномъ фарпостѣ" сотникъ Кожуховскій, неизвѣстно за что, „подозвалъ къ себѣ находящагося у него, Василовскаго, по найму настухомъ для лошадей, ясашнаго Мало-Аргунской упр. Янгулова, приказалъ тому Янгулову слѣзть съ лошади, велѣлъ его наказывать конскими плетьми въ двѣ перемѣны, отъ чего помянутый Янгуловъ нынѣ находится отчаянно боленъ". Со словъ Василевскаго, Ульчегачевъ приводитъ и перечень свидѣтелей происшедшаго, изъ числа коихъ писарь Кожуховскаго замѣтилъ даже, что „такъ наказываютъ только однихъ грѣшниковъ". — Въ 1864 г. инородцы жаловались исправнику на пристава „казеннаго Царево-Мариинцкаго пріиска, капитана Набокова", наказавшаго на своей резиденціи въ Чебакахъ двухъ инородцевъ, — одного, Карабашлыкова 100 ударами розогъ, другого — Коконова 264 ударами. Послѣдній — Коконовъ — „собиралъ къ себѣ на помощь инородцевъ", чтобы общими усиліями вывезти изъ тайги лѣсъ для постройки дома, для каковой цѣли привезъ въ двухъ логушкахъ изъ кабака водку. У Карабашлыкова Набоковымъ отнято было также съ ½ ведра вина. Когда инородцы обратились къ Набокову съ вопросомъ, за что были наказаны помянутые выше инородцы, Н—въ отвѣчалъ что „про то онъ самъ знаетъ, и никакого имъ дѣла нѣтъ его о томъ спрашивать . . ."; засѣдателю-же Н—въ объясняетъ, будто инородцы наказаны были имъ, съ согласія ихъ общества и улуснаго старшины, „за тайную продажу вина". Противъ величины приписываемаго ему наказанія Н—въ однако не возражаетъ. Послѣ долгой переписки между Думой, засѣдателемъ, и Набоковымъ — засѣдатель рѣшилъ наконецъ при-

знать всю эту переписку „не заслуживающей дальнѣйшаго производства — по непринесеніи потерпѣвшими формальныхъ просьбъ“, съ каковой резолюціей согласился вслѣдъ за тѣмъ и ачинскій исправникъ. . .[1])

Существеннѣйшія выгоды, какія крестьянинъ старожилъ извлекалъ изъ сосѣдства своего съ инородцемъ сводились къ пользованію въ лицѣ инородца дешевою рабочею силою и къ замѣнѣ имъ членовъ своего семейства при отнесеніи воинской повинности.

Можно себѣ представить, чего стоило инородцу рѣшиться порвать всякія связи со своимъ обществомъ и семьей, разстаться съ привычною, привольною жизнью степняка и пойти отбывать ненавистную и страшную для него солдатчину. . . Очевидно были какія то могущественныя силы принуждавшія его къ тому.

Въ работѣ о мелецкихъ инородцахъ уже указывалась что главною побудительною причиною, заставлявшею инородца наниматься въ рекруты — была задолженность. Тоже самое мы видимъ и въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ. Слѣдующій перечень всѣхъ инородцевъ, ушедшихъ въ 1855 г. въ рекруты за крестьянъ, съ указаніемъ величины полученной ими за то платы и части ея отданной за долги — какъ нельзя лучше доказываетъ сказанное.

---

1) Намъ вспоминается разсказъ кн. Кострова, который, въ бытность его Минусинскимъ окружнымъ начальникомъ, имѣлъ такого рода разговоръ съ инородческимъ шаманомъ: „Ну вотъ ты, камъ (шаманъ), все знаешь. Знаешь, не видавъ меня, что я вашъ окружный (начальникъ); я слышалъ уже давно о тебѣ и ѣхалъ далеко-далеко, чтобы тебя видѣть. Я искрестилъ всю степь, но не видѣлъ тебя. Наконецъ я тебя нашелъ. Ты добрый старикъ. Скажи же мнѣ, другъ, что дѣлается съ моимъ семействомъ. Я недѣли двѣ уже изъ дому. Я дамъ тебѣ . . .“ — „Я знаю, бачка, что ты хочешь мнѣ дать“. — „Что-же?“ — „Два ста розга“. — Я не могъ, прибавляетъ кн. Костровъ, выдержать, чтобъ не расхохотаться. Оказалось, что шаманъ былъ въ передѣлкѣ у одного изъ моихъ предшественниковъ и за неудачное гаданье получилъ ту именно плату, какую надѣялся получить отъ меня“. Ср. кн. Костровъ. Очерки быта Минусинск. татаръ. Труды IV археолог. съѣзда въ Россіи, т. I, Казань 1884 г., стр. 242.

Фамиліи напявшихся въ рекруты инородцевъ.	Получено платы.	Отдано за долги.
1) Коконовъ . .	514 руб. 70 кон.	319 руб. 70 кон.
2) Суртучаковъ .	285 „ 70 „	185 „ 70 „
3) Тайтыповъ .	500 „ — „	275 „ — „
4) Айяпдыновъ .	371 „ 40 „	128 „ 40 „
5) Тайтыповъ .	400 „ — „	185 „ — „
6) Арыпкаевъ .	285 „ 70 „	160 „ 70 „
7) Когояковъ .	385 „ — „	140 „ — „
8) Карачаковъ .	350 „ — „	210 „ — „
9) Талкинъ . .	350 „ — „	205 „ — „
10) Сулековъ . .	400 „ — „	230 „ — „
Итого .	3842 руб. 50 кон.	2039 руб. 50 кон.

Такимъ образомъ, въ среднемъ около 54% получаемой инородцами платы за отбываніе рекрутчины уходило на уплату его долговъ. Характеръ самыхъ цифръ выговариваемой напимающимся платы указываетъ на ея зависимость именно отъ цифры долговъ числящихся за наемникомъ. Наибольшія суммы уплачиваются какъ разъ наиболѣе обремененному долгами, а цифры копѣекъ всюду въ рядной платѣ совпадаютъ съ таковыми же въ суммѣ долговъ, несмотря на то что получаемыя наемникомъ деньги дробятся, обыкновенно, на нѣсколько частей — по числу назначеній. (Часть ихъ получается въ „задатокъ“, часть поступаетъ „отцу“ или „матери“, „женѣ“ и пр., часть идетъ „на прокой“, часть — въ Думу; остатокъ вручается въ „Присутствіи“, послѣ пріема въ солдаты).

Сумма долговъ, числившихся за инородцами достигала подчасъ, какъ видно уже изъ вышеприведенныхъ цифръ, значительныхъ размѣровъ. Въ 1824 году, по распоряженію губернатора, исправникъ предписывалъ Думѣ взыскать въ пользу купца Суханова долговъ съ инородцевъ, всего на сумму въ 2290 руб.; въ томъ числѣ: съ князца Сыйдычакова — „по письму“ — 350 р., съ Итеменева — 500 р., съ Чарочкина, „по переводу за братьевъ“ 90 р., еще съ троихъ — 1000 р. „Если же кто либо изъ сихъ должниковъ отъ платы

денегъ будетъ чѣмъ либо отказываться, то таковыхъ выслать тотчасъ ко мнѣ". Не смотря на послѣднюю угрозу, Дума донесла исправнику, что отъ уплаты долга всѣ помянутыя лица отказываются, не признавая за собой долгу Суханову. Въ томъ же году крестьянинъ Бѣлошапкинъ ищетъ съ „Тайяндина съ товарищами" — 222 р., но и эти должники отъ долга отказываются. Въ 1829 г. вышеназванный бывшій князецъ Сайдычаковъ, по поводу взысканія съ него долга Суханову, объясняетъ Думѣ слѣдующее: „1818 г. въ ноября я взялъ у Суханова 3 пуда табаку по 40 р. пудъ, всего на 120 р.; сверхъ сего онъ, Сухановъ, подарилъ мнѣ сертукъ бѣлаго цвѣту, суконной — не тонкова; еще шляпу пуховую черную, за которыя я ему, Суханову, и отдалъ каряго коня, купленнаго мной за 65 р. Когда онъ, Сухановъ, пріѣзжалъ въ д. Сютинскую, тогда отдалъ ему кобылу иноходую . . . за 70 р., кобылу буланую за 35 р. и соболя за 4 р. Брату его Петру Суханову отдано 2 коня, карепѣгаго и соловаго, за 65 руб., прикащику его, Порываеву отдалъ хорошего коня гнѣдаго за 65 р.; бывшій по мнѣ порукой красноярскій мѣщанинъ Калина, а чей пишется позабылъ, — тому отдано деньгами 100 р. и коня сиваго за 40 р. Всего мною ему, Суханову заплачено 444 руб. Не только я, Сайдычаковъ, должнымъ ему, Суханову не только не почитаю, а считаю за нимъ, Сухановымъ, (обѣщенные подарки) каковые подарки онъ мнѣ обѣщалъ прислать или самъ привезти. . ."

Задолженность же, или необходимость имѣть деньги къ опредѣленному сроку — для уплаты ясака и повинностей толкала инородца изъ улуса въ деревню, изъ самостоятельнаго хозяина превращала въ батрака. . . Чуть не всѣ условія, составляемыя инородцами съ крестьянами, при поступленіи первыхъ ко вторымъ въ работники отличаются большою цифрою забора впередъ, превышающею весьма часто размѣры рядной платы. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ условій за разные года.

Въ 1826 г., въ январѣ „во время сбору государственнаго ясака въ нашемъ обществѣ, по нуждѣ платежа за слѣдующія

съ меня по раскладкѣ деньги", малоачинецъ Чарочкинъ „условился" поступить въ работники къ качинцу Марьясову.

Въ томъ же 1826 году ясачный Федоръ „Абаловъ и дѣти его Митрофанъ и Селифантъ" дали „обязательное письмо крестьянину Ужурской волости Спиридону Владимірову „въ томъ, что я, Абаловъ, взялъ у него Владимірова на платежъ государственныхъ податей за прошлые и на сей 1826 г. денегъ 185 р. 95 к., за которыя и отдаю сыновей моихъ Селифанта и Митрофана въ годовую срочную работу, за которыхъ и получилъ платы 25 рублей деньгами и 5 овчинъ, однорядку, руковицы, одни штаны и рубаху, чарки съ голенищами и (обѣщано мнѣ) дать на посѣвъ 4 пуда сѣмянъ, чтобы вспахать на его, Владимірова, лошади. Во все время бытности у него, В—ва, жить благопристойно, не пьянствовать, на всякую полевую и домовую работу быть послушнымъ, съ худыми людьми не знаться, и въ домъ таковыхъ не подводить, сохранять его домъ и скотъ, какъ собственный свой. . . Въ чемъ сіе (письмо) и даю съ засвидѣтельствованіемъ моего князца, Ульчегачева. . ."

Въ 1840 г. инородецъ Тархановъ заключилъ условіе съ крестьяниномъ, „въ томъ что я, Т—въ взялъ у него Изосимова, на платежъ государственныхъ податей, повинности и ясака, денегъ 28 руб. 50 коп., за которыя и отдаю сына своего, Федора, въ годовую срочную службу, за что и условился платы ассигн. 35 р., а на серебро 10 рубл. . . ." и пр.

1844 г. Инородецъ нанимается къ крестьянину въ работу, начиная съ 1 января по 21 Іюля, за 45 р. асс., и „сверхъ сего на ссуду денегъ 50 р., которыя и обязуюсь я, Арчимачевъ отдать ему, Соколову . . . . 21 ч. іюля или зарабатывать посрочно. . . ." Другой поступаетъ къ крестьянину же на весь годъ за 80 р. асс. „Напередъ при полученія условія получилъ деньгами 125 рубл. асс., а по отшествіи годичнаго времени остальное количество долженъ заплатить или заработывать работою."

1845. Инородецъ поступаетъ въ работники къ крестьянину на годъ за 100 р. асс. . . . „Напередъ — говориться въ условіи“ — получилъ деньгами 120 рублей — остальное (т. е. сверхъ 100 р.) обязуюсь заплатить или отработать. . . .“

1845 г. Другой инородецъ за годовую службу въ работникахъ выряживаетъ себѣ 100 р. деньгами, 1/2 дес. присѣву и кое что изъ одежды и обуви — въ томъ числѣ „кунгурскіе сапоги“. Взято-же уже впередъ имъ — 124 рубля деньгами, хлѣба 15 пудовъ, цѣною по 1 1/2 рубл., всего на 22 р. 50 к., штаны и рубаха базарные въ 8 рублей и на платежъ долговъ деньгами 33 рубля.“

1846 г. При заключеніи условія взята вся рядная плата за годъ впередъ, до сверхъ того еще „на ссуду“ — 40 рублей, всего 180 рубл.

1846 г. Получено впередъ все жалованье за годъ, 140 рублей.

1846 г. „Съ дозволенія и согласія родителя своего“ несовершеннолѣтній инородецъ поступаетъ въ работники на 1 годъ за 70 р. асс. и 1 пару бродней „и сверхъ сего на ссуду 30 р. асс.“ Всѣ означенные 100 рубл. получены еще до заключенія условія „для расплаты государственныхъ податей и на другія необходимыя потребности въ домашнемъ быту.“

Въ томъ-же 1846 г. инородецъ нанимается къ крестьянину за 90 р. въ годъ, при чемъ сверхъ этихъ 90 р. „для расплаты разнымъ людямъ долговъ заимообразно взято 105 р. . . . Другой выряживаетъ себѣ въ годъ 140 р. асс. и сверхъ ихъ забираетъ впередъ еще 16 р. 50 к. асс.

1848. Сверхъ рядной годовой платы, получено еще въ ссуду 24 р. 44 к. Въ томъ же году при заключеніи условія взятъ задатокъ „на платежъ государственныхъ податей.“

1849. Сверхъ рядной платы, взято „на ссуду“ 1) 8 р.

57 1/2 к., 2) 12 р. 10 к., 3) 4 р. 42 3/4 к., 4) 16 р. 42 3/4 к., 5) 54 р. 28 1/2 к. (рядная плата въ годъ — 28 р. 57 1/2 к.); 6) 15 р. 42 3/4 к. 7) Рядная плата за годъ 28 р. 57 1/2 к. „да сверхъ оныхъ взялъ 86 р. 2 1/2 к. сер., кои обязуюсь заплатить или заслужить. 8) Рядная плата получена „сполна, да сверхъ того забралъ для раздачи долговъ 17 р. 15 к.“

1851 г. Взято въ ссуду сверхъ рядной платы 1) 4 р. 52 к. 2) 5 р. 71 3/4 к. 3) „на платежъ государственныхъ податей и разнымъ людямъ долговъ“ — 21 р. 20 3/4 к. 4) 7 р. 5) 5 р.; 6) 15 р.; 7) 9 р.; 8) 5 р.

1852 г. Получено при заключеніи условія, или ранѣе того, сверхъ рядной платы еще „заимообразно“ — 1) 31 р. 50 коп. (годовая плата — 20 р.); 2) 28 р. 58 1/2 к. (рядная плата — 25 р. 71 1/2 к.).

1853 г. 1) Рядная плата за годъ — 34 р. 28 3/4 к., да кромѣ того выговорено право получить заимообразно 14 р. 28 1/2 к.; а уже взято при заключеніи условія всего 36 р. 14 к. 2) Сверхъ рядной платы получено еще 23 рубля.

За 1849 годъ всего было заключено 50 письменныхъ условій по найму инородцевъ въ батраки — всего на 1547 р. 20 к., изъ каковой суммы получено нанявшимися впередъ — 1240 р. 97 1/4 к. т. е. почти 81% ея.

Иной разъ, судя по заключаемымъ условіямъ, батрачество принимало форму полнаго закрѣпощенія. Въ 1840 г. Арышкаевъ нанимается въ работники за 50 р. въ годъ. „Забрано же мною, Арышкаевымъ денегъ 194 рубля“... Въ 1846 г. инородецъ Ульчегачевъ „взялъ у дѣвицы Янгуловой на ссуду для необходимыхъ надобностей — 200 р. асс., за каковые въ одолженіе отдалъ ей во услуженіе родного моего сына, Якима, съ условіемъ таковымъ, что находиться ему у ней, Янгуловой, до тѣхъ поръ, покуда я соберусь съ силами отдать ей упомянутыя деньги, полагая ему въ годъ 15 рублей. До отдачи денегъ я не имѣю права отбирать сына моего самовольно“. Въ 1854 г. инородецъ На-

галаковъ „получилъ . . . отъ К---го, съ забранными прежде, 58 р. 93 к., изъ коей суммы, по отслуженіи года имѣютъ быть означенные (рядная плата!) 17 р. 14½ к. уплатою, а остальные 41 р. 88¾ к. обязанъ я, Шагалаковъ, заплатить при первомъ требованіи безпрекословно". Въ 1859 г. инородецъ Салымачевъ рядился поступить къ крестьянину Потѣхину за 30 р. въ годъ и ½ дес. присѣву; „состоящее же за мной, Салымачевымъ, одолженіе ему П—ну деньгами 40 р. 38 к. обязываюсь, по возможности моей, уплатить уже послѣ условленнаго къ работѣ срока, недалѣе однако мѣсяца, или заслуживать". . . Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ означенное условіе было однако „прекращено", такъ какъ С—въ, „по добровольному согласію съ Потѣхинымъ", перешелъ на службу къ Карпушеву уже не за 30 р. въ годъ, а за 20, и безъ присѣва. „Состоящее же за мной, Салымачевымъ, одолженіе ему, Карпушеву деньгами 43 р. 46 к. обязываюсь я, С—въ, по окончаніи срока уплатить въ то же время безпрепятственно, или заслуживать, не доводя его, К—ва, ни до какихъ хлопотъ". . .

Подобный вышеприведенному переходу отъ одного хозяина съ переводомъ долга къ другому практиковался, повидимому, очень часто и имѣлъ даже свой весьма характерный терминъ —„скупки". Напр., объ одномъ инородцѣ, который былъ въ „большомъ заборѣ" у своего хозяина, говорится, что „другихъ хозяевъ, которые бы могли скупить его . . . въ видахъ не имѣется". — Послѣдній по времени случай такого рода „скупки" отмѣчается въ книгахъ „договоровъ и условій" въ 1871 года. „Въ счетъ рядной платы — читаемъ въ одномъ условіи этого года — уплачено имъ, Черкасовымъ состоявшаго за мною забора бывшему хозяину моему крестьянину Порфирію Марьясову 18 р. 35 к., да забрано мною у него, Черкасова, на покупку одежды и обуви и уплату податей 35 р., съ которыми и составится всего забору 54 р." Излишніе (противъ рядной платы) 4 рубля нанимающійся обязуется возвратить или заслужить. „Равномѣрно обязанъ я, Качаевъ,

заслужить и тѣ деньги, какія Ч-овымъ будутъ израсходованы въ теченіи года на уплату за меня податей и гоньбовыхъ, а также выданныя мнѣ, если встрѣтится надобность. . .“

По свѣдѣніямъ Думы, въ 1825 г. всѣхъ „нанимающихся въ работники“ было 70 человѣкъ. Въ 1855 г., какъ мы видѣли, было заключено условій на поступленіе въ батраки — не считая рабочихъ на золотыхъ промыслахъ и пастуховъ — этихъ аристократовъ среди работниковъ-инородцевъ — всего 50. По отдѣльнымъ родамъ нанимающіеся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ (на основаніи 250 условій) распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	1840—1871 года.
Кызыльскій родъ	21
Малоаргунскій родъ . . .	3
Большеачинскій „ . . .	30
Малоачинскій „ . . .	23
Басагарскій 1 и 2 пол. . .	16
Басагарскій отдѣл.	16
Курчиковскій родъ . . .	27
Камларскій „	28
Игинскій „	35
Шуйскій „	20
Неизвѣстнаго рода	31
Итого .	250 [1]).

Наибольшее число — 200 изъ 250 — нанимающихъ — были крестьяне; 21 хозяинъ — инородцы-же, 13 казаковъ, 6 поселенцевъ, 7 лицъ духовнаго званія, и по одному — чиновниковъ, мѣщанъ и купцовъ.

---

1) Какъ среди нанимающихся, такъ и среди нанимающихъ особенно преобладающими является нѣсколько фамилій. Изъ 225 нанимающихъ 24 человѣка носили фамилію Марьясовыхъ, 12 Полежаевыхъ и пр.; изъ того же числа батраковъ — 16 было Янгуловыхъ (Мало-Ачинск. рода), 9 Тайдоновыхъ, 8 Тайтыновыхъ и т. д.

Въ 1890 г., по даннымъ подворной переписи, число нанимающихся и распредѣленіе ихъ по хозяйственнымъ районамъ было слѣдующее:

Районы.	Хозяйствъ отпускающихъ рабочихъ.		Мужчинъ живущихъ въ сроку.		Мужчинъ нанимающихся поденно.	Женщинъ живущихъ въ сроку.
	Годовыхъ.	Сроковыхъ.	Въ своемъ селеніи.	На сторонѣ.		
I. Скотоводческій . . .	86	16	51	33	237	10
II. Земледѣльческій . .	53	10	48	19	239	20
III. Промысловый	34	15	22	17	186	11
Итого:	173	41	121	69	662	41
Тоже въ процентахъ:	Къ общему числу хозяйствъ.		Къ числу фактическихъ работниковъ.			Къ общему числу женщинъ.
I. Скотоводческій . . .	19,7	3,3	8,8	5,7	47,9	0,9
II. Земледѣльческій . .	14,6	2,8	10,6	4,2	52,6	2,3
III. Промысловый	13,6	6,0	7,1	5,5	60,6	1,8
Итого:	16,5	3,9	9,0	5,1	49,3	1,6

т. е. наибольшій % хозяйствъ отпускающихъ годовыхъ рабочихъ встрѣчаемъ въ скотоводческомъ, сроковыхъ — въ промысловомъ районахъ; наименьшій % первыхъ въ промысловомъ, вторыхъ — въ земледѣльческомъ. Больше всего (процентно) мужчинъ живущихъ въ сроку въ своемъ селеніи и всего менѣе уходитъ ихъ на сторону — въ земледѣльческомъ районѣ, всего-же болѣе уходитъ на сторону — въ скотоводческомъ. Процентъ мужчинъ нанимающихся поденно наибольшій въ промысловомъ, наименьшій въ скотоводческомъ районѣ. Наконецъ женщинъ живущихъ въ сроку больше всего въ земледѣльческомъ районѣ, а меньше всего — въ скотоводческомъ.

Отпускъ рабочихъ во всѣхъ трехъ районахъ Кызыльскаго вѣдомства значительно преобладаетъ надъ наймомъ ихъ, какъ видно изъ сопоставленія предыдущихъ цифръ съ нижеслѣдующими.

Районы.	Хозяйствъ нанимающихъ годовыхъ рабочихъ муж. пола.	Кромѣ того имѣющихъ срочныхъ м. п.	Годовыхъ рабочихъ мужск. п. всякаго возраста.
I. Скотоводческій . . .	26	6	37
II. Земледѣльческій . .	20	7	25
III. Промысловый	5	2	6
Итого:	51	15	68

Данныя относительно годовой наемной платы и ея колебаній за послѣднее 50—60 лѣтіе представлены въ помѣщаемой ниже таблицѣ.

Года.	Число показаній.	Средняя годовая плата батраку.					Колебанія.	
		У инородцевъ же		У крестьянъ.		Общая средняя	Maximum.	Minimum.
		Деньгами.	Натурой.	Деньгами.	Натурой.			
1826	1	8,0	5,0	—	—	14,0	—	—
1839	2	—	—	14,0	10,0	24,0	—	—
1840	6	17,0	2,0	15,0	6,6	21,3	25,0	18,0
1842	2	—	—	29,5	4,0	33,5	44,0	23,0
1844	4	—	—	28,0	8,5	36,5	55,0	26,0
1845	3	—	—	34,5	6,0	40,5	47,0	36,0
1846	11	40,0	7,0	31,0	5,0	36,0	49,0	21,0
1847	2	—	—	28,5	7,5	36,0	38,5	33,5
1848	27	42,6	4,3	37,0	9,0	46,0	59,5	34,0
1849	27	—	—	38,5	6,7	45,2	60,0	22,3
1851	20	—	—	23,8	9,3	33,1	46,3	20,0
1852	18	—	—	29,3	7,0	36,3	53,7	24,3
1853	19	—	—	29,2	9,0	38,2	51,0	20,3
1854	23	—	—	30,3	7,3	37,6	49,0	23,2
1855	2	—	—	31,4	8,8	40,2	45,1	35,2
1856	3	20,0	2,5	31,3	3,0	28,3	34,0	22,5
1859	10	—	—	29,4	8,4	37,8	51,0	28,0
1860	6	—	—	34,5	4,7	39,2	60,0	20,3
1861	2	—	—	42,5	2,5	45,0	47,0	43,0
1866	25	25,8	7,7	33,1	2,2	35,0	55,0	17,5
1869	23	33,5	—	33,3	—	33,3	50,0	20,0
1870	26	39,0	—	32,2	3,5	35,8	49,0	17,0
1871	13	31,2	8,0	35,8	6,6	42,0	55,0	23,0
1872	7	—	—	33,2	8,9	42,1	48,0	35,0
1890 [1])	37	—	—	—	—	41,6	70,0	25,0

Средняя за 1840—1849 года плата годовому работнику — на основаніи 82 показній — была 34,7 рубл. деньгами и

1) По даннымъ „Матерьяловъ по изслѣд. землеп. . . . и пр.“, ср. т. IV, вып. 4, стр. 259.

6,9 р. натурой [1]); въ 1850—1859 г. — на основаніи 95 показаній — 28,3 р. деньгами и 8,0 натурой; въ 1860—1869 г. — 34,6 деньгами и 1,9 р. натурой — число показаній 56; наконецъ въ 1870—1872 г. — 30,0 деньгами, 4,5 натурой (число показаній 46). Общая средняя плата за все время съ 1840 по 1872 равняется 31,7 р. деньгами и 5,9 р. натурой (число показаній 279).

Остановимся еще на самой формѣ условій составляемыхъ при наймѣ инородцевъ въ работники. Въ предыдущемъ изложеніи приводилось уже нѣсколько примѣровъ ихъ, нижеслѣдующія — послужатъ имъ въ дополненіе.

Въ 1826 г. инородецъ Малоачинской управы Антипъ Чарочкинъ „далъ сіе письмо Минусинской Округи, Тубинской Управы, ясачному Тимофею Егорову Марьясову, въ томъ, что получилъ я, Чарочкинъ, у него, Марьясова, на платежъ государственныхъ податей на 1-ю сего 1826 года половину, денегъ 10 руб., за что и условились съ нимъ, Марьясовымъ, чтобъ быть у него въ годовой срочной домовой работѣ срокомъ впредь на одинъ годъ, съ полученіемъ въ годъ платы 30 рублей. Платье верхнее и нижнее и обувь, кромѣ шубы, носить того Марьясова. Въ работѣ быть мнѣ добропорядочно, не пьянствовать и не ослушаться какъ домашнихъ, такъ и самаго хозяина; во всемъ быть послушнымъ, а притомъ, не доживъ сроку, къ другимъ хозяевамъ не отходить. А остальныя деньги по истеченіи срока получить безпрекословно. Въ чемъ сіе и даю, съ дозволенія моего князца Янгулова. Во увѣреніе подъ симъ и подписуемся. . . . . ,“

Въ 1839 г. большеачинецъ Абдаринъ заключилъ „договоръ съ крестьянскою вдовою Балахтинск. вол., проживающею въ деревнѣ Тургужанской. . . ., Сургутсковой, въ томъ что я, А-нъ, нанялся у ней въ срочную работу на одинъ годъ, считая срокъ сей съ 9 числа мая, т. е. съ праздника Николая Чудотворца, за что рядилъ получить деньгами 40 р., $^1/_2$ дес. присѣвку изъ ячменя, новая шуба овчинная, бѣлая и крестьянская однорядка, сагыры съ онучами, двѣ пары рубахъ, рукавицы; въ число рядныхъ денегъ мною получено уже въ задатокъ 12 рубл., а остальныя 28 р. получить всѣ сполна къ 1-му числу іюля м-ца с. г.; сверхъ того еще на ссуду 1 мѣшокъ

1) Переводъ на деньги сдѣланъ по оцѣнкѣ 1847—1848 г., когда за свидѣтельствованіе условій взималась полупроцентная плата.

ржанаго. Въ случаѣ неустойчивости моей въ работѣ, я обязываюсь заплатить, что будетъ причитаться, собственнымъ своимъ скотомъ, коихъ имѣю 2 коровы и одного коня. Во время работы моей у Сургутековой находиться безотлучно, если-же я вздумаю идти въ осеннее время за звѣропромышленностью въ тайгу, въ такомъ случаѣ обязанъ вмѣсто себя нанять другого, способнаго, къ работѣ на собственный свой счетъ. Сверхъ ряженной этой платы я требовать отъ нея болѣе не долженъ. Находиться въ полномъ повиновеніи и отнюдь не ослушаться, что и обязуемся исполнять свято и нерушимо, въ томъ подписуюсь. . . . .“

Въ 1840 году инородецъ нанимается къ другому инородцу-же „предостерегать отъ всякихъ злодѣевъ и воровъ домъ его съ семействомъ въ ночное и денное время въ теченіи будущаго лѣта сего года, срокомъ, начиная со дня праздника Св. Николая Чудотворца. . .“ и по 1-е ноября 1840 г.; „за что рядилъ получить платы 30 руб. асс., а на сер. 8 р. 57¼ коп.“. . . „Стеречь (долженъ) безотлучно и неусыпно, давая на спокой только нѣкоторое время днемъ, такъ чтобы могло удовлетворять сонъ мой. . .“

Въ 1844 г. инородецъ отдаетъ въ годовые работники къ крестьянину „сына своего родного“ 18 лѣтъ, за 100 р. асс. и кромѣ того — „шуба овчинная изъ 6 овчинъ, однорядка новая крестьянскаго сукна, три пары рубахъ съ портами холщевыхъ, обувь — чарки, онучи; рукавицы и прочее все его, хозяйское“. Въ томъ-же году другой инородецъ нанимается вмѣстѣ со своей женой за 150 р. (асс.) деньгами и сверхъ того еще — „шубу овчинную изъ 8 овчинъ, однорядку крестьянскаго сукна изъ 10 аршинъ, бродни базарныя, лосиныя рукавицы, сукна на онучи крестьянскаго-же. . . . 1½ аршина, хозяйскіе сапоги и присѣву поскони ½ загона его же (хозяина) Похабова сѣменами, съ тѣмъ чтобы хозяйкѣ (т. е. женѣ нанимающагося) въ зимнее время ходить только за скотомъ, а въ лѣтнее время быть на хозяйской работѣ“.

Въ 1846 г. инородецъ нанимается въ работники за 90 р. асс. и шубу изъ 6 овчинъ, бродни и одни притачки, онучи въ 1½ аршина, 1 пару руковицъ; сверхъ сего „осенью посѣять ½ дес. ржи, а будущею весною ярицы ½ дес. сѣменами Марьясова (хозяина)“. . .

Изъ книги „договоровъ и условій 1848 года: „Явлено условіе въ нижеслѣдующемъ: 1848 г. марта 6-го дня я нижеподписавшійся енисейской губерніи ачинскаго округа вѣдѣнія Кызыльской степной думы, Кызыльской управы ясачный Кузьма Ивановъ Тамочиковъ заключилъ сіе условіе съ крестьяниномъ того же округа, Ужурской волости села Шарыповскаго Савиномъ Поповомъ въ нижеслѣдующемъ:

1-ое) находиться мнѣ, Тамочикову, у него Попова въ годовой срочной работѣ, считая срокъ съ 22 октября прошлаго 1847 г. и по 22 число октября мѣсяца сего 1848 г., за что и рядилъ получить платы деньгами серебромъ 34 рубля 30 коп.; сверхъ того присѣву $^1/_2$ десятины пшеницы и $^1/_2$ десятины ярицы и десятину пахатной земли, а сѣменами сѣять собственными моими Тамочикова; шуба новая изъ пяти овчинъ, бродни и черки, онучи — два аршина крестьянскаго сукна, — однѣ рукавицы бараньи и одна пара рубахъ съ портами; и болѣе мнѣ Тамочикову ничего отъ Попова не требовать. 2-ое) при заключеніи сего договора получилъ я, Тамочиковъ, въ задатокъ 23 рубля 57 коп. серебромъ. 3-е) во всю бытность мою у Попова обязуюсь вести себя честно, сохранять какъ къ нему, равно и къ его семейству почтительность, отъ работы не отказываться и не ослушаться, не пьянствовать, самовольно никуда не отлучаться и быть въ полномъ повиновеніи, ввѣренную мнѣ сбрую и другія вещи сохранять какъ бы свою собственность, и, не отживъ срока, я, Тамочиковъ, отъ Попова отойтить права не имѣю. Если случатся прогульные дни въ теченіи годичнаго времени или (чего, Боже сохрани) болѣзни, то обязуюсь заработать по окончаніи срока; въ противномъ случаѣ онъ, Поповъ, имѣетъ право за замѣченные за мною, Тамочиковымъ, какіе-либо законопротивные поступки объявить о томъ мірскому обществу и просить удовлетворенія. 4-ое) равнымъ образомъ и я, Поповъ, обязуюсь условіе сіе выполнять свято и нерушимо въ точности безъ всякаго нарушенія и удовлетворять платою и пищею безъ обиды и притѣсненія и поступать человѣколюбиво, не причинять самому никакихъ побоевъ и жестокостей, вредныхъ человѣческому здоровью. Въ томъ и подписуемся".

Въ 1839 г. къ инородцу Шушеначеву нанимается кызылецъ Кулучаковъ на срокъ съ ноября по 1 іюля 1840 г. за 25 р. асс, „и на шубу 7 овчинъ. Деньги сіи и овчины получены уже мною всѣ сполна; сверхъ того, если встрѣтится необходимость еще брать деньги на уплату государственныхъ податей и на пищу отца своего, то получать таковые у него же, Ш-ва, не перевышая 15 рубл., за которые я, К-въ, и обязываюсь, не отходя послѣ срока, поставить ему сѣно 100 к., изъ коихъ бы составилось 20 возовъ, полагая каждый въ 15 пудъ".

Въ 1846 г. къ крестьянину Ананьину нанимается инородецъ въ работники на 9 мѣсяцевъ (съ октября по іюль) за 40 р., „7 овчинъ дѣланныхъ" и $^1/_4$ дес. присѣву — ярицы, 3 пуда хлѣба, бродни, руковицы съ исподками, рубаху съ портами. „Сверхъ сего обязываюсь и ручаюсь за ясачнаго Корбечекова, за взятую у него, Ан-на, лошадь въ теченіи двухъ лѣтъ ставить

сѣно по 100 копенъ: если-же А-ну покажутся малыми копны, то принять возами — 20 возовъ, и жать по 1 десятинѣ хлѣба“. . . .

Въ 1851 г. инородецъ поступаетъ на годъ въ работники къ крестьянину за 23 р. деньгами, шубу овчинную, новую въ 2 рубля, однорядку — въ 3 р., „бродни тюменскія“ — 1 р., черки — 40 к., двѣ пары рубахъ съ портами въ 1 р., присѣву — 4 загона на 1 р. „и на ссуду денегъ — 15 рубл“. Тогда же другой инородецъ сдаетъ своего 16-лѣтняго брата въ годовые работники за 10 рублей, 15 пудовъ хлѣба — на 2 р. 25 к., шуба овчинная новая — 3 р. 50 к., однорядка чернаго крестьянскаго сукна — 3 р., сагыры новые 1 р., двѣ пары рубахъ съ портами — 1 р., двѣ пары руковицъ кожаныхъ съ исподками и черки — 1 р. „Съ тѣмъ, чтобы, если братъ мой Иванъ не въ силахъ будетъ работать, то я обязуюсь самъ отработывать.“

Въ слѣдующемъ 1852 г. инородецъ Корбечековъ нанимается на годъ за 28 р. $57^1/_2$ к. деньгами, бродни 61 р. $71^1/_2$ к., черки — 25 к., двѣ пары рубахъ съ портами — 1 р. $14^1/_2$ к., однорядка — 2 р. $85^1/_4$ к., 7 овчинъ — 2 р., онучи суконныя въ 75 коп., „съ тѣмъ, если я, К-въ, буду нездоровъ, то на мѣсто меня поставляю работать брата моего родного, Савелья Иванова . . .-“ Другой инородецъ сдаетъ своего сына въ работники, причемъ „если я и сынъ мой останемся должными Ефремову (хозяину), то обязанъ сынъ мой . . . . . отработать Е-ву деньги или оныя возвратить . . . . .“ Въ третьемъ условіи читаемъ: „а въ противномъ случаѣ, Боже сохрани, сына моего смерти или чего другого, то я обязываюсь самъ заслужить или отдать . . .“

Въ условіи, относящемся къ 1853 г. говорится: „Если же со мною случится отчего либо въ теченіи года болѣзнь или смерть прежде срока, то въ первомъ случаѣ прогульные дни долженъ заработать послѣ миновенія срочнаго годичнаго времени, а въ послѣднемъ, сверхъ причитающихся за время работы моей, деньги онъ, Р-въ, имѣетъ право взыскать изъ имѣнія моего“. . . . Нанявшійся въ 1854 г. къ казаку К-му инородецъ Абдаринъ, говоритъ въ условіи: „Если буду имѣть надобность въ деньгахъ, то К-ій долженъ снабдить меня, А-на, до 10 рублей, каковые, по прошествіи срока, обязанъ заплатить въ то же время. Въ случаѣ какого-либо со мной неблагополучія (отъ чего Боже сохрани!) долженъ работать за меня братъ мой Андрей Аб-нъ“.

А въ случаѣ надобности моей — читаемъ въ условіи 1860 г., — . . . . какой либо одежды, то я таковую долженъ получать отъ него (хозяина). . . . въ счетъ рядной платы. Государственныя подати и повинности обязанъ онъ, М-въ, заплатить за меня, К-ва, при вступленіи моемъ къ нему въ

работу. . . . . тоже въ число платы за весь 1861 г., безъ превышенія однако годовой платы".

„За прогульные дни — говорится въ условіи 1870 г., если таковые будутъ, я, Кучелаевъ, обязуюсь отвѣтствовать В-ву (хозяину): съ Пасхи будущаго 1871 г. до Покрова — по 40 коп. за каждый день, а съ Покрова до окончанія срока, т. е. до 6 декабря, по 25 коп. за день . . . ."

Среди предметовъ, выговариваемыхъ при заключеніи условій натурой чаще всего и почти всегда — встрѣчаются: шуба изъ 6—8 овчинъ — „новая" или „неновая", „поношеная"; однорядка (тоже) „крестьянскаго сукна" „черная"; „обутки", — бродни („базарные" или „тюменскіе"), головки, черки, сагыры, сапоги „кунгурскіе" или „своедѣльные"; рубахи — „холщевыя", „изгребныя", „посконныя волокнистыя", дабовыя и пр.; порты такія-же; онучи „русскаго" или крестьянскаго" сукна; рукавицы, кожаныя „красныя", лосиныя, бараньи, „съ исподками", „варегами", „верхонками" и т. д. — Попадаются однако изрѣдка въ числѣ предметовъ получаемыхъ работникомъ натурой — и такіе, какъ „полушубокъ" „рубаха базарная", „шапка мерлушчатая", „опояска гарусная", „картузъ триповый", 20 арш. холста, конецъ дабы, 11 пудовъ хлѣба, по 16 коп. (1852 г.), 5 пудовъ яроваго хлѣба по 30 коп. (1853), 3 пуда ржаной муки по 43 коп. (1845 г.), 10 пуд. ржи на 3 руб. (1860), 10 пудовъ ржанаго хлѣба и 2 ф. табаку, 30 пудовъ ржи или „на ссуду 10 пудовъ хлѣба, кобылу въ 10 рублей" и т. д. . . Почти всегда поступающіе въ батраки къ крестьянамъ, выговариваютъ себѣ кромѣ того еще „присѣвокъ". — Величина присѣвка колеблется между однимъ загономъ и одной десятиной, но чаще всего равняется 1/4 дес. или 1/2 десятины. „Полдесятины (или четверть десятины) ярицы и („или") ячменя — самая обычная форма опредѣленія присѣвка въ условіяхъ; рѣже присѣвокъ выбирается изъ овсянаго пшеничнаго или яроваго поля — „1/2 дес. присѣву паровой ржи", — „осенью посѣять 1/2 дес. ржи и будущею весною ярицы 1/2 дес., сѣменами М—ва (хозяина)" (1846 г.); „присѣву 1/4 овса и 1/4 ячменя". „Одну четверть присѣву яроваго или ржи", 1/2 дес. пшеницы и 1/2 десят.

ярицы присѣву и десятину пахатной земли, а сѣменами сѣять собственными моими", (1848); „1/2 дес. присѣву — ячменю одну четверть и овса четверть" (1851); „1/4 дес. ячменя и 1/4 дес. овса посѣять ему П—ву (хозяину) собственными сѣменами и на его землѣ", „1/2 дес. яроваго хлѣба", „1/2 дес. пшеницы и 1/2 дес. ярицы" (1853); „3/4 дес. присѣвку овса на землѣ хозяина и съ его сѣменами" (1854); „1/4 дес. ржаного присѣва" (1871) и т. д. . . Иногда въ условіяхъ указывается лишь величина присѣвка, безъ опредѣленія сорта хлѣба: „1/2 дес. хлѣба — запахать на лошадяхъ Р—ва, а сѣмена мои А—ва (работника)"; „присѣву 1/4 дес." и пр. . . Зато въ другихъ случаяхъ указывается не только родъ хлѣба, но и качество урожая: „ярицы 1/4 дес. изъ лучшаго хлѣба" (1846). „Четверть присѣвку изъ лучшаго хлѣба — ржи или ярицы"; четверть присѣву-ячменю изъ любова хлѣба и еще 1/2 дес. вспахать на Ф—на (хозяина) лошадяхъ" (1848); „1/4 дес. присѣвка хлѣба изъ любова", (1849); „1/4 дес. присѣву — ярицы или ячменя, съ любова краю" (1851), „1 десятину ржанаго хлѣба, самую лучшую изъ его (хозяина) посѣвовъ" (1853); „1/2 дес. овса, съ любого краю", „1/2 дес. присѣва — половину ржанаго, половину яроваго, самаго лучшаго хлѣба", „1/2 дес. присѣвку изъ лучшаго яроваго, кромѣ пшеницы" (1854), „1/2 дес. ярицы лучшаго урожая, „присѣву 1/4 дес. разнаго хлѣба: половину ячменя, другую яроваго или озимоваго, исключая пшеницы, притомъ изъ лучшаго урожая" (1860); „1/4 дес. присѣву изъ лучшей ярицы" (1866). „Три загона ярицы и ячменя тоже три загона съ любой стороны, сѣменами и на землѣ У—на (хозяина)". — „Посѣять 1/2 дес. ярицы на отсѣвъ" (1871) и пр. и пр. . . Стоимость присѣвка опредѣляется чрезвычайно различно: „1/4 дес. присѣвка — примѣрно на на 5 р.", „присѣву — ячменя и ржи (пополамъ) на 3 р. 50 к." „Присѣву 4 загона на 1 р." (1851) „1/2 дес. присѣву — на 1 р."; 1/4 дес. присѣвку ярицы па 1 р. 50 к. (1852 г.); овса и ячменя (пополамъ) — 3 р.; 1/2 дес. яро-

ваго хлѣба — 4 р. 50 к.; пшеницы и ярицы по полдесятинѣ — 4 р. (1853 г.); овса 1/2 дес. — 3 р.; 3/4 дес. овса — 3 р. (1854 г.); 1/4 дес. присѣву — 4 р. (1860); 1/4 дес. присѣву „любаго изъ трехъ родовъ“ хлѣба „или деньгами за присѣвъ — 4 рубля“ (1872) и т. д.

Совершенно особую группу среди нанимающихся въ срокъ занимаютъ пастухи. Ихъ трудъ, какъ своего рода спеціальность, оплачивается гораздо лучше, чѣмъ обыкновенныхъ батраковъ, а положеніе ихъ въ отношеніи къ своимъ нанимателямъ отличается гораздо большею независимостью. Въ 1838 г. инородецъ Ачисовъ нанялся пасти лошадей осѣдлыхъ инородцевъ д. Ново-Марьясовой „и качинскихъ ясашныхъ съ ними живущихъ . . . въ собственныхъ ихъ дачахъ, со сгономъ съ 16 апрѣля по 6 декабря“. Плата за пастьбу опредѣляется условіемъ по 45 коп. (асс.) за лошадь, а въ случаѣ утраты Ачисовъ отвѣчаетъ за каждаго мерина 40 рублями, кобылу 20 рублями, за трехлѣтокъ — 15 рублями, за „лончаковъ“ — 5 рублями, за „селѣтокъ“ — 2 р. 50 коп. За утрату отъ болѣзни, „нечаяннаго потопленія“, „за лошадь не изъ моего стада“ — Ач-въ не отвѣтствеиенъ. — Въ 1840 г. двое кызыльскихъ инородцевъ поступили пастухами ко вдовѣ качинкѣ на годовой срокъ (съ 1 іюня по 1 іюня 1841 г.) за плату по 50 коп. асс. съ каждой лошади. А „какъ по сдѣланному нами счету, говорится въ условіи, оказалось таковыхъ лошадей: меринов 120, кобылъ съ жеребятами 660 и лончиковъ 121, а всего — 901 лошадь“, то всей платы причиталось имъ 450 р. 50 к. асс. „Въ случаѣ какой либо утраты отъ неосторожности нашей, полагаемъ обоюдно платить или вычитать изъ слѣдующей платы средними цѣнами: за мериновъ 35 р. асс., кобылъ съ жеребятами 20 р. и лончаковъ 10 р. асс.; ежели же сдѣлается ущербъ отъ упадка по волѣ Божіей — въ такомъ родѣ представляемъ въ доказательство справедливости съ каждой лошади пятна. Обязываемся мы, Салымачевъ и Чарочкинъ, пасти этихъ лошадей днемъ и почью на степяхъ принадлежащихъ

собственно вѣдѣнія Качинскаго родоначалія; запасъ и лошадей, на коихъ мы должны пасти обязана давать хозяйка Капчигашева, а прочее, — обувь одежда — должны мы имѣть собственное свое."

Въ 1844 г. инородцы Саламачевъ и Тайдоновъ взялись пасти лошадей ужурскихъ крестьянъ Марьясовыхъ „на принадлежащей ясачнымъ Кызыльскаго родоначалія степи, если дозволитъ начальство", съ платой имъ за годовую пастьбу по 1 рублю асс. съ лошади. Въ случаѣ утраты — „потеряются безъ вѣсти, будутъ украдены или задавлены волкомъ" — пастухи уплачиваютъ „за мериновъ лучшихъ по 100 р., среднихъ 50 р. и ломчаковъ 10 р."

Въ 1847 г. инородцы Костинскаго улуса нанимаютъ пастуха для рогатаго скота за плату по 50 коп. асс. съ головы крупнаго и по 30 коп. съ овцы. Кромѣ того, съ каждой головы онъ получаетъ еще по $1^1/_2$ фунта хлѣба. Въ случаѣ утраты — „похищеніе звѣремъ и ворами, утопленіе въ худыхъ мѣстахъ и неизвѣстная потеря" — пастухъ уплачиваетъ за лучшихъ коровъ и быковъ по 35 р., за двугодовалыхъ по 25 р., за годовалыхъ 15 р. за овецъ старицъ 5 рубл. . . за зимняковъ 3 р. 50 к. асс."

Въ 1849 г. инородецъ Балахчинъ берется пасти табуны лошадей, принадлежащіе крестьянину д. Яновой Черкашину — всего до 1200 лошадей, въ теченіи періода съ 9 мая по 15 сент. съ платой кругомъ по $7^1/_4$ коп. за голову. За утрату „головного коня" — уплачивается хозяину 17 р. $14^1/_4$ коп., за кобылъ 10 р. за жеребятъ моложе 4 лѣтъ — по 3 р.

Въ 1851 г. инородецъ Сулековъ нанялся къ 6 крестьянамъ д. Кулунъ пасти съ 8 февраля по 8-е февр. 1852 лошадей за плату 52 р. 86 к. деньгами и по 1 пуду хлѣба съ каждаго десятка. Въ задатокъ получилъ 30 рубл. Въ случаѣ утраты лошадей, С-въ платитъ: „за первый сортъ мериновъ и жеребцовъ по 20 р. сер., среднихъ лучшихъ кобылъ по 6 рубл., за послѣдній сортъ т. е. по 3-му году по 3 рубл. и по другому году по 1 р. 50 коп., за новорожденныхъ же жеребятъ по 1 р. Утратою считать задавленное звѣремъ, похищеніе ворами, неизвѣстно куда потерявшееся; за утрату же такихъ лошадей, которыя теряются и гибнутъ отъ недостатка кормовъ и такихъ селѣтковъ, которые тоже теряются, не получивъ еще совершенной силы и проворства, платить я, С-въ, необязываюсь." До окончанія годичнаго срока я, Сулековъ, отходить отъ нихъ не должонъ; во все то время обязываюсь вести себя честно, благопристойно и повиноваться хозяевамъ въ полной мѣрѣ. Пасти

лошадей въ лѣтнее время — въ поскотинѣ, а зимою на вольныхъ мѣстахъ, около озера Конголя, гдѣ эти хозяева обязаны поставить для меня теплую избушку, загородить дворъ. Для всегдашняго же расчета обязаны они выбрать изъ среды своей подрядчика, который долженъ наблюдать за правильностью пріема и сдачи лошадей, за вѣрностью въ разсчетѣ и уплатѣ денегъ пастуху. Лошадей же принято Сулековымъ 440 штукъ, съ коихъ и слѣдуетъ получить хлѣбомъ 44 пуда, полагая за каждый по 15 коп. сер. всего на сумму 6 р. 60 к. Если же въ числѣ этихъ лошадей окажутся молодые балуки (жеребчики) одни или съ малочисленными кобылами и которые не будутъ ходить смирно и спокойно, а кальми паче еще будутъ разбивать . . . другіе табуны и отбивать отъ нихъ (кобылицъ) прочь, въ отдаленныя мѣста, то С-въ принимать и отвѣчать за таковыхъ не обязанъ (кромѣ особеннаго желанія); только о таковыхъ долженъ онъ обьявить хозяевамъ. И почему сіи послѣдніе обязаны балуковъ стеречь особо, въ противномъ случаѣ, если чрезъ нихъ воспослѣдуетъ утрата — должны платить хозяева этихъ балуковъ."

Въ 1852 г. игинецъ Кугаевъ идетъ въ пастухи къ сютинскимъ крестьянамъ. Плата съ 1 головы скота кругомъ $6^1/_2$ коп., всего скота 500 головъ. Пасти съ конца апрѣля по 22 окт. Въ случаѣ утраты отвѣчаетъ за 1-й сортъ коровъ и быковъ — по $6^1/_2$ р., за 2-й сортъ по 6 р., за 3-й по 2 р. $85^3/_4$ коп., за „сегодняго теленка" по 1 р. За утрату . . . „отъ недостатка корма" — не отвѣчаетъ. „Въ случаѣ, если я, К-евъ, потравю скотомъ на полосахъ хлѣбъ или сѣнные покосы, то за то долженъ отвѣтствовать." — Другой инородецъ, Корочаковъ, въ томъ-же году нанялся къ крестьянамъ д. Скрипачи, Елизарьевымъ, пасти табуныхъ лошадей (400 головъ) по 20 коп. съ головы и по 1 пуду ржан. хлѣба съ каждаго десятка ихъ. Время пастьбы — съ 23 мая по 15 октября.

Въ 1853 г. инородецъ Абдаринъ берется пасти 350 головъ скота, съ 10 мая по 22 окт., за плату по 9 коп. съ головы и 1 пуду ржан. хлѣба съ десятка ихъ. За похищенныхъ звѣремъ и утрату платитъ за большую скотину 5 р. 71 к., за среднюю 4 р. $28^1/_2$ к., за годовика 1 р. 43 к., за теленка 71 к. На такихъ же условіяхъ А-нъ пасетъ скотъ и въ слѣдующемъ 1854 году.

Въ 1854 г. два инородца нанимаются пасти ок. 800 головъ скота (у крестьянъ) по 12 коп. съ головы. Періодъ пастьбы — съ 20 апр. по 8 ноября „Пастьбу эту имѣть намъ въ ихъ (крестьянъ) поскотинѣ, которая должна быть хорошая и въ случаѣ, если чрезъ нее произойдетъ кому какой либо ущербъ, то отвѣчать мы не обязываемся, а должны, если замѣтимъ гдѣ либо худо устроено,

тотчасъ же извѣстить кого-либо изъ нихъ." За утрату лучшаго коня платятъ 15 р., середоваго 10 р., за лучшую кобылу 7 р., за 2-хъ лѣтку 4 р. 30 к., за лошака 3 р., за селѣтка 1 р. 50 к. Пасти на собственныхъ коняхъ, „кормъ коимъ долженъ быть вмѣстѣ съ нашимъ продовольствіемъ на счетъ общества. Кромѣ того, по *окончаніи срока, получить намъ съ каждого десятка* лошадей по 1 пуду ржаной муки." Въ 1854 же году инородецъ пасетъ съ 23 апр. по 22 окт. скотъ принадлежащій крестьянамъ д. Сютика за плату по 23 коп. съ головы и съ отвѣтственностью за утрату „большой коровы 20 р., двухлѣтней 15 р., козра 10 р., теленка 5 р., овцы 5 р.".

Въ 1866 г. инородецъ К-овъ съ 6 апрѣля по 22 окт. пасетъ крестьянскихъ овецъ по 9 коп. съ гнѣзда (пары) и 1 п. хлѣба съ каждаго десятка, а другой инородецъ — лошадей (всѣхъ 270) съ 13 ноября по 13 ноября 67 г. по 25 к. съ лошади.

Въ 1870 г. пастуху-инородцу платится за пастьбу по 15 коп. съ гуловыхъ лошадей, по $7^1/_2$ коп. съ рабочихъ и по 10 коп. съ жеребятъ. Кромѣ того съ каждаго десятка — по 1 п. хлѣба.

Въ 1871 г. пастухъ-инородецъ-же ужурскихъ крестьянъ получаетъ по 15 коп. съ лошади и по 10 коп. за жеребенка подъ матерью, да сверхъ того — по 4 фунта ржан. хлѣба съ каждой лошади. За потраву („похищеніе изъ табуна") пастухъ отвѣчаетъ „за головнаго коня" 20 рублями, за кобылу 8 рублями, за 2 годовалаго 3 р., за жеребенка подъ матерью 1 рублемъ.

Въ 1876 г. кызылецъ получаетъ съ купца Терентьева, за пастьбу его скота съ 15 августа по 8 ноября 20 рубл., съ уплатой за потерявшуюся корову или быка 15 рубл., за телку или бычка по третьему году 10 р., за „козру" 5 р., за „торбака" 2 р., за овцу или барана 2 р.

Въ другихъ случаяхъ пастушество является уже не особою формой наемнаго труда, а подсобнымъ промысломъ самостоятельнаго хозяина-инородца. Пріемъ скота на прокормъ отъ крестьянъ и пр. — практикуется довольно часто даже сравнительно богатыми инородцами. Иногда имъ сдаются съ этой цѣлью значительныя количества скота. Въ 1866 г. минусинскій крестьянинъ-торговецъ отдалъ, напр. двумъ инородцамъ Балахчинымъ на прокормъ въ теченіи зимняго пастбищнаго періода (съ 28 октября) 51 голову рогатаго скота съ платой по 1 р. 50 к. съ головы.

Формой того же пастушества является перегонъ скота съ одного мѣста на другое, съ цѣлью напр. продажи его. Вотъ для примѣра одно изъ относящихся сюда условій. Въ іюлѣ 1825 г. „вѣдѣнія Кызыльской степной Думы, Басагарской отдѣленной отъ 2-й полов. инородной Управы, князца Петра Итеменева ясачный кочующій Алексѣй Саввинъ сынъ Итеменевъ далъ сіе обязательное письмо томскому 3-й гильдіи купцу . . . Евсѣеву, въ томъ что я, И—въ, нанялся у него, Е—ва, для сгона собственныхъ его лошадей или рогатаго скота, гдѣ оныхъ продать можетъ, изъ котораго мѣста ему, Е—ву, заблагоразсудится, за что и получить мнѣ платы: 1) если до гор. Томска — 15 р.; 2) по ту сторону р. Оби — 20 р.; 3) если до г. Каинска — 25 р.; 4) если до Семипалатной крѣпости — 40 р.“.

Таже задолженность, которая заставляла инородца наниматься въ работники, идти въ рекруты — загоняла его и на пріиски. Если мы примемъ во вниманіе условія работы на этихъ послѣднихъ — въ особенности въ прежнее время и для инородца, не привычнаго вовсе къ тяжелому повседневному труду — мы поймемъ, что только безъисходная нужда могла принудить его къ этому [1]). Обычная плата простому рабочему-инородцу на пріискахъ колебалось между 7 и 15 рублями въ мѣсяцъ, причемъ задатокъ обыкновенно превышалъ ее иногда болѣе чѣмъ вдвое.

Изъ массы относящихся сюда условій золотопромышленниковъ съ инородцами приведу три нижеслѣдующія.

I. „Условіе явлено въ нижеслѣдующимъ: 1848 года февраля 12 дня, нижеподписавшійся ясачный инородецъ Ачинскаго округа, вѣдѣнія Кызыльской степной думы, Шуйской управы, Давыдъ Андреевъ Кукарцовъ далъ сіе условіе управляющему ачинскими золотыми промыслами томскаго 1-й гиль-

1) Ср.: „По оффиціальному свидѣтельству (донесеніе окружнаго ревизора Семипалат.-Семирѣченскаго округа), „кромѣ безвыходной нужды и взысканія податей, киргиза ничто не заставитъ идти на работу (на пріиски) и отказаться отъ приволья лѣтнихъ кочевокъ“. Семевскій. Рабочіе на сибирск. золот. пром., т. II, стр. 68.

дін купца Архипа Толкачева и Ко., Павлу Шабалину въ нижеслѣдующемъ: 1-е находиться мнѣ, Кукарцову, въ работѣ, въ какой буду признанъ способнымъ, на управляемыхъ Шабалинымъ промыслахъ въ теченіи одного года, считая съ 1-го марта 1848 года по 1-е марта 1849 года, и до истеченія сего года ни подъ какимъ предлогомъ не оставлять промысловыхъ работъ, развѣ только въ случаѣ тяжкихъ болѣзней, и то по согласію Шабалина на увольненіе меня въ жилыя мѣста; 2) На какихъ кондиціяхъ заключенъ общій контрактъ съ рабочими, нанятыми на 1849 годъ въ отношеніи производства работъ, какъ хозяйскихъ такъ и старательскихъ и проч., на тѣхъ самыхъ добровольно соглашаюсь и я, Кукарцовъ, быть въ работѣ, кромѣ нѣкоторыхъ изъятій въ семъ условіи прописанныхъ; 3) за исправное нахожденіе въ работѣ получать мнѣ плату, полагаемую по общему контракту для рабочихъ, — впрочемъ смотря по трудамъ и усердію моему, — на готовомъ содержаніи пищею, какъ обыкновенно, по промыслу полагается чернорабочему человѣку. И впредь до разсчета получить, при написаніи условія, 18 руб. 57 1/4 коп. серебромъ. Если-жъ я, Кукарцовъ, не заработаю этихъ денегъ, то обязуюсь заслужить ихъ и послѣ годичнаго срока. Равно Шабалинъ долженъ удовлетворить меня платою, которая причтется сверхъ взятыхъ нынѣ денегъ. На предметъ же обезпеченія, въ случаѣ неустойки моей по сему условію, я подписываю: собственнаго моего скота никому непроданнаго, незаложеннаго, именно: двухъ коровъ, изъ которыхъ одна черная, а другая сивая, и при нихъ двухъ телятъ, одинъ красно-пестрый, а другой красный и двухъ лошадей-мериновъ, масти игреней, которыхъ Шабалинъ въ правѣ продать и пополнить незаработанныя мною деньги; 4) условіе сіе хранить мнѣ свято и ненарушимо, а въ безподложности довѣряю это условіе подлинникомъ засвидѣтельствовать или черезъ самого Шабалина, или кому онъ поручитъ въ Кызыльской степной Думѣ, гдѣ получить и установленный для инородцевъ билетъ, въ чемъ и подписуюсь“. . . .

II. „1848 года декабря 29 дня, мы нижеподписавшіеся инородцы заключили сіе условіе съ довѣреннымъ отъ томскаго 2-й гильдіи купца Мефодія Петровича Серебренникова, петербургскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Федоровымъ Жуневымъ въ томъ, что имѣемъ мы узаконенныя на три мѣсяца билеты, договорились съ нимъ Жуневымъ: 1) идти въ зимнюю поисковую партію на лыжахъ съ нартами. Обязываемся на послѣднихъ везти тяжести не болѣе 4 пудовъ и слѣдовать, куда онъ съ нами будетъ самъ идти. Быть въ полномъ, какъ у него, такъ и у приставниковъ его, повиновеніи, и производить разшурфовочныя, на мѣстахъ указанныхъ имъ или его приставниками, работы и другія, относящіяся къ онымъ, безпрекословно. 2) За это договорились мы получать платы отъ него, Жунева, въ каждый мѣсяцъ серебромъ по 15 руб. 3) Имѣть намъ отъ него, Жунева, содержаніе по $1^1/_2$ ф. скотской говядины по $2^1/_2$ ф. ржаныхъ сухарей и по $^1/_4$ ф. крупъ ячныхъ на каждаго человѣка въ сутки, не требуя болѣе ничего. 4) Одежду имѣть намъ свою, если-же надобность встрѣтится въ таковой обуви, то брать отъ него, Жунева, по цѣнамъ стоющимъ ему въ покупкѣ, за которыя имѣетъ вычитать съ насъ изъ заработной платы. 5) На основаніи 2580 стат. 7 тома Св. Зак. гр., Устава горн. — работы производятся отъ 5 часовъ пополуночи до 8 часовъ пополудни, отдыхъ для обѣда $1^1/_2$ часа. 6) Вести себя и повиноваться какъ ему, такъ и приставникамъ его, — а за нарушеніе подвергаемъ себя по статьѣ того же тома 2396 исполненію приговора артельной расправы — и беречь всякое имущество, состоящее при немъ и его приставникахъ или ввѣреное намъ, отъ растраты, а въ противномъ случаѣ отвѣтствуемъ на основаніи статьи того же тома 2382 Свода Зак. Гражд. Устава Горнаго“ . . . . . (слѣдуютъ подписи 10 инородцевъ съ росписками въ полученіи каждымъ изъ нихъ 15-рублеваго задатка).

III. „1854 года марта 25 дня, мы нижеподписавшіеся нанялись къ красноярскому 2-й гильдіи купцу Порфирію Ми-

хайловичу Орѣшникову по Ачинскому округу въ развѣдочную, а въ случаѣ надобности въ разыскную партію на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Для отправки въ тайгу мы обязываемся явиться Минусинскаго округа въ деревню Сонъ къ 6 апрѣля, откуда отправимся въ тайгу, гдѣ обязуемся находиться на работѣ по 7 іюня сего года, т. е. два мѣсяца, а ежели кто изъ насъ до окончанія срока безъ уважительныхъ причинъ потребуетъ разсчетъ, то долженъ подвергаться наказанію какъ бунтовщикъ и лишается всего заработаннаго; хозяинъ же или его довѣренный имѣетъ право насъ всѣхъ или кого-либо изъ насъ разсчитать во всякое время, удовлетворивъ заработанною платою.

2) Всѣ работы, поденно или поурочно назначенныя довѣреннымъ, мы должны выполнять тщательно въ пользу нашего хозяина.

3) Работать мы обязываемся, исключая воскресныхъ дней съ пяти часовъ утра до восьми вечера. (безъ перерыва?)

4) Если кто изъ насъ откажется отъ работы безъ уважительной причины, то это должно считаться за бунтъ и мы должны отвѣчать по закону, какъ бунтовщики.

5) За время неработанное нами по болѣзни — платы намъ положенной мы лишаемся, а въ случаѣ, если кто изъ насъ будетъ уклоняться отъ оной по лѣности, то за всякій неработанный день полагаемъ на себя штрафу по одному рублю серебромъ.

6) За неработанные по какому-либо случаю непраздничные дни мы должны отработывать таковые въ праздникъ.

7) Во время работъ все найденное нами, т. е. золото мелкое и самородное и другіе благородные металлы обязаны мы тотчасъ отдавать довѣренному, безъ всякой за то платы, а въ противномъ случаѣ должны мы отвѣчать какъ за воровство и мошенничество.

8) Врученный намъ хозяйскій инструментъ и другое имущество, должны мы хранить какъ собственность и за всякую утерянную вещь подвергаемся вычету изъ нашего жалованья.

9) Никто изъ насъ не долженъ отказываться отъ работъ за неимѣніемъ одежды, ибо таковую мы должны имѣть собственную, а въ противномъ случаѣ мы должны подвергаться наказанію, какъ за ослушаніе.

10). За всякое ослушаніе и грубость довѣренный имѣетъ право наложить на васъ взысканіе наказаніемъ.

11). Означенную намъ ниже сего каждому плату должны мы получить по окончаніи работъ, за исключеніемъ забора; плата за работу должна намъ считаться со времени начатія работъ и до окончанія таковыхъ не исключая и праздничныхъ дней.

12) Расходы на выправку нашихъ билетовъ или паспортовъ должны пасть на нашъ счетъ.

13). Пищу хозяйскую должны мы имѣть со времени отправки и до возврата въ жилое мѣсто именно: сухари ржаные безъ вѣсу и говядины свѣжей или соленой по полтора фунта, а сухой по фунту на человѣка въ сутки.

14). Ежели довѣренный изъ среды насъ изберетъ кого-либо для завѣдыванія партіей, то мы обязаны ему повиноваться а въ противномъ случаѣ подвергаемся отвѣтственности какъ за ослушаніе самому довѣренному.

15). Если кто изъ насъ въ назначенное довѣреннымъ мѣсто на упомянутый выше срокъ не явится, и отъ того произойдетъ задержка партіи, то расходы какіе по этому дѣлу окажутся должны пасть на виновнаго.

16) Если кто изъ насъ наймется по сему контракту въ работу и получитъ задатокъ, а при выправкѣ билетовъ окажется, что онъ предъ симъ уже кому-либо нанялся и получилъ подобный задатокъ, — . . . обязанъ тотчасъ возвратить полученный задатокъ и за обманъ принять положенное начальствомъ наказаніе.

17). При окончательномъ разсчетѣ, ежели кто изъ насъ останется должнымъ, то обязанъ или возвратить перебранныя деньги или отработать въ пользу хозяина, гдѣ онъ заставитъ. Ежели кто изъ насъ наймется на все лѣто сего года, то обязанъ быть въ работѣ съ апрѣля до октября мѣсяца сего 1854 года безвыходно изъ тайги. Хозяинъ же, или его довѣренный, имѣетъ право разсчитать насъ во всякое время, удовлетворивъ заслуженное жалованіе. По сему контракту нанялись ясачные: . . .“ (слѣдуетъ перечень 14 человѣкъ — всѣ за плату по 10 рубл. въ мѣсяцъ).

Въ приведенныхъ условіяхъ достаточно ярко выступаютъ и полнѣйшее безправіе и беззащитность нанимающагося инородца и широкая возможность произвола надъ нимъ со стороны хозяина. . . .

Далеко въ лучшихъ условіяхъ находились т. наз. „вожатые“ изъ инородцевъ, служившіе, золотопромышленникамъ проводниками при поискахъ золотосодержащихъ разсыпей [1]). Въ тридцатыхъ годахъ такіе вожатые получали до 50 рубл. въ мѣсяцъ. Приведемъ здѣсь для примѣра одно изъ условій золотопромышленника съ вожатымъ.

„1835 года, октября 24 дня, нижеподписавшіеся, Енисейской губерніи, Ачинскаго округа, вѣдѣніе Кызыльской степной Думы, деревни Малаго Божьяго озера ясачный Константинъ Кураковъ заключилъ сіе условіе съ г. коллежскимъ совѣтникомъ Иваномъ Дмитріевичемъ Асташевымъ въ томъ, что нарядился у него быть вожатымъ на будущій 1836 годъ, для указанія въ тайгѣ, по отрогу Алтайскихъ горъ, въ Томской и Енисейской губерніяхъ, протекающихъ рѣчекъ, — въ своей одеждѣ, лѣтомъ на собственной лошади, а зимой на лыжахъ, за плату въ мѣсяцъ по 35 руб., считая въ заслугу то только время, которое буду находиться при партіяхъ его въ розыскахъ; съ тѣмъ чтобы во всякое время, когда только онъ, г. Асташевъ,

1) „Участь всякой (поисковой) партіи была въ рукахъ вожатаго: если онъ ее оставлялъ, партія, какъ это нерѣдко и случалось, погибала“ Семевскій, Рабочіе на спб. зол. пром., т. I, стр. 3.

или его управляющій и довѣренные отъ ихъ люди потребуютъ, — мнѣ являться безъ всякаго замедленія и служить до тѣхъ поръ, пока надобность во мнѣ предстоять будетъ, ни мало не выходя изъ повиновенія и не отлучаясь безъ позволенія довѣренныхъ отъ него людей. Жить-же — не пьянствовать и къ другимъ золотопромышленникамъ не переходить, подъ опасеніемъ, за неисполиеніе сего, отвѣтственности предъ судомъ. При заключеніи сего условія получилъ отъ него, г. Асташева въ задатокъ денегъ 20 руб. . .“

Задолженность доставляла въ ряды золотопромышленныхъ рабочихъ и не однихъ лишь бѣдняковъ инородцевъ. Доставка различныхъ продуктовъ на промысла, заготовка и обработка лѣса, проложеніе дорогъ и пр. — все это въ большинствѣ случаяхъ находилось въ рукахъ состоятельныхъ инородцевъ изъ сосѣднихъ съ промыслами улусовъ. Согласно большинству заключавшихся при этомъ условій, недостаточная аккуратность въ выполненіи взятыхъ на себя обязательствъ или невозможность почему-либо выполнить ихъ — дѣлали часто даже изъ богатаго-сравнительно инородца неоплатнаго должника. . . Въ 1870 г. инородецъ Кукарцевъ задолжалъ золотопромышленнику Х. 148 р. Чтобы спасти свой домъ, назначенный Думою въ продажу для уплаты этого долга, К—въ поступаетъ въ мартѣ 1871 г. къ мѣщанину Могильникову „въ услуженіе по золотопромышленности“. При этомъ М—въ обязуется, что если К—въ „къ октябрю 1871 г. заслужитъ уплоченные мною М—вымъ при заключеніи сего условія за домъ 150 р. — въ такомъ случаѣ сказанный домъ я, М—въ, обязанъ возвратить во владѣніе К—ва“. Въ противномъ случаѣ домъ остается М—ву.

Всего охотнѣе инородцы брались всегда за доставку сѣна, причемъ нерѣдко, въ обезпеченіи пріискателя, практиковалась круговая порука, — если доставщиковъ было много. Такъ въ книгѣ договоровъ и условій за 1848 годъ мы находимъ слѣдующее условіе: . . . „мы нижеподписавшіеся, породы Кызыльской Степной Думы, какихъ управъ и званій — значущіеся

ниже сего, въ рукоприкладчествѣ, заключили сіе условіе съ управляющимъ ачинскими золотыми промыслами, принадлежащими томскому первой гильдіи купцу Толчмачеву и Ко., Шабалинымъ, на нижеслѣдующихъ условіяхъ. 1-е обязались мы собственнымъ нашимъ коштомъ, какъ то на всемъ нашемъ харчевомъ припасѣ, сѣнокосномъ инструментѣ и съ конями, на принадлежащихъ намъ или вольныхъ пустопорожнихъ и никѣмъ не занятыхъ лугахъ, еланяхъ и прочихъ удобныхъ для сѣнокошенія мѣстахъ, состоящихъ въ тайгѣ по рѣчкѣ Бѣлому Іюсу, преимущественно же по рѣчушкамъ, впадающимъ съ лѣвой стороны въ Бѣлый Іюсъ, а именно по Большой и Малой Сыямъ, постараться избрать мѣста, какъ можно къ пріиску Солгонскому (ближе), дабы удобнѣе было перевозить на сей, — поставить мелкаго и зеленаго сѣна; кто-же сколько и по какой цѣнѣ, значится въ рукоприкладчествѣ ниже сего. 2-е. Вчать сѣнокошеніе ранѣе 15 іюня мѣсяца, покончить безпремѣнно поставку не позже 15 іюля 1848 года; отнюдь не доводить поставку до выпаду дождей, а кольми паче снѣговъ. На подлинномъ:

„Стефанъ Афанасьевъ Изылеевъ, Кызыльской управы, улуса Балакчина, — дано въ задатокъ денегъ 18 руб. 2½ к.; ему-же чрезъ Федора Федорова Ачисова и подъ поручительство его; первые 103 копны, вторыя 100 копенъ — по 17 р. 50 коп.

„Никита Алексѣевъ Тайдоновъ, Ачинской управы, улуса Ивана Егорова — 150 копенъ; даны въ задатокъ 21 руб., пятьдесятъ двѣ съ половиной коп., табаку 1 ф. 1 руб. . . .

„Кузьма Федотовъ Сагыновъ, подъ поручительство Давида Байдашева 300 коп., по 17 руб. 50 коп.; получилъ въ задатокъ 37 руб. 50 коп., въ чемъ, по безграмотству, приложилъ знакъ —0—

„Егоръ Герасимовъ, той-же управы и улуса, подъ поручительство Сагынова, получилъ въ задатокъ 22 руб. 1 коп., по безграмотству, приложилъ знакъ +0

„Денисъ Ивановъ Курбочаковъ, подъ поручительство Да-

вида Байдашева — 125 коп., получилъ въ задатокъ 18 руб. 2½ коп., знакъ по безграмотству О+<

„Архипъ Ивановъ Курбочаковъ, подъ поручительство Давида Байдашева, при свидѣтелѣ Федорѣ Подшевѣ — 300 коп., получилъ въ задатокъ 37 руб. 30 коп., знакъ +

„Ерофей Леонтьевъ, Камларской Управы, при свидѣтеляхъ Давидѣ Байдашевѣ и Федорѣ Попышевѣ — 150 коп., въ задатокъ 24 руб., знакъ Э.

„Никифоръ Ивановъ Янгуловъ, Мало-Ачинской Управы, подъ поручительство Давида Байдашева — 225 коп. по 17 руб. 50 коп., задатокъ — 32 руб. 28 коп., знакъ по безграмотству С+.

„Тимофей Сименовъ Итименевъ, Басагарской Управы, подъ поручительство Федора Каташева — 100 копенъ; получено въ задатокъ 13 руб., на подлинномъ знакъ +.

„Нефедъ Васильевъ Балахчинъ, Мало-Ачинской Управы, подъ поручительство Федора Катышева — 310 коп. по 17 руб. 50 коп., въ задатокъ получено семьдесятъ восемь рублей 30 коп., знакъ ⊔⊔.

„Ульянъ Ивановъ Кичиновъ, Игинской Управы, подъ поручительство Давида Байдашева, — 400 коп. по 17 руб. 50 коп., получено въ задатокъ 34 руб. 7½ коп., знакъ О+.

„Кирила Григорьевъ Катышевъ, Басагарской Управы, — 200 коп. по 18 руб., въ задатакъ 21 руб. 37½ коп. Ефремъ Прокопьевъ Парамоновъ Камларской Управы — 150 коп. по 20 руб., получилъ въ задатокъ 28 р. Давидъ Андреевъ Байдашевъ, Камларской Управы — 300 коп. по 22 руб., получилъ въ задатокъ 60 руб. Федоръ Ф. Ачисовъ — 200 коп., получилъ въ задатокъ 40 р. по цѣнѣ 20 руб. Макаръ Емельяновъ Абдаринъ, Больше-Ачинской Управы и Харитонъ Савельевъ Мало-Ачинской Управы, съ поручительствомъ другъ по другѣ — 100 коп. по 20 руб., задатка получено 20 руб. Вмѣсто (всѣхъ) ихъ, на подлинномъ расписался поселенецъ . . . Васильевъ.

„Иванъ Федоровъ Шушеначевъ, 100 копенъ по 25 руб., получилъ задатка 25 руб., подлинной свидѣтельствовалъ родо-

начальникъ Шушпачевъ (и) по безграмотству приложилъ печать и гербъ Кызыльской Степной Думы. . .“

Въ 1858 г. инородцы 13 улусовъ[1]) „въ числѣ 65 человѣкъ берутся доставлять сѣно на пріиски Озерова, всего 17000 копенъ, за плату по 5 руб. за сотню съ доставкой. Наибольшее количество сѣна доставленное однимъ доставщикомъ - - 3000 копенъ (Янгуловымъ); другой инородецъ — 1000 копенъ, большинство же гораздо меньшія количества, и очень многіе — всего лишь по 100 копенъ.

Въ 1866 г. инородецъ Кукарцевъ поставляетъ сѣно — 1000 пудовъ — на пріиски Колчина, по 15 коп. пудъ, причемъ въ задатокъ получено имъ 80 руб.

Въ 1869 г. чебаковецъ Арышкаевъ заключаетъ условіе съ довѣрешнымъ золотопромышленниковъ Матошиныхъ, Е—мъ, на доставку 1500 копенъ сѣна, „считая каждую копну не менѣе четырехъ пудовъ сухого сѣна, или 6000 пуд. вѣсомъ“. Причемъ А—въ обязуется „начать покосъ непремѣнно съ 18 числа іюня 1869 г. и кончить 20 іюля того же года (если дозволитъ пагода). Означенная поставка сѣна должна быть мною, А—мъ, произведена нанятыми отъ меня людьми, не менѣе какъ въ количествѣ пятнадцати работниковъ, и на указанныхъ управленіемъ мѣстахъ. Подкашивать праву, не убравши сѣна, т. е. не сметавши въ зароды болѣе 500 копенъ, я, Арышкаевъ не долженъ, а обязанъ стараться въ благопріятную погоду для уборки сѣна все возможное къ сгребенію сѣно убрать, а потомъ уже и продолжать подкашивать вновь траву. Бурое и черное, негодное въ кормъ лошадямъ сѣно управленіе Іоанна Крестительскаго пріиска имѣетъ право отъ меня не принять, а вмѣсто онаго я, А—въ, обязанъ доставить другое вполнѣ годное и зеленое сѣно“. За каждую сотню копенъ доставленнаго сѣна А—въ получаетъ деньгами

1) Балакшина, Ближне-Саралинскаго, Тайдоновскаго, Подкаменскаго, Средне-Саралинскаго, Барбакова, Итеменева, Больше-Саралинскаго, Кугаева, Агаскыра, Кызыльскаго, Сектинскаго, Подъярскаго.

20 рублей и 1 пудъ ржаной муки. Въ задатокъ выдано А—ву 100 рублей (изъ 180 руб.).

Въ томъ же году другой инородецъ доставляетъ сѣно — 3000 копенъ (четырехъ-пудовыхъ) — на пріиски Цибульскаго, по 10 рублей за сотню съ доставкой. При этомъ, въ случаѣ недоставки сѣна „въ полномъ количествѣ“, Корачаковъ „отвѣчаетъ своимъ имуществомъ, по 12 руб. за каждыя недоставленныя 100 копенъ“. Въ задатокъ взято К—мъ 210 рублей (изъ 300). На пріиски же Цибульскаго“ и въ томъ же году доставляютъ сѣно еще два инородца — Сереневъ и Аргамаковъ. Всего сѣна должно быть доставлено 3000 копенъ, причемъ вѣсъ копны не менѣе $4^1/_2$ пудовъ. Плата за каждую доставленную сотню копенъ — 9 рублей деньгами, 1 пудъ печенаго хлѣба, 5 ф. крупы и 1 ф. соли. Если сѣно будетъ доставлено не въ полномъ количествѣ, или позже указаннаго въ условіи срока (1 августа), или наконецъ „не достаточной доброты“ — тогда доставщики отвѣчаютъ своимъ имуществомъ — скотомъ и проч., полагая за каждую сотню копенъ — двадцать рублей.

Въ 1870 г. (январь) инородецъ К—въ запродалъ на пріиски 3000 пудовъ сѣна — 500 пудовъ по 13 коп., остальные 2500 по 14 коп. Въ случаѣ недоставки имъ сѣна, управленіе пріисковъ имѣетъ право купить его въ другомъ мѣстѣ и „по любой цѣнѣ“ за счетъ К—ва. Въ задатокъ получено К—мъ $^2/_3$ всей слѣдуемой ему за сѣно суммы. Въ 1879 г. инородецъ Кауракovъ поряжается поставить на пріиски Цибульскаго 3000 копенъ сѣна, „на мѣстахъ указанныхъ въ Алтайскомъ округѣ, близъ“ трехъ пріисковъ. Вѣсъ копны — $5^1/_2$ пудовъ — плата по 12 руб. деньгами, по 2 пуда печенаго хлѣба, по 5 ф. ячной крупы и по 1 ф. соли съ каждой поставленной сотни копенъ. „Сдать сѣно г. Иваницкому, (управляющему Ц—го) я обязуюсь въ копнахъ, а по сдачѣ убрать сѣно въ зароды на своихъ лошадяхъ; а въ случаѣ недоставки означеннаго количества сѣна по какимъ-либо причинамъ, то я, К—въ, обязуюсь И—му за каждую недостав-

ленную сотню копенъ сѣна уплатить неустойки по двадцать рублей сер. . .“

Кромѣ доставки на пріиски сѣна, инородцы нерѣдко берутся за заготовку лѣса, постройку казармъ и другихъ зданій, доставку почты, различныхъ тяжестей, муки, сухарей и пр. и пр. Приведемъ нѣсколько относящихся сюда условій.

Въ 1869 году инородецъ Кауракоѣ подрядился: 1) нарубить для Алефтиновскаго пріиска 400 лѣсинъ, длиною 12 арш., толщиною въ отрубѣ 5—6 вершковъ, по цѣнѣ въ 15 рублей за каждую сотню лѣсинъ (скобленыхъ); 2) напилить изъ кедроваго лѣса и скатать въ кучи 100 плахъ, девяти аршинъ длиною, 5—6 вершковъ ширины въ отрубѣ и 2½ вершк. толщины. Сто другихъ плахъ должны быть 6 арш. длины, 8 вершк. ширины и 2 вершк. толщины. Плата за каждую сотню плахъ условлена въ 25 руб. Вся эта работа должна быть произведена въ теченіи 1½ мѣсяцевъ (съ 14 окт. по 1 дек.). „Если же я не окончу къ сроку, то плачу неустойки 100 руб. и обезпечиваю своимъ имуществомъ. Если же такового не хватитъ, то долженъ буду поступить безъ прекословія въ работу на пріиски и отслужить эти деньги“. При заключеніи условія К—мъ получено въ задатокъ 75 рубл. (изъ 110 р.).

Въ томъ же году двое инородцевъ, Кауракоѣыхъ, берутся произвести слѣдующія постройки: — „1) казарму 20 аршинъ длиною, 12 арш. шириною, внутри 4 арш., вышиной, полъ и потолокъ, нары въ 2 ряда, насыпать наверхъ земли на полъ-аршина толщины, двѣ двери, окошекъ, сколько будетъ назначено. 2) домъ для помѣщенія — 12 арш. длины, 8 арш. ширины, внутри 3½ арш. вышины, полъ, потолокъ, наверхъ насыпать земли, на полъ-аршина толщины, внутри выбѣлить, вырубить окна, двери, — словомъ, все внутри; забрать перегородку изъ плахъ; 3) хлѣбопекню — 8 арш. кругомъ, вышины 3½ арш., полъ, потолокъ, двери, окна, насыпать на верхъ земли на полъ-аршина, сдѣлать очечекъ для кирпичной печи. 4) амбаръ 10 арш. кругомъ, полъ, пото-

локъ, покрыть тесомъ на два скота въ желоба, внутри забрать 2 закрома до верху плахами; плахи для половъ, потолковъ, паръ должны быть пиленыя. Вышеозначенныя постройки должны быть на моху, теплыя и прочныя для жилья". За всю эту работу К—вы должны получить 330 руб. Окончена должна быть вся постройка черезъ три мѣсяца, по заключеніи условія (къ 20 дек.). Если за это время выпадетъ снѣгъ — подрядчики должны сами „протоптать" себѣ дорогу (для подвозки припасовъ, доставки лошадей и пр.). „Если же мы (подрячики) по какимъ-либо причинамъ не окончимъ постройку къ сроку, то платимъ . . ., кромѣ возврата задаточныхъ денегъ, неустойки 200 рублей, не доводя г. Х. (владѣльца пріисковъ) до утрудженія начальства. . ." Въ задатокъ получено при заключеніи условія 230 руб. (изъ 330 р.)

Два другихъ инородца подряжаются для тѣхъ же самыхъ пріисковъ выстроить, по дорогѣ отъ нихъ (пріисковъ) къ Божьеозерскому улусу, изъ своего лѣса два зимовья по „7 арш. кругомъ вышины, внутри 3 арш., прорубить по 2 окна, по одной двери. Полы, потолки изъ круглаго лѣса, на верхъ насыпать земли". Постройка должна быть окончена въ теченіи менѣе чѣмъ мѣсяца (съ 14 окт. по 10 ноября). Плата за постройку условлена въ 45 р. „Если же мы не окончимъ означенную постройку къ сроку, то платимъ неустойки 50 р.". Задатку взято 25 р. Въ томъ-же (1896 г.) году, 12 ноября, составлено условіе на доставку родоначальникомъ Каураковымъ на пріискъ Хатимскаго 1500 пудовъ разной клади. „Къ декабрю мѣсяцу дорога должна быть въ такомъ видѣ чтобы доставка тяжести саннымъ путемъ производилась въ лучшемъ видѣ, для чего я, К—въ, долженъ убрать съ дороги валежникъ, прорубить, гдѣ будетъ нужно, лѣсъ, въ ширину не менѣе 4 арш.; на рѣчкахъ и ключахъ, гдѣ будетъ нужно, устроить мосты, сдѣлать затесы, во исправленіе дороги протоптать снѣгъ и затѣмъ постоянно проѣзжать и торить дорогу, подерживая ее до 1 января будущаго 1870 года. Дорогу я долженъ провести прямымъ путемъ, и . . ." самымъ

удобнымъ, не гористымъ мѣстамъ. „Доставку тяжести, исправленіе и подерживаніе дороги“ К—въ долженъ производить за свой счетъ и страхъ. За каждый же доставленный и сданый на пріискъ пудъ тяжести онъ получаетъ по 20 коп. „Если противъ принятой мною, К—мъ, тяжести, по доставленіи на пріискъ, не окажется кокое либо количество, то плачу Х—му вдвое противъ стоющей ему цѣны. Если тяжесть будетъ мука или овесъ, то набойка въ кули должна быть произведена моими, К—ва, людьми. Доставку я долженъ окончить не позже 1 марта 1870 года. Если я, Кауракоръ, не доставлю тяжесть къ сроку, или не исполню изложенныхъ условій по устройству дороги, то Х—ій можетъ нанять на мой счетъ, по какой бы то ни было цѣнѣ, и я долженъ отвѣтствовать. . .“ Въ задатокъ получено К-мъ 200 рублей (изъ 300).

Въ 1858 г. подкаменецъ Карабалыковъ подряжается доставлять съ 12 марта по 15 сент. почту на пріиски Озерова, за 90 рублей.

Въ 1867 г. другой инородецъ беретъ на себя заготовку сухарей для пріисковъ — 100 пудовъ, по цѣнѣ 1 р. 50 коп. пудъ. Задатку получено имъ 100 рублей (изъ 150 р.).

Приведенными примѣрами можно и ограничиться. Всюду въ нихъ мы встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ: путемъ крупной неустойки и большихъ задатковъ, наниматель гарантируетъ себя отъ неаккуратности въ выполненіи подряда, инородецъ-же подрядчикъ, благодаря имъ, при всякой неудачѣ рискуетъ лишиться своего имущества и самостоятельности.

Глава четвертая.

Какъ видно изъ приводимаго нами въ приложеніи I-мъ указа 1751 г., на первыхъ порахъ, когда русскіе только что начинали селиться на инородческихъ земляхъ, „и пашни запахали, и сѣнные покосы распространили“ — владѣльцы этихъ обширныхъ земель ни мало объ нихъ „не спорили“, „только-бъ . . . намъ, иноземцамъ никакихъ обидъ и притѣсненія, ни нодъ какимъ образомъ причиняемыхъ, не было“.

Какъ бы въ уплату за пользованіе чужими землями, пришельцы приняли всецѣло на себя отнесеніе натуральныхъ — дорожной и гоньбовой — повинностей, что было чрезвычайно важно для кочевниковъ-инородцевъ.

„Обиды и притѣсненіе“, которыхъ боялись „иноземцы“, явились уже позже, когда колонизація настолько усилилась, что и хозяинъ земли и пришелецъ начали встрѣчаться другъ съ другомъ на границѣ отдѣльныхъ земельныхъ участковъ.

Первое указаніе на существованіе земельныхъ споровъ, сохранившееся въ архивѣ Кызыльской управы, относится къ 1826 г. Въ этомъ году жители Айдашинскаго улуса жаловались Степной Думѣ на чернорѣченскихъ крестьянъ за захватъ принадлежащихъ имъ покосныхъ угодій.

Въ 1828 г. малоаргунскій князецъ Чигильдѣевъ, во исполненіи даннаго ему Думою „словеснаго приказа . . . дабы я (Ч-въ) не пущалъ въ тайгу крестьянъ Томской округи“ — доноситъ, что „уже проѣхало въ тайгу народу изъ Томской округи, крестьянъ болѣе 300 человѣкъ и, по малости моей команды, никоимъ образомъ не могъ ихъ остановить, по той причинѣ, что можетъ случиться драка, а во оной и выйдетъ смертоубійство, то и не осмѣливаюсь поступить съ ними строго, (съ крестьянами) которые ѣхать начали въ тайгу съ первыхъ чиселъ августа“.

Въ 1830 г. игинскій князецъ Ачисовъ жалуется Думѣ на „красноярскихъ соленыхъ озеръ, находящихся въ Форпостѣ,

четвертой сотни казаковъ", что они „по сей (кызыльской) сторонѣ Бѣлаго Іюса вырубаютъ на постройку домовъ, на тесъ отъ семи до десяти-аршинный лучшій кандовый лиственичный лѣсъ, на дрова — березнику большое количество и заплотины." Далѣе, они же выкашиваютъ лучшія сѣнокосныя мѣста, принадлежащія кызыльцамъ, „заѣзжаютъ самовольно въ вершины рѣки (Іюса) близъ темнаго лѣса, гдѣ вырубаютъ на доски сосновый лѣсъ."

Споръ съ форпостскими казаками затянулся на продолжительное время. Въ 1834 г. казаки обвиняютъ, въ свою очередь, инородцевъ въ томъ, что эти послѣдніе отнимаютъ „пановожешную въ Черномъ и Бѣломъ Іюсахъ рыбу", „приступаютъ даже къ чрезвычайнымъ ссорамъ о вырубкѣ якобы въ ихъ дачахъ лѣса и дровъ". Въ томъ-же году они, чрезъ атамана енисейскаго казачьяго полка, жалуются на то же губернатору. Въ началѣ слѣдующаго года въ кызыльской Думѣ былъ полученъ приказъ ачинскаго земскаго суда, „дабы проживающимъ въ Соляномъ форпостѣ служащимъ и отставнымъ урядникамъ и казакамъ было дозволено заниматься рыбной ловлей по близости къ Соляному форпосту, т. е. по Бѣлому и Черному Іюсамъ, Черному озеру и въ заливѣ, Саратъ называемомъ. И сверхъ сего производить въ мѣстахъ намъ (инородцамъ) принадлежащихъ свободную вырубку лѣсовъ." Выслушавъ на общемъ собраніи приказъ земскаго суда, „и объ ономъ здраво разсудивъ", „князцы, старѣйшины и лучшіе люди изъ среды ясачныхъ инородцевъ" нашли однако „непреоборимые препоны къ допущенію вышеписанныхъ людей къ ходатайствуемому ими дозволенію, ибо мы, инородцы, бывъ совершенно не способны, по необразованности нашей и роду жизни, къ производству хлѣбопашества, единственно имѣя только одинъ избытокъ въ звѣроловствѣ и рыбной ловлѣ, чрезъ таковую промышленность пріобрѣтая себѣ пищу и избытокъ удѣляя въ продажу, — едва имѣемъ возможность оплачивать государственные подати, повинности и ясакъ. Почему, если отнять и сіи послѣдніе способы и допустить

посторонних людей, — а паче еще сосѣдственнаго округа, — раздѣлять совокупно нами владѣемыя мѣста, то мы, будучи стѣснены до чрезвычайной степени, накопецъ — а паче вышеписанными людьми — будемъ оттѣснены и сами отъ промышленности нашей. Относительно же рубки лѣсовъ, то-же, по мнѣнію нашему, и къ сему ихъ допустить надобности не предстоитъ, ибо въ вѣдѣній Минусинскаго округа есть въ избыткѣ таковые и посему просители могутъ пользоваться ими въ томъ краю, гдѣ они водворены. Да ко всему же оному, принявъ въ соображеніе и Высоч. утвержденное учрежденіе объ управленіи инородцевъ §§ 30, 31 и 32, мы рѣшительно отказываемъ въ требованіи ихъ, и всепокорнѣйше просимъ у вышняго начальства ходатайства о воспрещеніи казакамъ производить на принадлежащихъ намъ земляхъ рыбныя ловли и порубки лѣсовъ.“. .

Въ томъ-же 1835 году окружный землемѣръ Фокинъ, командированный для отвода земель „подъ новыя колонизаціи“, основываясь на жалобѣ крестьянъ Ужурской волости, предписалъ Думѣ „подтвердить всѣмъ инородцамъ, дабы ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался чинить Ужурской волости разныхъ селеній государственнымъ крестьянамъ своевольное утѣсненіе въ непринадлежащихъ ко владѣнію своему озерахъ въ рыбопромышленности, ибо на оные промыслы никакихъ правъ не дано, да и землями они (инородцы), по обширности мѣстоположенія, пользуются самовольно, безъ всякаго ограниченія на число ревизскихъ душъ узаконенною пропорціею“. — Въ отвѣтъ на это предписаніе, Степная Дума возражаетъ, что Божье озеро — о которомъ и шла рѣчь въ жалобѣ ужурцевъ — „есть дѣйствительно, намъ (инородцамъ) принадлежащее, и издревле инородцами владѣемое“; что „мы (инородцы), не занимаясь хлѣбопашествомъ, собственно, въ рыбной ловлѣ только находимъ себѣ пропитаніе и отъ избытковъ оплачиваемъ подати и повинности“; что, далѣе, инородцы, хотя и владѣютъ „не 15 десятинною пропорціею земли на душу, но значительнымъ пространствомъ, но сіе проистекаетъ оттого, что мы

(инородцы) есть кочующіе, постояннаго жительства не имѣющіе и сіе право на таковое владѣніе обширностью земель намъ предоставлено Высоч. утвержденнымъ учрежденіемъ объ управленіи инородцевъ. . . . .“

Не получивъ никакого отвѣта на свое донесеніе отъ Фокина, Дума чрезъ родоначальника обратилась „съ прошеніемъ о стѣсненіи насъ (инородцевъ)“ къ состоявшему при министрѣ финансовъ д. с. с. Завелейскому [1]) и къ енисейскому губернатору, „Василію Ивановичу“. На первое прошеніе инородцевъ не послѣдовало никакой резолюціи, второе-же было передано губернаторомъ тому-же Завелейскому, который — по словамъ приговора инородцевъ — „сочтя оное якобы несправедливымъ, изложилъ, что, при проѣздѣ его по дѣламъ колонизаціи въ Енисейской губерніи, крестьяне Ужурской волости приносили ему жалобу, что якобы мы, ясачные, не имѣя на владѣемыя земли и озера законныхъ актовъ, переселились къ Ужурской волости самопроизвольно и причиняемъ имъ стѣсненія въ рыбопромышленности въ озерахъ, отведенныхъ въ ихъ владѣніе, и просили его превосходительство учинить распоряженіе, чтобы крестьянамъ Ужурской волости не было дѣлаемо нами никакихъ притѣсненій по рыбному промыслу, а дозволено было-бы имъ заниматься тѣмъ промысламъ въ озерахъ, которыя доселѣ ясачные присваиваютъ, и тѣмъ болѣе въ озерѣ Божьемъ, близъ котораго инородцы поселились самопроизвольно; что Божье озеро находится въ пустопорожней землѣ и никому въ дачу еще не принадлежащее“. Въ отвѣтъ на эту жалобу послѣдовало со стороны Завелейскаго распоряженіе, коимъ „велѣно участвовать въ рыбопромышленности крестьянамъ Ужурской волости“. Согласно такового распоряженія — читаемъ въ составленномъ по этому поводу общественномъ приговорѣ инородцевъ — „нынѣ-же крестьяне

1) Жалуясь тутъ же на земляка Фокина, инородцы называютъ себя „кочующими, не имѣющими постояннаго жительства и нравственности необразованной“.

Ужур. вол., бывъ въ твердой надеждѣ, что Божье озеро якобы уже имъ, собственно, принадлежащее, занимаются на оном обширною рыбопромышленностью, устраняя и тѣсня даже самихъ насъ въ семъ промыслѣ. Пріемля мы нынѣ въ соображеніе всю вышеизложенную причину и, зная, что помянутое Божье озеро дѣйствительно лежитъ на земляхъ издревле нами владѣемыхъ, на каковое владѣніе, а равно и сопредѣльныхъ съ онымъ земель, хотя мы напредь сего имѣли законные акты — они до учрежденія еще правительствомъ Думы примѣрно назадъ сему лѣтъ до 30-ти, какъ частью извѣстно, бывъ въ рукахъ какаго-то князца, во время случившагося тогда пожара у него сгорѣли — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, также бывъ извѣстно, что въ прежнія времена пространство земель, владѣемыхъ инородцами заключались гораздо въ обширномъ объемѣ, нежели состоятъ нынѣ и достигали даже границъ со временемъ учрежденнаго города Ачинска, но съ умноженіемъ народонаселенія, постепенно уменьшились заселеніями крестьянъ, и наконецъ достигли до предѣловъ настоящаго нашего владѣнія, которое есть въ положительномъ своемъ видѣ очень ограничено и, по неудобности земель, едва достаточно къ собственному нашему кочевому хозяйству —, то изъ сего явно усмотрѣть можно, что не мы къ крестьянамъ (какъ излагаютъ сіе ужурскіе въ принесенной жалобѣ), а крестьяне, изъ своихъ видовъ, стѣснились въ наши дачи и вмѣстѣ съ тѣмъ хотятъ уже нынѣ отнять и послѣдніе наши избытки, которые, собственно, при настоящемъ времени есть единственный способъ къ нашему пропитанію; не обративъ вниманія на то, что они есть земледѣльцы, занимаясь, какъ предстоитъ уже вся полная возможность удовлетворять свои нужды и оплачивать весь государственный и земскій сборъ. Мы же, напротивъ того, рѣшительно почти не занимаясь хлѣбопашествомъ, къ своевременному взносу сего послѣдняго, (госуд. и земск. сбора) имѣли въ виду одну только промышленность; конечно у насъ прежде былъ особый избытокъ — звѣроловство, но сіе нынѣ измѣнилось. Звѣрь изъ тайги уклонился въ дальнія мѣста,

слѣдственно, если отнять отъ насъ Божье озеро, яко единственное наше достояніе, то мы можемъ прійти въ совершенное голоданіе (что уже, за всемъ симъ, многіе изъ инородцевъ — бѣдные — испытываютъ) и поставлены на точку невозможности оплачивать подати и повинности. Вслѣдствіе чего и положили въ огражденіе себя отъ стѣсненія крестьянъ Ужурской волости и, основываясь на учрежденіи объ управленіи инородцевъ §§ 26, 27, 28, 30, 31 и 32, избрать изъ среды насъ лучшаго поведенія довѣренныхъ къ чему и предназначили мы Больше-Ачинской управы князца Гавріила Ульчегачева и ясачнаго Максима Абдарина съ тѣмъ, чтобы они, отправясь въ городъ Красноярскъ, до Его Превосходительства Василія Ивановича, или гдѣ слѣдовать будетъ, просили, предъявя сей нашъ приговоръ (который имъ вручить), оказать милосердіе, дабы устранить крестьянъ Ужурской волости отъ владѣнія Божьимъ озеромъ и даже отъ самой въ немъ рыбопромышленности, ибо оное рѣшительно принадлежитъ намъ. Въ случаѣ же необходимости, ходатайствовать и о томъ, дабы, для узнанія настоящей о семъ справедливости, былъ командированъ кто-либо изъ окружныхъ землемѣровъ, — относительно чего мы довѣряемъ и уполномочиваемъ ихъ, какъ Его Превосходительству, или куда слѣдовать будетъ — писать и подавать прошенія и что они учинятъ, всѣ единодушно спорить и прекословить не будемъ. Въ чемъ утверждаемъ сей нашъ приговоръ приложеніемъ печати и рукоприкладствомъ".

Резолюція на вышеприведенный приговоръ инородцевъ послѣдовала только въ 1837 г. Енисейскій губернскій землемѣръ, запрошенный губернскимъ правленіемъ сообщилъ, что, по открытіи Ужурской волости, въ 1820 г., вслѣдствіе распоряженія Томскаго губернскаго начальства, всѣ земли Ужурской волости сняты были на планъ, хранящійся въ красноярской чертежной. Согласно этому плану, Божье озеро осталась въ дачахъ кызыльскихъ инородцевъ, а не вошло въ земли Ужурской вол. Да и вся Ужурская волость — прибавляетъ губерн. землемѣръ — состоитъ на земляхъ кызыльцевъ и

качинцевъ, даже церковь ужурскую заводили кызыльцы, а крестьяне населились сюда изъ Назаровской, Балахтинской и Новоселовской волостей. — На основаніи означенной справки, данной губерн. землемѣромъ, губернское правленіе предписало: „объявить крестьянамъ Ужурск. вол., чтобы они не осмѣливались дѣлать никакихъ стѣсненій инородцамъ въ рыбопромышленности на Божьемъ озерѣ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія".

Въ 1836 г. крестьяне Ужурск. вол. Гордѣй Стариковъ съ товарищами поселились на принадлежащихъ инородцамъ земляхъ, при озерѣ Конголѣ и около рч. Печищи (близь улуса Костина), „безъ дозволенія и согласія здѣшняго общества (инородческаго) и вопреки начальственныхъ предписаній". При этомъ, по словамъ инородцевъ, они заняли подъ свое жилище „одну половину изъ лучшихъ и ближайшихъ покосовъ", а другую половину ихъ „занимаютъ сами косеніемъ сѣна". Между тѣмъ инородцы накашивали здѣсь до 2000 копенъ сѣна и „собственно, чрезъ избытки онаго имѣли для себя пропитаніе покупкою хлѣба, безъ нужды и голоду. Нынѣ же — жалуются они — лишились мы этихъ выгодъ, а паче — при дорогой цѣнѣ на хлѣбъ — лишились (и) собственнаго своего скота, чрезъ продажу и вымѣнъ (на него) хлѣба; а другіе иногда совершенно терпятъ и голодъ". Въ 1838 году Старикову съ товарищами было объявлено распоряженіе Ачинскаго земскаго суда, „чтобы они нынѣ же избрали себѣ для постройки домовъ и хлѣбопашества земли изъ дачъ, принадлежащихъ крестьянамъ ужурской вол., а заселяемое ими мѣсто по рч. Печищѣ, принадлежащее ясачнымъ Кызыльской Степной Думы, оставили ибо, по силѣ 430 статьи свода законовъ устава и учрежденія о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (томъ 12), не могутъ они самовольно заселяться на земляхъ, принадлежащихъ сибирскимъ инородцамъ. Въ слѣдствіи чего, земскій судъ велѣлъ Думѣ о смѣщеніи тѣхъ крестьянъ ужурскимъ волостнымъ правленіемъ съ заселяемаго ими мѣста имѣть наблюденіе, а въ противномъ случаѣ донести по начальству". Однако, вслѣдъ за этимъ, Старикову и др. удалось выхлопотать у губернатора разрѣшеніе „проживать

на занимаемыхъ ими мѣстахъ впредь до рѣшенія дѣла о перемѣщеніи ихъ, и притомъ обязать ихъ подпискою, чтобы они готовились къ переходу съ тѣхъ мѣстъ, безъ малѣйшаго прекословія". Но означенные крестьяне, по словамъ инородцевъ, „вопреки всѣхъ вышеписанныхъ начальственныхъ предписаній, не только чтобы впредь до рѣшенія дѣла пребывали мирно и приготовлялись-бы постепенно къ отъѣзду въ (другія) мѣста, но даже дѣлаютъ разныя инородцамъ стѣсненія". Такъ, лѣтомъ 1839 г. они, „не давая инородческому пастуху пасти рогатаго скота ясачныхъ улуса Печищенскаго на собственныхъ инородческихъ мѣстахъ, избили его безчеловѣчно и потомъ прогнали, о чемъ было донесено въ тоже время г. земскому исправнику. Послѣ чего, говорится далѣе въ приговорѣ инородцевъ, мы, инородцы, ожидая начальственныхъ распоряженій о смѣщеніи тѣхъ крестьянъ, оставили ихъ пробыть и нынѣ прошедшую зиму (1839—40 г.), нынѣ же вмѣстѣ съ наступленіемъ весны, эти крестьяне, совершенно упрочиваясь остаться на жительствѣ на нашихъ мѣстахъ, рѣшительно оттѣснили насъ, и даже, не только дабы они думали о переѣздѣ въ другое мѣсто, но набрали у ужурскихъ крестьянъ . . . скота, пасутъ (его) на нашихъ дачахъ и сѣнныхъ покосахъ, получая за то съ нихъ оброкъ хлѣбомъ; тогда какъ эти выгоды, по всей справедливости законовъ, должны принадлежать намъ, инородцамъ. А паче, при настоящей нашей голодной нищѣ, составляемой изъ сараны. . ." Инородцы жалуются на упадокъ звѣропромышленности — „отъ умноженія частныхъ золотопромышленниковъ", — на стѣсненія ихъ и въ рыбной ловлѣ - - въ озерахъ Большемъ и Бѣломъ: въ первомъ поселенцами, „называемыми уральскими казаками, населенными, неизвѣстно съ чего, въ улусъ Парнинскій (гдѣ хотя живутъ осѣдлые крестьяне, но весьма мало)", а въ Бѣломъ озерѣ — крестьянами Ужурск. вол., д. Бѣлошапкиной. Въ виду всего вышесказаннаго, инородцы призн алинеобходимымъ избрать изъ среды своей „лучшаго поведенія довѣренныхъ" и отправить ихъ въ Красноярскъ для представленія приговора и ходатай-

ства предъ губернаторомъ о „смѣщеніи помянутыхъ крестьянъ, Старикова съ товарищами“ съ занятыхъ ими мѣстъ, ибо эти послѣднія „суть одни есть лучшія мѣста инородцевъ, какъ для выпуска скота, такъ и сѣнокоса, а паче (для) хлѣбопашества, чѣмъ нѣкоторые инородцы и сами уже занимаются, и на будущее время, вмѣстѣ съ умноженіемъ . . . хлѣбопашества, мѣсто это есть только одно въ предметѣ, изъ принадлежащихъ Думѣ, а потому и ни въ какомъ случаѣ онаго уступить въ крестьянскія руки мы не можемъ. . .“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, инородцы просятъ взыскать съ крестьянъ понесенные ими убытки — 300 рублей расходовъ по тяжбѣ съ ними и 800 руб. за пользованіе въ теченіи 4 лѣтъ сѣнокосными угодьями на 2000 копенъ, считая по 10 руб. за сотню.

Упомянутые выше въ приговорѣ инородцевъ, „уральскіе казаки“, поселившіеся въ ул. Парнинскомъ, обвиняются и въ слѣдующемъ 1841 году въ нанесеніи инородцамъ разныхъ обидъ (рыбу вылавливаютъ, сѣно выкашиваютъ и пр.). Въ донесеніи своемъ отъ 22 мая этого года, Дума проситъ „выдворить ихъ“, „Якова Полякова съ товарищами, всего 20 человѣкъ“, ссылаясь на существованіе у нихъ своей, раскольнической молельни, „съ книгами запрещенными церковью“. Въ противномъ случаѣ они будутъ посѣвать расколъ „и между инородцами, которые, по простотѣ своей и невѣжеству, легко всему вѣрятъ“. . . .

Въ томъ-же 1841 г. инородцы жалуются на „самовольство и буйство“ поселенцевъ и крестьянъ д. Бѣлошапкиной, выразившіяся въ томъ, что у 19 человѣкъ инородцевъ изрублено и взято было ими 28 рыболовныхъ мордъ и увезено болѣе 35 пуд. рыбы, причемъ двѣ изъ похищенныхъ мордъ вскорѣ найдены были у поселенца Корева.

Въ февралѣ этого-же года князцамъ всѣхъ 10 управъ Думы отданъ былъ приказъ: объявить „всѣмъ ясачнымъ, съ убѣжденіемъ, чтобъ они, ни подъ какимъ уваженіемъ и пріязнью, не допускали крестьянъ, а особенно поселенцевъ [1]),

1) Курсивъ мой.

пользоваться принадлежащими Кызыльской землицѣ урочищами и промыслами за какую нибудь малость пользы только нѣкоторымъ своимъ ясачнымъ, но требовали-бы отъ нихъ приличнаго оброка въ доходъ всего общества, то есть доставляли-бы тотъ оброкъ въ Думу, которая обязывается всему тому вести вѣрный и справедливый отчетъ и употреблять изъ онаго на взносъ за бѣдныя семейства подати, повинностей, и ясака, и тѣмъ облегчить сборъ съ прочихъ. Если-же кто изъ ясачныхъ будетъ имѣть съ крестьянами и поселенцами самовольную сдѣлку въ пользу одному себѣ, или своему малому товариществу, и чрезъ то допуститъ къ занятію земли и къ рыбнымъ промысламъ, — таковаго, какъ хищника общественнаго имущества, присылать въ Думу для взысканія съ него взятого, и поступленія съ нимъ по законамъ. А буде окажется кто-либо изъ крестьянъ и поселенцевъ самовольно пришедшимъ на рѣчки и озера здѣшнія для промысла рыбы, или на сѣнокосные луга и степи для сѣнокашенія и пастьбы скота, того, со всѣмъ, что будетъ тутъ имѣть, доставлять тоже въ Степную Думу.“ Мѣсяцъ спустя послѣ этого приказа, до свѣденія Думы доходитъ, „что на степяхъ торчинскихъ и по лугамъ, при рѣчкѣ Черной, вытекающей изъ Чернаго озера, находятся табуны рогатаго скота и лошадей, всего штукъ до тысячи, пригнаныхъ сюда для пастьбы крестьянами Минусинскаго Округа, Новоселовской и Абаканской волостей, Петромъ Черныхъ и прочими, и что за допущеніе ихъ на тутошнія мѣста для пастьбы, есаулъ Мало-Ачинской Управы, Максимъ Балахчинъ, учинивъ съ ними сдѣлку, взялъ съ нихъ въ пользу одному себѣ нѣсколько пудовъ муки и проч.“ Дума поручаетъ своему засѣдателю „командироваться на торчинскую степь и черноозерскіе луга и дознать и строго распорядиться, чтобъ всѣ имѣемые тамъ крестьянскіе табуны рогатаго скота и лошадей собраны были въ одинъ пригонъ, которыхъ вы, сосчитавъ, потребуйте непремѣнно съ хозяевъ, кому они принадлежатъ, акцызъ за пастьбу, въ доходъ всего кызыльскаго родоначалія,

по 25 к. на ассигнаціи съ каждой штуки въ мѣсяцъ. Если-же хозяева того скота и лошадей будутъ упорствовать въ платежѣ сихъ денегъ, то, оставивши табуны подъ присмотромъ стоющихъ довѣрія своихъ инородцевъ, выслать тѣхъ хозяевъ, за надлежащимъ присмотромъ, въ сію Думу. А съ какого количества штукъ пасомой скотины и лошадей, и съ кого именно, будутъ вами взысканы деньги — при представленіи денегъ можете приложить регистръ, а плательщикамъ давать отъ себя квитанціи. Есаула-же Максима Балахчина, ежели онъ точно окажется въ допущеніи сихъ табуновъ на пастьбу, и въ полученіи за то въ пользу одному себѣ дохода виновнымъ, подвергнуть, при близко кочующихъ князцахъ, — Больше-Ачинскомъ Ульчегачевѣ и Кызыльскомъ Гашковѣ — и при собраніи, примѣрному взысканію и наказанію, въ страхъ и примѣръ прочимъ.“. .

Тогда же (1841 г.) инородцы обращались въ Енис. Казен. Палату съ просьбою выслать имъ „планъ измѣренной бывшими землемѣрами кызыльской землицы“ и воспретить заселяться на ихъ земляхъ „русскимъ крестьянамъ и поселенцамъ“. На первую просьбу послѣдовалъ отвѣтъ, что земли кызыльцевъ никогда въ извѣстность приводимы не были и плановъ на нихъ нѣтъ [1]).

1) Не смотря на то что и до сихъ поръ таковыхъ плановъ для всей Кызыльской управы не имѣется — межевые работы здѣсь производились весьма часто. Въ 1824 г. по распоряженію Ген.-Губернатора производилось „снятіе земель самымъ вѣрнѣйшимъ измѣреніемъ на планъ крестьянскихъ деревень и ясашныхъ татаръ качепскихъ“ и отграниченіе ихъ отъ владѣній кызыльскихъ инородцевъ. Указамъ 1827 г. была утверждена граница Томской губерніи. Въ 1857 г. находимъ „дѣло о приведеніи въ извѣстность земли деревень Старой и Изындаевой (бывшіе улусы) землемѣромъ Козевановымъ„ Въ 1859 г. производилось обмежеваніе земель Думы. Въ 1861—63 гг. землемѣръ Болотовъ „приводитъ въ извѣстность“ владѣнія кызыльскихъ инородцевъ. Въ 1867 г. онъ-же „производитъ удостовѣреніе о сѣнокосныхъ мѣстахъ по озеру Салбатъ“. Въ 1870 г. — „дѣло о размежеваніи земель улусовъ Косоложенскаго и Усть-Парнинскаго между крестьянами Ужур. вол., Ачинск. окр. землемѣромъ Болотинымъ“. Въ 1871 г. — „о межеваніи инородческихъ земель окружнымъ землемѣромъ Болотинымъ“. Въ 1874 г. землемѣръ Наумовъ „назначенъ на измѣреніе инородческихъ земель Кызыльской Думы“. Въ

Въ 1851 г. губерн. землемѣромъ Бутаковымъ было обмежевано спорное (см. выше) озеро Бѣлое. Это послужило источникомъ для появленія среди окрестныхъ крестьянъ слуховъ о переходѣ его въ ихъ владѣніе. Напуганные такими слухами, инородцы составили общественный приговоръ для врученія его губернатору, въ которомъ излагаютъ причины, по которымъ они не считаютъ для себя возможнымъ отказаться отъ Бѣлаго озера.

„Какъ мы, инородцы — говорится въ этомъ приговорѣ — съ давно прошедшихъ лѣтъ, по приселеніи изъ разныхъ волостей крестьянъ (нынѣ составляющихъ Ужурск. волость) на обширно полезныя, нами обитаемыя степи и мѣста, на которыхъ производили скотоводство безчисленное (по тогдашней жизни), и даже каждый почти имѣлъ довольное количество табуновъ, — прикочевали подлѣ самой тайги, въ весьма узкое мѣсто, которое сдѣлалось для скотоводства утѣсненное, и между тѣмъ, по непривычкѣ къ болотистымъ, озернымъ и таежнымъ мѣстамъ, въ знойныя времена открылась на скотъ повальная болѣзнь, которая впродолженіи почти 10 лѣтъ вывела весь корень скотоводства. Отчего и пришли совершенно въ крайнее разореніе, нищету и бѣдность, остались наги, босы и голодны; ибо мы, по инородческой жизни, получали главное содержаніе по хозяйству отъ скотоводства (промыслы же бываютъ временны). При такомъ-то горестномъ и жалкомъ состояніи, (нужда) инородцевъ заставила пріобрѣтать изъ разныхъ травъ пищу, что извѣстно и вышнему правительству, и съ трудомъ воспитывать оною малолѣтнихъ дѣтей своихъ. Къ оплатѣ госуд. ясака и проч. повинностей, хотя также съ трудомъ, но бездоимочно, способствовали двѣ главныя промышленности, которыя въ тогдашнее время существовали съ значительнымъ

1883 г. ачинскій окружный землемѣръ извѣщаетъ Думу, что лѣтомъ этого года Дума „*будетъ опредѣлена границами отъ всѣхъ смежныхъ и посторонихъ владѣній*“ и. т. д. Ко времени статистико-экономич. изслѣдованія (1890 г.) надѣлъ имѣли только названные выше Усть-Парнинскій и Косоложинскій улусы; земли же прочихъ улусовъ (и то не всѣхъ) обойдены были только окружною межой. („Матерьялы . . . и пр.“)

избыткомъ. Впослѣдствіи же, изъ числа оныхъ первая — звѣропромышленность, по случаю умножившихся въ тайгѣ золотыхъ пріисковъ, уже около 20 лѣтъ рѣшительно уничтожилась, такъ что на оплату ясака не имѣемъ въ добычѣ ни одного звѣря высшаго достоинства, кромѣ бѣлки, и то въ самомъ маломъ количествѣ, а промыселъ оной бываетъ въ очень рѣдкихъ годахъ. Вслѣдствіе чего, госуд. ясакъ и проч. повинности оплачиваемъ деньгами, которыя пріобрѣтаемъ, собственно, только посредствомъ рыбопромышленности, ибо скотоводство хотя нынѣ производится достаточно, но у рѣдкихъ инородцевъ, а большая часть изъ нихъ занимается вышеписаннымъ промысломъ рыбы, который производится съ избыткомъ только въ Бѣломъ и Божьемъ озерѣ, а въ прочихъ озерахъ и рѣкахъ есть малозначителенъ. Хлѣбопашествомъ же, по неспособности и необразованности нашей къ этой работѣ, занимаемся весьма мало и не въ значительномъ количествѣ. А потому нынѣ у насъ остается только рыбопромышленность, на которую возлагаемъ единую надежду, въ случаѣ ущерба и недостатка другихъ промышленностей (чего Боже сохрани!), оплачивать ясакъ и повинности бездоимочно деньгами. По этимъ то важнымъ причинамъ, по нашей древней инородческой жизни, вынужденными нашлись симъ приговоромъ прибѣгнуть предъ стопы Его Прев. г. Енис. Губернатора и всенижайше просить учинить начальническое распоряженіе объ оставленіи Бѣлаго озера съ рѣчками Шушемъ, Ужуромъ и Талымъ Ключикомъ въ вѣчномъ владѣніи на прежнихъ правахъ намъ, инородцамъ, ибо мы промыселъ производимъ . . . на всѣхъ озерахъ и рѣкахъ какъ одна не раздѣльная семья, и между тѣмъ бѣдные и несостоятельные изъ насъ (не могутъ) пріобрѣсти невода и сѣти — большая часть — (и) добываютъ въ рѣчкахъ Шушѣ, Ужурѣ и Ключикѣ мордами. А дабы не пресѣкать свободнаго входа рыбы изъ озера въ устья этихъ рѣчекъ, воспретить, кромѣ д. Корниловой, состоящей на берегу другой стороны озера, производить неводьбу при устьяхъ оныхъ, не ближе, примѣрно, 3 верстъ отъ каждаго устья, ибо они (крестьяне)

напредъ сего часто дѣлали намъ не малыя стѣсненія въ промыслахъ, и происходили отъ того ссоры, драки и потомъ возникали разворительныя тяжбы (по коимъ мы всегда оставались виравѣ) . . .“.

Въ отвѣтъ на приведенный приговоръ послѣдовала резолюція, по которой означенное озеро оставлено „во владѣніи тѣхъ жителей, у которыхъ оно находилось издавна, и въ тѣхъ пространствахъ, какъ было до настоящаго времени безспорно“...

Въ 1853 г. въ дѣлахъ архива отмѣчается споръ между крестьянами, только что образовавшейся д. Никольской и инородцами Изындаевскаго ул., изъ за сѣнокосныхъ угодьевъ по рч. Урюпу.

Въ 1858 г. находимъ „дѣло о воспрещеніи инородцамъ Шушенскаго улуса стѣснять крестьянъ въ ловлѣ рыбы по ключу Кайбадану (притоку рч. Шуши).

Въ слѣдующемъ 1859 г. инородцы Старо-Урюпинскаго улуса жалуются на крестьянъ Назар. вол., д. Скрипачи, за „самовольное выкашиваніе“ принадлежащихъ имъ сѣнокосныхъ луговъ. — Въ 1861 г. поступаетъ жалоба сютинскихъ крестьянъ на одного изъ инородцевъ, подбивающаго жителей Кагаевскаго и Бѣлоюсскаго улусовъ выкосить лежащія между первымъ улусомъ и д. Сютинской луга, (на 1000 приблизит. копенъ), которыми уже въ теченіи 50 лѣтъ „неправильно пользуются“ крестьяне. По разслѣдованію оказалось, что хотя луга эти, дѣйствительно, находятся въ инородческой межѣ (межеваніе произведено было за годъ передъ этимъ, въ 1860 г.), но что они оставлены были тамъ только потому, что лежатъ близъ самаго улуса (разстояніе отъ Кагаевскаго ул. до д. Сютикъ — 2 версты), на основаніи же 50 лѣтняго фактическаго владѣнія должны были-бы быть причислены къ крестьянскимъ землямъ.

Въ 1863 г. инородцы Божьеозерскаго, Уракскаго и Костинскаго улусовъ жаловались въ Казенную Палату на захватъ крестьянами с. Ужурскаго сѣнокосныхъ угодій близъ оз. Салбатъ, находящагося, согласно проведенной въ 1860 г.

землемѣромъ Болотовымъ межѣ, въ границахъ инородческихъ владѣній. При разслѣдованіи межевые знаки оказались уничтоженными, озеро же, дѣйствительно, принадлежащимъ инородцамъ. Въ 1867 г. Усть-Парнинскіе инородцы жалуются на Темринскихъ крестьянъ, выкосившихъ ихъ луга — Сугонжуль и Абзюль.

Въ 1869 г. вновь возникаетъ переписка, по поводу спорныхъ сѣнокосныхъ луговъ, расположенныхъ при оз. Салбатъ. По справкѣ, данной Казенной Палатѣ губернскимъ землемѣромъ оказалось, что луга эти „находились въ безспорномъ владѣніи крестьянъ с. Ужурскаго съ 1798 г. по 1860 г.“ Въ виду чего Казен. Палата предписала „землю по оз. Салбату, въ количествѣ 475 дес. 1900 саженъ, нынѣ-же предоставить во владѣніе обществу крестьянъ с. Ужурскаго, впредь до окончательнаго надѣленія ихъ землею.“

Къ 1869 же году относятся обоюдныя жалобы инородцевъ улуса Косоложенскаго и крестьянъ и ясачныхъ инородцевъ дор. Шушенской. Первые обвиняютъ вторыхъ въ пользованіи ихъ покосами и рыбными угодьями, вторые первыхъ — въ захватѣ пахотныхъ участковъ, устройствѣ въ ихъ дачахъ мельницъ и пр. — Въ 1870 г., по ходатойству Думы, земскій засѣдатель дѣлаетъ распоряженіе, чтобы крестьяне д. Парнинской и инородцы Парнинскаго улуса не смѣли „занимать сѣнокосные луга и распашку земли“, принадлежащіе инородцамъ улуса Сертачульскаго. Къ тому же году относится дѣло „о владѣніи спорными сѣнокосными землями между крестьянами д. д. Кулунской, Лакшиной и Баитской съ инородцами улуса Мажарскаго“. — Въ слѣдующемъ 1871 г. споръ между парнинцами — крестьянами и инородцами возгарается вновь. Инородцы жалуются, что крестьяне запрещаютъ имъ распахивать землю, сами же въ ихъ дачахъ пашутъ. Крестьяне, съ своей стороны указываютъ на захватъ инородцами ихъ покосовъ. По ихъ словамъ, въ 1863 г. землемѣръ Болотинъ отмежевалъ имъ земли по рч. Аржулю, (отъ д. Парной въ двухъ верстахъ), длинникомъ къ улусу Сертачульскому на

10 верстъ; инородцамъ же отвелъ по рч. Мучкуруну. — Въ теченіи 1872—84 г. тянется вновь „дѣло о спорномъ Божьемъ озерѣ“ между инородцами и крестьянами того же Парниискаго села. Въ 1874 году у нихъ состоялась наконецъ „полюбовная сдѣлка“. — Въ 1888 году отмѣчаются новыя недоразумѣнія между крестьянами с. Кориловскаго и инородцами Мажарскаго улуса изъ за озеръ Бѣлаго и Косоголя [1]).

Изслѣдованіе 90 года также отмѣчаетъ приведенные выше земельные споры: „инородцы Мажарскаго улуса ведутъ споръ съ кориловцами изъ за рыбной ловли въ Бѣломъ озерѣ (см. выше) и изъ за дровянаго лѣса. Разрѣшить этотъ споръ пріѣзжалъ землемѣръ, который установилъ грани и обязалъ крестьянъ подписками руководствоваться опредѣленными гранями, но крестьяне этимъ подпискамъ не придаютъ значенія и споръ продолжается. — Хотя крестьяне д. Парниской уже года 4 тому назадъ обязались подписками не пахать и не косить въ дачѣ Косоложинскаго и Устьпарниискаго улусовъ, но продолжаютъ дѣлать то и другое“.

Подобные же споры изъ за владѣнія различными угодьями возникали у инородцевъ и между собой — между осѣдлыми и кочевыми, между ачинскими и минусинскими. Въ 1863 г. уракскіе инородцы жалуются на осѣдлыхъ инородцевъ д. Колужной, Ужур. вол., за захватъ сѣнокосныхъ и рыболовныхъ (въ озерахъ Окуневомъ и Красновомъ) угодій. На многократныя просьбы и увѣщанія уракцевъ осѣдлые инородцы не обращаютъ, по словамъ жалующихся, никакого вниманія, а когда эти послѣдніе явились однажды на озера для промысла, калужинцы „сдѣлали буйство“, бросились на нихъ съ топорами и разогнали ихъ. . . Въ томъ же году инородцы Шуйскаго рода претендуютъ на осѣдлыхъ инородцевъ д. Темрииской, Марьясова съ товарищами, промышляющихъ рыбу по р. Урюпу въ мѣстахъ, принадлежащихъ кызыльцамъ. — Въ 1874 г.

1) Ср. также „Сибирск. Вѣстн.“ 1888 г., № 85. Корреспонденція изъ с. Ужурскаго.

осѣдлые инородцы улуса Парнинскаго жалуются на захватъ ихъ рыбныхъ угодій кочевыми инородцами и просятъ Казен. Палату о приведеніи въ извѣстность земель улуса. Въ свою очередь кочевые инородцы этого улуса въ томъ же году приносятъ жалобу на своихъ осѣдлыхъ одноулусниковъ-инородцевъ за то, что они принимаютъ на ихъ общія земли крестьянъ, инородцевъ и поселенцевъ изъ смежной Ужурской вол. и др. мѣстъ, безъ согласія ихъ и распоряженія начальства; отчего происходитъ насильственный захватъ у нихъ лучшихъ земель, чѣмъ довели ихъ до крайняго стѣсненія и выживаютъ изъ Парнинскаго улуса. Жалоба эта вызвала со стороны Ревизск. Отдѣла Красноярск. Казен. Палаты распоряженіе, чтобы „никто изъ постороннихъ лицъ не былъ допускаемъ къ самовольному переселенію въ ул. Парнинскій, безъ разрѣшенія на это начальства, дабы отъ подобныхъ переселенцевъ не было стѣсненій ясачнымъ инородцамъ Парнинскаго улуса въ принадлежащихъ имъ земляхъ". — Подобныя же сѣтованія инородцевъ на ихъ осѣдлыхъ собратій и крестьянъ попадаются и въ болѣе позднее время. Такъ изъ „дѣла о пересочиненіи плановъ на спорныя земли между крестьянами Ужурск. вол., деревни Парнинской съ инородцами Кызыльской Степной Думы, улуса Парнинскаго" — узнаемъ, что первые изъ нихъ „напринимали произвольно разныхъ лицъ, въ числѣ 35 душъ, пріемъ которыхъ, какъ они объяснили, дѣлаютъ по избытку земли". Въ то-же время, когда — въ виду того, что ясачные инородцы вмѣстѣ съ осѣдлыми и крестьянами не могутъ составить одного сельскаго общества — явился проэктъ надѣленія землею тѣхъ и другихъ подушно, съ обращеніемъ избытка земель въ казну и предоставленія его — „впредь до составленія проэкта поземельнаго надѣла на Ужурск. волость" — во временное пользованіе окрестныхъ жителей — то крестьяне д. Парной выразили свое несогласіе на такое надѣленіе ихъ землею по числу душъ, составляющихъ ихъ общество.

Въ дѣлахъ архива за 1846 г. находимъ дѣло объ увозѣ

сѣна у кызыльскихъ инородцевъ качинскими". — Въ январѣ 1861 г. — „дѣло о стѣсненіи жителей Кызыльской Думы, живущихъ по теченію р. Бѣлаго Іюса, таковыми же Бѣлоіюсскаго рода Іюсской инородной управы". Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ кызыльцы жалуются, что бѣлоіюсскіе инородцы насутъ свой больной паршею скотъ на ихъ, кызыльцевъ, землѣ, гдѣ онъ приходитъ въ сонрикосновеніе съ ихъ здоровымъ скотомъ. Кромѣ того скотъ бѣлоіюсцевъ ломаетъ остожья, поѣдаетъ убранное въ нихъ сѣно и пр. — Въ томъ же 1861 г. инородецъ Бѣлоіюсской управы, Куртіяковъ, обвинялъ кызыльскихъ инородцевъ Батанаковскаго улуса за „самовольный выкосъ" его покосовъ и увозъ поставленныхъ 10 остожей сѣна. По этому поводу въ дѣлахъ архива находимъ слѣдующаго рода „удостовѣреніе":

„1861 года, января 14 дня. Мы, нижеподписавшіеся, ясачные инородцы, вѣдомства Кызыльской Степной Думы, Батанакова улуса, всего 14 человѣкъ, — симъ удостовѣряемъ въ томъ, 1-ое что этотъ островъ, который присвоиваетъ во владѣніе свое инородецъ Іюсской Инородной Управы, Иванъ Куртіяковъ, находится въ грани Кызыльской Степной Думы, разстояніемъ отъ Батанакова улуса не болѣе какъ въ 2-хъ верстахъ, обнесенный поскотиною жителями вѣдомства сей Думы верстъ почти на 30, а отъ жительства Куртіякова верстахъ слишкомъ въ 15-ти; и что на островѣ этомъ первоначально производилъ нѣсколько лѣтъ сѣнокошеніе инородецъ вѣдомства сей Думы, Гаврило Кулагановъ и Куртіяковъ въ то время едвали имѣлъ еще и проживаніе въ настоящемъ мѣстѣ жительства, въ улусѣ Кускулаковымъ, ибо онъ, какъ намъ извѣстно, нерѣдко перекочевываетъ изъ одного улуса въ другой, и въ сей послѣдній перекочевалъ назадъ тому не болѣе лѣтъ 3-хъ. Потомъ, послѣ перекочевки Кулаганова на рѣчку Саралу, на этомъ самомъ островѣ производилъ покосъ инородецъ Гаврило Сулековъ, а отъ Сулекова мѣстность эта перешла во владѣніе Никифору Кондіеву (по татарски Мигижекъ), на котораго претендуетъ Куртьяковъ за выкошеніе на

этомъ островѣ травы въ минувшемъ лѣтѣ 1860 года, коею онъ (Кондіевъ) пользовался болѣе 10 лѣтъ, слѣдовательно, Куртьяковъ 20-ти лѣтъ производить на немъ сѣнокошенія никакъ не могъ, да и онъ никогда на этомъ островѣ постояннаго сѣнокошенія не производилъ, а хотя онъ и производилъ таковое, но временно, и то съ дозволенія нашего, за избыткомъ травы при хорошихъ урожаяхъ оной, такъ какъ островъ этотъ, по теченію рѣки Бѣлаго Іюса находится на лѣвой сторонѣ и, слѣдовательно, какъ объяснено выше, въ грани Кызыльской Степной Думы, а потому мѣстностью этою, какъ непринадлежащею вѣдомству Іюсской Управы, никакъ пользоваться не могъ безъ согласія и дозволенія нашего-же. 2-е, Инородцы Сулековъ и Кондіевы въ лѣтѣ минувшаго 1860 г. на мѣстности этого острова, которую Куртьяковъ присвоиваетъ будтобы съ давнихъ лѣтъ къ своему владѣнію, имѣли полное право пользоваться этою сѣнокосною мѣстностью, по принадлежности оной къ вѣдомству Кызыльской Степной Думы, а не къ таковому-же Іюсской Управы. 3-е, Сулековъ и Кондіевы, дѣйствительно, изъ накошеннаго ими сѣна увезли . . . до 180 копенъ, а Куртьяковъ, не гласно, а воровски увезъ изъ этого накошеннаго сѣна у Сулекова и Никиты Тайжакова 220 копенъ, о чемъ Сулековъ и Никита Тайжаковъ приносили жалобу на Куртьякова головѣ Іюсской Управы Дружинину, при письмоводителѣ оной Равлушкевичѣ, но удовлетворенія на это никакого не получили, кромѣ лишь только одного отзыва головы Дружинина, что дѣло это разберемъ послѣ. чѣмъ самымъ (онъ) и окончилъ оное. Кража Куртьяковымъ сѣна была выслѣжена Сулековымъ и Тайжаковымъ по слѣдамъ возки имъ отъ остожьевъ, въ коихъ находилось означенное, увезенное Куртьяковымъ сѣно. Куртьяковъ жалобу эту на Сулекова и Кондіева принесъ начальству, какъ намъ извѣстно, послѣ сдѣланной имъ покражи у нихъ сѣна и, какъ полагаемъ, не почему другому, какъ только, чтобы жалобою сею прикрыть свой поступокъ и избѣгнуть отвѣтственности отъ неминуемаго взысканія за оный“.

Тяжбы между кызыльцами и бѣлоюсскими инородцами продолжаются до 70-хъ годовъ. Въ 1866 г., на запросъ ачинскаго земскаго суда, енис. губерн. землемѣръ даетъ такого рода справку. Спорная земля, въ количествѣ 2096 дес. 2008 саж. (изъ нихъ 213 дес. 808 саж. неудобной), расположена по берегу Бѣлаго Іюса. Кызыльцы, тягаясь изъ за нея, необращаютъ никакого вниманія на давность владѣнія, а лишь на границы округовъ. Между тѣмъ, не только указываемыя картами, но и проведенныя въ натурѣ между губерніями и уѣздами границы „не могутъ служить никому ни въ подкрѣпленіе присвоеннаго, ни въ опроверженіе законнопринадлежащаго владѣнія.“ Бѣлоюсскія инородцы „имѣютъ право на владѣніе землями отъ д. Имыша вверхъ Бѣлаго Іюса, по обѣ стороны, пріобрѣтенное ими до 1753 г., какъ видно изъ указа краснояpск. воеводской канцеляріи отъ 21 янв. 1777 г. . . . который служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, на основаніи котораго рѣшались споры въ 1823 г. между означенными инородцами, а въ 1864 г. — крестьянами Ачинск. окр., Ужурск. вол. . . .“ Въ 1869 г. бѣлоюсцамъ выдана была „засвидѣтельствованная копія съ утвержденнаго чертежа границамъ, раздѣляющимъ владѣнія ихъ отъ владѣній кызыльцевъ.

Такіе же споры и ссоры изъ за земельныхъ угодій происходили постоянно и между отдѣльными лицами — опять таки одинаково, какъ между инородцами и крестьянами, такъ и у инородцевъ между собой. Въ 1851 г. лошади крестьянина Е—ва поѣли и помяли яровое на полосѣ инородцевъ Самочиковыхъ. Свидѣтелями этого были крестьяне д. Тургужанской П—вы, отецъ и сынъ, находившіеся въ это время на инородческихъ пашняхъ (ул. Усть-Печищенскаго), „для перепашки паровъ ясачному Тарханову,“ который вмѣсто нихъ (инородцевъ) уходилъ къ исправленію больнаго тракта. Потрава опредѣлена въ 50 пудовъ, на 25 рубл. асс. (ячмень). — Въ началѣ 50-хъ годовъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ изъ дер. Скрипачи устроили по рч. Урюпу, на землѣ инородческой водяную мельницу. Вслѣдствіе жалобы Думы въ Казен. Палату,

эта послѣдняя распорядилась, чтобы крестьяне вошли съ инородцами въ соглашеніе и уплатили имъ оброчныя деньги. Поэтому въ 1853 г. крестьяне заключаютъ съ Думой контрактъ на 12 лѣтъ, по которому обязуются вносить ежегодно 12 р. 80 к. арендной платы (мельница двухпоставная). Но еще и въ 1871 г. „дѣло о водяной мукомольной мельницѣ на р. Урюпѣ устроенной самовольно крестьянами д. Скрипачи“ — не прекращается. . . — Въ 1861 г. крестьяне д. Бѣлошапкиной жалуются на инородца Тарханова, увезшаго скошеное ими сѣно. По объясненію Думы, сѣно это было накошено крестьянами на инородческой землѣ.

Въ томъ-же 1861 г. осѣдлый инородецъ д. Парной изрубилъ сѣти у кочеваго инородца. Дѣло кончилось мировой. Мировою же кончилось и другое относящееся къ этому году дѣло, по жалобѣ инородца Тарханова (д. Кадатская). „Въ прошломъ 1858 году, жалуется Тархановъ, отведено мнѣ общественниками моими покосное мѣсто по р. Евкиной, которое я три года расчищалъ“ — а въ этомъ году его скосилъ другой (инородецъ же).

Въ 1859 г. встрѣчаемъ дѣло „о самовольно выкошенной травѣ инородцемъ Балахчинымъ, принадлежащей будтобы инородцу Іюсской упр., Кокову“. — Съ 1859 по 1867 г. тянется дѣло „о воспрещеніи Тайдонову пасти скотъ на покосахъ инородцевъ ул. Усть-Печищенскаго“. Въ 1867 году послѣдніе составили общественный приговоръ, изъ котораго узнаемъ, что Тайдоновъ самъ живетъ въ ул. Тайдоновскомъ, но имѣетъ „большое количество табуновъ лошадей, которые пасутся близь нашего (т. е. У.-Печищенскаго) улуса . . . . (и) которыми (онъ) стѣснилъ нашъ скотъ; даже истоптано много сѣнокосныхъ луговъ, находящихся за рѣкою Черными Іюсомъ, (и) принадлежащихъ намъ. . . .“ Въ виду чего, инородцы, „съ общаго нашего согласія приговорили: чтобы Т-въ имѣлъ пастьбу табуновъ своихъ лошадей, начиная мѣстностью отъ своего улуса, и не допускалъ таковыхъ до рч. Усть-Печищи,

съ тѣмъ, чтобы онъ, Т-въ, за рч. Усть-Печище перегонять лошадей къ нашему улусу . . . . отнюдь не осмѣливался. . . .“

Инородческое хозяйство, требующее много бо́льшихъ земельныхъ пространствъ, чѣмъ хозяйство крестьянское — скоро должно было почувствовать, наступавшее, съ увеличеніемъ пришлаго русскаго элемента, относительное перенаселеніе сѣверной части управы. Въ свою очередь, эти пришлецы и все окрестное земледѣльческое населеніе не могли не „зариться“ на прекрасныя земли этой части управы, лишь въ слабой степени используемыя скотоводческимъ хозяйствомъ, и прилагали всяческія старанія, чтобы самимъ завладѣть ими, — что, въ концѣ концовъ, имъ вполнѣ и удавалось. Какъ указывалось уже выше (стр. 21), очень многіе изъ теперешнихъ русскихъ деревень и селъ, сосѣднихъ съ землями Кызыльцевъ, были нѣкогда инородческими улусами. Жители этихъ улусовъ, будучи стѣснены въ пользованіи земельными угодьями и лишены возможности вести скотоводческое хозяйство, принуждены были частью уйти въ степь, частью перейти къ занятію земледѣліемъ. Послѣдній путь особенно часто избирали инородцы, жившіе до того въ работникахъ у крестьянъ, научившіеся отъ нихъ полевому хозяйству и свыкшіеся со всѣмъ укладомъ крестьянской жизни. Тѣ изъ нихъ, которымъ удавалось въ концѣ концовъ завести свое самостоятельное хозяйство — часто путемъ женитьбы на русскихъ — старались, обыкновенно, устроиться въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ жили до этого. Но вести свое хозяйство среди крестьянскаго населенія и состоять, въ тоже время въ вѣдомствѣ инородческой Думы было мудрено: крестьяне за пользованіе земельными угодьями требовали участія во всѣхъ волостныхъ и сельскихъ расходахъ, а въ Думу нужно было вносить ясакъ и др. повинности. При такихъ условіяхъ, инородцамъ ничего не оставалось болѣе, какъ или послѣдовать за ушедшею къ югу частью своихъ соплеменниковъ, или переходить въ осѣдлое состояніе.

Въ первомъ случаѣ, ушедшіе — поскольку они находили

въ другихъ мѣстахъ удобныя для земледѣльческой культуры земли — являлись учителями и проповѣдниками ея тамъ; во второмъ — инородцы совершенно сливались съ русскимъ населеніемъ и быстро утрачивали свой языкъ и свои бытовыя особенности.

Какъ видно изъ дѣлъ архива, всего съ 1833 года по 1860 г. въ крестьяне одной только Ужурской вол. было перечислено 113 домохозяевъ-инородцевъ [1]). Въ 1833 г. перечисленныхъ въ крестьяне было 50 душъ. За 9 лѣтъ съ 1841 г. по 1850 г. — безъ 1847 г., о которомъ нѣтъ свѣденій — имѣются данныя относительно 59 семей перешедшихъ въ крестьяне [2]).

По свѣденіямъ, доставленнымъ въ 1850 г. ясачной комиссіи, и по даннымъ добытымъ ею, перешедшихъ въ осѣдлое состояніе кызыльцевъ было: перешедшихъ съ 1837 года по 1850-й годъ (главн. обр., въ крестьяне Ужурск. и Балахт. вол.):

По Басагарской I и II полов. упр.	—	14	семей
„ Ингинской	„	— 13	„
„ Басагарской отдѣл.	„	— 2	„
„ Курчиковой	„	— 2	„

1) Кызыльск. Архивъ 1860 г.

2) А именно:

Въ 1841 г.	— 4	семьи:	Тежечековы, Отроковы, Тартояковы, Арыпкаевы.
„ 1842 „	— 3	„	Когояковы, Шушеначевы, Фокины.
„ 1843 „	— 7	„	Арыпкаевы, Егалдаевы, Абдарины, 2 семьи Кулаковыхъ, Изелеевы, Чигильдеевы.
„ 1844 „	— 4	„	Шушеначевы, Саламачевы, Коураковы, Тайдоновы.
„ 1845 „	— 15	„	4 семей Саломачевыхъ, 3 Итеменевыхъ, Чарочкины, Тамочиковы, Янгуловы, Шушеначевы, Когояковы, Суртучаковы, Тайдоновы, Кукарцевы.
„ 1846 „	— 9	„	Саломачевы, Батаевы, двѣ семьи Баранцевыхъ, Кутеневы, Арыпкаевы, Аргудаевы, Тамочиковы, Эпшикины.
„ 1848 „	— 8	„	трое Арыпкаевыхъ, Кокоповы, Тамочиковы, Саломачевы, Чарочкины, Итеменевы.
„ 1849 „	— 6	„	трое Арыпкаевыхъ, Итеменевы, Чарочкины, Ургудаевы.
„ 1850 „	— 3	„	Серепевы, Байдашевы, Саламачевы.

По Камларской	упр. —	4	семей
„ Б.-Ачинской	„ —	18	„
„ М.-Ачинской	„ —	11	„
„ Мало-Аргунской	„ —	6	„
„ Кызыльской	„ —	3	„
„ Шуйской	„ —	5	„

Кромѣ того 8 семей пропущенныхъ списками. Итого всѣхъ — 86 семей.

Въ 1850 г. были перечислены въ осѣдлое состояніе ясачной коммисіей:

Изъ Б.-Ачинской упр. — 2, (т. е. души муж. п.): одинъ „издавна живущій въ г. Красноярскѣ“, другой — въ д. Баитѣ, Ужурск. вол.

„ М.-Аргунск. „ — 3, живущихъ въ Томск. губ., въ д. Чумуѣ и Шестоковой.

„ Шуйской „ — 8, живущихъ въ д. Изындаевой, Назар. вол.

„ Кызыльской „ — 7, живущихъ въ с. Шарыповскомъ, Ужур. вол.

Итого 20 душъ муж. п. или 49 наличныхъ душъ об. пола

За періодъ съ 1858 года — безъ 1862 г. — у насъ имѣются свѣдѣнія о переходѣ въ крестьяне 30 душ. м. п. [1]).

Такимъ образомъ, судя по приведеннымъ выше даннымъ, въ среднемъ ежегодно перечислялись въ крестьяне — около 6 семей (или частей ихъ), т. е. около 20—30 чел. или за періодъ, примѣрно, съ 1833 г. по 1875 г. должно было — предположительно, перейти всего до 1000 душ. об. п.

Количество на столько внушительное, что его не мѣшаетъ принимать во вниманіе при опредѣленіи движенія инородческаго населенія, чего, къ сожалѣнію, обыкновенно, не дѣлается [2]).

1) Въ 1858 г. — 8, въ 1859 тоже 8, въ 1860 — 7 семей (или частей ихъ).

2) При сравненіи количества населенія Кызыльской Думы до 1825 г. съ количествомъ его послѣ этого времени, должно еще принимать во вни-

Большинство изъ этихъ переходящихъ въ крестьяне инородцевъ мотивируютъ свой переходъ однимъ и тѣмъ же стереотипомъ, который гласитъ: „(такой-то) съ давняго времени находясь въ работникахъ у крестьянъ, навыкши къ осѣдлости и домоводству, желаетъ поступить въ крестьяне.“ Дума, при всемъ своемъ желаніи, немогла противиться такому переходу и всѣмъ выдавала увольнительныя свидѣтельства. Вотъ, для примѣра, одно изъ такихъ свидѣтельствъ, относящееся къ 1859 году. „Февраля 10 дня. Мы нижеподписавшіеся, Енисейской губерніи, Ачинскаго округа, Кызыльской степной Думы ясачные инородцы, Курчиковской Управы, дали сіе увольненіе нашей управы ясачному инородцу Василію Миронову Емандыкову въ томъ, что онъ обзавелся домохозяйствомъ и скотоводствомъ въ деревнѣ Малокнышенской Ачинскаго округа, Ужурской волости, (и) желаетъ поступить въ (крестьянское) общество, а потому мы, какъ зная Емандыкова, что онъ не состоитъ на первыхъ двухъ рекрутскихъ очередяхъ, подати и всѣ повинности за 1859 годъ имъ уплачены, частныхъ долговъ на немъ нѣтъ, и какъ мать его, Апраксинья Никифорова Емандыкова, изъявляетъ на то перечисленіе согласіе, а потому и съ нашей стороны на перечисленіе его въ крестьяне Ачинскаго округа, Ужурской волости, въ деревню Малокнышенскую, препятствій не имѣется.“ [1])

Приведенное свидѣтельство интересно еще тѣмъ, что отмѣчаетъ одинъ изъ нерѣдкихъ, вѣроятно, случаевъ семейнаго разлада, вызваннаго переходомъ въ крестьяне одного изъ чле-

маніе состоявшееся 5 февраля 1825 г. „исключеніе изъ вѣдѣнія сей Думы Курчиковой волости въ Томскую округу и причисленіе изъ оной Мелецкой 1-й половины“. Правда, что обѣ эти группы населенія по численности своей были тогда одинаковы: въ Курчиковской было 198 душъ (м. п.), платившихъ ясаку на 63 р. 39 к., а въ Мелецкой 193 души обложенныхъ ясакомъ въ 200 рубл., но указывая выбывшихъ изъ Думы Курчиковцевъ не слѣдуетъ забывать прибывшихъ въ нее Мелецкихъ инородцевъ, или на оборотъ.

1) Въ другихъ увольнительныхъ свидѣтельствахъ, выдававшихся Думою, было еще указаніе на неприпадлежность переходящаго въ крестьяне къ расколу и сектамъ. . . .

новъ семьи. Свидѣтельство заканчивается такимъ образомъ: „А мать, жена и братъ желанія на переводъ (въ крестьяне) не изъявили".

Губернское и окружное начальство, въ свою очередь, прилагало всяческія старанія, чтобы увеличить число осѣдлыхъ инородцевъ. Уже въ 1827 г. мы находимъ въ архивѣ Думы „дѣло по приказу г. Ачинскаго земскаго исправника объ осѣдлыхъ подвѣдомственныхъ сей Думѣ ясашныхъ, долженствующихъ, поступить въ сословіе крестьянъ." Въ этомъ „дѣлѣ" исправникъ даетъ знать, что въ разныхъ русскихъ селеніяхъ: с. Шарыповскомъ, дд. Парной, Локтиной; Томской округи — Кадатской, Каштатской, Зерцальской, Макаровой, Шестаковой; Ачинской округи: Бѣлоярской, Кумырской, Шуточкиной и Бѣлошапкиной, и въ улусахъ Темрѣ на р. Баитѣ, на рч. Касаголѣ, на Божьемъ озерѣ, въ ул. Изындаевомъ, Табатскомъ, Кызылярскомъ, Аргатчатскомъ, Кочкарскомъ, Бирилюсскомъ, Усть-Кемчугскомъ, Подкаменскомъ, Старо-Урюпскомъ, Шушенскомъ, Шмелевомъ, Протокѣ, Кильчековомъ, Амачеевомъ, Кульбеневомъ и Байдуковомъ — инородцы проживаютъ осѣдло . . , „изъ коихъ нѣкоторые, по усмотрѣнію Его Благор., всл. предписанія вышняго начальства, должны поступить въ сословіе кр-нъ" — поэтому исправникъ предлагаетъ Думѣ наблюдать за ними, дабы они не отлучались съ мѣста своего жительства.

Въ слѣдующемъ 1828 г. Дума сама насчитываетъ 128 семей, которыя имѣютъ свои дома и „крестьянскія заведенія, хлѣбопашество и скотоводство, и, по состоянію своему, могутъ, безъ отягощенія, платить крестьянскую подать и повинности". Эти семьи жили: въ с. Шарыповскомъ; въ дд. Парной, Кадатѣ, Каштатской, Шитиковой, Зерцаловой, Макаровой, Бѣлошапкинской, Кумырской и Шуточкиной (послѣдніе два — Мелецкой управы). Далѣе еще 161 семья, тоже могущія быть переведенными на крестьянское положеніе, живутъ по различнымъ улусамъ: Темринскомъ, Касагольскомъ, Божьеозерскомъ, Изындаевскомъ, Табатскомъ, Аргачатскомъ, Кочкарскомъ, Бирилюсскомъ, Усть-

Кемчугскомъ и Подкаменскомъ (послѣдніе 6 — Мелецк. упр.). Наконецъ еще 128 семей, также „хотя живутъ постоянно, не перекочевывая, но, по недавней ихъ осѣдлости домообзаводствомъ и небольшому хлѣбопашеству, должны остаться въ званіи ясачныхъ...“ Они жили въ улусахъ: Староурюпинскомъ, Шушенскомъ, Щелевскомъ, Амачеевскомъ, Кохтеневскомъ, Кульбеневскомъ, Байдуковскомъ, Улуйскомъ, Елдуловскомъ, Протокинскомъ, Кильчековскомъ. (Послѣдніе 9 — Мелецк. упр.)..

Большимъ стимуломъ къ переходу въ осѣдлое состояніе — было и желаніе поступить, за кого-либо изъ крестьянъ, въ рекруты. Мы видѣли выше, какими причинами вызывалось это желаніе. За десять лѣтъ, относительно которыхъ въ нашемъ распоряженіи имѣются болѣе полныя свѣденія — съ 1853 по 1856, за 1858, 1859, 1861 и съ 1863 по 1865 — перечислилось въ крестьяне, чтобы идти потомъ въ рекруты — 59 человѣкъ [1]). Относительно 42-хъ изъ нихъ есть данныя о суммахъ полученныхъ ими за рекрутчину. Всѣ вмѣстѣ они получили деньгами $11^1/_2$ тысячъ рублей, т. е. въ среднемъ по 274 рубля каждый. Кромѣ того значительныя доли предназначенныхъ въ уплату суммъ всегда выдавались инородцамъ натурою, какъ это видно изъ слѣдующихъ выдержекъ изъ условій по найму въ рекруты.

Въ 1855 году инородецъ Суртучаковъ выговариваетъ себѣ кромѣ 285 р. 50 к. деньгами, еще — отцу своему 50 пудовъ ржан. муки, коня и трехъ коровъ съ телятами. Тайтыновъ, въ томъ же году нанимается въ рекруты за 500 р. деньгами, 100 пудовъ муки ржаной для отца. Айяндыновъ, кромѣ 371 р. 40 к. деньгами, получаетъ еще для матери — 50 пуд. ржан. муки, для жены — 100 п. ржаной, 100 пшеничной муки и 100 же пудовъ ржи въ зернѣ. Талкинъ для отца своего выговариваетъ 15 пуд. пшеничн. и 15 пуд. ржан. муки, 15 пуд. ячменя, коня и корову. — Въ 1856 г. ино-

1) Въ 1853 г. — 5 человѣкъ; въ 1854 — 10; въ 1855 — 10; въ 1856 — 3; въ 1858 — 6 человѣкъ; въ 1859 — 4 чел.; въ 1861 — 4 же; въ 1863 — 7; въ 1864 — 5; въ 1865 — 5 же человѣкъ.

родцу Янгулову уплачивается деньгами 285 р. 70 коп., отцу и матери его 180 пуд. ржан. муки, 20 пшеничной, конь и двѣ коровы. Аргудаевъ въ томъ же году, помимо 400 р. деньгами, уговаривается получить еще, для родителей, 180 пуд. ржан. муки, 20 пуд. пшенич. и 1 корову, а Тайдоновъ, сверхъ 200 руб. деньгами, корову и кобылу матери своей и „воспитателю“, которому онъ былъ отданъ съ 7 лѣтъ. — Въ 1858 г. крестьянинъ Бугаевъ далъ подписку инородцу Кучелаеву, что „при наймѣ его сына въ рекруты, изъ числа ряженой ему суммы 457 руб., рядилъ выдать деньгами 200 руб. и сверхъ того хлѣба ржанаго — 180 пуд., двѣ коровы — изъ нихъ одна съ теленкомъ, другая безъ онаго — коня, на выборъ и кобылу. . .“ Тогда же крестьянинъ Удинъ нанимаетъ въ рекруты за своего сына инородца Тюндешева за 300 руб.; изъ того числа часть хлѣбомъ — 100 пудовъ — и дойною коровою. Инородецъ Самочниковъ деньгами получаетъ 100 руб., затѣмъ коня и дойную корову и 100 пуд. хлѣба. Ачесову изъ рядной платы въ 285 руб. деньгами уплачивается только 200 р., а въ счетъ остальныхъ — выдаютъ 100 пуд. хлѣба, „одного коня-кобылу на выборъ, еще корову на выборъ-же, двѣ овцы“. — Въ слѣдующемъ 1859 г. мало-аргунецъ Итеменевъ, поступая въ рекруты за крестьянина Т—ва, „кромѣ рядной платы деньгами, рядилъ выдавать каждый годъ, по смерть ея, Итеменевой (матери нанимающагося), а именно: муки пшен. — 15 пуд., ржаной — 15 пуд., говядины скотской — 4 п., соли — 1 пудъ, крупы ячной — 4 пуда, масла коровьяго — 20 фунт., 1 пара сапоговъ, 1 конецъ дабы и черезъ два года 1 шубу простую; (наконецъ еще) корову и кобылу единовременно“. . .

Чтобы прослѣдить формальную сторону процедуры перехода кочеваго инородца, сначала въ крестьяне, а затѣмъ въ рекруты, выберемъ одинъ изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Возьмемъ первого-же изъ поступившихъ въ 1855 году въ рекруты, Суртучакова. Вотъ всѣ относящіяся къ нему по этому поводу документы.

1. „1855 года, марта 16 дня. Я нижеподписавшійся, Енисейской губерніи, Ачинскаго округа, Кызыльской Степной Думы ясачный инородецъ Камларской Управы Василій Васильевъ Суртучаковъ далъ сію подписку Кызыльской Степной Думѣ въ томъ, что желаю наняться за кого-либо въ рекруты и спросить отъ общества на то увольненіе — въ томъ и подписуюсь. . .“

2. „1855 года, марта 16 дня. Я нижеподписавшійся Енисейской губерніи, Ачинскаго округа, Кызыльской Степной Думы ясачный инородецъ Камларской Управы Василій Егоровъ Суртучаковъ далъ сію подписку Кызыльской Степной Думѣ въ томъ, что я роднаго своего сына Василья, согласно его желанію, увольняю поступить за кого-либо въ рекруты — въ томъ и подписуюсь. . .“

3. „1855 года, марта 16 дня. Мы нижеподписавшіеся Енисейской губерніи, Ачинскаго округа, Кызыльской Степной Думы Камларской Управы ясачные инородцы дали сіе удостовѣреніе въ томъ, что ясачный инородецъ нашего-же улуса Василій Васильевъ Суртучаковъ дѣйствительно имѣетъ болѣе 20 лѣтъ, въ удостовѣреніе чего и удостовѣряемъ, вмѣсто себя подписаться — руку приложилъ ясачный инородецъ Дмитрій Итеменевъ.“

4. „1855 года, марта 17 дня. Мы нижеподписавшіеся Енисейской губерніи, Ачинскаго округа, Кызыльской Степной Думы ясачные инородцы, всего 105 человѣкъ, на мірскомъ сходѣ, выслушавъ предложеніе нашей Думы о желаніи принадлежащаго къ нашему обществу ясачнаго инородца Василья Васильева Суртучакова наняться за кого либо въ рекруты, приговорили: 1-е, Какъ къ уволненію вышеозначеннаго инородца Суртучакова нѣтъ никакихъ препятствій, опредѣленныхъ въ рекрутскомъ уставѣ, такъ какъ онъ вовсѣ изъятъ отъ рекрутской повинности, то дозволяемъ ему наняться въ рекруты у крестьянъ Ачинскаго округа. 2-е, Кто будетъ нанимать его, тотъ предварительно извѣщается, что вмѣстѣ съ наймомъ онъ долженъ будетъ принять на себя обязанность до новой ревизіи платить въ казну всѣ подати и повинности за него, Суртучакова — одну душу, недоимокъ же по податямъ на немъ нѣтъ. 3-, Утвердивъ сей приговоръ рукоприкладствомъ нашимъ, представляемъ оный въ Кызыльскую Степную Думу для надлежащаго засвидѣтельствованія и выдачи ясачному инородцу Василью Васильеву Суртучакову. . .“

5. „1855 года, марта? дня. Мы нижеподписавшіеся Енисейской губерніи, Ачинскаго округа, Кызыльской Степной Думы ясачный инородецъ Камларской Управы Василій Васильевъ Суртучаковъ и крестьянинъ Ачинскаго-же округа Ужурской волости, деревни Сю-

тинской, Иванъ Григорьевъ Ананьинъ, заключили между собой условіе сіе въ слѣдующемъ. 1-е вслѣдствіе дозволенія, даннаго мнѣ, Суртучакову, обществомъ моимъ 16 марта и въ надлежащимъ мѣстѣ засвидѣтельствованнаго того-же числа, я, Суртучаковъ, добровольно нанялся у него, Ананьина, въ рекруты, и я, Ананьинъ, добровольно обязался заплатить ему, Суртучакову, за сіе 285 р. 70 к. 2-е, Въ число сей суммы я, Суртучаковъ, получилъ отъ него, Ананьина, въ задатокъ 40 руб.; оставляю на уплату долговъ разнымъ кредиторамъ моимъ 185 р. 70 к.; отцу моему Василью Суртучакову оставляю 30 руб. А остальные затѣмъ 30 р. получить мнѣ, Суртучакову, отъ него, Ананьина, въ томъ рекрутскимъ присутствіи, въ которое я, Суртучаковъ, буду представленъ въ то-же самое время, когда оно удостоитъ меня, Суртучакова, принять въ рекруты, порядкомъ, въ законахъ постановленнымъ: а онъ, Ананьинъ, обязанъ, по сдачѣ меня въ рекруты, выдать отцу моему, Василью Суртучакову, единовременно: муки ржаной 50 пудовъ, 1 коня, и 3 коровы съ телятами. 3-е, До поступленія въ рекруты содержать меня, Суртучакова, ему Ананьину во всемъ на собственномъ его, Ананьина, иждевеніи, сверхъ вышеозначенной суммы. 4-е По принятіи меня, Суртучакова, въ рекруты ему, Ананьину, платить до новой ревизіи въ казну подати и повинности, а равно и ясакъ за меня Суртучакова — одну душу. 5-е По принятіи меня, Суртучакова, въ рекруты, деньги на обмундированіе, провіантъ и жалованье, для рекрута положенныя, заплатить въ казну такъ-же ему, Ананьину, особо на свой, а не на мой счетъ. 6-е Если я, Суртучаковъ, по свидѣтельству рекрутскаго Присутствія, окажусь въ рекруты не способенъ, то актъ сей самъ собою уничтожается, и взятыхъ мною, Суртучаковымъ, впередъ денегъ 40 руб., означенныхъ во 2-й статьѣ, издержекъ, по статьѣ 3 сего условія, на меня употребленныхъ, не обязываюсь я, Суртучаковъ, возвращать ему, Ананьину. 7-е Условіе, по засвидѣтельствованіи въ Кызыльской Степной Думѣ, съ обѣихъ сторонъ выполнить свято, въ томъ и подписуемся. . ."

Въ 1856 г. послѣдовало, по иниціативѣ князя Кострова, бывшаго тогда минусинскимъ окружнымъ начальникомъ, предложеніе объ образованіи особаго общественнаго капитала изъ 50 рублеваго сбора съ нанимающихъ инородцевъ въ рекруты.

Вотъ списокъ съ журнала Енис. Губ. Совѣта 22/14 Авг. 1856 г., составленнаго по этому поводу:

„Минусинскій Окружный Начальникъ и Земскій Исправ-

никъ донесли Г. Начальнику Губерніи, первый, что въ Минусинскомъ Округѣ находится 11,235 душъ мужскаго пола инородцевъ, большею частію татарскаго происхожденія, которые, на основаніи существующихъ узаконеній, изъяты отъ рекрутской повинности, но весьма многіе изъ нихъ охотно нанимаются въ рекруты за крестьянъ и мѣщанъ, будучи принуждены къ тому своею поразительною бѣдностью. Такъ какъ общества инородцевъ, увольняя своихъ родовичей наняться для поступленія въ военную службу, должны платить за нихъ ясакъ до новой ревизіи, то Степныя Думы и инородныя Управы, примѣняясь къ 337 ст., IV т. рек. по VII предл., взыскиваютъ и съ нанимателя инородцевъ, въ обезпеченіе платежа ясака, по 50 руб. сер. за каждаго. Деньги сіи передаются улуснымъ старшинамъ, и сіи послѣдніе, вмѣсто того, чтобы употребить по назначенію, покупаютъ на нихъ вино и распиваютъ его вмѣстѣ съ родовичами. Когда же наступаютъ сроки взноса ясака и другихъ повинностей, то вся сумма оныхъ, слѣдующая съ уволеннаго въ рекруты, разлагается на наличныхъ работниковъ извѣстнаго улуса. Почему Окружный Начальникъ убѣдилъ минусинскихъ инородцевъ не отдавать деньги, на будущее время, улуснымъ старшинамъ, и составлять изъ нихъ особый капиталъ, на слѣдующемъ основаніи. 1) Вновь образуемый капиталъ изъ денегъ, поступающихъ за инородцевъ, увольняемыхъ въ рекруты, долженъ имѣть ту цѣль, чтобы въ послѣдствіи времени изъ процентовъ съ онаго платились подати за бѣдныхъ и неимущихъ, равно дѣлалось вспомоществованіе тѣмъ инородцамъ, которые желали бы улучшить свой бытъ, преимущественно заниматься хлѣбопашествомъ. 2) Въ продолженіи 15 лѣтъ, всѣ деньги, поступающія за увольняемыхъ въ рекруты инородцевъ, должны отсылаться въ Приказъ общественнаго призрѣнія, для приращенія процентами. На записку билетовъ Приказа, въ Думахъ и Инородныхъ Управахъ должны быть особыя книги, которыя должны ревизоваться по документамъ, на общемъ основаніи съ другими денежными и актовыми книгами. 3) По прошествіи 15 лѣтъ, когда на капиталъ должны

пароети значительные проценты, то годовую сумму оныхъ со всего капитала, отпускать каждогодно въ распоряженіе Думъ и Инородныхъ Управъ, при особыхъ книгахъ на записку прихода и расхода оныхъ, съ обязанностію ревизіи этихъ книгъ на общемъ основаніи. 4) Эту годовую сумму процентовъ Думы и Управы должны расходовать, какъ сказано выше, на платежъ податей за бѣдныхъ и неимущихъ, по приговорамъ обществъ, и на вспомоществованіе тѣмъ изъ инородцевъ, которые хотѣли бы преимущественно занятся земледѣліемъ. Въ первомъ случаѣ расходъ долженъ быть безвозвратнымъ, во второмъ-же съ возвратомъ. 5) Для побужденія инородцевъ къ распространенію земледѣлія, которое поведетъ ихъ къ осѣдлости, суммы выдаваемыя на усиленіе этой отрасли хозяйства, должны быть ссужаемы на сроки, не болѣе двухъ лѣтъ, но непремѣнно за поручительствомъ общества, и 6) дабы основной капиталъ не только не уменьшался, но еще увеличивался, для того чтобы Степныя Думы и Инородныя Управы, получая болѣе и болѣе процентовъ каждогодно, могли расширять кругъ своихъ дѣйствій — въ выполненіе сего, и послѣ 15 лѣтъ должны поступать всѣ суммы, вырученныя за уволенныхъ въ рекруты. — При чемъ князь Костровъ представилъ Г. Начальнику Губерніи 4 общественныхъ приговора Минусинскихъ инородцевъ о согласіи ихъ образовать подобный капиталъ, и присовокупилъ: во 1-хъ, что, судя по поступленію ихъ въ рекруты, капиталъ, который выручится за увольненіе ихъ въ теченіи 15 лѣтъ, долженъ быть довольно значителенъ, и во 2-хъ, что платежъ податей по раскладкѣ за уволенныхъ въ рекруты не можетъ быть отяготителенъ для общества, ибо, какъ объяснено выше, они и нынѣ нисколько не пользуются выручаемыми за это деньгами. — Губернскій Совѣтъ признаетъ, съ своей стороны, существующій въ Минусинскомъ Округѣ сборъ денегъ съ нанимателей въ рекруты инородцевъ, въ пользу обществъ сихъ послѣднихъ, согласнымъ съ цѣлію закона, и посему полагаетъ на предложеніе опаго испросить

разрѣшеніе у Господина Предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири". . .

Говоря о переходѣ кочевыхъ инородцевъ въ осѣдлые и крестьяне, нельзя не отмѣтить и случаевъ обратнаго явленія, т. е. перехода осѣдлыхъ инородцевъ въ общества кочевыхъ. Въ 1856 г. двое осѣдлыхъ инородцевъ изъ Томск. губ. перечислились въ Курчиковскую Управу Кызыльской Думы; въ 1873 г. еще четверо оттуда же перебрались съ семьями на жительство въ Малоозерскій улусъ. Въ пріемномъ приговорѣ малоозерцевъ (Курчик. Управы), составленномъ по этому поводу, говорится: „для надѣленія участкомъ земли, хлѣбопахатной и сѣнокосной, — у насъ въ обществѣ (они, земли) въ излишествѣ имѣются, въ случаѣ же смерти ихъ (вновь причисленныхъ) или несостоятельности, подати и повинности платить за нихъ до новой ревизіи обязываемся. . . ." Въ 1874 г. перечисляется еще три семьи Курчиковской Управы осѣдлыхъ инородцевъ изъ Томской губерніи; а въ 1877 г. еще одинъ, Курчиковецъ-же [1]). – Въ 1879 г. инородцы Шуйской Управы составили приговоръ, по которому принимаютъ въ свое общество „крестьянина изъ осѣдлыхъ инородцевъ", дер. Парнинской, Кочкина, въ числѣ 6 душъ, и обязуются „надѣлить участкомъ земли, каковой у насъ достаточно и, въ случаѣ его несостоятельности, платить за него всѣ подати и повинности . . . съ тѣмъ, чтобы онъ, Кочкинъ, ходатойствовалъ въ Кызыльск. степ. Думѣ для представленія . . . (сего приговора) куда слѣдуетъ о перечисленія его, Кочкина, въ общество нашей Управы. . . ."

Еще чаще возбуждались инородцами ходатайства о перечисленіи ихъ изъ одного кочеваго общества въ другое. Въ 1839 году инородцы Игинской и Басагарской 1 и 2 половинъ Управъ составляютъ общій приговоръ объ увольненіи изъ своихъ обществъ шести человѣкъ, принимая „въ

1) Курчиковцы особенно охотно перечислялись въ Кызыльскую управу потому, что они до 1825 года были приписаны къ ней и лишь въ этомъ году отошли къ Томской губерніи (ср. примѣч. на стр. 180).

соображеніе дальнее разстояніе ихъ жительства отъ вѣдѣнія сей Думы, которое простирается до 250 верстъ, чрезъ что всегда случаются затрудненія при истребованіи отъ нихъ въ наше общество податей и другихъ общественныхъ обязанностей, а равно и со стороны ихъ, таковое исполненіе есть отяостительное.“ „Уважая эти причины“, инородцы „за необходимость считаютъ“ уволить ихъ изъ своего общества „со всѣми податями, какія на нихъ наложены по нашему обществу“. — Въ 1855 году инородецъ Катышевъ былъ перечисленъ такимъ-же образомъ въ Іюсскую инородную Управу.

Однако далеко не всегда общества инородцевъ соглашались на перечисленія своихъ членовъ. Въ 1852 году, напр., инородцы Басагарской отдѣлен. Управы н е с о г л а ш а ю т с я н а у в о л ь н е н і ю въ Каченскую управу своего родовича К—ва, проживающаго уже тамъ, мотивируя свой отказъ „малочисленностью и несостоятельностью нашего (инородцевъ) общества, состящаго изъ 130 душъ ревизскихъ, и послѣ составленія сказокъ многіе померли, а другіе одержимы болѣзнью, старостью лѣтъ и малолѣтствомъ . . .“ „И чрезъ это — продолжаетъ приговоръ басагарцевъ, — дабы не обезсилить свое общество и не подать къ тому повода другимъ просить перечисленія, по смежности кочевья (ихъ) съ каченскими инородцами . . .“, басагарцы не находятъ возможнымъ уволить К—ва, „а паче въ такое общество, которое еще не совершенно освятилось крещеніемъ православной христіанской церкви.“ Послѣднему аргументу инородцы, повидимому, придавали особенно важное значеніе, такъ какъ онъ повторяется и въ отказахъ въ увольненіи другихъ инородческихъ управъ. Въ томъ же 1852 г. инородцы Курагачевы, Деменевы и Кугушевъ, „съ 2 братьями и 4 сыновьями“, просятъ свое, игинское, общество разрѣшить имъ перечислиться въ Каченскую управу и также получаютъ отказъ. И здѣсь мотивы тѣже — малочисленность общества, трудность относить подати и натуральныя повинности, несовершенная еще „освященность крещеніемъ православной христіанской вѣры“ каченцевъ и, наконецъ, въ отно-

шеніи къ Курагачевымъ и Деменевымъ, еще то, что они кочуютъ всего лишь въ 25—30 верстахъ отъ Кызыльской думы, а отъ Каченской — верстахъ въ 200. — Въ 1868 году 73 семьи, „по случаю разныхъ обстоятельствъ, препятствующихъ ихъ промысловымъ занятіямъ, отчего они дошли до крайней бѣдности и нищеты" — выразили желаніе переселиться „на мѣстность по р. Уссу. Кузнецкаго округа, Томской губерніи." Однако и на этотъ разъ и общее собраніе кызыльцевъ, и отдѣльныя управы отказались выдать увольнительные приговора. Общее собраніе инородцевъ нашло, что „никакихъ основательныхъ причинъ, вынуждающихъ ихъ (73 семьи) къ переселенію нѣтъ, ибо въ нашей мѣстности удобной земли какъ для хлѣбопашества, такъ и сѣнокошенія не только весьма достаточно, но даже находится многое въ излишествѣ; рыбные и звѣриные промыслы хорошіе . . . (и) живемъ (мы) безбѣдно и даже довольно достаточно, а лѣнтяи и тому под. бездомовые мотовщики, куда бы не поселились, никогда и нигдѣ не могутъ быть хорошими домоводцами, а будутъ только изыскивать средства къ воровству и мошенничеству; такъ и эти инородцы, просящіеся на неизвѣстную имъ мѣстность. Ибо изъ числа ихъ ни одинъ, и даже изъ дѣдовъ ихъ никто не видалъ этой мѣстности и, слѣдовательно порядочный человѣкъ никогда не рѣшится оставить свой родной край, домъ и родственниковъ и идти туда, гдѣ никогда не бывалъ, не видалъ и не знаетъ, а слѣдуя наущенію какихъ либо двухъ или трехъ негодяевъ желающихъ своими хитростями и уловками извлечь корысть, утруждаютъ начальство, подаютъ прошенія, а о чемъ — и сами положительно не знаютъ, и только что приводятъ себя въ раззореніе да увлекаются въ праздность, уклоняясь отъ работъ, подъ видомъ тѣмъ, что они переселяются въ другое мѣсто. На каковое увольненіе никто изъ инородцевъ, занимающихся хозяйствомъ, согласія своего не изъявляетъ; а есть-ли они и найдутъ подобныхъ же имъ какихъ либо праздношатающихся инородцевъ, изъявляющихъ согласіе, вѣроятно, изъ какого либо корыстолюбія, то остальные инородцы

и мы, родовые старосты, почитаемъ таковыя увольненія не заслуживающими вниманія."

Отдѣльныя управы мотивируютъ свой отказъ такъ: „эти инородцы, по лѣности и праздности, желаютъ избѣгнуть этимъ отъ платежа податей и повинностей, какъ имъ внушаютъ возмутители общества, что будтобы они, по переселеніи ихъ, избавятся всѣхъ податей и, кромѣ того, будутъ снабжены отъ казны достаточнымъ количествомъ скота; нѣкоторые, имѣющіе закоснѣлыя привычки къ кражамъ, о которыхъ надъ нѣкоторыми производятся формальныя дѣла, не получившія еще окончанія, желаютъ избавиться рѣшеній, которыми, быть можетъ, опредѣлены будутъ строгія мѣры наказанія; другіе же изъявляютъ желаніе на переселеніе и по той причинѣ, что будучи въ заборѣ подъ разныя работы, такъ что не въ силахъ уже исполнить ихъ, намѣрены этимъ переселеніемъ уклониться отъ исполненія работъ; однимъ словомъ изъ всѣхъ помянутыхъ инородцевъ нѣтъ ни одного, который бы имѣлъ уважительную причину на переселеніе. . . Многіе изъ тѣхъ инородцевъ, состоя въ одномъ семействѣ съ родителями или родственниками, желаютъ раздѣлиться съ ними, но не получаютъ согласія на это отъ послѣднихъ, (эти) вполнѣ увѣрены, что съ переселеніемъ получатъ право на раздѣлъ". — Другая управа говоритъ: „ . . . управа согласія не изъявляетъ, а если Дума имѣетъ право, безъ общества, дать имъ увольненіе, то, въ случаѣ взысканія какихъ либо недоимокъ, мы за нихъ не отвѣчаемъ". По мнѣнію и этой управы, мысль о переселеніи явилась, благодаря „злоумышленнымъ происканъ какихъ либо трехъ человѣкъ, кои, разъѣзжая по улусамъ, разносятъ слухи, что будто-бы имъ лично сказано Госп. Начальникомъ губерніи, что кто только запишется на Арбату, тотъ будетъ избавленъ всѣхъ податей и повинностей; а мѣстность эта такъ изобильна, что рыбу въ рѣкахъ не ловятъ, а черпаютъ ведрами, на уловъ же звѣрей едвали нужна ружейная стрѣльба. Лѣнивцы же, видя такую благодать, теперь продаютъ послѣднее свое рубище и убѣжище, и снабжаютъ своихъ

ходатаевъ деньгами, кои пользуясь безумствомъ ихъ, подпаивая виномъ, изыскиваютъ какихъ либо поселенцевъ и записываютъ имена инородцевъ, не спрашивая согласія на увольненіе даже его родителей, не только что родственниковъ, имѣющихъ здравый разсудокъ, (понимающихъ) что переселеніе это вовлекаетъ ихъ (выселяющихся) въ явную погибель, ибо не имѣя ни скота, ни имущества, и будучи преданъ лѣности, можетъ-ли уже онъ пропитать самъ себя, когда уже теперь, при всей удобности звѣриной и рыбной ловли, изобиліи земли — какъ сѣнокосной, такъ и пахатной — они не въ состояніи находятся заплатить за себя податей со всѣми повинностями не болѣе 5 рублей въ годъ и даже менѣе на душу".

Руководствуясь вышеприведеннымъ отказомъ Думы и Казен. Палата постановила оставить ходатайство 73 семей о разрѣшеніи имъ переселиться безъ вниманія. [1])

Глава пятая.

Одною изъ обязанностей Степныхъ Думъ — какъ указывалось при ихъ открытіи въ наставленіи губернатора Степанова (ср. стр. 46) — должна была быть „забота о распространеніи народной промышленности", а въ томъ числѣ, и даже главнымъ образомъ, конечно, земледѣлія.

Дѣятельность Кызыльской Думы въ этомъ направленіи до половины 60-хъ годовъ не заслужила однако одобренія губернскаго начальства.

Въ 1867 г. губернаторъ Замятнинъ, при обозрѣніи Ачин-

1) Въ 1877 г. Кызыльская Дума допосила „Барабельской Управѣ 2-й вол. Нарымск. окр." и въ Васованскую 1-й вол. управу, что въ тайгѣ, находящейся въ Ачинск. окр., въ вѣдомствѣ Кызыльск. Степн. Думы проживаютъ остяки Нарымскаго окр. Барабельской 2-й вол. упр. — Езармаковъ съ семьей и вдова Киликейкина съ дочерью —, которые занимаются звѣроловствомъ съ 1876 г., безъ письменныхъ видовъ".

скаго округа, объѣхалъ, между прочимъ и часть улусовъ Кызыльской Думы и „лично, на самыхъ мѣстахъ поселеній удостовѣрился въ нижеслѣдующемъ. Почти все инородческое населеніе сей Думы исповѣдуетъ православную вѣру, сдѣлалось уже осѣдлымъ, и три улуса слѣдуетъ обратить въ села, ибо въ нихъ построены уже церкви. Обитающіе инородцы по рѣкамъ Черному и Бѣлому Іюсу занимаютъ весьма плодородныя земли и владѣютъ большимъ количествомъ заливаемыхъ луговъ, отъ каковыхъ вообще богатыхъ земельныхъ угодій, слѣдовало бы ожидать обильныхъ посѣвовъ, отъ трудовъ инородцевъ и, наконецъ, достаточнаго урожая хлѣба, хотя бы на прокормленіе собственныхъ 5631 душъ мужескаго и женскаго пола, обитающихъ въ Кызыльской Степной Думѣ, чего, какъ бы слѣдовало ожидать, — при обозрѣніи, Начальникомъ Губерніи, къ величайшему сожалѣнію, не найдено. Ибо бо́льшая часть обитателей изъ инородцевъ Кызыльской Степной Думы, хотя уже и оставили кочевую жизнь и сдѣлались осѣдлыми, но весьма немногіе изъ нихъ начали заниматься хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, — что и есть одна изъ главныхъ причинъ ихъ многихъ недостатковъ въ сельскомъ быту; ибо, пользуясь доброкачественною полевою землею и заливными лугами, всѣ инородцы имѣютъ всѣ возможности содержать — и дѣйствительно содержатъ — въ достаточномъ количествѣ коней и рогатаго скота, но, не занимаясь хлѣбопашествомъ, терпятъ вѣчный недостатокъ въ хлѣбѣ. Обращая ближайшее вниманіе на сіе весьма важное обстоятельство въ экономическомъ бытѣ для инородцевъ, и озабочиваясь о томъ, чтобы все народонаселеніе Кызыльской Степной Думы приступило къ занятію хлѣбопашествомъ и посадкѣ картофеля, Начальникъ губерніи пришелъ къ тому убѣжденію, что таковой застой въ улучшеніи быта инородцевъ происходитъ, единственно, отъ того, что родоначальникъ Кызыльской Степной Думы, — Григорій Федоровъ Ульчегачевъ, будучи въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, оказывается во многихъ случаяхъ уже не въ силахъ исполнять своей прямой служебной

обязанности, отъ чего часто происходятъ съ его стороны упущенія и недосмотръ по дѣламъ общественнымъ; и онъ, родоначальникъ, Ульчегачевъ, будучи съ 1824 года и до настоящаго времени въ сей должности, не обращалъ по вѣдомству никакого вниманія и нисколько, какъ бы слѣдовало, не старался убѣждать и уговаривать своихъ инородцевъ, какъ къ занятію хлѣбопашествомъ, такъ равно и на заведеніе, хотя бы при Думѣ, сельской школы. А потому Начальникъ Губерній, находя дальнѣйшее оставленіе Ульчегачева родоначальникомъ Кызыльской Степной Думы, по его совершеннно преклоннымъ лѣтамъ, вполнѣ для инородцевъ безполезнымъ и во многихъ отношеніяхъ не удобнымъ, предлагаетъ Кызыльской Степной Думѣ приступить къ избранію другаго родоначальника и, составивъ о семъ общественный приговоръ, — войти безотлагательно съ представленіемъ. А дабы дать возможность инородцамъ Кызыльской Думы къ обсѣмененію своихъ полей, начавъ съ весны будущаго, 1868 года, то о семъ Енисейскій Губернаторъ незамедлитъ войти съ представленіемъ къ Господину Генералъ Губернатору Восточной Сибири, дабы всѣмъ, желающимъ пріобрѣсти къ посѣву, были бы выданы взаимообразно сѣмена изъ запасныхъ магазиновъ Ужурской волости".

Это предписаніе губернатора „о распространеніи между нами (инородцами) хорошаго хлѣбопашества и разсадкѣ картофеля" было прослушано общимъ собраніемъ инородцевъ и — говорится въ составленномъ по этому поводу общественномъ приговорѣ — „видя начальническое о насъ попеченіе, мы съ радушьемъ приступаемъ къ сему благому дѣлу, только бы была намъ дана возможность. . . ."

Приведенный нами неблагопріятный отзывъ Енисейскаго губернатора объ успѣхахъ земледѣлія среди кызыльцевъ интересенъ еще въ томъ отношеніи, что какъ разъ передъ этимъ — въ періодъ съ конца 30-хъ по 50 года — со стороны администраціи принимались особенно энергичныя

мѣры для усиленія повсюду — въ томъ числѣ и у инородцевъ — занятія хлѣбопашествомъ.

Такъ извѣстно, что въ теченіи 1840—1842 годовъ, подъ вліяніемъ только что пережитаго неурожая (1839 и 1840 г.), правительство усиленно и настойчиво побуждало сельское населеніе къ разведенію картофеля. Цѣлый рядъ Высочайшихъ повеленій, министерскихъ и губернаторскихъ циркуляровъ разносилъ во всѣ концы страны соотвѣтствующія распоряженія. Достаточно извѣстенъ и тотъ пріемъ, которымъ были встрѣчены въ разныхъ мѣстахъ эти заботы правительства, и послѣдовавшее за то возмездіе. . . Въ Сибири и до сей поры можно еще встрѣтить пермяковъ-очевидцевъ „картофельнаго бунта“ или даже пострадавшихъ во время его, съ ужасомъ вспоминающихъ о жестокихъ карахъ, выпавшихъ въ тѣ жестокія времена на долю ихъ самихъ или ихъ земляковъ. . .

Отзвуки этой всероссійской картофельной эпопеи мы встрѣчаемъ и здѣсь, среди инородцевъ.

Въ началѣ 1841 года Кызыльское и Мелецкое инородческія вѣдомства получили Высоч. повеленіе (отъ 8 Авг. 1840 г.) [1]) съ соотвѣтствующими разъясненіями и распоряженіями губернскаго и окружнаго начальства.

Высочайшее повеленіе предписывало:

1) Приступить къ разведенію картофеля во всѣхъ селеніяхъ, имѣющихъ общественныя запашки.

2) Гдѣ нѣтъ общественныхъ запашекъ, садить картофель при волостныхъ правленіяхъ.

3) Въ поощреніе къ разведенію картофеля — министерству государственныхъ имуществъ предоставлено раздавать денежныя и другія награды.

4) Напечатать и разослать въ волости и общества краткія, но ясныя руководства къ воздѣлыванію, храненію и употребленію картофеля.

---

1) При немъ „Краткое наставленіе о посѣвѣ, уборкѣ, храненіи и употребленіи картофеля, составленное по Высоч. повеленію въ 3-мъ Департаментѣ Госуд. Имуществъ. СПБ. 1841 г.

5) Предписать управляющимъ палатами доставить въ Министерство свѣдѣнія и соображенія: а) какая, по мнѣнію ихъ, часть въ каждомъ крестьянскомъ полѣ можетъ быть, безъ неудобства, отдѣлена на всегда подъ разведеніе картофеля, соображаясь въ семъ съ качествомъ почвы, состояніемъ климата, способами сбыта картофеля и другими мѣстными обстоятельствами, и какія представляются средства для пріобрѣтенія картофеля для первой посадки на поляхъ крестьянскихъ; б) можно ли достать свѣдующихъ людей и какъ ихъ вознаградить.

На основаніи этого Высоч. повеленіи Министерствомъ Госуд. Имуществъ тутъ же предлагается начать „немедленную посадку картофеля“, „немедленное доставленіе свѣдѣній“ и объявить, что за разведеніе картофеля, гдѣ его еще не было — будетъ выдано отъ 10 до 100 рублей ассигн. награды, смотря по величинѣ посадки; за многолѣтнее разведеніе его — другія почетныя награды.

Въ свою очередь Ачинскій исправникъ, сообщая вышеприведенное Высочайшее повеленіе и распоряженіе Министерства, предписываетъ обоимъ вѣдомствамъ озаботиться посѣвомъ картофеля. На это со стороны Кызыльской Думы дается слѣдующій отвѣтъ:

„1) Приступить къ разведенію картофеля въ каждомъ улусѣ Кызыльскихъ инородцевъ такъ, чтобы выходило хотя по 1/8 четверти на душу, есть уже видимое неудобство, потому что здѣшніе ясашные ведутъ образъ жизни кочевой, безъ ограниченія и постоянности мѣста, не имѣютъ склонности къ занятію домашнимъ огороднымъ земледѣліемъ, и даже бо́льшая изъ нихъ часть совершенно онымъ не занимается; поощреніе же и убѣжденіе къ этому или настояніе для нихъ, по дикости ихъ нравовъ и обычаевъ, покажутся имъ трудными. А посему запахать при улусахъ поля для посѣва картофеля и пріобрѣтать оный для того покупкою совсѣмъ нельзя.

„2) Степь Кызыльская не имѣетъ никакихъ полей, отдѣльными частями какому-либо роду или улусу особенно принадлежащихъ, но состоитъ въ общемъ пользованіи и, по случаю

каменистой почвы и суровости климата, едва-ли удобна къ разведенію картофеля; поэтому пріобрѣтеніе его займомъ или покупкою между здѣшними ясашными очень затруднительно, потому что они его не имѣютъ.

„3) Найти между инородцами свѣдующихъ людей для указанія способовъ посѣва, воздѣлыванія, употребленія и храненія картофеля совершенно невозможно, ибо, ежели они и занимаются хлѣбопашествомъ, то на сіе не имѣютъ особаго вниманія и попеченія къ выбору или удобренію земли, отъ того что недостаетъ имъ на сей разъ понятія и потому что не стараются о пріобрѣтеніи избытка, а только такъ, чтобы достовало своему семейству на годовое продовольствіе.

„Впрочемъ, дабы дать ясашнымъ понятіе о Высочайше Императорскомъ попеченіи въ продовольствіи народа и о наградѣ, назначаемой за разведеніе картофеля — раздать нынѣ же всѣмъ князцамъ подвѣдомственныхъ инородныхъ управъ, копіи съ предписанія г. Исправника и приложенныхъ при семъ списковъ, дабы они внушали всѣмъ здѣшнимъ инородцамъ всю важность настоящаго предмета. Между тѣмъ, въ видѣ опыта, заняться пріобрѣтеніемъ у русскихъ сосѣдственныхъ волостей крестьянъ — займомъ или покупкой — картофеля для посѣва на десятину земли, которую, съ открытіемъ весны, распахать при мѣстопребываніи Думы, въ улусѣ Божьеозерскомъ, и объ успѣхѣ его разведенія своевременно доносить г. Исправнику . . .“

Менѣе обстоятеленъ, но, по существу своему, однороденъ отвѣтъ, полученный исправникомъ отъ мелецкихъ инородцевъ. „Десятину картофеля нынѣшней весною засѣять недосужно, потому, во первыхъ, что небольшое ихъ, инородцевъ, есть общество, съ котораго невозможно собрать для засѣва онаго сѣмянъ; во вторыхъ предстоитъ къ оному неудобность мѣстоположенія ихъ, — какъ то: въ весеннее время разлитіе воды, по низменности мѣстоположенія, всегда бываетъ большое, и вода съ луговъ и топей совершенно не сходитъ до іюня мѣсяца, а съ начала сентября уже бываютъ сильные морозы и почва земли не можетъ онаго (картофеля) родить . . .“

Входя въ положеніе инородцевъ, Ачинскій исправникъ доноситъ губернской власти, что, „въ виду обезпеченности населенія картофелемъ“, онъ считалъ бы возможнымъ освободить инородцевъ отъ обязательнаго заведенія общественныхъ посѣвовъ картофеля, — въ отвѣтъ на что получаетъ указаніе, что дѣло идетъ о выполненіи Высочайшей воли. . .

И вотъ, отвѣчая на вышеприведенное донесеніе Кызыльской думы, исправникъ „даетъ знать, что изложенныхъ въ ономъ причинъ, относящихся къ неудобному разведенію и храненію картофеля, онъ не можетъ принять во вниманіе, а тѣмъ паче отмѣнить по этому предмету распоряженія, сдѣланнаго высшимъ начальствомъ, но подтверждаетъ Степной Думѣ, чтобы Высочайшая воля Государя Императора, относительно разведенія картофеля, была приведена въ надлежащее исполненіе безусловно, на первый разъ посѣвомъ картофеля при Думѣ, непремѣнно на десятину, и чтобы тѣ изъ инородцевъ, которые занимаются хлѣбопашествомъ, заводили посѣвы картофеля. . .“

На это Кызыльская дума 26 мая 1841 года извѣщаетъ, что она 4 апрѣля „дала всѣмъ подвѣдомственнымъ ей 10 инородныхъ управъ князцамъ приказы . . . внушить всѣмъ здѣшнимъ инородцамъ о Высочайшемъ Е. И. В. Всемилостивѣйшемъ попеченіи о продовольствіи и о благосостояніи народа, и чтобы они, князцы по неимѣнію у ясашныхъ картофеля, непремѣнно озаботились пріобрѣтеніемъ онаго у русскихъ сосѣдственныхъ волостей, займомъ или покупкою, для посѣва на десятину земли“ при Божьеозерскомъ улусѣ и чтобы князцы доставили: 1) Кызыльскій — картофеля 4 пуда и двухъ пахарей „съ сохами и другими земледѣльческими инструментами“. 2) Игинскій — картофеля 5 пудовъ, пахарей трехъ; 3) Б.-Ачинскій — картофеля 6 п., пахарей трехъ; 4) М.-Ачинскій — картофеля 2 п., пахаря одного; 5) Басагарскій отдѣльный — картофеля 1 пудъ; 6) Камларскій — картофеля 4 п., пахарей два; 7) М.-Аргунскій — картофеля 1 пудъ, пахаря одного; 8) Курчиковскій — картофеля 2 п., пахаря

одного; 9) Шуйскій — картофеля 5 пуд., пахарей 5 и 10) Басагарскій 1-й и 2-й половины — картофеля 2 пуда, пахарей 2.

Къ назначенному сроку, 10-му мая, никто однако изъ князцевъ и ихъ пахарей въ Думу не явился, и картофель доставленъ не былъ; вслѣдствіе чего, родоначальникъ самъ отправился по князцамъ и узналъ отъ нихъ, что они нигдѣ картофеля ни покупкой, ни заимообразно, достать не могли, ибо у крестьянъ картофель уже у всѣхъ „въ расходѣ и оставленъ только для своего посѣва или садки. Изъ ясачныхъ, по случаю наступленія кочевки и малаго числа земледѣльцевъ, избрать и выслать пахарей было невозможно, и по отзывамъ большей части, что они не имѣютъ привычки къ употребленію огородныхъ растеній, въ числѣ коихъ почитаютъ и картофель, не желаютъ и заниматься онымъ. Для того родоначальникъ обратился къ ясачнымъ земледѣльцамъ, имѣющимъ постоянную осѣдлость и занимающимся хозяйствомъ, подобно сельскимъ обывателямъ, съ убѣжденіемъ и подтвержденіемъ, чтобы они усугубили у себя посѣвъ или садку картофеля, и у нихъ, при собраніи свѣдѣній о разсаженныхъ огородныхъ овощахъ найденъ успѣхъ — противу предшествовавшаго года, почти тремя долями болѣе посажено“; сѣмена пріобрѣтали у крестьянъ Томскаго округа, Кійской волости, „съ немалымъ затрудненіемъ, въ разсужденіи ихъ дальняго разстоянія, весенней распутицы и оканчивающагося времени къ садкѣ огородовъ. . . .“

Вслѣдъ за этимъ донесеніемъ Думы, отъ исправника получается вторичное предписаніе о томъ же. Въ отвѣтъ на него, Дума извѣщаетъ, что она „дала приказы князцамъ, дабы они объявили всѣмъ ясачнымъ содержаніе его (предписанія) и внушили имъ, что на разведеніе картофеля есть Высокомонаршая воля, — однако и это для ясачныхъ не могло быть убѣжденіемъ къ занятію посѣвомъ и разведеніемъ картофеля, главнѣе и потому, что они теперь всѣ уже скочевали съ

зимнихъ улусовъ по разнымъ рѣчкамъ, озерамъ и ключамъ, даже въ отдаленныхъ таежныхъ лѣсахъ. . .“

На еще новое предписаніе исправника, Кызыльская Дума отвѣчаетъ, что „еще были членами Думы принимаемы мѣры къ убѣжденію ясачныхъ къ непремѣнному выполненію воли попечительнаго начальства о продовольствіи народа, но инородцы рѣшительно отзываются, что они не только что не умѣютъ и не знаютъ средствъ къ разведенію картофеля, но даже, по непривычкѣ своей къ употребленію въ пищу огородныхъ овощей, а также и по кочевой своей жизни, и заниматься оными возможности не имѣютъ и надобности не предвидятъ.“

Наряду съ распоряженіями и предписаніями, исправникъ разсылаетъ инородческимъ вѣдомствамъ, — для руководства, какъ слѣдуетъ приступать ко введенію общественной посадки картофеля — рапорты къ нему, уже учредившихъ ее при своихъ волостныхъ правленіяхъ, Ужурской и Балахтинской волостей.

Съ Мелецкой управой исправнику приходится вести не менѣе оживленную переписку, чѣмъ съ Кызыльской. „Строго подтверждаю Мелецкой управѣ — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ предписаній — требуемыя предписаніемъ моимъ отъ 24 марта за № 457, свѣдѣнія о средствахъ, принятыхъ оною къ распространенію и употребленію картофеля, о способахъ выгоднѣйшаго посѣва его и о мѣрахъ къ усиленію онаго доносить ко мнѣ тотчасъ же по полученіи сего, для доставленія отъ меня г. Управляющему Енисейской губерніей; въ случаѣ-же, и за симъ я не получу выше упомянутыхъ свѣдѣній, то за полученіемъ оныхъ пошлю нарочнаго казака на счетъ членовъ Мелецкой управы и ея письмоводителя. И сверхъ того, о неисполнительности оной управы начальническихъ предписаній донесу Его Высокородію, для оштрафованія членовъ оной-же управы“.

Въ концѣ концовъ, однако здѣсь исправнику удалось добиться болѣе осязательныхъ результатовъ, чѣмъ у кызыльцевъ,

что, вѣроятно, объясняется большею обрусѣлостью, большею осѣдлостью части мелецкихъ инородцевъ и большимъ развитіемъ у нихъ земледѣлія. Согласно приговору мелецкихъ инородцевъ, при Назаровскомъ улусѣ была засажена картофелемъ одна десятина, причемъ наблюденіе за нею было поручено семи человѣкамъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ общественныхъ повинностей, „какъ то: иодворной гоньбы и общественныхъ на службу выборовъ“. . .

Въ октябрѣ 1841 г. въ Степной Думѣ и Мелецкой управѣ получается извѣщеніе о новомъ Высочайшемъ повеленіи, послѣдовавшемъ 25 авг. того-же года, которымъ виновныхъ въ ослушаніи, относительно посѣва картофеля, предписывается — „годныхъ отдать въ солдаты, а неспособныхъ отправить на опредѣленное время въ крѣпостную работу въ Бобруйскъ“. Препровождая копію съ этого Высоч. повеленія, Ачинскій исправникъ предписываетъ объявить его инородцамъ „и подтвердить имъ, чтобы никто изъ нихъ не уклонялся отъ посѣва картофеля, въ противномъ случаѣ съ каждымъ виновнымъ въ ослушаніи будетъ поступлено, согласно Высоч. повеленію, изъясненному въ оному предписаніи“. Степная Дума, съ своей стороны, дѣлаетъ таковое же распоряженіе подвѣдомственнымъ ей князцамъ отдѣльныхъ управъ — объ извѣщеніи инородцевъ этихъ управъ о Высочайше послѣдовавшемъ повеленіи, прибавляя каждому изъ князцовъ, „а между тѣмъ ты обязываешься распорядиться, чтобы ясачные ввѣренной тебѣ управы непремѣнно съ открытіемъ весны занялись засѣвомъ сколько нибудь картофеля и если понадобится оный кому-либо, по неимѣнію своего, на сѣмена къ посадкѣ, то таковыя заняли-бы потребное число у сосѣдственныхъ крестьянъ, а если нѣтъ у нихъ, то сколько для твоей управы нужно будетъ для посадки картофеля сѣмянъ, донеси благовременно Думѣ, а сія послѣдняя имѣетъ предписаніе г. Исправника взять потребное количество картофеля изъ Ужурскаго запаснаго магазина...“

Общественнымъ приговоромъ въ маѣ слѣдующаго года, „рѣшительно всѣ“ кызыльцы, отказываются вновь отъ разве-

денія картофеля: „(такъ) какъ мы имѣемъ жизнь кочевую... и къ оному (разведенію картофеля) не способны и не знаемъ средствъ . . . (и) даже, по непривычкѣ своей жизни, заниматься онымъ возможности не имѣемъ". Но „нѣкоторые ясачные", сѣющіе хлѣбъ, „по возможности и по силамъ своимъ, намѣрены при своихъ пашняхъ или огородахъ насадить картофеля, но сѣмянъ достать весьма затруднительно, а хотя и было предписано, чтобъ получать изъ Ужурскаго подвала, но тамъ вообще все замороженныя. Нѣкоторые ясачные достаютъ изъ Томскаго округа за деньги. И просимъ Кызыльскую Степную Думу приговоръ сей представить высшему начальство на благоразсмотрѣніе и отъ разведенія посѣва картофеля, по непривычкѣ нашей, насъ ясачныхъ инородцевъ освободить"...

Въ томъ же 1842 году губернаторомъ былъ разосланъ циркуляръ Министра Государств. Имуществъ, гр. Киселева, о мѣрахъ поощренія къ разведенію картофеля. На основаніи этого циркуляра и запроса губернской власти, Ачинскій исправникъ требуетъ отъ инородческихъ вѣдомствъ свѣдѣнія о лицахъ, разводящихъ картофель. Изъ отвѣтнаго донесенія Кызыльской Думы видно, что въ вѣдомствѣ ея въ 1841 г. было засѣяно 108 четвертей и 2 четверика картофеля, а собрано — 433 четверти (урожай самъ 4); въ 1842 г. было засѣяно 57 четверт. и 3 четвр. — на поляхъ, 52 четв. и 5 чтврк. въ огородахъ, уродилось же на поляхъ 286 чтв. 7 чтврк., въ огородахъ — 263 чтв. и 1 чтвк. (урожай самъ 5). Въ своемъ объясненіи къ вышеприведеннымъ свѣдѣніямъ, Дума снова жалуется, что „хотя членами Думы и предпринимаемы были мѣры къ убѣжденію ясачныхъ къ непремѣнному выполненію (?) попечительнаго начальства о продовольствіи народа, но инородцы рѣшительно отозвались незнаніемъ средствъ къ разведенію картофеля".

Впрочемъ, не только въ инородческихъ вѣдомствахъ Ачинскаго округа, но и на пространствѣ всей Енисейской губерніи заботы начальства объ увеличеніи культуры картофеля были приняты населеніемъ довольно равнодушно. Въ

1843 году Енисейскій губернаторъ говоритъ, что „по разсмотрѣніи доставленныхъ къ нему . . . . отчетовъ окружными начальниками и земскими исправниками, не оказалось въ виду такихъ лицъ, кои бы, по степени разведенія картофеля, заслуживали назначенныя за то награды, потому что посѣвъ картофеля производится жителями всѣхъ округовъ здѣшней губерніи собственно для своего употребленія и поддержанія запасовъ своихъ“. . . Впрочемъ, присовокупляетъ губернаторъ, уже послѣ доставленія имъ въ Департаментъ отчета, получился таковой же отъ Минусинскаго исправника за тамошній округъ; въ немъ исправникъ доноситъ, между прочимъ, что исправлявшій должность волостного головы Тесинской волости „крестьянинъ Якимъ Мельниковъ, понявъ вполнѣ благое намѣреніе Правительства о распространеніи для общественной пользы сѣмянъ картофеля, не только самъ значительно занялся этимъ, но примѣромъ своимъ старался внушить обществениикамъ усилить производство онаго, почему земскій исправникъ ходатайствовалъ о награжденіи крестьянина Мельникова за усердіе, въ отношеніи картофеля, положенною для этого предмета преміею. . .“

Общественныхъ запашекъ картофеля, — какъ видно по свѣдѣніямъ, доставленнымъ губернской власти — „по здѣшней губерніи не имѣется“. Посажено картофеля было въ 1842 г. по всей губерніи 11.164 четверти, „изъ коихъ въ сложности и причитается на ревизскую душу, платящихъ подати, по 1 четверику $2^1/_2$ гарица съ долями, а изъ одного посѣяннаго на поляхъ причитается по $^1/_2$ четверика и 1 гарицу съ долями; слѣдственно картофель по здѣшней губерніи еще въ маломъ развитіи. А потому учинить слѣдующее:

„Первое . . . пять похвальныхъ листовъ и 95 руб. денегъ для раздачи въ награду — хранить въ Красноярскомъ окружномъ Казначействѣ;

„второе, Вамъ, Ачинскому земскому исправнику, предписать немедленно объявить поселянамъ, чтобы они, согласно цѣли правительства, усилили разведеніе картофеля, независимо

огородовъ, на общественныхъ запашкахъ, гдѣ онѣ нынѣ есть, и своихъ поляхъ, и не пожелаетъ-ли кто, для сбыта картофеля, устроить заводы, внушивъ имъ, что отличившіеся въ семъ разведеніи и устройствѣ не останутся безъ награды..."

Вѣроятно, въ связи съ Высоч. повеленіемъ отъ 8 авг. 1840 года находится и возбужденіе вновь въ 1841 году генералъ-губернаторомъ Восточн. Сибири вопроса о заведеніи общественныхъ запашекъ [1]). Инородческія Вѣдомства Ачинскаго округа получаютъ слѣдующее предписаніе исправника: „... Въ каждомъ селеніи приготовить землю заложную для посѣва озими, на первый случай по одному загону на каждую годную душу, стараясь, чтобы земля сія была приготовлена въ одномъ мѣстѣ. За правильнымъ и хорошимъ приготовленіемъ земли обязанъ имѣть попеченіе князецъ каждой управы... Сія общественная запашка, правительствомъ назначенная, есть самая благовидная, собственно для крестьянъ и инородцевъ; она

„1) Уничтожаетъ бѣдствія, при неурожаяхъ встрѣчающіяся.

„2) Удерживаетъ цѣны на хлѣбъ въ равновѣсіи, напр.:

„а) ежели при большихъ урожаяхъ хлѣбъ упадаетъ на низшія цѣны, то магазинъ общественной запашки будетъ принимать хлѣбъ въ число подати и другого денежнаго сбора высшими цѣнами.

„б) При неурожаѣ будетъ выдавать хлѣбъ низшими цѣнами.

„Посему всѣ умные крестьяне и инородцы могутъ видѣть свою выгоду и обезпеченіе . . ."

На это предписаніе мелецкіе инородцы отвѣчаютъ, что только одна половина ихъ инородческихъ обществъ занимается, и то мало, хлѣбопашествомъ; „хотя они и стараются годъ отъ году оное умножить, но по неудобности мѣсторасположенія

1) Въ казенныхъ селеніяхъ Минусинскаго, Ачинскаго и Канскаго округовъ, Енис. губ., общественныя запашки были заведены еще въ 1838 году также по распоряженію Генералъ-Губернатора (Руперта); а въ нѣкоторыхъ казенныхъ селеніяхъ онѣ существовали еще раньше (напр. въ Сагайскомъ, Минус. окр.). Ср. „Матерьялы по изслѣдованію землепольз. . . . и пр.", т. IV, вып. 5, стр. 98.

ихъ жительства, какъто: по низкости мѣста расположенія, отъ весенняго разлива воды, засѣянный озимовый хлѣбъ быстротою воды до чисту выносить, а въ другихъ мѣстахъ, по долговременному нестеченію оной, вымокаетъ; хотя нѣкоторые инородцы имѣютъ хлѣбопашество, но и то каждый не въ одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ избираетъ возвышенныя мѣста, распахиваютъ небольшими полями, а посему въ каждомъ селеніи приготовить заложной для посѣва озимоваго хлѣба по одному залогу на каждую годную душу и въ одномъ мѣстѣ, никакъ невозможно . . .“

Также и кызыльцы, ссылаясь на свой кочевой образъ жизни, на „очень малое“ число занимающихся земледѣліемъ, просятъ „отъ запашки, отъ посѣва озимой хлѣба насъ ясачныхъ инородцевъ освободить.“ [1])

Въ извѣстномъ отношеніи аналогичномъ „картофельному дѣлу“ — и по мѣрамъ „пріученія“, и по результатамъ его — была другая попытка администраціи, относящаяся во второй половинѣ 30-хъ и первой 40-хъ годовъ: улучшить мѣстное овцеводство.

---

1) Не лучше шло дѣло насильственнаго пріученія къ разведенію картофеля и у другихъ инородцевъ, — напр. у бурятъ. „Пріохочиваніе бурятъ къ сѣянію картофеля, съ первыхъ же шаговъ, проходя чрезъ регистратуру разныхъ канцелярій повелось такъ неумѣло, что они возненавидѣли не только самое занятіе, но и тѣхъ, кто сѣялъ карофель. И потомъ уже ни почетные кафтаны, ни обильно раздаваемыя „за усердіе“ медали не принесли пользы“

„Та-же исторія повторилась и въ киргизской степи, когда чрезъ по*средство полиціи хотѣли заставить этихъ кочевниковъ сѣять хлѣбъ*“.

„Коренная ошибка въ осуществленіи на дѣлѣ картофельнаго вопроса состояла въ томъ, что прожектеры брезгливо отнеслись къ духу народа, не приняли въ разсчетъ условій его кочеваго быта и слишкомъ попадѣялись на точное исполненіе своихъ предписаній. Суть въ томъ, что, желая привить ту или иную мѣру нужно, хорошо быть знакомымъ съ бытомъ, обычаями и условіями жизни тѣхъ, для кого вырабатываются и предназначаются эти мѣры“. (Дуброва, Я., Задачи сибирской этнографіи. „Сибирь“ 1885 г, № 12).

Отзвуки картофельнаго бунта были и среди русскаго населенія. Ср. крестьянскія волненія въ Курагинск. и Ялуторовскомъ округахъ въ 1843 г. „Сибирск. Вѣсти.“ 1888 г., № 44. Сибирская старина.

Общимъ между тѣмъ и другимъ проявленіемъ заботливости о населеніи, со стороны тогдашняго „попечительнаго начальства“, было еще и то, что оба эти акта заботливости взросли на чужой, нѣмецкой почвѣ, и лишь благополучно миновавши цѣлыя амфилады канцелярій, „циркулярнымъ“ способомъ передвиженія, достигли наконецъ россійской глуши.

За 100 лѣтъ до русскаго „картофельнаго бунта“, въ Германіи имѣла мѣсто „картофельная война“ (Kartoffelkrieg), которую велъ съ населеніемъ Фридрихъ В. Ближайшимъ поводомъ къ ней послужилъ голодный 1745 годъ. Для пріученія населенія къ культурѣ картофеля, крестьяне для посѣва, обработки и уборки его сгонялись на поля военною силою. Рабочіе въ королевскихъ имѣніяхъ съ жандармами доставлялись во время обѣда къ блюдамъ дымящагося картофеля. „Фридрихъ В., говоритъ по этому поводу историкъ нѣмецкаго сельскаго хозяйства, не былъ человѣкомъ полумѣръ, и въ концѣ концовъ, послѣ четвертьвѣковой „картофельной войны“, — добился своего“ [1]).

Мысль объ улучшеніи овцеводства явилась также изъ Германіи. . . Въ мартѣ 1827 г. министерствомъ внутр. дѣлъ разсылался печатный экземпляръ „плана для овцеводовъ“. Планъ этотъ былъ полученъ и въ обоихъ инородческихъ вѣдомствахъ ачинскаго округа. „Чрезъ генеральнаго нашего консула въ Саксоніи — читаемъ въ этомъ планѣ, — сообщенъ Минист-ву финансовъ планъ образованія въ самой Саксоніи Общества, коего цѣль есть — во первыхъ облегченіе россійскимъ помѣщикамъ способовъ къ закупкѣ въ таможнемъ

1) На самомъ дѣлѣ, добился того не Фридрихъ В. Посѣвъ картофеля въ Саксоніи распространился задолго до этого, а именно подъ вліяніемъ неурожайнаго 1719 года. Въ 1750 г. картофеля разводилось здѣсь уже болѣе, чѣмъ гороха, чечевицы и всѣхъ корнеплодовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Неурожайные же и дорогіе 1770 и 1771 г. еще болѣе упрочили культуру картофеля. Въ теченіи ихъ умерло отъ голоду въ Саксоніи до 180,000 человѣкъ, въ Богеміи — 100,000. . . . Никакія краснорѣчивыя поученія, никакіе строгіе приказы, никакія жестокія полицейскія мѣры не могли столь быстро и окончательно убѣдить населеніе въ достоинствахъ картофеля, какъ питательнаго матерьяла — какъ это сдѣлалъ голодъ. . .

краѣ племенныхъ овецъ и барановъ чистѣйшей электоральной породы, и, во вторыхъ, учрежденіе школы для образованія искусныхъ овчарей изъ россійскихъ иодданныхъ. Предпріятіе сіе, выполненіе коего принялъ на себя извѣстный графъ Мергенсенъ, владѣлецъ славнаго чеплинскаго овчарнаго завода, нынѣ возымѣло свое начало. . .“

Въ 1831 г. иркутскимъ губернаторомъ было уже выписано „для опыта“ 12 мериносовыхъ овецъ. Вмѣсто 12, въ надеждѣ на распродажу и остальныхъ, принявшій заказъ Гарвей, пригналъ въ Иркутскъ цѣлое стадо въ 306 головъ [1]), состоящее изъ чистокровныхъ инфантадо и электораль. Покупателей однако не нашлось и, чтобы выручить Гарвея, образовалась акціонерная компанія „по улучшенію въ Восточн. Сибири овцеводства“, въ которой званіе директора принялъ на себя самъ губернаторъ. Часть овецъ (55 овецъ и 15 барановъ) была отдѣлена и переправлена въ Минус. окр., Енис. губ., гдѣ прикуплена къ нимъ партія мѣстныхъ для опыта скрещиванія. Въ 1834 г. въ минусинскомъ стадѣ было уже 158 мериносовъ и 557 улучшенныхъ мѣстныхъ. Не смотря на то, что въ общемъ опытъ — насколько можно судить по извѣстіямъ отъ того времени [2]) — должно признать удавшимся — рядъ неурожайныхъ травами лѣтъ заставилъ вскорѣ (1839 г.) перевести минусинское стадо

1) Кромѣ того за дорогу погибло 174 головы. Подробнѣе см. мою замѣтку въ газетѣ „Сибирь“ 1887 г., № 13, а также: Arsseni Jarilow, Ein Beitrag zur Landwirthschaft in Sibirien. Leipzig 1896, S. 314—318.

2) Ср. напр. Бѣляевъ, Воспоминанія декабриста, С.-Петербургъ 1882 г., стр. 295. Также у Щукина: „Народы Турск. языка“, стр. 279. „Въ послѣднее время компаніею, состоящею изъ однихъ русскихъ, разведены здѣсь (въ Минус. окр.) мериносы. Степи здѣшнія благопріятствуютъ этой породѣ, такъ что метисъ въ третьемъ колѣнѣ становится настоящимъ мерносомъ. Къ несчастію, г. г. учредители компаніи не подумали, куда приведется сбывать шерсть. Отправлять ее въ Москву; но чего стоитъ провозъ? Содержаніе овецъ, между тѣмъ, требовало денегъ, а выручки не было; и кампанія разрушилось. Мериносы были распроданы и теперь улучшаютъ шерсть на овцахъ татарскихъ; на бѣду шкуры мериносовъ не годятся на шубы: тонкая шерсть сваливается сама собою въ войлокъ. Можетъ быть улучшатся отъ того татарскіе войлоки, но зато уменьшится ростъ здѣшнихъ овецъ и пропадутъ у нихъ курдюки“.

обратно въ Иркутскую губернію. Впрочемъ прошло еще нѣсколько лѣтъ и все предпріятіе „по улучшенію овцеводства въ Вост. Сибири“ распалось, вслѣдствіе невыгодныхъ условій транспортированія отсюда шерсти. . .

Въ 1838 г. Енисейскій губернаторъ былъ извѣщенъ дирекціей акціонерной компаніи изъ Иркутска, что въ собраніи акціонеровъ рѣшено „валуховъ, которые не окупаютъ шерстью своею — съ разсчетомъ процентовъ — издержекъ для ихъ продовольствія, вовсе не умножать, прежде пріобрѣтенія таковыхъ отъ третьяго колѣна, съ коихъ шерсть весьма близка достоинствами съ мериносовою. А потому нынѣ же всѣхъ излишнихъ, по числу состоящихъ въ стадахъ ея (компаніи) матокъ, мериносовыхъ барановъ улучшенной породы, имѣющихъ шерсть, ниже примы, назначить для продажи здѣшняго края овцеводамъ, и тѣмъ пріохотить здѣшнихъ крестьянъ и инородцевъ къ развитію улучшеннаго овцеводства, которое утонченіемъ шерсти въ рунахъ своихъ можетъ, возвыся цѣнность производимаго продукта, обратить вниманіе предпріимчивыхъ капиталистовъ на заведеніе въ краю фабрикъ шерстяныхъ издѣлій, которыя, съ ежегоднымъ возвышеніемъ достоинства качествъ шерсти, могутъ увеличиваться; компанія же, находящаяся на пути улучшенія овцеводства впереди прочихъ хозяевъ уже 5 годами, отъ этого ничего не потеряетъ. Но дабы вразумить здѣшнихъ жителей о неоспоримой пользѣ доставляемой тонкошерстнымъ овцеводствомъ, и дабы истребить ихъ предубѣжденіе, что улучшенныя черезъ иностранныхъ овцы могутъ приносить имъ не тѣ ужъ выгоды, которыя доставляютъ имъ овцы простыми овчинами, шерстью и мясомъ, и чтобы скорѣе увѣрить ихъ, что воспользовавшись выгодами сей новой для нихъ важной отрасли промышленности, они, при одинаковыхъ расходахъ на содержаніе (изъ) средствъ своихъ, будутъ получать значительную разницу доходовъ — для сего непремѣнно на опытѣ показать (надо) послѣдствія сей ощутительной для нихъ пользы, а потому, чтобы пріохотить ихъ къ таковому нововведенію, предоставить дирекціи войти съ представле-

ніемъ къ г. Иркутскому . . . губернатору (директору компаніи) и испроситъ Е. Пр. приказать, чрезъ кого слѣдуетъ, убѣдить крестьянъ и инородцевъ взять въ каждое селеніе и въ каждое вѣдомство . . . по нѣсколько барановъ изъ компанейскихъ овчаренъ, цѣною по 50 рублей за каждаго, для случки съ русскими овцами“ [1]. — Вслѣдъ за симъ послѣдовало распоряженіе губернатора, на основаніи котораго, въ октябрѣ того-же года ачинскій исправникъ предписываетъ обоимъ вѣдомствамъ „постараться убѣдить инородцевъ къ покупкѣ этихъ барановъ, съ тѣмъ, что таковая покупка улучшенной породы барановъ принесетъ имъ впослѣдствіи весьма ощутительную пользу. Объ отзывѣ же поселянъ мнѣ въ свое время донести“. Едва прошелъ какой нибудь мѣсяцъ, какъ исправникъ уже снова „предписываетъ строжайше и въ послѣдній разъ . . . исполнить предписаніе мое отъ 11 окт. о вызовѣ желающихъ на покупку барановъ улучшенной породы и о проч. . . . Въ противномъ же случаѣ медленности управы, (Мелецкой) то я, въ такомъ случаѣ, приму самыя рѣшительныя мѣры къ исправленію ея медленности и удалю отъ настоящихъ должностей какъ князцовъ, (такъ) и письмоводителя за неисполненіе начальническихъ предписаній“.

Повидимому, такими же энергичными мѣрами среди инородцевъ — а стало быть и прочаго сельскаго населенія — вербовались еще ранѣе этого акціонеры „для улучшенія овцеводства“.

Въ 1834 г. инородцы (Кызыльской Думы), Сулековъ, Янгуловъ, князецъ Янгуловъ, Ульчегачевъ, Кугаевъ, Сулековъ 2-й, Ачисовъ и К. Янгуловъ — передали всѣ свои „акціи компаніи по улучшенію въ Восточной Сибири овцеводства родоначальнику Шушеначеву, потому что они (выше названные) акціонерами по вышеписанному предмету быть не желаютъ“. Шушеначевъ-же „съ сего времени и долженъ быть полнымъ акціи хозяиномъ“.

1) Въ Минус. окр. продавали валуховъ улучшенной породы перваго колѣна („съ песиковой шерстью“).

Въ 1853 году Кызыльская дума получаетъ слѣдующее предписаніе ачинскаго исправника.

„Нѣкоторые инородцы Кызыльской степной думы въ гражданственномъ состояніи нѣсколько дошли до прочной осѣдлости и производятъ земледѣліе въ размѣрѣ обыкновеннаго сельскаго хозяйства; но увлекаясь другими кратковременными и менѣе полезными занятіями, приносящими лишь насущный кусокъ хлѣба, они не достигаютъ вполнѣ цѣли, ожидаемой Правительствомъ отъ безпрерывно дѣлаемыхъ внушеній и наставленій. Съ одной стороны, лѣность и нерадѣніе инородцевъ, занимающихся уже осѣдлымъ сельскимъ хозяйствомъ, не приноситъ имъ никакого успѣха, а съ другой — безразсчетность ихъ часто обращетъ къ противоположнымъ занятіямъ по временамъ года, какъ-то: во время земледѣльческой поры они переходятъ къ звѣринымъ промысламъ. Сверхъ-же всего этого, инородцы, постоянно занимающіеся хлѣбопашествомъ, или поздно приступаютъ къ посѣвамъ хлѣбовъ, или больше сѣютъ хлѣбъ яровой и не стараются распространить посѣвы озимовые, какъ болѣе способные переносить суровость климата; или же при посѣвахъ допущаютъ смѣсь ярицы и ржи, отчего всходы хлѣба выходятъ только на половину. А потому, согласно волѣ г. Генералъ-Губернатора Вост. Сибири, строго предписываю Думѣ, подъ личной отвѣтственностью Родоначальника, съ устраненіемъ лѣности и нерадѣнія, стараться наблюдать, чтобы они (инордцы) звѣропромышленностью и земледѣліемъ занимались каждый въ свое время, не употребляя на то противоположныхъ временъ года, такъ наир., чтобы во время земледѣлія они не дѣлали отвлеченій къ другимъ, менѣе полезнымъ занятіямъ; сверхъ того, чтобы инородцы приступали къ посѣвамъ весною благовременнѣе, старались-бы распространять посѣвы озимовыя, и, наконецъ, чтобы на посѣвы не былъ употребляемъ хлѣбъ разнородный . . .“ — Черезъ два мѣсяца — новое предписаніе того-же исправника: „хотя высшее начальство желаетъ для блага общаго принять мѣры къ распространенію хлѣбопашества — о чемъ и было пред-

писано оной Думѣ; но, напротивъ того, я нынѣ усматриваю изъ вѣдомости оной Думы о посѣвѣ озимовыхъ и яровыхъ хлѣбовъ, что желаніе начальства почти вовсе остается безъ дѣйствія. Это единственно отъ того, что члены Думы и князцы объ этомъ важномъ предметѣ нисколько не заботятся и не принуждаютъ инородцевъ, особенно зажиточныхъ, къ размноженію хлѣбопашества. А потому, въ послѣдній разъ подтверждаю степной Думѣ: къ распространенію хлѣбопашества принять самыя рѣшительныя мѣры и сколько въ нынѣшнемъ году и въ какомъ улусѣ увеличится хлѣбонахотной земли — мнѣ къ 1-му числу будущаго сентября мѣсяца доставить подробное свѣдѣніе . . .“ — Въ слѣдующемъ 1854 г. находимъ новое дѣло „по преписанію засѣдателя о развитіи земледѣлія и предупрежденію гибельныхъ послѣдствій размноженія кобылки и отъ пожарныхъ случаевъ.“

И не только высшее начальство выражало свое недовольство успѣхами сельскаго хозяйства среди инородцевъ, сама степная Дума жалуется на тоже и рисуетъ хозяйственное состояніе жителей вѣдомства самыми мрачными красками.

„Хотя занятіе подвѣдомственныхъ сей (Кызыльской) Думѣ ясашныхъ и состоитъ въ звѣроловлѣ и размноженіи скотоводства, но первое весьма умѣренно и производится, единственно, только для взноса ясака, и то въ весьма великомъ оскудѣніи, по малому улову звѣрей; такъ что каждогодно добавляютъ ясакъ покупкой изъ частныхъ рукъ. А скотоводство не слишкомъ обширно, и еще отъ ежевесенняго упадка умаляется; хлѣбопашествомъ-же занимаются немногіе. А прочіе, по несродному и несвойственному обычаю къ хлѣбопашеству, пропитываются мясомъ разнаго рода звѣрей и скота, безъ хлѣба; а иногда оный покупаютъ у привозчиковъ высокою цѣною и вымѣниваютъ на скота. Сверхъ сего многіе уже не имѣютъ своихъ юртъ, а со всѣми семействами находятся въ срокахъ у крестьянъ и ясашныхъ, кои имѣютъ свои юрты и посредственное состояніе“. Хотя ревизск. душъ числится — 2855, но за исключеніемъ умершихъ, престарѣлыхъ, бѣд-

ныхъ, увѣчныхъ — наличныхъ плательщиковъ на самомъ дѣлѣ всего лишь 1459. „Но и сіи, по случаю каждогоднаго падежа скота и худого промысла звѣря, время отъ времени, приходятъ въ оскудѣніе; по симъ причинамъ ясашные пришли въ бѣдность и нищету, такъ что съ крайнимъ изнеможеніемъ оплачиваютъ ясакъ, подати и повинности, помогая въ семъ случаѣ ссудою бѣднымъ и займами у частныхъ людей наличной денежной суммы, каковою и нынѣ состоятъ должными не малымъ количествомъ, а изъ находящихся въ Кызыльской землицѣ озеръ, хотя и можно-бы выловливать рыбы до 5000 пудовъ, но ясашные не имѣютъ свойства къ рыбному промыслу, почему, допуская къ сему крестьянъ, и получаютъ съ нихъ хлѣбъ, котораго достаточнымъ количествомъ назвать не можно.“ (1837 г.).

Въ 1841 г. Дума сообщаетъ, что „ясачные Кызыльскаго родоначалія, третья часть, вовсе не имѣютъ скота, по случаю вошедшей издревле между ними бѣдности, и потому (еще) болѣе, что въ прошедшіе годы, по дороговизнѣ хлѣба и другихъ жизненныхъ припасовъ, на покупку этого они много употребили скота и, по неимѣнію въ тогданнее время хлѣба, болѣе должной пропорціи обращали его въ пищу“. Въ 1853 году Дума свидѣтельствуетъ, что среди инородцевъ нѣтъ никого, кто бы запасалъ хлѣба на годъ или на два. Въ 1861 г. въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ Думою ясачной коммисіи, читаемъ: „бытъ инородцевъ находится не въ весьма удовлетворительномъ видѣ“.

Однако были и указанія другого рода. — Въ 1835 г. инородцы Шуйской управы выдали слѣдующаго рода одобреніе своему родовичу Шушеначеву. „Поведенія (онъ, Шушеначевъ) хорошаго; состоянія зажиточнаго и подрядъ, какъ на поставку хлѣба, а равно и другихъ какихъ либо припасовъ, съ частными людьми вступить можетъ; главный же предметъ его избытковъ приключается въ хлѣбѣ, ибо хлѣбопашество у него значительное; почему и довѣряемъ ему, Шушеначеву, на заподрядъ и доставку сего послѣдняго

до двухъ тысячъ пудовъ; при семъ за подрядъ онъ можетъ, по заключеніи съ довѣрителемъ условія, получить въ задатокъ сколько будетъ причитаться денегъ, въ каковомъ исправномъ исполненіи его обязанности, мы нижеподписавшіеся, рѣшительно всѣ, по немъ, Шушпачевѣ, ручаемся. . .“ — Въ 1845 г. инородцами продано въ Боготольскій (винокуренный) заводъ 200 + 70 + 25 + 30 + 20 пудовъ ржаной муки и ржи въ зернѣ; всего — 345 пудовъ. Рожь продавалась по $42^{6}/_{7}$ коп., а мука по $48^{4}/_{7}$ коп. за пудъ. — Въ 1869 г. Дума сообщаетъ слѣдующія цифры урожая хлѣбовъ (въ пудахъ) за 5-лѣтіе 1864—1868 г.

	пуды	душъ населенія
1864	57008	3060
1865	60380	3054
1866	60380	3072
1867	35280	3186
1868	110616	3134

Число занимавшихся земледѣліемъ въ этотъ періодъ исчисляется думой въ 2000 человѣкъ. — Далѣе, относительно постепеннаго увеличенія запашки (съ 1824 по 1890 г.), особенно въ нѣкоторыхъ родахъ Кызыльскаго вѣдомства, была уже рѣчь и въ началѣ настоящей работы (ср. стр. 26 и слѣд.).

Чѣмъ же обусловливалось, вызывалось и поддерживалось это усиленіе занятія земледѣліемъ?

Прежде всего физико-топографическими условіями мѣстности — о чемъ также говорилось, и благодаря чему только нѣкоторые рода, нѣкоторые части вѣдомства значительно расширили свое полевое хозяйство.

Во вторыхъ развитіе земледѣлія стояло въ связи съ паденіемъ промысловаго — звѣроловческаго — хозяйства.

Въ третихъ, въ томъ же направленіи вліяло и наступавшее, подъ напливомъ жителей сѣверной части вѣдомства, выживаемыхъ оттуда населившимся крестьянами, земельное утѣсненіе. Огромныя части степи, гдѣ земледѣліе еще оказывалось возможнымъ, стали привлекать къ себѣ въ особен-

ности тѣхъ изъ переселявшихся съ сѣвера, которые уже тамъ имѣли дѣло съ хлѣбопашествомъ. Инородцы, бывшіе работниками у крестьянъ, вернувшіеся съ золотыхъ промысловъ или послѣ отнесенія рекрутчины, окрестное крестьянское населеніе — все это оказывало, конечно, гораздо большее, непрестанное воздѣйствіе на инородцевъ, чѣмъ циркулярныя предписанія окружнаго и и иного начальства. Далѣе, и потребность въ хлѣбномъ питаніи, привычка къ нему развивалась все болѣе и болѣе. Благодаря, тому что плата за пользованіе рыбными угодьями вносилась крестьянами хлѣбомъ (см. слѣд. главу) — даже и болѣе бѣдные изъ инородцевъ получали возможность „привыкать“ къ нему. Съ другой стороны, часть инородцевъ, принявшаяся уже за пашню, находила среди сосѣдей — зажиточныхъ, но не имѣющихъ своей запашки, живущихъ однимъ скотоводствомъ, степняковъ — постоянныхъ и выгодныхъ покупателей. На послѣднее обстоятельство указываетъ въ 1841 г. сама управа. „Значительное — говоритъ она — увеличеніе богатства и зажиточности осѣдлыхъ инородцевъ объясняется тѣмъ, что они живутъ рядомъ съ кочевыми, которымъ продаютъ хлѣбъ, а отъ нихъ получаютъ дешево скотъ“. На ряду со всѣмъ сказаннымъ, энергія и исполнительность инородческихъ властей, страхъ передъ начальствомъ или желаніе выслужиться — если и играли, то весьма скромную роль, въ дѣлѣ пріученія инородцевъ къ занятію земледѣліемъ.

Глава шестая.

„Мѣстность, занимаемая Кызыльскою Степною Думою, не одинакова, именно: состоитъ, по большей части изъ степей, горъ безлѣсныхъ, горъ лѣсистыхъ, горныхъ падей и луговыхъ равнинъ.

„Почва на мѣстахъ степныхъ — каменистая съ глиною, на горахъ безлѣсныхъ также . . . , въ логахъ и горахъ черноземная, не совсѣмъ тучная; на лугахъ около рѣкъ иловатая. Глубина почвы на степяхъ отъ $2^1/_2$ до 3 вершковъ, на горахъ безлѣсныхъ отъ 1 до $2^1/_2$ в., на горахъ лѣсистыхъ — отъ $1^1/_2$ до 2, въ горныхъ падяхъ — отъ $4^1/_2$ до 7 в. и на луговыхъ равнинахъ — до 8 вершковъ. Подпочва (всюду) каменистая, разной толщины слоевъ.

„Климатъ повсемѣстно одинаковъ. Продолженіе лѣта бываетъ съ 1 іюня по 15 августа; теплота средняя, сильныхъ жаровъ не бываетъ; зима продолжается съ 15 окт. по 1 апрѣля, холодная; снѣга хотя выпадаютъ, но уносятся вѣтрами, которые очень часто бываютъ весьма сильные: на мѣстахъ безлѣсныхъ даже выноситъ иногда озимовые хлѣба; въ мѣстахъ же болѣе лѣсистыхъ снѣгъ бываетъ до $1^1/_2$ арш. Дождей во время лѣта выпадаетъ не очень много . . , проливныхъ дождей, отъ которыхъ-бы могло быть наводненіе, не бываетъ [1])“. — У кн. Кострова относительно климата (ачинскаго округа вообще) находимъ слѣдующія свѣдѣнія: „Климатъ вообще довольно суровъ. Весна начинается, обыкновенно въ концѣ апрѣля, но она бываетъ такъ дружна, что въ половинѣ мая все уже зелено, а въ іюнѣ бываютъ страшныя грозы. Въ іюлѣ тепло держится постоянно между 25^0 и 28^0, но иногда простирается до 35^0. Зато августъ и сентябрь здѣсь самое умѣренное время года. Съ конца сентября начинаются утренники, а въ октябрѣ выпадаетъ уже снѣгъ. Самые жестокіе холода стоятъ съ конца ноября до половины января: въ это время морозы простираются до 30 и 35^0. Бѣлый и Черный Іюсы покрываются льдомъ между 15 октября и 6 ноября, а вскрываются въ послѣдней половинѣ апрѣля“. „Климатъ — замѣчаетъ изслѣдователь 1890 года — близъ тайги и вообще по Чулыму суровѣе: морозы здѣсь продолжаются долѣе, чѣмъ въ сравнительно степныхъ мѣстностяхъ, и начинаются раньше; также

1) Дѣло Кыз. Степ. Думы о представл. свѣдѣній, затребованныхъ... для газеты „Правит. Вѣстникъ“, 1869 года, № 24.

и весною снѣгъ на поляхъ лежитъ значительно дольше. Но въ степяхъ, мѣстами, сильно беретъ выдувка, особенно при недостаткѣ завѣтерныхъ склоновъ; здѣсь же иногда бываетъ кобылка, преимущественно въ засушливые года; между тѣмъ какъ вблизи лѣсовъ кобылка только въ травѣ. . .“

Въ теченіи 1838 и 1839 годовъ при Кызыльской думѣ съ 1-го янв. по 31 декабря, изо дня въ день, велся „ежедневный журналъ климато-метеорологическихъ наблюденій,“ который „каждомѣсячно“ представлялся „г. губернскому Оператору.“ Въ журналѣ этомъ трижды въ день отмѣчались: „температура воздуха,“ „состояніе атмосферы,“ „направленіе и сила вѣтра“ и наконецъ „поверхностное (?) состояніе“. О формѣ этого дневника и о характерѣ отмѣчаемыхъ имъ наблюденій даетъ представленіе нижеслѣдующій образчикъ.

Мѣсяцъ и число.	Время сутокъ.	Температура возд.	Состояніе атмосферы.	Направленія и сила вѣтра.	Поверхностное состояніе.
Май 12.	Пятница. При восходѣ солнца.	Умѣренно.	Туманно и мгла.	Свв.-западн. сильный во всю ночь.	На Маломъ озерѣ ледъ прошелъ.
	Въ полдень.	Тепловато.	—	Тотъ-же.	
	Вечеромъ по закатѣ солнца.	Умѣренно.	Морозно и тучи.	Погода непостоянна.	Дождь мало идетъ.

Относительно вскрытія и замерзанія Іюсовъ, въ дѣлахъ архива имѣются свѣдѣнія, относящіяся къ 1871—1872 г. Въ 1871 г. Черный Іюсъ въ улусѣ Подкамеискомъ всталъ 8 ноября, а ѣздить по нему на саняхъ начали отъ 10-го ноября. Бѣлый Іюсъ въ улусѣ Торчинскомъ замерзъ 5 ноября и съ 8-го ноября установилась уже по нему дорога. Въ 1872 году Черный Іюсъ (тамъ-же) вскрылся 8 мая, а движеніе по нему установилось съ 7 мая.

„Пашни по вѣдомству Кызыльск. Ст. Д. распахиваются, по большей части, въ логахъ и лѣсахъ, около горъ и рѣчекъ. Уборки камней не бываетъ, потому что на такихъ (каменистыхъ) мѣстахъ пашенъ не имѣется, а расчистка мелкихъ лѣсовъ хотя и бываетъ, но не въ большомъ количествѣ. Удобре-

ній земли не дѣлается по достаточному количеству ея“ (Дѣло 1869 г. № 24). И черезъ 30 лѣтъ послѣ этого изслѣдователь (1890 г.) отмѣчаетъ еще, что „значительно преобладающая масса земель (югозападной части Ачинск. окр., куда входитъ Кызыльская управа) поднята изъ подъ степи или рѣдколѣсья. Тайги еще нигдѣ не зачерчивали. Въ настоящее время пригодныхъ для культуры степныхъ цѣликовъ не осталось почти вовсе; также мало и березоваго мелколѣсья; но зато очень много старыхъ залежей, успѣвшихъ отдохнуть на столько, что мало отличаются отъ „коренныхъ залоговъ“. [1])

Относительно системы земледѣлія [2]) въ 1868 года Дума даетъ такія свѣдѣнія. „Распаханныя изъ залежей земли осенью забораниваются бороною съ желѣзными зубьями, оставляется такъ на зиму; весною снова перепахивается и засѣвается яровымъ хлѣбомъ, частію (же) остается подъ зимовой. И, такимъ образомъ, земля не оставляется пустою (т. е. подъ парамъ), каждогодно засѣвается озимовымъ или яровымъ хлѣбомъ, безъ различія паровъ, до того времени, когда худо будетъ родиться на ней хлѣбъ. Таковые посѣвы земля выдерживаетъ, безъ перемѣны, отъ трехъ до шести лѣтъ, а потомъ оставляется пустою и возобновляется уже лѣтъ черезъ 15 или 20, въ продолженіи какового времени на ней произрастаютъ самыя грубыя травы, какъ напр. коневникъ, величиною съ двухлѣтній тальникъ, и разныя другія“. . . По даннымъ изслѣдованія 90 г., „на хорошихъ мѣстахъ пашня (черная),

1) „Значительное большинство почвъ — продолжаетъ изслѣдованіе — черныя; по характеристикѣ крестьянъ, онѣ представляются то жирными, то легкими, затѣмъ слабыми, крѣпкими, горошистыми, разсыпчатыми, „трундоватыми. Уловить связь этихъ характеристикъ съ природными особенностями той или иной почвы довольно трудно; вообще, можно только замѣтить, что чѣмъ глубже почвенный слой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ ниже почва залегаетъ, тѣмъ болѣе приближается она къ типу трундоватыхъ. Несомнѣнно также, что, съ истощеніемъ, крѣпкія и разсыпчатыя почвы становятся слабыми, пухлыми и трундоватыми. . . Кромѣ черныхъ почвъ встрѣчаются суглинки къ хребтамъ и супеси къ рѣкамъ и близъ тайги“.

2) Въ 1872 году, на запросъ исправника („по предмету содѣйствія Московск. политехнич. выставкѣ“) о системѣ земледѣлія у инородцевъ, Дума отвѣчаетъ: „Система хозяйства состоитъ т р е х п о л ь н а я. (!)“.

оставленная въ залежь послѣ 25—30 лѣтъ эксплоатаціи, отдыхаетъ не болѣе 5—6—8 лѣтъ; на плохихъ — лѣтъ до 20, а то и „вѣкуетъ". Обыкновенно же въ теченіи 50—60 лѣтъ залежи подымаются и выпахиваются два раза". (Суглинки и супеси по производительности и прочности стоятъ ниже черныхъ почвъ). Такимъ образомъ и здѣсь, у кызыльцевъ, мы встрѣчаемся въ недалекомъ еще прошломъ съ тою-же системою эксплоатаціи почвы, какая имѣла мѣсто почти всюду въ Сибири въ первое время колонизаціи ея, и которая кое гдѣ сохранилась еще и до сей поры [1]). Въ настоящее время всюду, „даже въ заселкахъ существующихъ очень недавно, возникшихъ въ мѣстностяхъ весьма плодородныхъ и обильныхъ землею" — (на всемъ пространствѣ 4-хъ окр. Енис. губ., изслѣдованныхъ въ 1890 г.) — приходится прибѣгать къ пару. Такъ, въ 1883 г. образовался въ предѣлахъ Кызыльск. вѣдомства поселокъ Новый [2]). Ко времени изслѣдованія (1890 г.) % пара къ общей площади запашки равнялся въ немъ 41. Въ среднемъ для всего Кызыльскаго вѣдомства % пара былъ равенъ 45,6; % посѣвовъ на жнивѣ — 6,6. На 100 дес. всего распаханнаго пространства юго-зап. части Ачинск. окр. (Кызыльское вѣдомство и вол. Назаровск., Ужурск. и Шарып.) приходилось (1890 г.) 25,6 дес. посѣва, 22,5 дес. пара и 51,9 дес. залежи. На 100 дес. всей запашки — ежегодно вводимыхъ въ культуру залежей и новей было 7,7 дес. (при среднемъ для всего участка процентѣ посѣвовъ на жнивѣ, равномъ 6).

„На обсѣмененіе одной (хозяйственной) десятины, по принятой жителями мѣрѣ, употребляется: ржи озимовой отъ 10 до 12 пуд., пшеницы — столько-же, ярицы — отъ 12 до 14 пуд., ячменя отъ 12 до 15 пуд. Просо и гречиха не

1) Ср. напр. Коржинскій. „Отчетъ объ изслѣдов. Амурск. области, какъ землед. колоніи" въ Извѣст. Вост.-Сибирск. Отд. Имп. Р. Г. О. 1892 г. кн. 4 5, стр. 111.

2) Д. Новая уплачиваетъ Думѣ ежегодную аренду и пользуется всѣми угодьями отдѣльно отъ другихъ поселковъ.

сѣются, „сѣмянъ льнянаго и конопленнаго сѣется весьма мало“ — и высѣвается на десятину столько-же сколько пшеницы и ржи. (1869). Въ Кызыльск. вѣд. „сѣютъ преимущественно рожь и ячмень, какъ хлѣба не очень требовательные по отношенію къ обработкѣ и менѣе подверженные заморозкамъ“ (1890).

Сѣютъ еще на пашняхъ горохъ, но онъ, „по случаю короткости лѣта, не всегда поспѣваетъ до первыхъ утреннихъ морозовъ, начинающихся съ первыхъ чиселъ августа, а иногда и ранѣе, почему онъ (т. е. посѣвъ гороха) не размножается . . .“

Посѣвы озимовой ржи производятся (1869) „съ 1 по 15 авг., а иногда и по 25 авг.; яровыхъ: ярицы — съ 20 апрѣля по 1 мая, пшеницы — съ 1 по 10 мая, овса и ячменя — съ 10 по 20 мая, сѣмени льняного и конопленного — съ 10 по 20 мая.

Приводимая ниже таблица указываетъ распредѣленіе въ отдѣльныхъ районахъ вѣдомства введенныхъ въ культуру земель между площадью пара и площадью посѣва — озимовыхъ и яровыхъ хлѣбовъ въ 1890 г.

Районы.	Площадь посѣва.			Площадь пара.	Всей пашни.
	Озимаго.	Яроваго.	Итого.		
I. Земледѣльческій . .	169,4	623,2	792,6	682,8	1475,4
II. Скотоводческій . . .	104,8	108,2	213,0	211,7	424,7
III. Промысловый	38,3	94,0	132,3	74,5	206,8
Итого . . .	312,5	825,4	1137,9	969,0	2106,9
Тоже въ процентахъ:					
I. Земледѣльческій . .	11,4	42,3	53,7	46,3	100,0
II. Скотоводческій . . .	24,7	25,5	50,2	49,8	100,0
III. Промысловый	18,5	45,4	63,9	36,0	99,9
Итого . . .	14,9	39,1	54,0	46,0	100,0

Отсюда видно, что въ то время какъ въ районѣ скотоводческомъ площадь пара и посѣва почти одинаковы, — по мѣрѣ удаленія изъ степи къ тайгѣ, площадь пара уменьшается,

площадь посѣва увеличивается. Посѣвы озимаго и яроваго почти одинаково распространены въ скотоводческомъ районѣ, въ районѣ земледѣльческомъ послѣдніе преобладаютъ надъ первыми, а еще больше (процентно) сѣется яровыхъ хлѣбовъ въ промысловомъ районѣ.

Участіе отдѣльныхъ сортовъ хлѣбовъ въ общей площади посѣва въ томъ-же 1890 г. выражалось слѣдующимъ образомъ.

Районы.	Подъ озимов.	Подъ яровыми.					Итого въ посѣвѣ.	Въ томъ числѣ на жнивѣ.
	Рожью.	Овсомъ.	Ярицей.	Пшеницей.	Ячменемъ.	Гречихой.		
I. Земледѣльческій	169,4	103,4	244,8	165,1	107,6	2,3	792,6	67,8
II. Скотоводческій .	104,8	12,2	15,9	14,0	66,1	—	213,0	21,5
III. Промысловый . .	38,3	12,5	42,3	10,5	28,7	—	132,3	51,3
Итого . . .	312,5	128,1	303,0	189,6	202,4	2,3	1137,9	140,6
Тоже въ процентахъ								
I. Земледѣльческій	21,4	13,0	30,8	20,9	13,6	0,3	100,0	8,5
II. Скотоводческій .	49,2	5,7	7,5	6,6	31,0	—	100,0	10,1
III. Промысловый . .	29,0	9.4	32,0	8,0	21,7	—	100,1	38,9
Итого . . .	27,6	11,3	26,8	16,1	17,9	0,3	100,0	12,3

Т. е. въ скотоводческомъ районѣ мы встрѣчаемъ наибольшій посѣвъ ржи (озими), кромѣ которой, въ значительныхъ размѣрахъ сѣется здѣсь еще только ячмень. Всѣ остальные хлѣба — овесъ, ярица, пшеница — вмѣстѣ занимаютъ менѣе 20 % общей площади посѣва этого района.

Въ земледѣльческомъ районѣ посѣвы озимовой ржи и пшеницы (яровой) — одинаковы (по занимаемой ими площади) и значительно уступаютъ посѣву ярицы (въ $1^1/_2$ раза большая площадь посѣва). Посѣвъ ячменя здѣсь незначителенъ и вмѣстѣ съ ровнымъ ему посѣвомъ овса занимаютъ площадь все еще меньшую чѣмъ площадь посѣва ярицы.

Наконецъ, въ промысловомъ районѣ посѣвъ пшеницы отступаетъ на зданій планъ, уступаетъ здѣсь даже — тоже меньшему

чѣмъ въ земледѣльческомъ районѣ — посѣву овса; посѣвная-же площадь ячменя увеличивается до размѣровъ площади озимовой ржи, или пшеницы въ земледѣльческомъ районѣ. Посѣвы ярицы и ржи здѣсь почти одинаковы между собою и одинаковы-же съ площадью посѣва ячменя въ скотоводческомъ районѣ; вмѣстѣ они (посѣвъ ярицы и ржи) занимаютъ 59 % всей посѣвной площади района. Громадный процентъ посѣвовъ на жнивѣ въ промысловомъ районѣ указываетъ, вмѣстѣ съ незначительною площадью пара здѣсь (ср. предыд. таблицу), на свѣжесть обрабатываемыхъ почвъ и на примѣненіе въ значительныхъ размѣрахъ подсѣчно-переложной системы полеводства.

„При урожаяхъ получается съ десятины, среднимъ числомъ: ржи озимовой — отъ 60 до 120 пудовъ, ярицы — отъ 55 до 85 пуд., пшеницы — отъ 60 до 100 пудовъ, ячменя тоже самое, овса отъ 50 до 90 пудовъ, сѣмени льняного и конопленаго — отъ 17 до 22 пуд.“ (послѣднее количество „примѣрное, по невведенію здѣсь обычая собирать сѣмена до разстилки на землю для перегниванія костриги и усовершенствованія волокна“.).

„Уборка хлѣбовъ производится: ржи озимовой съ 1 авг., яровыхъ, вообще, съ 10 августа по 1—10 сентября и позже. Въ одной четверти озимовой лучшаго достоинства ржи, а также и пшеницы — 9 пудовъ, средняго достоинства — 8, худшей — 7 пуд.; ярицы и ячменя — 8, 7 и 6 пудовъ; овса — 6, 5 и 4; сѣмени льняного и конопленаго и гороху — 8, 7 и 6 пудовъ.

По свѣденіямъ Думы 1872 г., „неурожаи хотя бываютъ, но не весьма часто, а именно — въ 10 лѣтній періодъ времени; послѣдній и самый чувствительный неурожай былъ въ 1866 году. — Саранчи и суслико въ не появлялось, кобылка же во множествѣ появлялась, истребила много хлѣба въ 1867 г., который, вслѣдъ за неурожайнымъ, былъ для жителей весьма труднымъ въ продовольствіи“.

Цѣны на хлѣбъ и продукты въ 1866—1868 г.г. были слѣдующія:

		1866 год.	1876 год.	1868 год.
мука ржаная, за	1 пуд.	50—70 к.	100—120 к.	35—50 к.
„ пшеничная	„	60—80 „	110—150 „	50—80 „
овесъ	„	35—50 „	70—100 „	25—40 „
ячмень	„	45—60 „	90—110 „	40—50 „
солома	„	2—3 „	4—6 „	$1\frac{1}{2}$—$2\frac{1}{2}$ „
сѣно	„	3—4 „	6—8 „	2—3 [1]).

Плата годовому работнику (1868 г.) — взрослому отъ 30 до 50 руб.. работницѣ отъ 18 до 30 р., мальчику отъ 10 до 20 руб.[2]); поденная: взрослому мужчинѣ въ лѣтнее время отъ 40 до 60 коп., въ зимнее — отъ 10 до 20 коп.; женщинѣ въ лѣтнее время — отъ 30 до 50 коп., въ зимнее — отъ 5 до 8 коп.; мальчику въ лѣтнее время — отъ 10 до 20 коп., въ зимнее — отъ 3 до 5 коп. Въ 1841 г. платили „земледѣльческому работнику отъ 1 р. $71\frac{3}{4}$ коп. до 2 р. $28\frac{4}{7}$ коп. асс. (въ день)". „Въ вѣдомствѣ Думы встрѣчается недостатокъ въ земледѣльцахъ, по той причинѣ, что многіе изъ инородцевъ, по кочевому ихъ образу жизни, совершенно не занимаются хлѣбопашествомъ; другіе же, хотя и способны къ хлѣбопашеству, но, нанимаясь для работъ на золотые промысла развратились этимъ и совершенно не думаютъ объ устройствѣ своего хозяйства, и только имѣютъ себѣ пропитаніе отъ помянутыхъ заработковъ; а нѣкоторые нанимаются въ срочныя работы къ крестьянамъ сосѣднихъ деревень". (1868 г.).

Всѣхъ занимающихся хлѣбопашествомъ въ 1868 г. Дума насчитываетъ до 2000 душъ об. и. Пахатной земли на каждую

---

1) Въ 1824 г. Дума сообщаетъ слѣдующія цѣны на припасы, предметы одежды, обуви и пр.:

1 п. сахару	70—80 рублей.	1 сапоги	5—7 рублей.
1 ф. чаю	6—7 „	1 пара черковъ	1,2—2 „
1 ф. табаку	1—1,3 „	1 арш. сукна	0,8—1,1 „
1 п. ржан. муки	0,6—0,7 „	1 арш. холста	0,25—0,7 „
1 п. говядины	1,2—1,6 „	1 п. рукавицъ лосиныхъ	2—2,5 „
1 п. рыбы бѣлой	2—3 „	1 п. варежекъ	0,5—0,6 „
1 п. сѣна	0,2 „	1 п. чулокъ	0,8—1 „

2) Ср. стр. 140—141.

душу об. п. изъ числа занимающихся хлѣбопашествомъ приходилось, по приблизительному исчисленію Думы, — по 16 десятинъ, луговой — по 11 дес. Всего засѣвалось: озимовымъ хлѣбомъ — 295 дес., яровымъ — 740 дес.

Объясняя причины, по которымъ произошло уменьшеніе земледѣльческихъ хозяйствъ въ 1841 году, по сравненію съ числамъ ихъ въ 1840 г., Дума говоритъ (1841 г.), что нѣкоторые инородцы бросаютъ занятіе хлѣбопашествомъ, потому что кобылка въ предшествовавшіе года поѣла хлѣба, и у нихъ не было сѣмянъ [1]) другіе перекочевываютъ на новыя мѣста, гдѣ занятіе земледѣліемъ невозможно, наконецъ часть инородцевъ „отчислена комиссіей къ крестьянамъ".

Въ своемъ донесеніи въ губернію въ 1893 г., по поводу только что устроеннаго хлѣбозапаснаго магазина, ачинскій исправникъ указываетъ, что изъ числа 1213 душъ (рев.) инородцевъ только одна треть имѣетъ хлѣбопашество. — Изъ списка инородцевъ, занимающихся хлѣбопашествомъ и заслуживающихъ за это поощренія и наградъ, представленнаго Кызыльск. управой въ 1896 г., оказывается, что изъ 21 чебаковца-пахаря только одинъ ведетъ земледѣльческое хозяйство уже съ 1860 года; еще одинъ сталъ пахать въ 1877 г.; восемь человѣкъ — между 1880 и 1890 гг., а одиннадцать человѣкъ, позже 1890, причемъ двое изъ нихъ только съ 1895 г.

Чистый сборъ хлѣбовъ по вычисленію изслѣдованія 1890 г. въ переводѣ на рожь (рожь = 1, пшеница = 4/3, ячмень — 2/3, прочіе хлѣба, кромѣ овса — 1/3) выражается для Кызыльск. вѣдомства слѣдующими цифрами: ржи и ярицы = 44350 пуд.,

1) Въ 1871 г. инородцы обращаются съ просьбой выдать имъ изъ экономич. магазиновъ Ужурск. вол. 112 четвертей разнаго хлѣба на обсѣменѣніе, въ виду того, что своихъ сѣмянъ у нихъ нѣтъ, „какъ по скудному урожаю въ 1871 г., такъ ровно и потому что въ прошломъ году весь вообще хлѣбъ былъ собранъ съ сорными травами и къ посѣву не годенъ." Ужурскіе крестьяне согласились на выдачу хлѣба изъ своего магазина инородцамъ Уракскаго улуса, Шарыповцы же Косогольскимъ и Косоложенскимъ ясачнымъ не выдали.

пшеницы (въ пер. на рожь) — 17870 пуд., ячменя (тоже) — 9840 пуд., прочихъ яровыхъ (тоже) — 280 пуд. Итого общій чистый сборъ хлѣбовъ въ переводѣ на рожь равняется 72340 пуд., что составляетъ 13,2 пуда на каждую душу об. пола наличнаго населенія вѣдомства. Принимая за норму обычнаго потребленія на одну душу у инородцевъ — 20 пуд. всякаго хлѣба (въ пер. на рожь), изслѣдованіе устанавливаетъ % потребленія хлѣба къ производству его для Кызыльской управы въ 151,5, т. е. населенію приходится ежегодно прикупить еще половину производимаго имъ самимъ хлѣба. Далѣе, изслѣдованіе вычисляетъ, что размѣры фактической запашки въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ составляютъ всего лишь 12,5 % максимально возможной при томъ же количествѣ рабочихъ рукъ.

Въ 1868 г. Дума считала на годовое продовольствіе взрослаго (мужчины или женщины) необходимымъ по 4 четверти хлѣба, „для малолѣтнихъ“ — по 2 четверти. Для всего населенія вѣдомства требовалось, по мнѣнію Думы, на продовольствіе 13199 четвертей.

Для помола хлѣба въ 1824 году было 6 мельницъ — 2 у шуйцевъ и 4 у мелецкихъ инородцевъ; въ 1829 г. указываются только три мельницы, размалывающія до 4500 пудовъ хлѣба; въ 1851 г. — 9 мельницъ; въ 1872 г. — 8 мельницъ — „мутовокъ“ [1]); изъ нихъ 6 — работали по 3 пуда въ сутки, а двѣ — по 10 пудъ. Плата за помолъ — была 3 коп. съ пуда.

Относительно состоянія огородничества у Кызыль-

1) „Мельницы-мутовки домашняго устройства, безъ колесъ; жернова приводятся въ дѣйствіе водою, направленной изъ пруда по желобу на утвержденныя въ деревянной бабѣ, установленной вертикально, крылья. Въ нижней части бабы укрѣпленъ желѣзный стержень, вращающійся нижнимъ концомъ въ желѣзной-же жабкѣ, вдѣланной въ деревянный брусъ. а въ верхней части бабы укрѣплено желѣзное веретено, пропущенное вверхъ чрезъ палати и нижній жерновъ въ жабку, вдѣланную въ верхній жерновъ, приводимый вращающеюся бабой въ движеніе. Размѣры жернововъ въ діаметрѣ одинъ аршинъ, а толщиною они отъ 3 до 4 вершковъ“ (Дѣло Кыз. арх. 1872 г.).

цевъ находимъ слѣдующія свѣдѣнія, собранныя Думой и относящіяся къ 1842 и 1850 г. [1]). Всего было засажено грядъ:

	Огурцовъ	капусты	моркови	рѣдьки	свеклы	рѣпы	бобовъ
Въ 1842 г.	71	176	17	112	18	192	9
1850	82	231	59	123	64	126	24

Кромѣ того, еще луку — въ 1842 г. 5390 сотенъ, въ 1850 г. — 106 грядъ; картофеля — въ 1842 г. 440 мѣшк., въ 1850 г. 124 гряды. Въ Басагарскихъ, Курчиковой и въ Малоачинской управахъ — не указано вовсе посѣвовъ овощей (1850 г.). „Къ посѣву огородныхъ овощей — говоритъ Дума въ 1850 г., — инородцы стали привыкать въ недавнихъ лѣтахъ". „По вѣдомству Кызыльской Степной Думы — читаемъ въ дѣлѣ 1869 г. (№ 24) — огородничествомъ занимаются только жители 13 улусовъ, и то въ маломъ количествѣ, жители-же остальныхъ 30 улусовъ вовсе не занимаются; овощи воздѣлываются слѣдующихъ видовъ: капуста, свекла, морковь, брюква, рѣдька, рѣпа, горохъ, бобы и огурцы. Земля для нихъ не удобряется, обрабатывается обыкновенными сохами, употребляемыми для хлѣбопашества, загребается въ гряды деревянными и желѣзными лопатами. Для огурцовъ гряды накладываются навозомъ изъ дворовъ, толщиною отъ 2 до 3 четвертей, а часто дѣлаются гряды и изъ одного навоза въ открытыхъ дворахъ и пригонахъ, и въ немъ (навозѣ) дѣлаются ямки, которыя насыпаются черноземною землею, толщиною отъ 1 до 2 вершковъ, въ кои и разсаживаются огуречныя сѣмена, уже выпощенныя; а потомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль (гряды), закрываются на ночь разными крышами — соломенными, рогоженными и холщевыми — для предостереженія отъ мороза; поливаются огурцы почти въ продолженіи всего лѣта; такой постоянный уходъ обременителенъ, но урожай ихъ бываетъ рѣдко порядочный, почти

1) Въ 1829 году, на запросъ исправника о состояніи огородничества, Дума сообщаетъ, что огородовъ у инородцевъ не имѣется.

всегда плохой отъ раннихъ морозовъ, начинающихся съ первыхъ чиселъ августа.“

Изъ общаго числа хозяйствъ 1890 г. только 76 % имѣли огороды. Всего больше огородовъ было въ Шуйскомъ родѣ, гдѣ общая площадь ихъ равнялась 4 десятинамъ. Затѣмъ слѣдуютъ хозяйства инородцевъ Малоачинскаго, Камнарскаго, Малоаргунскаго и Кызыльскаго родовъ съ общей площадью огородовъ въ 2 дес. въ каждомъ, курчиковцы, игинцы и басагарцы 1 и 2 пол. — съ 1 дес. у каждыхъ изъ нихъ. Наконецъ, въ хозяйствахъ Басагарскаго отдѣл. рода огородовъ не было вовсе.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Думою, во всемъ вѣдомствѣ ставилось сѣна: въ 1827 г. — 153730 копенъ, въ 1837 г. — 251,680 коп. („4-хъ пудовъ“), въ 1842 г. – 210,300 к., въ 1864 г. — 185,000 к., въ 1865 г. — 290,000 к., въ 1866 г. — 155,000 к. и въ 1868 г. 550,000 копенъ.

„Сѣнокосные луга — говоритъ Дума въ 1868 г. — имѣются въ долинахъ около рѣкъ и озеръ“; кромѣ того косятъ и въ логахъ, между горъ. Всѣ покосы естественные; расчистки, поливки или осушенія луговъ „не дѣлается, по неимѣнію въ томъ надобности“, потому что луга, находящіеся около рѣчекъ и источниковъ, орошаются послѣдними во время весенихъ разливовъ, а находящіеся въ логахъ также орошаются весною потоками съ горъ отъ тающаго снѣга.

Съ десятины луговъ, лежащихъ „около рѣкъ и ключей“, собирается отъ 40 до 60 копенъ, въ логахъ-же отъ 35 до 55 коп. — Сѣнокошеніе начинается, „самое раннее съ 25 іюня, а позднее со 2—5 іюля; оканчивается 15—25 августа. Вѣсъ сѣна въ копнахъ: ранняго кошенія 5 пудовъ въ копнѣ, поздняго кошенія $4^1/_2$ пуда. На возъ накладывается по 5 копенъ. „Такимъ образомъ, съ десятины собирается отъ 7 до 12 возовъ сѣна“. — Сѣна хотя собирается и много, но для прокормленія скота недостаточно „потому что жители въ большомъ размѣрѣ имѣютъ лошадей“. Продажа сѣна производится

въ небольшихъ количествахъ лишь на близь лежащіе золотые промыслы, по цѣнамъ отъ 3 до 6 коп. за пудъ. — „Плата въ сѣнокосное время полагается: взрослому мужчинѣ отъ 40 до 60 коп., женщинѣ — отъ 30 до 50 коп., мальчику — отъ 10 до 20 коп. На весь сѣнокосъ, считая съ 1 іюля по 25 августа, нанимаются мужчины за 15—18 руб., женщины за 10—13 р., мальчики за 4—7 рублей". На отрядъ, за косьбу и уборку въ копны — платятъ отъ 4 до 6 рублей за сотню (копенъ), „съ выдачею содержанія во время кошенія и уборки сѣна". По отдѣльнымъ родамъ количества накошиваемаго сѣна въ 1842 г. (по даннымъ архива) и въ 1890 г. („Матерьялы для изсл. земл.") выражались слѣдующими цифрами (въ сотняхъ четырехъ-пудовыхъ копенъ).

		1842	1890 г.
Басагарскій I и II пол. родъ		170	116
Басагарскій отдѣл.	„	86	127
Малоачинскій	„	123	270
Камнарскій	„	295	292
Игинскій	„	425	242
Большеачинскій	„	277	325
Кызыльскій	„	108	217
Шуйскій	„	230	350
Курчиковскій	„	330	261
Малоаргунскій	„	57	78
	Итого	2101	4571

Изъ приведенной сводки видно, что въ родахъ ведущихъ наиболѣе земледѣльческое (Шуйскій и Малоаргунскій) или скотоводческое (Б. и М. Ачинскій, Басагарскій, Кызыльскій) хозяйства — количества заготовляемаго сѣна за послѣднее 50 лѣтіе б. или м. значительно увеличились, тогда какъ въ родахъ наименѣе тѣмъ и другимъ занятыхъ (Басагарск. отд. и Курчиковскомъ) они много уменьшились; послѣднее относится и къ Игинскому роду, сильное уменьшеніе запасовъ сѣна въ которомъ должно быть отнесено частію на счетъ сокращенія населенія въ немъ (см. стр. 30).

Доходность одной десятины покосовъ Кызыльскаго вѣдомства изслѣдователь 1890 г. вычисляетъ въ 2 р. 50 к., а весь чистый доходъ со всего сѣнокошенія въ 22772 рубля. По его оцѣнкѣ выходитъ, что десятина покоса и десятина мягкой пашни приносятъ инородцу одинаковый „чистый доходъ“ — 2 р. 50 к. и 2 р. 51 к. (для пашни). Общая доходность пахотныхъ угодій равняется всего лишь 5302 рубл. — Доходъ отъ огородничества полагается для всей управы въ 384 рубля; „добавочный чистый доходъ отъ промысловъ“ — 189 рубл. Въ помѣщаемой ниже таблицѣ приводятся суммы чистаго дохода отъ пастбища и усадьбы, а также общая доходность всѣхъ подвергшихся оцѣнкѣ земельныхъ угодей, отдѣльно для каждаго изъ родовъ.

Названіе родовъ.	Чистый доходъ отъ пастбищъ.	Доходность усадьбы.			Доходность всѣхъ оцѣняем. угодій.		
		Десятинъ всей усадьбы.	Чистый доходъ.		Всего десятинъ оцѣняемыхъ угодій.	Чистый доходъ.	
			Съ 1 десят.	Со всѣхъ десят.		Съ 1 десят.	Со всѣхъ десят.
Басагарскій 1 и 2 пол. родъ	638	11	5,55	61	572	3,67	2102
Басагарск. отдѣл. родъ . . .	1260	3	5,67	17	556	4,78	2660
Мало-Ачинскій родъ	1871	9	5 56	50	1201	4,08	4902
Камнарскій родъ	2047	13	5,54	72	1503	3,89	5847
Игинскій родъ	1310	9	5,56	50	1125	3,69	4151
Больше-Ачинскій родъ. . . .	3675	12	5,58	67	1498	4,98	7459
Кызыльскій родъ	1428	8	5,63	45	998	3,96	3949
Шуйскій родъ	2276	22	5,55	122	2256	3,54	7991
Курчиковскій родъ	1223	9	5,56	50	1126	3,61	4066
Мало-Аргунскій родъ.	442	7	5,56	39	490	3,45	1690
Итого	16170	103	5,57	573	11325	3,96	44817

Ради сравненія, укажемъ цифры доходности тѣхъ-же земельныхъ угодій, среднія для всего Ачинскаго округа: чистый доходъ 1 дес. пашни = 7 рубл. 1 коп., десятины покоса — 2 р. 68 к., десятины усадьбы — 12 р. 36 к., десятина всѣхъ оцѣняемыхъ угодій — 4 р. 64 к.

Средній чистый доходъ (въ рубляхъ) въ Кызыльск. Думѣ и сосѣдней съ ней Ужурской волости выражается (1890 г.) слѣдующими цифрами:

Названіе адмнп. единицы.	Средній чистый доходъ въ рубляхъ.		
	На 1 душу населенія.	На 1 взросл. работника.	На 1 хозяйство.
Кызыльская управа .	8,36	32,78	42,72
Назаровская волость	20,31	79,26	97,42

Улусы: Божьеозерскій, Малоозерскій, Янгуловъ, Уракскій, Ошкольскій, Когаевскій, Больше- и Мало-Тайдоновскіе, Барбаковъ, Агаскырскій, Балыхчинъ, два Саралинскихъ, Сертачульскій, Костинскій, Торчинскій, Сектинскій и Половинскій образуютъ 16 выгонныхъ общинъ (улусы Тайдоновскіе съ Барбаковскимъ ул. пользуются съ общимъ выгонамъ), при чемъ хотя нѣкоторые улусы и не имѣютъ огороженныхъ выгоновъ, но скотъ пасутъ особо отъ другихъ улусовъ. Хотя покосныя общины встрѣчаются изрѣдка, (ул. Малоозерскій), но покосы каждый улусъ имѣетъ свои особые. Пашни перечисленныхъ улусовъ, расположенныя небольшими участками, являются совершенно обособленными. Тутъ-же пашутъ баитскіе и кулунскіе крестьяне. — Улусы Старо-Урюпинскій и Талкинскій имѣютъ всѣ угодья особо отъ другихъ улусовъ; близъ ихъ пользуются покосами крестьяне д. Скрипачи. — Улусы Мажарскій и Шушенскій, составляя одну выгонную общину, покосами и пашнями пользуются черезполосно другъ съ другомъ. Улусъ Косонгольскій составляетъ особую и выгонную и покосную общину. Чебаки (с. Покровское) имѣютъ отдѣльный выгонъ и обособленные покосы. У единственныхъ, получившихъ надѣлъ, улусовъ Усть-Парпинскаго и Косоложенскаго — свои отдѣльные у каждаго выгоны; покосы они дѣлятъ сообща, а пашни имѣютъ черезполосныя. Въ ихъ дачѣ покосами и пашнями пользуются парнинцы и темринцы — крестьяне („Матерьялы . . . и пр.“).

Лѣсомъ инородцы пользуются, преимущественно, въ своемъ районѣ, и только инородцы ул. Староурюпинскаго, расположеннаго въ безлѣсной мѣстности, покупаютъ лѣсъ въ с. Подзорахъ, Боготольск. вол., и въ Ершахъ, Назар. вол. Въ инородческомъ районѣ пользуются лѣсомъ крестьяне окрестныхъ селеній (Париловой, Бараита, Имыша) — мѣстами свободно, мѣстами уплачивая оброкъ. („Матерьялы").

Насколько можно судить по даннымъ сгруппированымъ въ таблицѣ на стр. 26, общее количество скота у Кызыльскихъ инородцевъ за послѣднее 75-лѣтіе измѣнилось очень мало, меньше, чѣмъ составъ разводимаго ими скота. Число головъ скота — коннаго, рогатаго и овецъ — вмѣстѣ въ 1824 г. доходившее до 7,3 головъ на одну душу мужск. пола, понизилось въ 1841 г. до 6,8 головъ, но къ девяностымъ годамъ снова поднялось до 7,4 головъ. Но въ то время какъ число коннаго скота, съ 3,5 головъ на душу м. п., упало въ 1841 году до 2,3, и къ девяностымъ годамъ опять достигло 3,1 гол., количество рогатаго, все время увеличивалась (въ 1824 — 1,9 гол., въ 1841 г. — 2,2), дошло въ 1890 г. до 2,4 головъ на 1 душу м. п. [1])

Сильное паденіе скотоводческаго хозяйства передъ сороковыми годами, изслѣдователь-современникъ (Щукинъ) приписываетъ спросу и коннаго и мяснаго скота со стороны только что возникшихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ инородцевъ пріисковъ. Торговцы мяснымъ скотомъ, поставлявшіе его съ Красноярскъ и Иркутскъ, столкнули въ инород-

1) Мы беремъ для сравненія данныя только трехъ приведенныхъ годовъ, потому что они представляются намъ наиболѣе заслуживающими довѣрія. Въ 1824 г. — только что открылась Дума и первыя свѣдѣнія, представленныя ею въ этомъ году наиболѣе обстоятельны, а въ 1841 году — чрезвычайно подробныя данныя, касательно различныхъ сторонъ хозяйственнаго быта инородцевъ, доставлялись Думой „командированному отъ V отд. собств. Е. И. В. канцеляріи, генералъ-майору Черкасову".

Въ 1868 г. Дума вычисляла, что „на каждую рабочую душу мужск. и женск. пола приходится: лошадей по три штуки", и по стольку же — „коровъ" и овецъ, а „на занимающихся хлѣбопашествомъ", сверхъ того, еще по двѣ свиньи.

ческихъ владѣніяхъ съ пріисковыми закупщиками и цѣны сразу поднялись до небывалыхъ размѣровъ. Это обстоятельство побудило инородцевъ распродать большинство своего скота. — Эта была однако не единственная причина уменьшенія количествъ скота у инородцевъ. Дѣло въ томъ, что, начиная съ самаго открытія степныхъ Думъ, т. е. съ 1824 года, и кызыльцы и Минусинскіе инородцы уже жалуются на „каждогодные надежи скота“. (1825 годъ). Изъ донесенія Минусинскаго и Ачинскаго Земскихъ Судовъ 1828 года видно, что въ первомъ изъ названныхъ округовъ „въ 1826 г., и нынѣшнемъ 1828 г., а въ послѣднемъ въ 1826 г., въ продолженіи каждой зимы происходилъ значительный въ лошадяхъ и проч. крупномъ и мелкомъ скотѣ упадокъ, ибо въ Минус. окр. въ теченіи двухъ зимъ пало лошадей 4720, рогатаго скота крупнаго 8595, мелкаго 4210; въ Ачинскомъ же въ теченіи одной зимы пало лошадей, съ жеребятами 1270, а вообще (т. е. всего въ двухъ округахъ) 18795 штукъ“ (подробнѣе см. ниже).

„По вѣдомству Кызыльск. Степн. Думы — читаемъ въ дѣлѣ № 24, 1869 г. — скотоводствомъ занимаются, преимущественно, инородцы, не имѣющіе хлѣбопашества. Особенно много держатъ скота двое инородцевъ. Уходъ за скотомъ весьма небреженъ; дома держатъ только лошадей рабочихъ, коровъ, дойныхъ и овецъ, но и изъ нихъ лишь послѣднія (овцы) содержатся въ крытыхъ дворахъ, а лошади и коровы — въ некрытыхъ пригонахъ и дворахъ. Остальныя (нерабочія) лошади и не дойныя коровы всю зиму пасутся по степямъ около горъ, гдѣ снѣгу бываетъ очень мало, чрезъ что дѣлаются къ веснѣ тощими и рѣдко бываютъ (весной) годными — лошади для работъ, а скотъ для убоя, и поправляются уже весною на хорошемъ корму. Лошади рабочія, дойныя коровы и овцы кормятся сѣномъ, а занимающіеся хлѣбопашествомъ даютъ лошадямъ и овесъ. [1])

1) „На рабочихъ лошадей у занимающихся хлѣбопашествомъ употребляется овса по 10 пуд. на каждую лошадь въ мѣсяцъ“ (1869).

Въ „отвѣтѣ на программу свѣдѣній по коннозаводству", затребованномъ чрезъ исправника изъ Петербурга, Кызыльская Дума въ 1879 г. сообщаетъ между прочимъ слѣдующее: общее количество лошадей у кызыльцевъ — 4894 головы; „порода мѣстная, средняго роста, около $1^3/_4$ арш. высоты, слабаго сложенія, слабосильная (ибо хлѣбомъ не кормятъ, а одной травой да соломой), характера б. ч. дикаго, а обученныя для ѣзды — кроткаго характера", мастей разнообразныхъ, но больше всего гнѣдой и рыжей; для верховой ѣзды всѣ годны, рысистыхъ нѣтъ; всего же болѣе пригодною мѣстная лошадь оказывается „для легкой домашней работы, потому что инородцы не занимаются уходомъ за лошадьми и не заботятся объ улучшеніи породы". Случки происходятъ исключительно внутри своихъ табуновъ и закупа производителей со стороны „никогда нигдѣ не производится". Каждую весну около десятка молодыхъ, по 3—4-му году кобылицъ и одного лѣтъ 5 жеребца отдѣляютъ отъ табуновъ и запираютъ въ особую поскотину недѣли на двѣ; когда они свыкнутся — отпускаютъ пастись въ степь, образуя такимъ путемъ новый табунъ. „Къ слѣдующей веснѣ родятся въ этомъ табунѣ молодые жеребята, за которыми не бываетъ никакого ухода, (почему) большая часть изъ нихъ истребляется звѣремъ". Вслѣдствіе „плохого ухода и досмотра за табунами, кровосмѣшеніе допускается, черезъ что порода лошадей б. ч. мелкая и слабая". Табуны состоятъ изъ 15—40 лошадей. Продажа лошадей всего больше производится на золотые пріиски. „Заболѣвшія лошади либо околѣваютъ, либо сами собой оздоравливаютъ". Пастуху платятъ по 30 коп. съ лошади въ годъ; одному пастуху довѣряютъ не болѣе 500 штукъ. — Жеребцы употребляются въ работу, преимущественно, отъ 10 до 15 лѣтняго возраста. „Кладутъ лошадей на 5-мъ году, но вообще самый пригодный (для работы на нихъ) возрастъ отъ 7 до 15 лѣтъ". Далѣе лошадь уже замѣтно слабѣетъ и въ 20 лѣтъ признается старою и почти негодною въ работу. Живутъ лошади до 25, рѣдко до 30 лѣтъ. Инородческая лошадь

можетъ везти возъ въ 25 пудовъ свободно, а „вершная“ (т. е. подъ верхомъ) можетъ нести на себѣ не болѣе 8 пудовъ тяжести. Обозныя инородч. лошади могутъ ежедневно дѣлать перегоны не болѣе какъ въ 30 верстъ, а единовременно сдѣлаютъ и до 50 верстъ въ сутки. — „Ясачные инородцы имѣютъ большую страсть къ состязаніямъ въ бѣгахъ лошадей верхомъ, каковые бѣга производятся ими во всякое время года, безъ соблюденія какихъ-либо обрядовъ и правилъ, а просто состязаются на пари“. Вотъ какъ описываетъ еще въ 1837 году Дума устройство и характеръ такихъ бѣговъ.

„Бѣга и скачки среди инородцевъ хотя и существуютъ, но оные совсѣмъ въ противоположномъ видѣ (тѣмъ), каковые есть въ Россіи и сопровождаются слѣдующимъ образомъ. Напримѣръ, А и Б, имѣя у себя скакуновъ-выродковъ, бьются объ закладъ о способностяхъ и быстротѣ бѣга своихъ лошадей, опредѣляютъ заблаговременно день и мѣсто пространства къ такому бѣгу, отдаютъ въ постороннія руки залогъ, состоящій, . . . въ извѣстной имъ суммѣ денегъ, и если чья лошадь выскачетъ на назначенный пунктъ прежде, тогда залогъ тотъ достается въ руки выигравшему. Они (спорящіе) за два или за три (дня) или за недѣлю до назначеннаго къ скачкѣ времени передаютъ скакуновъ своихъ въ руки избранныхъ ими особыхъ людей, которые имѣютъ способность ихъ выдерживать (яровать) къ сроку бѣга; между-же тѣмъ, . . . сторонніе, узнавъ о семъ закладѣ, или входятъ въ составъ хозяйскихъ (т. е. хозяевъ лошадей) закладовъ, . . . или держатъ особые, тоже съ посторонними людьми, (число) коихъ, побочныхъ соучастниковъ въ мелкомъ объемѣ, простирается иногда человѣкъ до 200. — Вотъ, наконецъ, наступаетъ день скачки; тутъ можно будетъ видѣть на мѣстѣ (ея) соучаствующихъ и побочныхъ (постороннихъ зрителей), по крайней мѣрѣ, до 500 человѣкъ, изъ коихъ болѣе половины на верховыхъ лошадяхъ, имѣя каждый въ рукѣ плеть. За симъ выводятъ скакуновъ, на коихъ, вмѣсто жокеевъ два небольшіе мальчика отъ 8 до 12 лѣтъ, просто, безъ сѣделъ, и когда всѣ приве-

дутъ лошадей на пунктъ разстоянія предположеннаго бѣга, съ котораго должно пускать ихъ, тогда участвующіе въ закладѣ, на всемъ пространствѣ назначеннаго мѣста къ бѣгу, разсыпаются, будучи по сторонамъ дороги на верховыхъ лошадяхъ, въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи, на двѣ линіи (въ два ряда), т. е. противоположная сторона противъ другой, — гдѣ и сожидаютъ тѣхъ скакуновъ. Коль же скоро бѣгъ начнется . . . (и) одинъ скакунъ бѣжитъ впереди или остается назади — тогда всякій соперникъ, желая выиграть закладъ, наноситъ каждому скакуну нѣсколько сотъ ударовъ плетью, дабы тѣмъ оживить и прибавить его бѣга; и сіе продолжается постоянно до самой цѣли мѣста. Тутъ оканчивается бѣгъ и выдаются заклады. Надобно замѣтить, что бѣга иногда бываютъ верстъ на 30 и 40, и сіе пространство пробѣгаютъ не болѣе какъ въ 1½ и 2 часа".

Изъ этого-же донесенія Думы узнаемъ, что всѣхъ табуновъ въ 1837 г. у кызыльцевъ было „не болѣе 105", въ 20—30 головъ каждый. По отдѣльнымъ управамъ (родамъ) они распредѣлялись такъ:

Названіе управъ.	Табуновъ.	Въ нихъ:		Приплодныхъ.								Мериновъ.	Итого.
		Жеребцовъ.	Кобылицъ.	Сосуновъ.		1-го года.		2-хъ лѣтъ.		3-хъ л.			
				Жеребятъ.	Кобылицъ.	Жеребятъ.	Кобылицъ.	Жеребятъ.	Кобылицъ.	Жеребятъ.	Кобылицъ.		
Кызыльская . . .	3	3	71	20	40	10	9	8	5	10	20	79	275
Игинская	11	11	328	25	50	20	40	26	34	19	18	124	698
Больше-Ачинская	16	16	462	110	99	20	30	35	28	18	41	116	975
Мало-Ачинская . .	31	31	494	200	100	60	90	30	25	17	70	386	1503
Басагарск. 1 и 2 п.	3	3	49	11	20	5	7	3	4	—	4	39	145
Басагарск. отд. .	3	3	53	10	11	3	6	1	15	2	4	25	137
Камларская	15	15	254	70	107	30	47	21	41	10	29	152	776
Малоаргунская . .	2	2	69	1	17	—	19	—	15	3	6	32	167
Курчиковская . .	8	8	219	49	59	30	41	12	29	9	42	164	655
Шуйская.	13	13	374	50	70	20	47	13	19	2	39	162	809
Итого . .	105	105	2373	539	573	198	336	149	218	90	276	1283	6140

Общій составъ стада у кызыльцевъ въ 1841 г. (по свѣдѣніямъ Думы) и въ 1890 г. (данныя переписи) представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

Названіе родовъ.	1841 годъ.											
	Лошадей.				Рогатаго.				Овецъ.			
	Жеребцы.	Меринъ.	Кобылицы.	Жеребята.	Порозовъ.	Быковъ.	Коровъ.	Телятъ.	Барановъ.	Овецъ.	Ягнятъ.	Козъ.
Кызыльскій . . .	3	65	111	47	11	28	136	42	21	132	43	—
Игинскій	9	154	372	134	28	76	396	174	54	462	176	10
Больше-Ачинскій . .	15	237	512	211	49	158	622	163	101	624	292	28
Мало-Ачинскій	18	224	521	227	32	149	524	191	121	781	331	14
Басагарскій 1 и 2 п.	3	55	76	21	10	12	102	25	37	94	61	9
Басагарскій отдѣл.	3	51	89	19	11	28	84	24	39	195	58	19
Камларскій	16	193	446	183	26	127	456	112	104	484	167	26
Малоаргунскій .	2	29	41	13	9	17	42	21	22	66	31	—
Курчиковскій . . .	8	152	281	26	21	48	339	109	42	231	75	—
Шуйскій	11	194	433	85	37	84	445	131	41	331	91	48
Итого . . .	88	1354	2882	966	234	727	3146	991	582	3400	1325	154

Въ 1823 г., по свѣдѣніямъ управы, было продано 97 лошадей, 141 голова рогатаго и 72 овцы. За трехлѣтіе передъ 1825 годомъ продано было лошадей и рогатаго вмѣстѣ — 3600 головъ — „мало, вслѣдствіе падежей“.

Въ 1829 г. Дума слѣдующимъ образомъ высчитывала общій доходъ отъ скотоводства:

1) Отъ продажи мяснаго скота, рогатаго — 2200 руб., овецъ — 135 р.

2) Отъ продажи кожъ рогатаго скота — 2580 руб., овецъ — 310 р.

Отъ продажи сала — 320 р. и масла — 6000 р.

Или всего дохода отъ скотоводства — 11545 р. По-

1) Во всѣхъ родахъ было всего: 30 козловъ, 76 козъ и 48 козлятъ.
2) Во всѣхъ родахъ было всего: 21 боровъ, 54 свиньи и 99 поросятъ.

требляется въ пищу самими инородцами до 1200 головъ рогатаго и 2000 овецъ. По свѣдѣніямъ 1837 г., кызыльцы продаютъ и старыхъ лошадей на мясо каченскимъ инородцамъ, и „даже нѣ-

1890 годъ.

Лошадей.		Рогатаго.			Овецъ.	Свиней.	Козъ.	Итого.	
Рабочихъ.	Жеребятъ.	Коровъ.	Остальнаго крупнаго.	Телятъ.				Крупнаго.	Мелкаго.
358	117	303	140	192	443	19	2	1066	773
262	127	292	148	173	382	26	23	975	731
1528	530	516	351	381	868	18	35	2757	1832
361	181	446	243	294	928	20	—	1355	1423
76	61	160	62	91	220	17	—	471	389
593	118	137	94	104	276	3	12	957	513
409	199	435	250	273	687	46	15	1516	1220
58	45	84	54	45	172	27	1	325	290
198	104	321	118	172	340	2	—	917	618
362	167	410	269	262	715	186	8	1587	1338
4205	1649	3104	1729	1987	5031	364	96	11926	9127

которые изъ ясашныхъ кызыльцевъ, бывъ удручены бѣдностью, посягаютъ на сіе“ (т. е. на употребленіе въ пищу конины).

Въ 1841 г. Дума сообщаетъ, что лошадей въ вѣдомствѣ продается въ годъ до 220, рогатаго скота около 200, овецъ до 450. Средняя цѣна лошади 70 рублей, головы рогатаго — 30 р., овцы — 6 р. асс. Въ 1861 г. Дума опредѣляетъ общую годовую сумму отъ продажи скота въ 7000 р., шерсти, сала, масла и кожъ — 1400 р. (хлѣба — 1500 руб.). Въ 1869—1871 г. среднія цѣны на рогатый скотъ были такія: быки — 18 руб., коровы — 15, яловыя — 10 р., телята менѣе года — $1^1/_2$ р. Въ 1879 г. цѣна на лошадей была отъ 15 до 30 руб. [1]).

Падежи скота, о которыхъ уже не разъ упоминалось,

1) Сѣно въ этомъ-же году продавалось по 10—15 коп. за пудъ, овесъ — отъ 25 до 40 коп.

начались одновременно или даже ранѣе (ср. стр. 82) открытія Думы. Жалуясь на малую продажу скота, по случаю „каждогодныхъ падежей", Дума сообщаетъ въ 1825 г., что изъ 2855 человѣкъ инородцевъ — „зажиточныхъ, имѣющихъ скотъ и юрту" всего лишь ок. 2000 чел., остальные-же служатъ въ работникахъ. Въ неурожайные годы приходится отдавать скотъ по дешевой оцѣнкѣ за дорогой хлѣбъ [1]). Въ этомъ (1825) году въ разныхъ улусахъ Думы „существовала" какая-то „внутренная" болѣзнь на лошадей. Когда, наконецъ, къ кызыльцамъ прибылъ нарочно командированный туда помощникъ ветеринара Гельтъ — болѣзнь „уже совершенно прекратилась." Тѣмъ не менѣе, Гельтъ оставилъ медикаменты съ наставленіемъ объ ихъ употребленіи — „на случай (если) впредь случится на скотъ болѣзнь." За эти медикаменты было взыскано потомъ съ инородцевъ въ казну 24 р. 6 коп. Болѣзнь вызвала приказъ енис. губ. правленія: „гонять скотъ въ Иркутскую губ. не по почтовому тракту, а проселками." — Въ слѣдующемъ 1826 году отмѣчается падежъ на лошадей: съ 16 по 30 апрѣля пало 1280 головъ [2]), съ 1-го по 16 мая еще 69. — Въ 1827 г. Дума доноситъ объ „упадкѣ скота" во всѣхъ управахъ, кромѣ М.-Аргунской (и Мелецкой), жалуется на „хромоту" лошадей. Въ теченіи весны этого года пало 194 лошади. По объясненію Думы, никакой болѣзни повальной нѣтъ, но, по невозможности заготовки для всего скота сѣна, онъ сильно тощаетъ за зимнее время и, по оттаиваніи снѣга, съ жадностью набрасывается на солонцеватую землю; „послѣ сего въ желудкѣ ея (земли)

1) Въ 1841 г. Дума снова жалуется: „ясачные Кызыльскаго родоначалія, третья часть вовсе не имѣютъ скота, по случаю вошедшей издревле между ними бѣдности, а болѣе потому, что въ прошедшіе года, по дороговизнѣ хлѣба и другихъ жизненныхъ припасовъ, на покупку этого они употребили много скота и, по неимѣнію въ тогдашнее время хлѣба, болѣе должной пропорціи обращали его (т. е. скота), въ пищу".

2) Въ Б.-Ачинской управѣ — 344, въ М.-Ачинской — 360, Басагарск. отдѣл. — 54, Кызыльской — 44, Курчиковской — 82, Итинской — 252, Басагарск. 1 и 2 пол. — 37, Камлярской — 84, въ М.-Аргунской — падежа не было, въ Шуйской управѣ пало — 23 головы.

тяжести перенести не можетъ и пропадаетъ.“ По другому предположенію Думы, „пожирая“ всякую показывающуюся весною траву, скотъ не разбираетъ („отъ жадности“) среди нея и вредной. Выѣхавшій въ Думу окружный лекарь даетъ инородцамъ наставленіе (письменное!), какъ лѣчить такой скотъ, причемъ, въ качествѣ „лучшаго средства“, рекомендуется имъ употребленіе поваренной соли, селитры и купоросной кислоты . . .

Губернское правленіе, съ своей стороны, совѣтуетъ (въ 1828 г.) принимать слѣдующія мѣры: 1) съ наступленіемъ осени, пасти сначала скотъ въ лѣсахъ, гдѣ зимою выпадаетъ много снѣга (лѣса, луга между горами и пр.), а гдѣ снѣга́ малы — оставлять тѣ пастбища на зиму; 2) запасать сѣна по числу скота, если не 1/4 всего необходимаго количества, то хотя бы 1/8 его; 3) для мелкаго скота устраивать плетеные, крытые дворы. — Изъ обращенія общаго собранія Кызыльскихъ инородцевъ къ Думѣ въ 1851 г. (18 іюля) узнаемъ, что „въ теченіи минувшей зимы и весны у нѣкоторыхъ инородцевъ во многихъ улусахъ появилась на лошадяхъ какая-то до того неизвѣстная намъ чесотка, на что мы, первоначально, не обращали никакого вниманія, думая, что она происходитъ отъ нужды, по недостатку въ весеннее время кормовъ, и (что она) можетъ пройти ко времени созрѣванія новой травы, когда лошади будутъ поправляться“. Оказалось однако не такъ, и за лѣто болѣзнь „обратилась въ прилипчивую — паршъ“. Всѣ мѣры борьбы оказались безуспѣшными. У князца Чарочкина перезаразилось уже до 30 лошадей. Собраніе инородцевъ проситъ Думу „воспретить всѣмъ инородцамъ, отнюдь не допущать зараженныхъ вышеписанною болѣзнью лошадей къ здоровымъ, и чтобы хозяева оныхъ, если пожелаютъ пользоваться (ими), то держали бы таковыхъ какъ можно осторожнѣе, въ особенныхъ крѣпкихъ дворахъ; въ противномъ случаѣ, не благоугодно-ли будетъ (Думѣ) приказать всѣхъ таковыхъ лошадей истребить смертію, на каковой предметъ (и) дать предписаніе всѣмъ князцамъ и про-

чимъ инородческимъ начальникамъ". Тутъ-же сообщаются и свѣденія о ходѣ болѣзни въ трехъ улусахъ, причемъ оказывается, что въ ул. Устьпечищенскомъ изъ 270 лошадей, съ 10 апр. по 25 окт. заболѣли 107 лошадей, пало 27; въ ул. Исаковомъ съ 20 мая по конецъ октября заболѣло изъ 96 — 56 лошадей, пало 8; въ ул. Костинскомъ съ 1 іюня по 15 сентября заболѣла 1 (изъ 85) лошадей. Болѣзнь прекратилась между 25 и 29 октября. — Въ 1857 г. находимъ „дѣло о скотскомъ падежѣ („отъ неизвѣстной болѣзни")"; съ 4 іюля по 15 августа вывалилось отъ нея въ ул. Мажарскомъ — 51 лошадь, въ Усть-Паршинскомъ тоже 51, въ Котоложенскомъ — 23 лошади. — Въ 1867 г. Дума извѣщаетъ о появившейся въ нѣкоторыхъ улусахъ, съ конца іюня сибирской язвѣ. Въ Чебакахъ, Торчѣ, Балыхчинскомъ улусѣ, Божьеозерскомъ и Сектенскомъ пало отъ нея 80 лошадей, да 20 выздоровѣли. Болѣзнь продолжалась и въ слѣдующемъ 1868 г., когда въ Торчинскомъ, Балыхчинскомъ и Черноозерскомъ улусахъ вывалилась 91 лошадь. — Весьма краснорѣчивый отчетъ по движенію эпидеміи (чума) рогатаго скота былъ представленъ Думою въ 1871 г. Вотъ составленная ею самой табличка:

Названіе улусовъ.	Съ какого времени до какого былъ падежъ.	Было скота.	Заболѣло.	Пало.	Выздоровѣло.	Осталось.
Паршинскій	Съ 14 дек. 1870 г. по 11 янв. 1871 г.	318	318	318	—	—
Подкаменскій . . .	Съ 15 дек. по 16 янв.	180	180	180	—	—
Усть-Печищенскій	Съ 15 дек. по 2 янв.	210	210	210	—	—
Барбаковъ	Съ 15 дек. по 16 янв.	150	150	150	—	—
Костинъ	Съ 12 янв. по 25 мар.	236	210	200	10	36
Косоложенскій . .	Съ 20 янв. по 25 мар.	222	144	137	7	85
Итого	—	1316	1212	1195[1])	17	121

1) Въ числѣ 1195 головъ павшихъ было быковъ 140, коровъ 685, „яловицъ" 220, телятъ 150.

Во время этой эпидеміи нѣкоторые изъ инородцевъ убивали свой здоровый скотъ, причемъ общество выдавала имъ о его здоровомъ состояніи удостовѣреніе. Такъ инородецъ Отраковъ извѣщаетъ Думу, что онъ, „опасаясь, (такъ) какъ въ нашемъ улусѣ появились неблагополучія въ рогатомъ скотѣ, у инородца Кукарцева, . . . (рѣшилъ) благополучный скотъ (свой), совѣтуясь съ домашними моими семействами колоть, (но) не осмѣливаясь безъ общественнаго согласія . . ., собралъ нашего улуса инородцевъ“, которые, по освидѣтельствованіи скота признали его дѣйствительно здоровымъ. Всего Отраковъ закололъ 23 скотины. Въ это-же время Думѣ доносятъ, что въ Костинскомъ улусѣ скотскія „брюшины полощутъ въ колодцѣ, изъ котораго берутъ питьевую воду“. Дума назначаетъ тотчасъ же по этому поводу слѣдствіе. Павшій скотъ, равно какъ и навозъ изъ дворовъ его, Дума приказываетъ сжигать. — Въ дѣлахъ архива за 1873 г. находимъ, между прочимъ, дѣло „о страхованіи рогатаго скота“, вызванное „циркулярнымъ предложеніемъ Министра Внутр. Дѣлъ отъ 13 окт. 1871 г.“ Общее собраніе, обсудивъ означенное предложеніе, извѣщаетъ начальство, что на страхованіе скота „на предметъ выдачи премій, въ случаѣ убиванія его зачумленнымъ, мы (инородцы) объявляемъ полное наше согласіе“ [1]). — Въ 1874 году съ 22 іюня по 8 іюля въ ул. Уракскомъ пало отъ какой-то болѣзни 27 лошадей. Въ 1878 году здѣсь-же изъ общаго числа 300 овецъ 210 вывались отъ осны [2]).

---

1) По этому поводу, Дума доставляетъ слѣдующія свѣдѣнія о количествѣ рогатаго скота въ теченіе трехлѣтья 1870—1872 годъ:

Года.	Быковъ.	Коровъ.	Яловицъ.	Телятъ (менѣе 1 г.)	Итого.
1870	520	5205	750	510	6985
1871	450	5055	650	450	6605
1872	380	3016	580	380	4500

2) Въ томъ-же году въ Божьеозерскомъ улусѣ убита оказавшаяся больной сапомъ „пришатавшаяся“ лошадь.

Какъ указывалось на стр. 72—73, уже въ 1824 г. инородцамъ для уплаты ясака пушниной приходилось часть этой послѣдней прикупать „у частныхъ лицъ.“

Жалобы на уменьшеніе звѣря архивомъ вѣдомства отмѣчаются съ 1825 г. „Назадъ тому нѣсколько лѣтъ“ — читаемъ въ одномъ дѣлѣ этого года — звѣриные промыслы пали, и 1582 наличнымъ душамъ тяжело платить ясакъ за себя и еще за 1273 души престарѣлыхъ, нездоровыхъ, малолѣтнихъ . . .“ Въ другомъ дѣлѣ, относящемся къ тому-же 1825 г., князецъ Мелецкой 1 пол. управы (Карачагинъ), на приказъ Думы о высылкѣ въ нее ходоковъ, отвѣчаетъ: „справкою оказалось, что оной волости весь ясашный народъ находится въ лѣсахъ на промыслѣ, а иные, вышедшіе изъ лѣсовъ, объяснили, что, по неспособному (т. е. неблагопріятному) сею осенью звѣриному улову, и отъ ранняго выпаденія съ дождями снѣговъ и обледенѣнія, встрѣтили ясашные нынѣ неуловъ звѣря, (и) уже вторократно ушли въ лѣса, въ дальнія тайги, на лыжахъ.“ — И въ дальнѣйшемъ, не проходило года безъ того, чтобы не раздавались все новыя и новыя сѣтованія по тому-же поводу. Но особенно усилились они, начиная со второй половины 30-ыхъ годовъ, послѣ открытія въ ачинск. окр. пріисковъ.

Въ 1841 г. инородцы сами уже, констатируя малый звѣриный уловъ, объясняютъ его „открывшимися на мѣстахъ звѣриныхъ промысловъ, въ таежномъ лѣсу Кызыльской земляцы, частныхъ золотыхъ промысловъ.“ Съ 1835 года ясакъ взносился одними деньгами. „Уловъ соболей — констатируетъ Дума — прекратился (тоже) съ 1835 года.“

Въ 1850 г. Дума указываетъ и другія еще причины уменьшенія звѣря, кромѣ открывшихся пріисковъ и связанныхъ съ этимъ обстоятельствомъ явленій. Въ этомъ году, на общемъ сходѣ, инородцы „имѣли разсужденіе относительно нашихъ инородческихъ промышленностей, изъ числа коихъ звѣриная, по случаю умножившагося народа во всѣхъ таежныхъ странахъ, совершенно пришла въ упадокъ, и паче въ

прошедшіе два или три года, когда крестьяне Ужурской волости, деревень Берешенской, Кодатской, Темринской и села Шарыповскаго устроили для ловли дикихъ козъ обширныя поскотины, (вмѣстѣ) съ ясачными, въ таежныхъ мѣстахъ, принадлежащихъ издревле здѣшнимъ инородцамъ, и по самымъ тѣмъ путямъ, гдѣ проходятъ вышеписаннаго рода звѣри, большими гурьбами или стадами, и въ чемъ въ скоромъ времени до самаго уничтоженія вылавливаются. А какъ мы, инородцы, преимущественно занимаемся этимъ промысломъ, добывая ружьями, луками, черезъ что имѣемъ таковую себѣ пищу и одежду, то вынужденными нашлись составить на этотъ предметъ общественный нашъ приговоръ и покорнѣйше просить высшее начальство, дабы оное не оставило уничтоженіемъ нынѣ существующихъ огородовъ, поставленныхъ крестьянами вышеписанныхъ деревень, и о воспрещеніи вновь устраивать таковые сдѣлать надлежащее распоряженіе, и такимъ образомъ, въ огражденіе насъ отъ подобныхъ стѣсненій, оказать намъ милость и удовлетвореніе, при чемъ такъ-же не лишнимъ считаемъ объяснить, что, если кто изъ вышеозначенныхъ крестьянъ имѣетъ охоту и способность на ловлю подобнаго рода звѣрей, то занимались-бы этимъ промысломъ, собственно тѣми орудіями, какія имѣютъ инородцы, а не поскотинами, которыми захватываютъ обширное пространство (и) этимъ могутъ рѣшительно прекратить эту ловлю на многія лѣта."

Въ 1861 г. отмѣчается „незавидность" промысла — особенно уловъ соболя, горностая и лисицъ „самый ничтожный"; уловъ бѣлки „годъ отъ году приходитъ въ упадокъ, по случаю распространенія въ таежныхъ лѣсахъ" золотопромышленности.

Въ 1896 года инородцами составленъ былъ (10 февраля) слѣдующій приговоръ: „За заказомъ и изъятіемъ казенныхъ лѣсовъ въ Ужурской волости изъ свободнаго пользованія крестьянъ, . . . крестьяне деревень, примыкающихъ къ инородческимъ землямъ . . . усиленно устремились въ лѣса, сохранившіеся въ центрѣ земельныхъ надѣловъ

вѣдомства Кызыльской инородн. управы, (и) безпощаднымъ способомъ, безъ соблюденія правилъ лѣсныхъ порубокъ, рубятъ дровяной, строевой и подѣлочный лѣсъ, отведенный въ исключительное пользованіе инородцамъ, и тѣмъ самымъ грозятъ окончательно погубить не только матерьяльное благосостояніе всѣхъ инородцевъ, но ихъ существованіе. (Между тѣмъ,) большинство насъ, кызыльцевъ, народъ кочевой, къ осѣдлой (жизни) не обычны, занятія состоятъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ — (въ одной) звѣропромышленности, какъ единственномъ средствѣ къ существованію, что, вѣроятно, Высшее Правительство и имѣло въ виду, при указаніи инородцамъ въ пользованіи земель, отводя имъ теперешнее мѣстоположеніе, гдѣ въ центрѣ этихъ земель, въ находящихся тамъ лѣсахъ, инородцы и въ настоящее время охотятся на дикихъ козъ, лисицъ и другихъ звѣрей. При такой-же массовой вырубкѣ этихъ лѣсовъ крестьянами Ужурск. вол., а отчасти и населеніемъ другихъ вѣдомствъ, лѣса инородческіе истреблены будутъ, по ихъ малочисленности и рѣдкости, не болѣе какъ въ двѣ зимы; послѣдствіемъ чего предстоитъ инородцамъ очевидная гибель, такъ какъ безъ лѣса и озеръ наши Кызыльскіе инородцы помрутъ съ голоду". Инородцы выбираютъ 6 лѣсныхъ сторожей, и рѣшаютъ образовать лѣсной капиталъ для охраненія лѣсовъ „отъ хищническихъ порубокъ не только крестьянами, но и нами самими, инородцами, если послѣдніе рѣшились бы рубить общій нашъ лѣсъ на продажу лицамъ другихъ сословій, безъ нашего разрѣшенія". Лѣсной капиталъ составляется отъ продажи отобраннаго лѣса, и въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ считается неприкосновеннымъ. — Въ томъ же 1896 года Управа пишетъ: „замѣчается уменьшеніе звѣрей. Объясняютъ его охотники пожарами лѣсовъ и вырубкой ихъ".

Въ 1841 г. инородцы на зиму просятъ у казны 65 пудовъ пороху — по 2 ф. на ружье (всѣхъ домохозяевъ 1404 и у нихъ ружей — 1312). Цѣна доставленнаго имъ (казеннаго) пороха было въ это время — 50 р. 75 к. асс. пуд.

(=14 р. 48$^{6}/_{7}$ коп. серебр.). Число „хозяевъ промысловъ“ отмѣчается въ другомъ мѣстѣ въ этомъ году въ 546. Два года спустя — въ 1843, по случаю „уменьшенія звѣринаго промысла“ отъ развитія золотопромышленности, Дума проситъ выслать всего лишь 25 пудовъ пороху (по 2—1$^{1}/_{2}$ и 1 ф. на охотника). Въ 1850 году роздано инородцамъ три пуда „мушкетнаго“ и 27 пуд. винтовочнаго пороха. Въ 1854 г. получено „пороху на сей годъ 20 пудовъ 25 ф., по цѣнѣ, состоявшейся въ 1853 г., по 20 руб. 62$^{1}/_{2}$ коп. сер. за пудъ“. Число нуждающихся въ порохѣ охотниковъ — 310. Въ 1857 г. число охотниковъ указывается Думой въ 210 человѣкъ. — „Сколько людей — говоритъ Дума, занимаются (охотой) исчислить невозможно, потому что (если) ясачный приготовляетъ ясакъ отъ другого источника, то не охотится, а ежели не пріобрѣтетъ, то беретъ средства на приготовленіе (ясака) охотою; итакъ, можно, примѣрно полагать, человѣкъ 210 занимаются охотою“. — Въ 1854 г. Дума насчитываетъ 560 звѣропромышленниковъ. — Въ 1861 г., въ донесеніи Думы Полонскому, число звѣропромышленниковъ показывается въ 581 человѣкъ.

Въ 1890 г., по даннымъ подворн. изслѣдованія, въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ было занято „охотой и звѣролодствомъ“ — 446 человѣка изъ 235 дворовъ. На 100 душъ мужск. пола, въ возрастѣ отъ 18 до 69 лѣтъ, приходилось 32 охотника (въ томъ числѣ и рыболовы? Ср. „Матерьялы“ т. V, вып. 4, стр. стр. 123). Въ 1896 г. „охотою занимались приблизительно до 200 инородцевъ“. (Архивъ Кыз. упр. 1896 г.)

По свѣдѣніямъ доставляемымъ Думою добыча звѣря и стоимость ея выражались въ различные года слѣдующимъ образомъ: (см. табл. на стр. 254).

На звѣроловство кызыльцы отправляются въ тайгу, обычно, большими партіями и всегда налегкѣ, не смотря на продолжительность отсутствія изъ мѣстъ своего жительства: „нѣсколько заводныхъ лошадей, или, просто, своя верховая, котелъ, кое-какой запасъ для пищи, винтовка со всѣмъ

Названіе звѣрей	1823 г.	1829 годъ.			1841 годъ.			1849 г.	1851 г.	1869 г.	1886 г.
	Количество добычи.	Количество добычи.	Цѣны (рубли).		Убывается.			Количество добычи.	За послѣднее 11-тіе въ среднемъ добывалось.	Цѣны (рубли).	Количество добычи.
			Высшая.	Низшая.	Въ хорошій годъ.	Въ худой годъ.	Средняя цѣны (руб. асс.)				
Соболей	94	182	15	4	—	—	10	—	—	—	—
Лисицъ всѣхъ сортовъ	78	62	35	5	85	14	10	—	15—20	2—5	—
Выдръ	—	26	30	12	40	1	15	—	—	4—12	20
Волковъ	41	89	8	3	88	26	5	—	25	2—3	—
Россомахъ	4	21	6	2	47	2	2	—	—	—	—
Медвѣдей	2	22	10	4	75	14	10	32	80	—	—
Сохатыхъ	16	35	6	3	8	—	3	10	—	—	—
Моралевъ	—	16	7	2,5	—	—	—	—	—	2—3	30
Оленей	—	26	3	1,2	82	—	2,5	—	—	—	—
Коз.		826	2	0,55	6035	2061	1,5	1520		0,9—1,2	400
Кабарги	—	36	1	0,35	50	6	0,3	—	—	—	—
Колонковъ	35	106	0,8	0,5	700	200	0,6	—	—	—	—
Хорьковъ	—	202	0,2	0,1	53	6	0,1	—	—	—	—
Зайцевъ	—	82	0,12	0,07	2285	375	0,05	140	—	—	—
Бѣлокъ	331	9148	0,27	0,12	15400	6551	0,25	15620	2000—3000	—	4500
Горностаевъ	77	317	0,15	0,10	1000	350	0,25	—	30—50	—	—
Рысей	—	—	—		14	—	15	—	—	—	—

снарядомъ и собака — вотъ все, что они имѣютъ съ собой". (Степановъ).

Звѣроловствомъ кызыльцы занимаются „уже по освобожденіи отъ всѣхъ домашнихъ работъ — съ октября или ноября по апрѣль; всего болѣе стрѣляютъ (звѣря) изъ винтовки [1]). Шкуры звѣрей породы весьма низкой, а потому и доброту ихъ цѣнятъ самыми низкими цѣнами, отчего получаютъ выгодъ въ хорошій годъ, полагая примѣрно, до 1000 рублей сер., но не все это продаютъ на деньги, а часть мѣняютъ сосѣдственнымъ крестьянамъ — часть на хлѣбъ, часть на разное небное платье". (1841) Большая часть кожъ съ уби-

1) Но дѣлались еще въ это время также и загородки на звѣря, устраивались луки и пр.

тыхъ козъ и выдръ шла на изготовленіе шубъ и шапокъ (сами шили!). Въ хорошіе года ходятъ на добычу всѣ звѣропромышленники: „когда довольно выходитъ звѣря изъ дальнихъ тайгъ въ ближнія, Кызыльскія. Когда-же выхода звѣрей сюда не бываетъ, а надутъ рано большіе снѣга, то въ тотъ годъ ходятъ на промыслы половина и менѣе ловцовъ. — Общее количество земли подъ звѣриными промыслами приблизительно исчисляется въ 25000 десятинъ". (1841 года). „Въ 1848 г. — разсказываетъ Корниловъ — мнѣ случилось быть на ачинскихъ золотыхъ промыслахъ, расположенныхъ въ лѣсныхъ и крутогористыхъ тайгахъ, по вершинамъ рѣкъ Большаго и Малаго Іюсовъ. Зимній улусъ Кызыльскихъ татаръ, Чебаки, расположенъ у опушки тайги. Здѣсь прекращается степная дорога, и на ближайшіе промысла, отстоящіе только въ 35 верстахъ отъ Чебаковъ, надо ѣхать верхомъ по лѣснымъ тропинкамъ, неудобнымъ по густотѣ древесныхъ вѣтвей для лошади. Въ Чебакахъ я видѣлъ малорослаго кызыльца, который слыветъ за самаго отважнаго звѣровщика въ улусѣ и ходитъ одинъ на медвѣдя съ винтовкою и собакою. Къ чести этого охотника надо замѣтить, что минусинскіе и ачинскіе ясачные татары не отличаются смѣлостью. Они предпочитаютъ безопасную охоту на бѣлокъ и соболей, и между ними мало стрѣлковъ, которые ходятъ одни на медвѣдя. Въ августѣ и сентябрѣ кызылецъ отправляется въ тайгу для промысла изюбря (морала) на дудку. Подражая на ней крику животнаго, онъ приманиваетъ его и стрѣляетъ почти въ упоръ. Дудка выдолблена изъ дерева и обшита берестою". „Въ Ачинскомъ округѣ изюбри скрываются въ дремучихъ тайгахъ, по Бѣлому и Черному Іюсамъ и на верховьяхъ Чулыма. Сѣвернѣе верховьевъ Іюсовъ, Чулыма и Абакана изюбрей нѣтъ."

Въ 1857 г. въ „дѣлѣ о мѣрахъ сбереженія полезной дичи" сообщается, что преимущественно въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ водятся „дикія козы, моралы (изюбри), немного сохатыхъ и лисицъ; вся охота не въ очень завидномъ

положеніи; медвѣди — въ дальнихъ тайгахъ и тоже въ маломъ количествѣ. Довольно много волковъ; ихъ особенно много истребляютъ весной, когда ихъ разыскиваютъ въ гнѣздахъ и „разворяютъ оныхъ убитіемъ“. Изъ птицъ — тетери, утки, а „болѣе птицъ не имѣется“ (!). Началомъ для охотничьяго періода инородцы признаютъ Петровъ день, ранѣе же нельзя начинать, потому что „птица не укрѣпится еще вполнѣ“. „Слѣдуетъ (также) — полагаетъ Дума — назначить срокъ прекращенія охоты, дабы не могъ тратиться плодъ оной (дичи)“. По свѣденіямъ, доставленнымъ въ 1861 году Полонскому, медвѣдей, волковъ, сохатыхъ, оленей, козъ, кабарги, зайцевъ продано было: въ 1855 г. на 2024,9 руб., 1856 г. 1412,6 р., 1857 г. 997,15 р., 1858 г. 1117,2 р., 1859 г. 1403,4 р., 1860 г. 1210,3 руб.

По вычисленію управы въ 1896 г., средній годовой доходъ постояннаго звѣропромышленника равняется 80—100 рублямъ. — Главнымъ орудіемъ промысла до сихъ поръ служитъ кремневая винтовка; дробовики имѣютъ немногіе. Силковъ, капкановъ и др. подобныхъ-же приспособленій не употребляютъ. На волковъ облавъ не производится. На медвѣдя, лисицъ и мораловъ ходятъ съ собаками („обыкновен. породы, но болѣе сильныя и рослыя“). Козъ и моралов добываютъ осенью, по первому мягкому снѣгу, и весною въ мартѣ и апрѣлѣ — по размягченному отъ весенняго тепла. Бѣлка добывается въ октябрѣ, только въ года богатые урожаемъ кедровыхъ орѣховъ; она считается вредной, потому что уничтожаетъ массу орѣха. — Мясо козъ и мораловъ употребляется въ пищу, шкуры продаются „разъѣзжимъ торговцамъ“. Медвѣжье сало сбывается на кожевенные заводы, гдѣ служитъ для смазки хомутовъ и шлей. Продается оно по 8 руб. за пудъ. Птица въ продажу не поступаетъ. — Моральниковъ съ прирученными моралами въ вѣдомствѣ всего одинъ (около Чебаковъ); въ немъ 15 самокъ. Моральникъ приноситъ „большую пользу владѣльцу, но никакой вѣдомству всему“.

Рыболовство въ предѣлахъ Кызыльскаго вѣдомства производится въ рѣкахъ Бѣломъ и Черномъ Іюсахъ, Саралѣ, Урюпѣ и въ озерахъ. Бѣлый Іюсъ протекаетъ чрезъ земли инородцевъ на протяженіи около 67 верстъ, Черный Іюсъ — на протяженіи до 60 верстъ, а Урюпъ — на 45 верстахъ. О главнѣйшихъ изъ рыболовныхъ озеръ Дума сообщаетъ въ 1855 г. слѣдующія свѣденія:

Названіе озеръ.	Пространство.	Водится рыба.	Мѣстоположеніе.
1. **Божье озеро.**	12 верстъ.	Щука, окунь, язь, линь, сорога.	Между улусами: Божьеозерскимъ (въ 100 саженяхъ отъ него), Сертачульскимъ (въ 1 верстѣ), Читыгинымъ (150 саженъ), Ураскимъ (въ 10 верстахъ), Тогуртакомъ (въ 10 верстахъ) и дер. Нарной, Ужурск. вол. (видѣть).
2. **Бѣлое озеро,** коего только одинъ берегъ инородческій, другой же — крестьянъ Ужурск. в., д. Бѣлошапкиной.	17 верстъ.	Таже-самая и еще налимъ, карась и ершъ	Между улусами: Ключинскимъ (въ 100 саженяхъ), Шушенскимъ (3 версты), Мажарскимъ (1½ версты), Косонгольскимъ (3 в.) и Баитскимъ (7 верстъ) — съ лѣвой стороны, и. д. Бѣлошапкиной съ правой стороны.
3. **Малое озеро.**	7 верстъ.	Окунь, линь, сорога.	Между улусами: Божьеозерскимъ (въ 1 верс.) и Малоозерскимъ (видѣть).
4. **Черное озеро.**	10 верстъ.	Карась, окунь, сорога.	Между улусами Янгуловымъ (видѣть) Балахчинымъ (10 верстъ), Торчинскимъ (15 верстъ) и Кызылгашемъ (7 в.)
5. **Ошкольское озеро.**	3 версты.	Окунь и сорога.	Между улус. Ошкольскимъ (2 версты, Сектинскимъ (4 версты) и Тайдоновскимъ (3 версты).

Кромѣ этихъ пяти озеръ, ловятъ рыбу еще въ озерахъ Кругломъ, Сарбоголѣ, Еловомъ и др.

„Самымъ значительнымъ по размѣрамъ промысла, между рыболовными озерами Ачинскаго округа представляется озеро Бѣлое. . . Озеро раздѣлено между русскими и инородцами на двѣ почти равныя части. Со стороны инородцевъ въ озеро впадаютъ ключи съ болотистыми устьями, не промерзающими зимой. Здѣсь инородцы дѣлаютъ „копанцы“, т. е. прокапываютъ русло этихъ ключей, при устьяхъ, для того чтобы рыба могла удобнѣе входить въ эти копанцы, откуда ее вылавливаютъ или мордами, или прямо черпаютъ ковшами (неводовъ

инородцы не имѣютъ). Изъ за озера у инородцевъ существуетъ вѣчная вражда съ русскими, такъ какъ бывали случаи, что русскіе „обиженживали конанцы“ на инородческой сторонѣ. Не разъ инородцы собирались цѣлымъ улусомъ, забирали неводчиковъ, вмѣстѣ съ неводами и проч. снастями, и отправляли въ свою управу для разбирательства.

„По причинѣ большого размѣра озера, рыба въ немъ переходитъ стаями съ одного мѣста на другое, — „отваливаетъ“ отъ однихъ мѣстъ и „приваливаетъ“ къ другимъ, и нерѣдко гибнетъ, оставшись съ осени на мелкомъ мѣстѣ, гдѣ озеро промерзаетъ до дна.

„Ловлей рыбы въ озерѣ занимаются преимущественно крестьяне двухъ ближнихъ селеній — Корниловскаго (Бѣлошапкина) и Шушенскаго — и инородцы двухъ улусовъ Кызыльскаго вѣдомства. . .

„Какъ разобьется озеро и очистится отъ льда, начинаютъ ловить сѣтями, вилоть до замерзанія. Неводовъ въ это время не употребляютъ, потому что берега озера болотисты, кочковаты и поросли камышемъ. Настоящій промыслъ неводами начинается съ 22 окт. (Казанской), по замерзаніи озера, подледнымъ способомъ. Съ Михайлова дня (8 ноября) принимаются за молотьбу хлѣба, почему, за недостаткомъ свободнаго времени, рыболовство понемногу прекращается, и къ Николину дню (6 дек.) окончательно перестаютъ заниматься ловлею. Съ наступленіемъ въ декабрѣ „настоящихъ морозовъ“, рыба, по недостатку въ озерѣ воздуху, приваливаетъ къ ключикамъ, находящимся на инородч. сторонѣ, и здѣсь ее выловливаютъ саками.

„Ловится, главнымъ образомъ, сорога, ершъ, щука и окунь; кромѣ того, попадаютъ караси и налимы. Средняя добыча въ годъ на лѣтнемъ уловѣ пудовъ 30 на рыбака, а зимой пудовъ 20 на пай (невода) разной рыбы, всего же 50 пуд., цѣнностью на 35 р. До $^2/_3$ улова продается на мѣстѣ добычи, пріѣзжимъ торгашамъ изъ сосѣднихъ деревень или крупнымъ торговцамъ изъ Красноярска и Ачинска, пріѣзжа-

ющимъ во время главнаго промысла зимой и скупающимъ по 200—300 пудовъ за разъ, для продажи въ городѣ". („Матерьялы для изслѣд. земледѣл. . . . и пр.").

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ Думою въ 1869 г. (№ 24), въ рѣкахъ инородцы ловятъ тайменя, язя, щуку, окуня, хайрюза и ельца — неводами и удочками, а во время свѣтлой воды — лученьемъ.

Въ озерахъ рыбу добываютъ также неводами и сѣтями „изъ конопли" въ весеннее и осеннее время, а зимою удочками, которыя наживляются букашками, добываемыми также въ озерахъ и носящими мѣстное названіе „горбунокъ". Соленіе рыбы производится въ кадкахъ, соль употребляется самосадочная; икры не приготовляется. Въ продажу рыба идетъ, по большей части, озерная, а рѣчная — по незначительному улову ея — продается очень мало и употребляется жителями для своего продовольствія.

Рыболовствомъ занято было въ 1890 г. 340 человѣкъ изъ 180 хозяйствъ. На каждыя 100 хозяйствъ вѣдомства лицъ занятыхъ рыболовствомъ приходилось 32,3. Въ 1854 г. Дума насчитывала 300 рыболововъ.

Рыбы было добыто всего: въ 1829 г. — 1496 пуд., въ 1841 г. — 4000, въ 1849 г. — 7520. Если мы за среднюю добычу 1 рыбака въ годъ примемъ въ настоящее время около 30 пудовъ — для бѣлоозерскихъ промышленниковъ она, какъ указано выше = 50 пуд. — то общая добыча всѣхъ 340 рыболововъ выразится болѣе чѣмъ въ 10,000 р.

Такимъ образомъ, насколько можно судить по приведеннымъ цифрамъ, рыбный промыселъ у инородцевъ за послѣднее 60-лѣтіе весьма значительно увеличился.

Изъ дѣлъ архива за 1825 годъ узнаемъ, что „съ озеръ, состоящихъ во владѣніи нашемъ (инородцевъ), а именно: Чернаго озера и Божьяго озера, — съ давнихъ лѣтъ собирается за рыбную ловлю съ пріѣзжающихъ изъ разныхъ мѣстъ крестьянинъ оброкъ хлѣбомъ и деньгами, по положенію, съ давнихъ лѣтъ существующему, съ воза рыбы 6 пудъ муки

и 1 рубль денегъ, которые, при самомъ полученіи отъ крестьянъ, раздавались ясашнымъ по числу душъ въ семействѣ — хлѣбъ безденежно и деньги также безвозвратно.“ Но въ этомъ (1825) году инородцы признали такой порядокъ взиманія оброка и раздачи хлѣба неправильнымъ, ибо при существованіи его „часто случается, что одинъ пользуется болѣе другаго, а нѣкоторые отдаленные инородцы и вовсе лишаются сей пользы; да къ тому-же, по неимѣнію книги на приходъ хлѣба и денегъ, должно думать, что происходятъ тутъ злоупотребленія и утайки поступающихъ доходовъ, можетъ быть, и значительныя количества.“ Вотъ почему инородцы и „присогласовали слѣдующее: 1) на Божьемъ и Черномъ озерахъ учредить магазины, изъ коихъ уже на первое амбаръ куплепъ у старосты Шушеначева за 64 руб., а на послѣднемъ нынѣ-же построить вновь, который-бы помѣщалъ въ себѣ хлѣба до 500 пудовъ. 2) Съ 1-го воза рыбы, вмѣсто получаемыхъ 6 пудовъ хлѣба и 1-го рубля денегъ, брать нынѣ только деньгами по 90 коп., а хлѣбомъ по пяти пудовъ. 3) Хлѣбъ сей предоставить тѣмъ-же вахтерамъ выпускать въ продажу нуждающимся инородцамъ на деньги и звѣриныя и скотскія кожи; деньги за проданный изъ магазиновъ инородцамъ хлѣбъ обращать на содержаніе Кызыльской степной Думы.“

Въ 1824 г. Дума доноситъ, что рыбы продаютъ на деньги — „малую часть“, а больше вымѣниваютъ на хлѣбъ. Въ этомъ году оброку за озера получено было съ крестьянъ двумя старостами „въ лѣто“ — 787 пудовъ хлѣба и 132 рубля деньгами. Хлѣбъ былъ розданъ весь „бѣднѣйшимъ“ изъ инородцевъ, деньги же были употреблены „на наемъ одной пары лошадей отвозить (?) въ Ужурскую волость“. — Изъ „регистра, учиненнаго о пріемѣ хлѣба и денегъ Чернаго озера, отдаваемаго крестьянамъ для рыбной ловли, старосты Ивана Ачисова“, отъ 1825 г. — узнаемъ, что въ этомъ году отъ 108 человѣкъ крестьянъ получено было деньгами 108 руб. и хлѣбомъ 530 пуд. Изъ „регистра учиненной раздачи хлѣба съ Чернаго озера неимущимъ ясачнымъ на пропитаніе“, того

же года — оказывается, что роздано было всего 511 пудовъ хлѣба 224 инородцамъ. Съ Божьяго озера въ томъ же 1825 году получено всего лишь 25 рублей. — Изъ 1496 и. добываемой рыбы — по свѣденіямъ Думы 1829 года — 350 пудовъ продаются крестьянамъ, въ общемъ на 350 рублей.

Въ 1839 г. (28 іюля) инородцы „дѣлали учетъ старостамъ Божьяго и Чернаго озера, Ивану Кукарцеву и Ачисову, по даннымъ отъ этой Думы шнуровымъ тетрадямъ на записку прихода, и расхода денегъ и хлѣба, получаемыхъ въ оброкъ за рыбопромышленность въ тѣхъ озерахъ. По коей и оказалось: по тетради Божьеозерскаго старосты значится на приходѣ хлѣба съ 24 человѣкъ по 5 пуд. съ каждаго, сто двадцать пуд., деньгами по 90 к., двадцать три рубля сорокъ копѣекъ. Каковые деньги и хлѣбъ нынѣ и есть на лицо. У старосты же Чернаго озера приходу въ теченіи этого года не имѣлось. А какъ среди насъ, инородцевъ, есть многіе несостоятельные и имѣютъ большой недостатокъ въ пищѣ, то полагаемъ вышеписанный хлѣбъ раздать таковымъ по одному рублю каждой пудъ, такъ чтобы деньги эти непремѣнно были выручены въ теченіи сего же мѣсяца, вслѣдствіе чего и причитается быть на лицо: за хлѣбъ 130 руб. и деньгами 23 руб. 40 к., а всего сто пятьдесятъ три рубля 40 к. А какъ въ минувшемъ нынѣ мѣсяцѣ сего года родоначальникъ Шушеначевъ съ помощникомъ, по требованію земскихъ начальниковъ въ городъ Ачинскъ, употребилъ впередъ и обратно, а равно и на продовольствіе собственныхъ своихъ денегъ 65 руб., а равно и въ теченіи минувшаго ноября мѣсяца, вслѣдствіе указа Ачинскаго земскаго суда, ѣздилъ тоже по дѣламъ службы въ городъ Ачинскъ засѣдатель Кулаковъ вмѣстѣ съ помощникомъ, коимъ такъ же употреблено впередъ и обратно 50 руб., а всего 115 руб. — каковыя деньги мы и предполагаемъ выдать изъ сей суммы родоначальнику и засѣдателю, а остальныя, тридцать восемь руб. 40 копѣекъ, записать, по выручкѣ въ этомъ же мѣсяцѣ, на приходъ для видимости“.

Въ 1841 году Дума пишетъ: „изъ неудобностей, предстоящихъ рыбопромышленности, есть только та, что они пынѣ, по образу ихъ жизни, такъ и по обычаямъ степнымъ, не стараются, какъ-бы слѣдовало, промышлять болѣе избытковъ, кромѣ необходимыхъ, да и не имѣютъ для ловли рыбы хорошихъ снастей, какія слѣдовало бы имѣть по обширностямъ озеръ и быстротѣ рѣчекъ; ибо нѣтъ у нихъ на заведеніе сихъ снастей собственныхъ произведеній, а покупать ихъ не имѣютъ возможности — иные отъ несостоятельности, а иные отъ нехотѣнія и непривычки.“ — Цѣна на рыбу „умѣренная“, „а если когда возвышается таковая, то не дороже — на хорошую 5 рубл., среднюю — 3 р. и послѣднюю 1 руб. 50 коп.“ Въ среднемъ, въ общей сложности, пудъ всякой рыбы обходится — 2 р. 50 к. ассигн.

Въ 1859 г. на продажу ушло 4540 (изъ 7520) пудовъ. Въ 1861 г. Дума считаетъ что въ среднемъ инороецами продается рыбы на 1000 рублей.

Въ 1829 году никто изъ инородцевъ пчеловодствомъ не занимался. И 12 лѣтъ спустя послѣ того Дума все еще доносила, что „никто изъ ясашныхъ вѣдомства сей Думы пчеловодствомъ не занимается“. Объясняетъ она это тѣмъ, что нѣтъ „удобныхъ для сего мѣстъ“, нѣтъ умѣнья, и „образъ жизни и нравы инородцевъ къ тому не приличествуютъ“. (1841 г.). Пчеловодство появилось въ Кызыльскомъ вѣдомствѣ около половины 40-хъ годовъ. Впервые завезъ сюда пчелъ инородецъ Кичкильдеевъ изъ смежной Дмитріевской (Томск. окр.) волости. Въ 1861 году въ ул. Староурюпинскомъ мы находимъ уже двѣ пасѣки, на 90 и на 30 колодокъ, и одну пасѣку на 20 колодокъ въ Костинскомъ улусѣ. Съ 1 колодки собиралось въ это время, въ среднемъ около 10 ф. меду (maxim. 15 ф.) и 1 ф. воску (maxim. $1^1/_2$—2 ф.). — Въ 1872 г. среди кызыльцевъ было три пчеловода, изъ коихъ каждый имѣлъ до 45 ульевъ, меду получалъ съ каждаго улья по 12 фунтовъ, воску — по $1^1/_2$ ф. — Въ 1878 г. одна пасѣка была въ Чебакахъ

(5 колодокъ), три — въ ул. Косоложенскомъ (8 + 7 + 1 колодокъ), одна въ Шушенскомъ (5 кол.), одна въ Косогольскомъ (6 кол.), одна въ Изындаевскомъ (4 кол.) пять въ Старо-Урюпинскомъ (50 + 5 + 5 + 10 + 5 колодокъ), одна въ Тайдоновскомъ (6 кол.). Со всѣхъ 116 колодокъ получено было 26 пуд. меду, 20½ п. воску. Общая площадь земли, занятой пасѣками равнялась 7½ десят.

Въ 1890 г., по даннымъ подворн. изслѣдованія, было:

	Землед. районъ.	Скотоводч. районъ.	Промысл. районъ.
Хозяевъ имѣющихъ пчелъ	13	3	1
У нихъ всего колодокъ (ульевъ)	211	30	15 [1])

Процентъ хозяйствъ занимающихся пчеловодствомъ:

Къ числу хозяйствъ всего населенія Думы равнялся	1,7
Тоже, но безъ селеній, не имѣющихъ пчелъ	3,0.

Приходилось въ среднемъ (во всей Думѣ) ульевъ:

На каждое наличное хозяйство	0,3
Тоже — изъ числа имѣющихъ пчелъ	16,6.

Въ 1896 году было уже въ вѣдомствѣ 300 колодокъ и 316 рамочныхъ ульевъ. Меду добыто 20¼ пуд., воску 14 п. 15 ф. Медъ проданъ по 6 рубл.. воцина — по 10 р. 40 к., воскъ по 28 руб. за пудъ.

Въ Кызыльской управѣ въ 1890 г. изслѣдованіемъ совершенно не отмѣчается занимающихся заготовкой лѣсныхъ матерьяловъ инородцевъ, а также извозомъ. По донесенію Думы въ 1833 году, „тайги лежатъ въ отдаленности отъ кочевьевъ отъ 20 до 30 и болѣе верстъ“. Состояніе лѣсовъ „въ довольно хорошемъ положеніи“. Возрастъ деревьевъ въ среднемъ 50—60 лѣтъ. Изъ породъ имѣются кедръ, лиственница, пихта, береза и небольшое количество ельнику и сосны. — Дровъ въ среднемъ на семью заготовляется „не

1) Распредѣленіе пчеловодныхъ хозяйствъ по родомъ, — см. таблицу на стр. 33.

болѣе какъ . . . 30 саженъ, собственно на свою потребность, продажи-же не имѣется".

„По состоящимъ въ вѣдомствѣ Кызыльской Степной Думы лѣсамъ никакихъ особенныхъ промысловъ не имѣется, кромѣ употребленія лѣса лиственичнаго на домашнія постройки, осиноваго на корыта долбленыя, кадушки и пчелиныя улья; березоваго на дрова, санные полозья и колесные ободья; тополеваго на лодки; таловаго, черемуховаго и ивоваго на дуги, вязья къ санямъ, плетеніе коробовъ и корзинъ и перевязку городьбы; изъ бересты гонится деготь въ небольшомъ количествѣ, единственно для домашняго употребленія." Цѣны на лѣсъ слѣдующія: „бревна лиственичные отъ 3 до 4 саженъ длиною, отъ 6 до 8 вершковъ въ отрубѣ толщиною — 50 до 80 коп. за штуку; дрова — 70 коп. до 1 руб. 20 коп. сажень." (1869).

Въ 1824 г. во всей Думѣ была одна только кузница — Шуйской управѣ. Въ 1854 г. кузницъ было уже пять. — Въ этомъ же году отмѣчаются Думою 10 инородцевъ-коноваловъ.

Бюджеты хозяйствъ кызыльскихъ инородцевъ.

Помѣщаемая ниже таблица даетъ представленіе о числѣ составленныхъ у кызыльцевъ бюджетовъ, о числѣ улусовъ, гдѣ описывались хозяйства, о количествѣ зарегистрированнаго бюджетными бланками населенія, объ отношеніи всѣхъ этихъ цифръ къ цифрамъ общаго количества хозяйствъ, улусовъ и населенія всей управы, и, наконецъ, о распредѣленіи собраннаго матерьяла по отдѣльнымъ хозяйственнымъ районамъ управы.

Районы.	Число улусовъ гдѣ составлялись бюджеты.	Число описанныхъ хозяйствъ.	Число душъ об. п. внесенныхъ въ бюджетн. бланки.	%-е отношеніе.		
				Улусовъ, гдѣ составлялись бюджеты ко всему числу улусовъ.	Описанныхъ хозяйствъ къ общему числу ихъ.	Душъ об. п. внесенныхъ въ бланки къ общ. числу душъ об. п.
I. Земледѣльческій	2	5	33	20,0	1,4	1,8
II. Скотоводческій .	6	18	101	28,5	4,1	4,4
III. Промысловый . .	3	11	72	37,5	4,4	5,9
Итого	11	34	206	28,2	3,2	3,6

I. Районъ наиболѣе земледѣльческій.

Улусъ Божьеозерскій.

Въ 1890/91 г. было 78 хозяйствъ, 221 мужчинъ и 206 женщинъ (III, 753 [1]). Въ 1897 году — „80 семей".

Первый снѣгъ выпадаетъ около Покрова, а таять начинаетъ въ началѣ апрѣля, но еще до половины мая продолжаются заморозки. Въ маѣ бываютъ, иной годъ, такіе снѣга, что хоть на саняхъ ѣзди. Осенью иньи начинаются, обыкновенно, около Иванова дня (14 сентября), но случаются и раньше. Былъ и такой годъ, что въ Успеньевъ день всѣ хлѣба померзли. Снѣга въ лѣсу, въ завѣтерахъ, выпадаютъ до 1 аршина глубиной; на открытыхъ мѣстахъ — неболѣе 1/4 аршина, да и то, если нѣтъ вѣтровъ, которые сдуваютъ его до чиста, „до земли". Озера замерзаютъ около Казанской, мелкіе — раньше. Вскрываются около мая.

Кочевать въ улусѣ перестали лѣтъ 5. Кочевали версты за двѣ, на Малое озеро, гдѣ были сѣнокосы и зимники.

Пахать начали тоже лѣтъ пять т. наз., а которые и года съ два всего лишь пашутъ. Начали пахать сперва тѣ изъ инородцевъ, которые жили прежде въ работникахъ у крестьянъ. Теперь производятъ запашки, хотя и по немногу, но съ каждымъ годомъ увеличиваютъ ихъ. Впрочемъ, и до сей

1) „Матерьялы по изслѣд. землеп. и пр.", т. III, стр. 753.

поры еще 2/3 хозяйствъ не сѣютъ хлѣба. Пашни стараются выбирать подъ увалomъ, въ завѣтерахъ. Въ болѣе высокихъ мѣстахъ выдуваетъ такъ, что зерно наголѣ остается: „землю года въ два сноситъ до гальки.“ Въ болѣе низкихъ мѣстахъ другая бѣда: вымочиваетъ хлѣба. — Почва на степныхъ мѣстахъ черноземная „крѣпкая“, въ тайгѣ — „пыхунъ“; слой почвы на степи около 1/4 арш., въ мѣстахъ, „подъ заваломъ“, — съ 1/2 арш. Подпочва — или сначала слой красной глины (1—1 1/2 арш.), а подъ ней галька, или-же прямо подъ почвой начинается галька, либо плитнякъ; сплошь и рядомъ, на одной и той-же полосѣ, „на 10 саженяхъ“, подпочва, то глина, то песокъ (галька). — Пашни, въ среднемъ, верстахъ въ 7 отъ улуса. Роспахивали прежде, главнымъ образомъ, изъ подъ березняку, теперь начали пахать и степь. Березняки были верстахъ въ 20, но теперь уже свѣжихъ мѣстъ не осталось [1]). На степи не пахали раньше, потому что зимы были холоднѣе, а травы на степи мало, — вслѣдствіе чего снѣгъ не держится, лѣтомъ-же засухи [2])

1) „Удобныхъ мѣстъ для расчистокъ подъ березнякомъ и мелкимъ лѣсомъ остается немного, только по ложкамъ вблизи поселенія; остальныя же мѣста каменистыя и низменныя, для пашни непригодныя. Много мѣстъ подъ большими лѣсами и съ хорошими почвами, но расчистка ихъ сопряжена съ большими трудностями. — Изъ лѣсныхъ породъ здѣсь встрѣчаются: лиственница, береза, сосна, кедръ, ель, осина, рябина и черемуха. („Матер. по изсл. земл. и пр.“. Описаніе Вожьсозерскаго участка и степныхъ улусовъ).

2) Интересно прослѣдить измѣненіе условій мѣстности съ приближеніемъ къ тайгѣ, въ предѣлахъ того-же „земледѣльческаго“ района. Вотъ описаніе двухъ участковъ по даннымъ изслѣдованія 1890 г.

I. Улусы Косоложеискій и Усть-Нарнинскій. Участокъ лежитъ въ районѣ озеръ Синголя и Линева и верховьевъ вытекающихъ изъ нихъ рѣчекъ. Низменныхъ пашенъ 1/3, остальныя слабо возвышенныя; первыя ровныя, вторыя съ небольшими склонами въ разныя стороны; крутыхъ почти нѣтъ. Среди полей много родниковъ и рѣчекъ. Изъ почвъ преобладаютъ черныя легкія; затѣмъ супеси; суглинковъ не болѣе 10%, на возвышенностяхъ. Въ подпочвѣ — песокъ и камень. Иные хватаютъ посѣвы вездѣ и почти разъ въ два года. Выдувкой рожь берется на низкихъ мѣстахъ почти ежегодно. Медовая роса рѣдко. На западъ отъ улусовъ до р. Урюма, громадныя пространства некультурныхъ земель подъ тайгою, замежеванныхъ въ дачи . . . инородцевъ. На мѣстахъ

Чтобы приготовить пашню изъ подъ березняку, послѣдній подрубаютъ и ждутъ когда онъ, года черезъ 3—4, свалится. Тогда его — чаще зимой — увозятъ къ себѣ на дрова или отдаютъ (даромъ) жителямъ ближайшихъ улусовъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда некому его убрать — что бываетъ очень рѣдко — сжигаютъ тутъ-же на мѣстѣ. Чтобы вычистить 1 десятину, надо бываетъ человѣкъ 5 дней на 6. Оставшіяся еще стоять деревья подрубаютъ топорами и выворачиваютъ ломами. Работа эта производится, обыкновенно, весной, до сѣва — въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Послѣ сѣва приступаютъ къ распашкѣ нови. Десятину ея вспахиваютъ дня въ 4, — „если мѣсто удобное“, то на парѣ (одинъ человѣкъ), чаще-же тройкой. Кто хочетъ поднятую новину оставить „киснуть“, вспахиваетъ передъ Петровымъ

этихъ можно кое гдѣ сѣять хлѣба; есть хорошія почвы и очень много естественныхъ луговъ, но селиться туда не дерзаютъ: боятся морозовъ и борьбы съ дикой нетронутой мѣстностью. — До строеваго лѣса 12 верстъ, до дровянаго 4. Строевой лѣсъ лиственный, сосноваго нѣтъ. Лѣса много. Рубятъ и русскіе.

II. Улусы Талкинскій, Косонгольскій и д. Иванова, Шарып. вол. Участокъ находится на правую сторону р. Урюпа, лѣваго притока Чулыма. Полей средней возвышенности процентовъ до 75, остальныя пизменныя; послѣднія, благодаря изобилію среди пашенъ ключей и водостоевъ, покрываются водой, особенно въ сырые года. Поля или на слабо покотыхъ склонахъ (около 30—40 %), или ровныя; крутиковъ нѣтъ почти вовсе. Почва преобладаетъ супесчанная (до 75 %); залегаетъ вблизи р. Урюпа, подстигается мелкимъ валуномъ. По направленію къ д. Кадатъ (къ востоку, ближе къ степи) — суглинки, въ подпочвѣ — бурая глина. Почвы вообще не изъ крѣпкихъ и выпахиваются довольно быстро; но земли здѣсь новѣе земель сосѣднихъ участковъ, почему и урожаи лучше. Пашни рѣдко изъ подъ мелколѣсья: поднимаютъ преимущественно чистыя луговины, опахивая встрѣчающіяся по нимъ крупныя деревья. Иньи бываютъ между 1 и 15 авг., но хлѣба б. ч. успѣваютъ уйти, если весенніе холода, продолжающіеся иногда до 10 мая, не задержали сѣва. Чаще зябнутъ хлѣба близъ тайги, на юго-востокѣ участка. Выдувка беретъ рѣдко — только на очень немногихъ мѣстахъ. — Мѣсть для новыхъ распашекъ пока достаточно, если считать годными для культуры, поросшія крупнымъ лѣсомъ. Тайга, начинающаяся не въ дальнемъ разстояніи, по словамъ крестьянъ для культуры непригодна: она усѣяна сплошными горами и глубокими низинами, покрытыми тундрами, болотами и мхомъ. До строевого лѣса 7—60 верстъ, дрова — кругомъ. Лѣсъ преимущественно березовый и лиственичный.

днемъ и оставляетъ ее на цѣлый годъ. Послѣднее дѣлаютъ впрочемъ рѣдко. Самая поздняя вспашка повины „въ смошной годъ“ бываетъ въ концѣ мая, самая обычная пора для этого — половина мая.

Боронить начинаютъ недѣли за двѣ, или даже чаще около самаго Петрова дня — и вплоть до сѣнокоса. Обыкновенно, боронятъ въ 3 бороны. При двухъ боронахъ можно заборонить десятину въ 4—5 дней. При 4-хъ боронахъ — дня въ два. Вторая бороньба — то же самое. Глубина первой бороньбы 1—2 вершка — „чтобы только скорѣй взрыхлить“, глубина второй — 3 вершка.

Мягкую землю пашутъ также до Петрова дня. На первый рядъ пашутъ вершка на 2 и болѣе — до трехъ. На второй рядъ пашутъ чаще всего въ Ильинскую недѣлю, послѣ Петрова дня („трава не идетъ“) — вершка на 3, „а гдѣ камень — тамъ и на два съ трудомъ“. Чтобы вспахать на 2-й рядъ — надо столько-же времени, что и на первый. — Боронить мягкую — на десятину надо два дня.

Пашутъ всѣ колесухами. Сохи вышли изъ употребленія лѣтъ 60 тому назадъ; лѣтъ 40 тому назадъ пахали ими еще въ огородахъ. Стоимость колесухи: колёса 3 р. скатъ (дѣлаютъ инородцы сами), деревяга 1 р., сошники — глядя по вѣсу — 2—3 р. (10 коп. фунтъ).

Пахать нанимаются въ мѣсяцъ 5—6 руб. на хозяйскихъ харчахъ и коняхъ. Десятины 4 за это время вспашутъ.

Бороны съ деревянными зубьями вышли изъ употребленія одновременно съ сохами. Стоимость бороны: за „дерево“ коп. 60, за зубья $1^1/_2$ — 2 руб. (тоже по 10 коп. фунтъ платятъ).

Боронить нанимаютъ за 50 к. и 1 р. въ недѣлю, либо за черки (обувь) или что другое. Даютъ за это и присѣвокъ — 2—3 загона.

Сѣютъ подъ борону; пробовали было и подъ соху, да хлѣбъ „родится маленькой и плохой — грядами заваливаетъ“. Глубина сѣва 2—3 вершка. Десятину можно засѣять и за-

боронить въ день — при 4 боронахъ, по два коня въ каждой, двухъ мальчуганахъ („борноволоки“) и одномъ взросломъ — сѣяльщикѣ. Сѣвъ начинаютъ числа съ 1-го (а то и дня за 3 до перваго) мая. Поздній сѣвъ — до 10 мая.

Новину (изъ подъ березняку и изъ подъ степи), перепаханную, въ томъ же году засѣваютъ, обыкновенно, рожью, за которой слѣдуетъ уже паръ. У кого же мало земель, тѣ сѣютъ, не паря, послѣ ржи ячмень, а то и другіе яровые.

Обычный сѣвооборотъ для новины слѣдующій: 1) рожь 2) паръ 3) пшеница (сѣютъ только тамъ, гдѣ выше мѣста, нѣтъ опасности, что замерзнетъ) или ярица 4) овесъ, ярица или ячмень (дальше 4-гомѣста въ сѣвооборотѣ — ячмень не занимаетъ, онъ „старую землю не любитъ“) 5) овесъ или ярица.

Впрочемъ, не всегда поднятая пашня выдюживаетъ 5 хлѣбовъ; нерѣдко приходится бросать ее въ залежь уже послѣ 3-го года. Оставленная въ залежъ, пашня лежитъ лѣтъ 10, послѣ чего года два опять пашутъ; если же оставить лѣтъ на 20 — то 3—4 хлѣба сѣять можно. Вотъ почему чаще практикуется 20-лѣтній періодъ залежности. Узнаютъ, когда снова можно поднимать землю, что она уже отдохнула — по появленію лютика, на сырыхъ мѣстахъ — жаркого и иноковника и по образованію кочекъ. Земли красныя и каменистыя — и вовсе не поднимаютъ изъ подъ залежи.

Высѣваютъ на одну десятину: ржи — пудовъ 12 (на сырыхъ мѣстахъ и 10), ярицы 12, ячменя 12, овса 15.

Убирать хлѣбъ начинаютъ, обыкновенно, съ Успеньяго дня (15 августа). У кого для посѣва нѣтъ сѣмянъ — начинаютъ уборку и „съ середняго Спаса“. Самая поздняя уборка — недѣлю спустя послѣ Успеньяго дня. Стараются управиться до Иванова дня, съ котораго начинаются, обычно, страшные вѣтра.

Жать нанимаются по 40 коп. въ день, или рублей по 6—7 съ десятины. Хлѣбъ убираютъ въ суслоны — рожь по 10 сноповъ, яровые по 8 сноповъ („только если перестоялый сухой хлѣбъ — кладутъ въ лежку“).

Собираютъ съ десятины: ржи — 3—4 овина, по 4—5 трехпудовыхъ мѣшковъ, ярицы — тоже, но бываетъ нерѣдко и по два мѣшка; овса тоже.

Гречиху пробовали сѣять: „выростаетъ хорошо, да зерно бываетъ пустое“. — Просо не сѣютъ вовсе. — Ленъ сѣяли — да не родится. — Конопли сѣютъ по малу — по загону. — Картофель сѣютъ и на пашняхъ — по загону и больше — и въ огородахъ.

Молотитъ хлѣбъ „сважниваютъ, у кого много — зимой, у кого мало — молотятъ тотчасъ-же, какъ только онъ выстоится. Молотятъ молотилами (цѣпами). Есть въ улусѣ и три молотилки (съ кулачьями); особенно хорошими находятъ ихъ для яровыхъ хлѣбовъ. Чурку для молотилки дѣлаютъ за три рубля („сдѣлали въ Кулунѣ молотилку и научились дѣлать ихъ“). Средніе цѣны на хлѣбъ (и на сѣмена): рожь, ярица, ячмень — 40 коп., овесъ 30—25 коп.

Въ качествѣ посѣвнаго зерна употребляютъ: овесъ всегда сыромолотный, ячмень тоже почти всегда, сыромолотомъ-же иногда высѣваютъ и ярицу. Рожь всегда сушатъ, развѣ только ужъ сѣменъ нѣтъ, тогда „съ поля на поле“ переносятъ. Сѣмена весьма часто, и даже „почти всегда“ приходится покупать. Купленныя сѣмена, особенно пшеницу и овесъ „пытаютъ“ (рожь не пытаютъ вовсе) на всхожесть: въ корытѣ или горшкѣ высѣваютъ 25—100 зеренъ. Если изъ 25 зеренъ взойдутъ 23 — сѣмена считаются хорошими. Такой пшеницы, которая изъ 25 зеренъ дала 20 всхожихъ — сѣютъ пудовъ 14. — Въ улусѣ есть одна сортировка, куплена въ Кулунѣ за 7 рублей, работы переселенца.

Старые хлѣба почти всегда полютъ: коневникъ сѣкаютъ заостренной палкой, пучку (на новыхъ сырыхъ мѣстахъ) дергаютъ руками или срѣзаютъ ножемъ. На залогахъ особенно одолѣваетъ лебеда: „вдругъ закроетъ весь хлѣбъ — и полоть нельзя“; на 3-мъ и 4-мъ хлѣбѣ много бываетъ повелицы. Года 2 тому назадъ была сажа; мѣстами часты медовые росы, а „на старахъ пошныхъ“ спорынья, при чемъ замѣчена и

зависимость между появленіями медовыхъ росъ и спорыньи. Кобылки большой на хлѣбѣ не было уже лѣтъ 8. Въ среднемъ, она посѣщаетъ степь раза 3 въ 10 лѣтъ.

Года 2 тому назадъ, стали сѣять овесъ на зелень — загона по 2 по 3, а то и по 1/2 десятины, — главнымъ образомъ, для того, чтобы въ страдное время, когда травы уже нѣтъ, имѣть кормъ скоту. Сѣютъ овесъ поздно, около Петрова дня. Трава его не долитъ, всходитъ чисто, „очищаетъ землю“. Съ 1/2 десятины получаютъ возовъ 20 (10 пудовыхъ); если рѣдкій родится — возовъ 10. Лѣтъ 7 тому назадъ одному изъ мѣстныхъ жителей обѣщали выслать изъ Красноярска какой то травы (кормовой) для посѣва.

Покосы верстахъ въ 5, дальніе въ 15—20. На одномъ мѣстѣ больше полсотни (копенъ) не накосить, а то и меньше. Покосная страда начинается послѣ Петрова дня, обыкновенно, съ Прокопьева. Съ десятины въ средній годъ накашиваютъ копенъ 40—30 и меньше, (5 пудовыхъ). Чтобы накосить 100 копенъ, надо дней 10; сгрести ихъ — еще 5 дней, да сметать — 1 день. За уборку 100 копенъ берутъ тоже, что за жнитво 1 десятины, т. е. 4—6 рублей. Свозятъ сѣно зимой. Очень многіе изъ инородцевъ нанимаются косить къ сосѣднимъ крестьянамъ; послѣдніе взносятъ за нихъ подати, даютъ хлѣбъ и проч. Обыкновенно въ ноябрѣ, когда надо платить подати, имъ (инородцамъ) выдается 4 руб. впередъ, за что они должны потомъ убрать 1 десятину хлѣба (на хозяйскихъ харчахъ); „вольные“ (т. е. небравшіе впередъ денегъ) берутъ за ту же работу и по 6—7 руб.

Огороды имѣютъ семей 15. Обычная величина огорода загонъ, а то и меньше. Сѣютъ въ огородахъ капусту, картофель, свеклу, рѣдьку, брюкву, горохъ, огурцы, чеснокъ. Лукъ родится плохо — очень страдаетъ отъ дождеваго червя.

Изъ хозяйствен. напастей всего больше жалуются божьеозерцы на посѣтившую и въ этомъ (1897) году поршу на скотъ. У одного изъ опрашиваемыхъ еще 8 лѣтъ т. наз. она перевела всѣхъ телятъ; почти тоже и нынче. На звѣря

особенно не жалуются, хотя годомъ не мало травятъ волковъ. Впрочемъ этимъ больше занимаются каченцы. Травятъ — стрихниномъ, который достаютъ изъ Томска.

Большимъ подспорьемъ для хозяйства божьеозерцевъ служитъ рыбная ловля. Рыба ловится — окунь, сорожина, щуки, язи (только весной), лини. Добываютъ — неводомъ, сѣтями, удочками. Неводятъ, главнымъ образомъ, съ вешняго Николы (послѣ прохода льда) до Петрова дня. Невода здѣсь, по показанію инородцевъ, совершенно особаго устройства. Средняя длина невода 90 –100 саженъ, большіе невода бываютъ и въ 150 сажен., малые — въ 80 саж. Въ неводѣ бываетъ отъ 10 до 20 паевъ. Пай въ неводѣ имѣетъ не каждый домохозяинъ, а меньше половины всѣхъ хозяевъ улуса. У одного бываетъ по паю, по два, рѣдко по три. Пай стоитъ 5 руб. Вышиною пай невода 4—5 аршинъ, длиною 5—6 саженъ. Мотня длиною аршинъ въ 20, шириной въ 140, и не менѣе 130 ячеекъ. Неводятъ обыкновенно ночью. Распоряжается ловлей — „башлыкъ“ или артельный староста. Счастливая тоня даетъ“ до 100 пудовъ, несчастливая — „и ничего не поймаешь“. Средняя добыча — отъ 2-хъ до 10 пудовъ. Въ ночь можно закинуть 3—5 тоней. — Зимой ловятъ черезъ луки [1]); величина лунокъ — $^3/_4$ арш., разстояніе между ними 6—8 шаговъ (толщина льда въ озерѣ доходитъ до 2-хъ аршинъ). На день приходится 2—3 тони, за зиму на пай — рублей на 20 рыбы. Одна изъ лѣтнихъ артелей этого года работала $1^1/_2$ мѣсяца и на пай пришлось въ ней по 9 руб. Ловля сѣтями — у кого ихъ нѣсколько — даетъ больше дохода. Хорошая сѣть съ частыми ячейками стоитъ 4—6 руб. Пряжу для сѣти покупаютъ, вяжутъ-же её сами, главнымъ образомъ женщины. Ячейную сѣть можно связать въ 3 дня. — Лодки для сѣтей стоятъ 3 р. 50 к., для невода 10—12 р.; лодки не смолятся, а лишь обмазываются дегтемъ. —

1) Ср. описаніе въ „Матерьялахъ по изслѣд. землеп. . . . и пр.“, т. IV, вып. 4, стр. 324.

Въ рѣкахъ ловятъ рыбу мордами. Щукъ ловятъ и животниками, наживляя послѣдніе сорожиной. Удочкой ловятъ лѣто и зиму, при чемъ зимой для наживки употребляютъ „коровку“, „червячка“, который спеціально для этого добывается въ Агаскырскомъ улусѣ (въ 30 в. отъ Божьеозерскаго). Въ ручей, который протекаетъ около означеннаго улуса, опускаютъ корытце и вынимаютъ потомъ изъ послѣдняго пригоршнями эти „козявки“.

Рыбу скупаютъ красноярскіе купцы. Иногда тони запродаются впередъ. Скупщиковъ рыбы между своими инородцами нѣтъ. Лѣтомъ многіе изъ крестьянъ покупаютъ на деньги, либо за муку, сухари и проч. Зимой продаютъ сорожину и окуня отъ 70 к. до 1 руб. за пудъ; лѣтомъ по 30—40 к. Язи продаются поштучно, зимой по 15 к., лѣтомъ по 10 к. (отъ 3—5 фунт.). Впрокъ рыбы заготовляютъ мало. При засолкѣ, рыба разрѣзается вдоль и засаливается сверху, при чемъ на 1 п. рыбы выходитъ около 2 ф. соли. — Ни сушеной, ни вяленой рыбы не приготовляютъ. Прежде ѣли рыбу и въ сыромъ видѣ, теперь не ѣдятъ.

№ 15. Хозяйство Ивана Кукарцева.

Самому Ивану 47 л., женѣ 48, сыновьямъ — 22, 20, 11, 8 и 3 года, дочери 5 лѣтъ. Двое изъ сыновей грамотны. — Изба одна, крытая (юртъ нѣтъ), амбаръ, ледникъ, баня, овинъ, мельница-мутовка. — Среди рабочаго инвентаря: телѣги, — кован. и нековапыя, тарантасъ, кошевка; соха, 3 бороны, 5 серповъ, пила, долото, буравы и пр., 2 ружья, 2 невода. — Среди мебели и посуды: шкатулокъ нѣтъ, прибора для айраннаго вина нѣтъ; 2 подойника, 1 тазъ, 1 мѣдный чайникъ, лампа, 2 подсвѣчника. — Мужск. и женская одежда, — русская,

Покупали: соли 7 пуд., чаю 22 кирпича, сахару 6 фун., мыла 15 фун., дегтю 5 ведеръ, свѣчъ 25 фун., керосину 12 фун., водки $2^1/_2$ вед. Табаку не курятъ. Расходъ на пастуха: 3 р. 64 к., на духовн. потребности — 2 р. 20 к., на угощеніе гостей 5 р., на марки и письма 80 к. — Въ году погибло — отъ болѣзни: 2 порося, 1 торбакъ и двѣ курицы; отъ звѣря — 1 овца, 6 ягнятъ. Всего на 21 рубль.

Продавали въ году: звѣря, рыбы и шерсти на 31 р. — До-

были: мораловъ 9, козъ 9, дичи 20 штукъ, рыбы 15 п. — Заработали извозомъ 56 руб. Для себя кололи 5 свиней, 2 курицы. Хлѣба отъ прежнихъ лѣтъ осталось 10 п. ржи, 10 п. пшеницы и 5 п. пшеничн. муки. Собрали въ истекшемъ году хлѣба: ржи — 150 п., пшеницы 102 п., ячменя 30 п. Прикупали еще 12 п. овса и 2 п. ячменя. Капусты собрали 40 вед., картофеля 30 мѣшковъ. — Сѣна ставили 300 копенъ. Скота въ переводѣ на крупн. головъ — 14,8. Среди скота есть, между прочимъ четыре свиньи.

№ 23. Хозяйство Кирилла З-ва.

Самому 70 л., женѣ 74, сыну 24. — Живутъ въ некрытой избѣ (вортъ нѣтъ). — Только одна некованая телѣга. Хотя пашетъ, но ни сохи, ни бороны нѣтъ, серпъ одинъ. Есть кайла, пила, 2 долота, буравъ и проч. Изъ рыболовныхъ орудій — только 1 удочка. Вилокъ 3, лампа. Покупали: соли 3 п., чаю 6 кирпич., сахару 5 фун., табаку 6 ф., мылу 20 ф., дегтю 1 ведро, керосину 8 ф., водки на 90 к. (2 бут.), расходъ на гостей 50 к. — Въ году заработали батрачествомъ 18 р., ремесломъ 10 р., отхожимъ промысломъ 45 р. Сѣно ставили 100 копенъ. Собрали — ржи 30 п., да покупали еще 6 пудовъ. Пшеницы покупали тоже 6 п. Огурцевъ собрали 5 ведеръ, капусты 10 вед., картофеля 10 мѣшковъ. Покупали картофеля 1 мѣшокъ. Скота: всего на всего 2 коня.

№ 33. Хозяйство Ивана Кукарцева.

Ивану 42 г., женѣ 39, сыновьямъ — 18, 8, 4, 2 г., дочерямъ — 16 и 12 лѣтъ. — Живутъ въ некрытой избѣ. Есть амбаръ, погребъ, баня, овинъ (рига?). Общій составъ инвентаря, примѣрно, тотъ же, что въ № 15. Рыболовныхъ принадлежностей — 1 неводъ въ 5 руб.

Покупали: соли 6 пуд., чаю 15 кирпичей, сахару 8 фун., табаку 12 ф., мыла $1^1/_2$ п., дегтю 5 ведеръ, свѣчъ 1 пудъ, водки 2 ведра; расходы на пастуха 5 руб., на угощеніе гостей 6 р., на религіозн. потр. 4 руб. — Въ году погибло отъ болѣзней: быкъ, корова, овца, 4 ягненка, 6 курицъ: (отъ звѣря не было утраты) — всего на 29 р. 30 к. Кололи для себя: 6 овецъ, 9 свиней, 7 курицъ и 13 утокъ. Добыли рыбы 15 пуд., 1 козу и 72 штуки разной дичи. Продали: рыбы и шерсти на 8 р. 50 к. и муки пшеничной 20 п., на 16 р. Заработали извозомъ 3 р. Долговъ старыхъ платили 10 р. Сѣна ставили: 100 копенъ лугового и 200 копенъ степного. Добыли лѣсу строевого 60 лѣсинъ (оцѣнены въ 9 р.). Хлѣба и овощей собрали: ржи 90 п., пшеницы 156 п., ячменя 12 п., овса 30 п., огурцевъ 10 ведеръ, капусты 5 ведеръ, картофеля 30 мѣшковъ. Прикупали: 10 п. ржи и 3 п. ячменя. — Скота въ пер. на кр. — 17,1.

№ 34. Хозяйство Петра Кукарцева.

Петру 38 л., женѣ 29, сыновьямъ — 14 и 10, дочерямъ — 17, 6 и около году. Двое сыновей и дочь грамотны. Держатъ **годового** работника 20-ти лѣтъ, съ платой въ 60 р. Жилыя помѣ**щенья**: изба крытая, изба некрытая и алачикъ; бани нѣтъ. — **Соха** 1, бороны 3, серповъ 7; 2 ружья; изъ рыболовн. принадл. — **сѣти** (3 руб.), три невода (12 руб.). Въ общемъ, между составомъ **инвентаря** даннаго хозяйства и № 15 и 33 нѣтъ почти никакого **различія**. Покупали: соли 6 п., чаю 15 кирпичей, сахару 30 ф., **табаку** 20 ф., мыла 2 п., дегтю 10 ведеръ, свѣчъ 1 пудъ, керосину 10 ф., водки 7 ведеръ. Расходъ на пастуха 60 р., на батраковъ 100 р., на кузнеца 5 р., на религіозн. потребн. 3 р., на угощеніе гостей 1 р. 56 коп. — Въ году погибло скота; отъ болѣзней — 2 кобылы, 3 жеребца — годовика, 5 быковъ, 9 коровъ, 13 телятъ, 14 ягнятъ, 4 курицы и 2 гуся; отъ звѣрей — 2 коня, 2 кобылы, 1 жеребецъ по 3-му году и 2 годовыхъ, 3 овцы, 5 ягнятъ. Всего на 312 р. — Кололи для себя: 5 овецъ, 2 свиньи, 20 курицъ и 7 гусей. — Добыли разной дичи 130 шт., рыбы 40 п. — Продавали скота на 67 р., рыбы 18 п. на 22 р., шерсти на 10 р., хлѣба на 16 р. — Заработали извозомъ 25 руб. Сѣна ставили таежнаго 1100 копенъ. Лѣса строевого добывали 50 лѣсинъ (на 7 р. 50 к.). Хлѣба отъ прежнихъ лѣтъ осталось: ржи 50 пуд., ржаной муки 5 п., ячменя 30 пуд. — Хлѣба и овощей собрали: ржи 88 п., пшеницы 30 п., ячменя 70 п., овса 60 п., капусты 10 ведеръ, картофеля 20 мѣшковъ. Скота въ пер. на кр. 139 головъ.

Улусъ Ураки.

Въ 1890 г. было здѣсь 71 хозяйство, 190 мужчинъ и 167 женщинъ. Отецъ одного изъ опрашиваемыхъ, на видъ уже „совсѣмъ русскій“, женился на ясачной „и стала она носить русское платье, — стала тоже русской“. Жена опрашиваемаго — русская, крестьянка. Лѣтъ 12 тому назадъ, когда они переселились сюда, они застали около 40 дворовъ ясашныхъ и дома 3 русскихъ. Вмѣстѣ съ ними переселились тогда же еще 4 семьи (всѣ эти 5 семей выдѣлились изъ одной — отъ двухъ братьевъ) изъ д. Азыдаевой. Эта Азыдаева была раньше улусомъ, жили въ ней одни инородцы, потомъ часть ихъ перевели въ крестьяне и тогда къ нимъ стали приселяться „россійскіе“. Первые русскіе пріѣхали туда лѣтъ

30 т. назадъ; съ тѣхъ поръ и по сіе время все паѣзжаютъ и паѣзжаютъ еще новые. Ясачныхъ осталось въ Азандаевой мало, ихъ стали тѣснить, не давать имъ покосовъ и пр. Вотъ они и рѣшили перекочевать сюда. Кромѣ упомянутыхъ 5 семей, еще семей 10 собралось сюда, въ Ураки, изъ разныхъ другихъ деревень и по той же причинѣ — вслѣдствіи притѣсненій со стороны крестьянъ. Ясачные и теперь еще часто попадаютъ въ русскія деревни — уходятъ въ работники къ крестьянамъ, не рѣдко они тамъ и женятся на русскихъ; но лишь только они станутъ заводиться своимъ хозяйствомъ, какъ крестьяне ихъ начинаютъ выживать. Перечисляться въ крестьяне ясачные боятся изъ за рекрутчины. Иногда бываетъ — какъ и въ Божьеозерскомъ улусѣ, — что, переселившись откуда нибудь и прожившн нѣкоторое время на новомъ мѣстѣ, семья инородцевъ снова перебирается на новое мѣсто, или (рѣдко) возвращается въ прежнее. Обыкновенно, это дѣлаютъ болѣе бѣдные инородцы — у кого лошадь, или двѣ, нѣтъ пашни; но бываетъ, что и пашню (если ея мало) бросаютъ или отдаютъ родственникамъ, а сами уходятъ.

Пашни 12 лѣтъ т. наз. было гораздо меньше. Разсказчикъ пахалъ еще въ Азындаевой; другіе начали пахать, глядя на русскихъ. Въ настоящее время пашни нѣтъ еще почти у половины улуса. Пашни верстахъ въ 2—5 отъ улуса, подъ уваломъ въ завѣтерахъ и лощинкахъ, гдѣ меньше камня. Пашни приходится предварительно очищать отъ камня: „не выберешь камня и нахать негдѣ“. Земля черная, крѣпкая, толщиной четверти двѣ; подъ ней — красная глина, камень или галка. Поднимаютъ пови б. ч. изъ подъ березнику; подсушиваютъ и оставляютъ стоять годовъ 8, сохнуть. Какъ вычистятъ, такъ сейчасъ же начинаютъ нахать. Обычный сѣвооборотъ для новины такой: 1) рожь — кромѣ степныхъ мѣстъ, гдѣ ее не сѣютъ: „погодой выдуваетъ;“ 2) паръ; 3) пшеница; 4) ярица или овесъ, но чаще всего паръ; прежде инородцы сѣяли ячмень, теперь больше рожь, ярицу, пшеницу; 5) яровой хлѣбъ; 6) паръ; 7) яровой хлѣбъ, если не зада-

вить пырей. На 8 годъ уже непремѣнно бросаютъ и обращаютъ въ покосъ — года на три, пока родится пырей. Снова поднимаютъ брошенную пашню лѣтъ черезъ 20; тогда сѣвооборотъ слѣдующій: 1) рожь; 2) паръ; 3) яровое; 4) яровое, если мало земли, а то парятъ или, что всего чаще, снова бросаютъ въ залежь: трава сильно давитъ; больше 2-хъ — 3 хлѣбовъ съ залежи, вообще не снимаютъ — 3-й уже съ травой. — 40 лѣтъ т. наз., по словамъ разсказчика, во всемъ улусѣ была еще 1 соха; теперь и въ огородахъ употребляютъ колесуху. Сѣютъ подъ борону: „только, чтобы зерно скрыть," — мельче, чѣмъ на вершокъ. Сѣмена не мѣняютъ, но для посѣва отбираютъ наиболѣе тяжелыя. Покупныя, у кого своихъ нѣтъ, и даже свои сѣмена, если подозрѣваютъ, что они мороженныя, „пытаютъ" на вхожесть, „ростять". Пшеницу и рожь подсушиваютъ, овесъ и ячмень сѣютъ сыромолотомъ. — Весной, когда таетъ снѣгъ и вода идетъ логами, проводятъ отъ роговъ колесухою борозды къ пашнямъ, направляя „снѣжницу" на эти послѣднія: съ полъ-версты вести приходится, а гдѣ и больше. — На старыхъ пашняхъ полютъ, если пашня заростаетъ дурниной; если дурнина выше хлѣба, скашиваютъ ее литовкой, если же она одного роста съ хлѣбомъ — ничего не подѣлаешь: „и чистить нельзя". Рѣдкіе хлѣба, ячмень и овесъ косятъ. Овиновъ нѣтъ, ригъ въ улусѣ до 5-ти. У кого нѣтъ токовъ, молотятъ на льду ключика. — Есть въ улусѣ 3 вѣялки; ихъ привозятъ сюда изъ Маріинска, продаютъ по 20—25 руб. — Кобылка на хлѣбѣ бываетъ, но не часто; тоже и медовыя росы и спорынья (на ржи и ярицѣ).

Гречихи сѣютъ очень мало, льну по 1/2—1 загону, конопли тоже, гороху во всемъ улусѣ сѣютъ 1/4 десят.; съ загона намолачиваютъ его съ мѣшокъ, а сѣютъ фунтовъ 20—30. Маку высѣваютъ на загонъ чашки двѣ, а собираютъ 1—2 мѣшка (сильно обижаютъ вороны). Картофель садятъ цѣлыми картофелинами (о томъ, что можно ихъ разрѣзать — не слыхивали), мѣшка по 3 (трехпудовыхъ) на загонъ.

Съ мѣшка въ хорошій годъ накапываютъ мѣшковъ 10, въ худой 2—3.

Пашни не дѣлятъ нигдѣ: „кто гдѣ хочетъ, тамъ и пашетъ, а рядомъ можетъ другой пахать“. Бываетъ, что пашутъ, — чтобы захватить больше мѣста, — въ 2 сохи. Если кто переселится изъ улуса въ другое мѣсто и оставитъ „подсѣчку“ (подсушенный березнякъ), всякій можетъ тотчасъ-же завладѣть ею. Брошеную пашню другой можетъ вспахать лишь черезъ годъ, послѣ того, какъ она брошена („годъ пролежитъ, на другой можно“).

Въ среднемъ, на хозяйство приходится скота рогатаго головъ до 10, коней 2—3 — только рабочіе, табуновъ нѣтъ; овецъ, у кого они есть, т. е. дворовъ у 10, по десятку, не болѣе. Выгоны версты за 4. Пастьба начинается съ Пасхи (къ ночи каждый разъ скотъ возвращается домой); оканчивается пастбищный періодъ къ Покрову дню. Съ этого времени выпадаютъ снѣга, которые здѣсь бываютъ глубоки, по аршину и болѣе. На голову рогатаго или лошади требуется, чтобы прокормить съ Покрова дня до Пасхи, кромѣ соломы, копенъ 20 сѣна. Хлѣбомъ скотъ не кормятъ. На водопой и зимой гоняютъ скотъ къ ключику, который не промерзаетъ. Пастухъ нанимается отъ общества. Онъ получаетъ съ коня 25 к., съ коровы или пары овецъ 14—15 к. Конь, на которомъ пасетъ — общественный, также какъ и харчи пастуха: съ каждыхъ 3 головъ крупнаго скота полагается 1 день харчей. За пропажу скота („если безъ вѣсти пропадетъ“) пастухъ отвѣчаетъ по тремъ разрядамъ: 1) за крупный скотъ, начиная съ 4-хъ лѣтъ, 12 р. 2) съ 2-хъ лѣтъ до 4-хъ — отъ 3 до 7 руб. 3) до двухъ лѣтъ, или за овцу — 1½ р. 4) за ягнятъ 1 рубль. Если пастухъ доставитъ уши овецъ (съ пятномъ, т. е. съ клеймомъ) — не отвѣчаетъ за ихъ пропажу. Стаи для коровъ дѣлаются крытыя; для телятъ, кромѣ того, и глухія (со стѣнами), но не на моху, крыты соломой (яровой). Подстилка мѣняется черезъ день — когда чистятъ стаи. Чистятъ стаи до самой Пасхи, пока не

начнетъ таять снѣгъ, такъ что и „на лопату взять станетъ нельзя“. Подстилка — изъ озимовой соломы; въ зиму уходитъ на нее овина два соломы (съ овина озимоваго — воза 1½ соломы, яроваго — съ 1 возъ). — Коней начинаютъ обучать подъ работу лѣтъ съ 4-хъ. Хорошій конь можетъ шагомъ провезти пудовъ 20 верстъ на 30. — Родятся жеребята около Пасхи, чаще уже послѣ Пасхи, а отучать ихъ отъ матери начинаютъ съ Покрова, если кобыла нужна на работу. — Коровы телятся больше зимой, съ Михайлова дня и съ Рождества, а то и весной (молодыя). Нѣсколько дней, а то и до самой масляны, послѣ рожденія, телятъ держатъ въ избѣ. Теленка, какъ онъ родится, если мало скота, матери и не показываютъ; если же есть штукъ съ пятокъ — то пускаютъ его сосать мать до тѣхъ поръ, пока молоко станетъ хорошимъ. Молозиво здѣсь не употребляется (какъ напр. у каченскихъ инородцевъ) въ пищу. Недѣли черезъ двѣ — отучаютъ, приваживая къ разведенному молоку или моченому хлѣбу. На степи, по мнѣнію здѣшнихъ жителей, скотъ, благодаря тому, что телята тамъ сосутъ мать, здѣсь же молоко идетъ на семью — много лучше. Хорошая корова не доится только съ мѣсяцъ, похуже — мѣсяца 3. Доятъ дважды въ день. Надаиваютъ отъ хорошей коровы за одинъ удой, когда трава зеленая, и до ½ ведра; а другія 2—3 дадутъ вмѣстѣ столько-же. Къ зимѣ количество молока уменьшается больше, чѣмъ на ½; тогда и отъ 6 коровъ не надоить полуведра. Наиболѣе молочны коровы, когда имъ 5—6 лѣтъ. Масло на продажу не готовятъ, еще сами его прикупаютъ. — Быкъ годовъ 6—7 тянетъ на ногахъ 10 пуд., а убойный вѣсъ его 6—7 п., сала (осенью) 1—1½ пуда. Средняя стоимость мяса (въ Ужурѣ покупаютъ) — 1 р. 50 к. пудъ, сала — 3 р. 50 к., кожа — 3—4 р. — Овецъ стригутъ раза 2—3: 1) передъ Петровымъ днемъ, 2) за недѣлю или двѣ передъ Пасхой и 3) осенью, въ страду. Лучшая шерсть — осенняя. Съ овцы въ первую стрижку получаютъ съ 1 ф. шерсти, во вторую съ ½ ф., осенью 1½ ф. Самыя

хорошія овцы больше 4-хъ ф. шерсти за годъ не дадутъ. Въ стени овцы тоже лучше — крупнѣе и шерсти даютъ больше. Ягнятся овцы зимой. Дня 2—3 новорожденныхъ держатъ въ избѣ или топленой банѣ. Овцы ухода не имѣютъ никакого; барановъ не кладутъ.

Сѣнокосы за поскотиной, верстахъ въ 3 отъ улуса. Дѣленаго покоса на весь улусъ имѣется тысячи на двѣ копенъ; на пай накашиваютъ 30—50 копенъ. Есть десятинъ 5 покосныхъ мочаговъ, по Каменному ключу. Кромѣ того, и покосы мочатъ, также какъ и пашни, снѣжницей. Отъ общей борозды, идущей отъ логу, по которому стекаетъ образующаяся отъ таянія снѣговъ вода, проводятъ побочныя къ покоснымъ ложбинкамъ и разборанниваютъ на нѣсколько бороздъ. Къ сожалѣнію, мерзлая еще земля плохо впитываетъ въ себя воду, которая стоитъ на ней по недѣлѣ. Гораздо лучше ложбиннаго — залежное сѣно, пырейное. Какъ только пашню, которую началъ душить пырей, бросили въ залежь, она уже становится „вольной", не остается въ пользованіи того, кто пахалъ ее — все равно была ли пашня поднята изъ подъ лѣсу или изъ подъ стени [1]), потому что тотъ кто ее изъ подъ лѣса поднималъ, у него лучше и хлѣбъ родился. Накашиваютъ на залежи съ десятины копенъ 20—50.

Лѣтъ 5 тому назадъ начали сѣять овесъ на зелень. Въ страду, когда трава высохнетъ уже (съ начала октября), ее перестаютъ ѣсть кони, — вотъ тогда то и кормятъ овсомъ. Чаще всего его сѣютъ послѣ пшеницы, на 3-й годъ послѣ подъема нови. Вслѣдъ за нимъ пашню парятъ. Посѣвъ производятъ передъ Петровымъ днемъ. Скармиваютъ скоту — и въ зеленомъ видѣ и въ видѣ сѣна.

1) Ср. „Въ низовой (?) части Кызыльскаго вѣдомства „остожья для сѣна городятся крѣпко; пока хозяинъ остожье блюдетъ, до тѣхъ поръ раскашиваемое имъ мѣсто никто захватить не вправѣ; чуть онъ остожье убралъ — коси, кто хочетъ". („Матерьялы по изслѣд. землеп. . . . и пр.", т. IV, вып. 3, стр. 217.)

№ 18. Хозяйство Павла Кулакова.

Самому Павлу 44 года, женѣ его 22, дочерямъ 14 и 4, сыновьямъ 13, 6 и $^1/_2$ г, — Живутъ въ 5 стѣнной некрытой избѣ съ русской печью. Лѣтомъ перебираются въ другое помѣщенье — въ лѣтникъ. Бани и ледника нѣтъ. Есть соха, 3 бороны, дерев. ручная мельница. Ружья нѣтъ. Рыболовныхъ принадлежи. нѣтъ. Есть 3 шкатулки, 2 сундука, приборъ для айраннаго вина, 2 таза, зеркало, чатыганъ, счеты. Среди женской одежды: кафтанъ (синкэнъ въ 5 р.), 2 рубахи, 2 штановъ, серги

Покупали соли 1 п., чаю 12 кирпичей, сахару 8 фун., табаку 10 ф., мыла 5 ф., дегтю 3 ведра, свѣчъ 12 ф., водки на 2 р.; расходъ на пастуха 3 р., на батраковъ 6 р., кузнеца 3 р., на крестины 8 р., на угощеніе гостей 3 р. Въ году погибло отъ болѣзни: 1 теленокъ — отъ голода, 3 поросенка; всего на 2 рубля; трехъ циплятъ свинья съѣла. — Долговъ старыхъ платили 20 р. — Сѣна — 50 копенъ лугового и 40 степного. Куплено 15 копенъ. Хлѣба и овощей собрано: ржи 50 п., пшеницы 30 п., ячменя 40 п., овса 60 п., картофеля 10 мѣшковъ. Скота въ пер. на кр. 18,8.

II. Районъ скотоводческій.

Улусъ Чебаки, (с. Покровское).

Въ 1890 г. было 148 хозяйствъ, 366 мужчинъ, 299 женщинъ (III, 754). Селеніе существуетъ болѣе 100 лѣтъ; названіе получило отъ имени ясачнаго „Чебака“. Лѣтъ 30 т. назадъ кочевали еще на зимникъ — версты на двѣ, по Черному Іюсу. За послѣдніе 10 лѣтъ перекочевало сюда домовъ 15 изъ другихъ улусовъ и деревень. Крестьяне сильно тѣснить стали: „зачѣмъ на нашемъ мѣстѣ живете, ступайте въ Думу“ (т. е. на земли инородч. управы), говорили крестьяне переселившимся сюда изъ Азындаевой инородцамъ. По той-же причинѣ домовъ 6 переселилось сюда, въ разное время, изъ д. Парной. Лѣтъ 40 т. назадъ въ Парной жили одни только ясачные — „осѣдланные“ (осѣдлые); теперь ихъ осталось уже всего домовъ 5 и ихъ крестьяне уже не притѣсняютъ. — Отецъ разсказчика также 17 лѣтъ т. назадъ переѣхалъ сюда изъ Парной. Передъ этимъ онъ жилъ въ улусѣ Костинскомъ, а еще раньше въ Парной-же.

Пашни имѣетъ примѣрно одна треть улуса. Человѣкъ 5 пашутъ десятинъ по 5. 17 лѣтъ т. назадъ, когда пріѣхалъ разсказчикъ, только что еще начинали пахать домовъ 10 по 1/2 и по 1/4 десятины, главнымъ образомъ, ячмень. Всѣхъ домовъ тогда было въ Чебакахъ около 40. Въ настоящее время всей пашни въ улусѣ десятинъ 50. Ближнія пашни — съ версту отъ селенія. Разказчикъ десятины 1 1/2 сѣетъ и десятины 1 1/2 же готовитъ. Вся пашня его въ 6 мѣстахъ, но отдѣльные куски ея на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи — 100—150 саж. Пашни изъ подъ березнику, — степь уже выпахана. Въ подсушкѣ стоятъ года 2—3. У кого силы много — „семейство", тотъ и заразъ вычищаетъ, безъ подсушки. Почва — черная, толщиной 2—3 четверти. Пашутъ и на открытыхъ вѣтру мѣстахъ, ибо „въ завѣтерахъ мѣстовъ болѣе нѣтъ." Особенно сильно выдуваетъ рожь зимними вѣтрами. — Пашутъ на первый рядъ вершка на два, на второй вершка на 3. Сѣютъ всего больше ржи, затѣмъ ячменя, затѣмъ ярицу и овесъ. Пшеницу сѣютъ — и то по малу — дома три; ленъ не сѣютъ; коноплю сѣютъ; гречиху начинали сѣять, да бросили — мерзнетъ. Сѣютъ подъ борону, задѣлываютъ сѣмя въ землю на 1 вершокъ. Высѣваютъ на десятину: ржи 10—12 пуд., ярицы 30 фунт. на загонъ, овса 1 п. на загонъ, ячменя 30 ф. на загонъ: „надо бы 35". Сѣмена, нередъ посѣвомъ, часто „пытаютъ" на всхожесть. Если на 10 зеренъ взойдетъ только 5 — сѣютъ ихъ на половину больше. Пашню пропалываютъ — ходятъ босикомъ вытергиваютъ дурнину съ корнемъ руками. Съ лебедой ничего не умѣютъ подѣлать, такъ какъ она „вмѣстѣ (въ одно время) съ хлѣбомъ растетъ." Изъ за травы и пашни бросаютъ: „и по два раза пашешь, а все долитъ." Собираютъ съ десятины въ хорошій годъ: ржи 120 п. (5 овиновъ по 5 мѣшковъ), ярицы 150 п. (5 овиновъ по 8—10 мѣшковъ), овса 190 п. (въ средній годъ 140 п., а въ плохой годъ „и сѣмена не возьмешь, зябнетъ"). Въ селеніи есть штуки 3 вѣялокъ. — Держатъ пашню лѣтъ 10: къ этому времени земля дѣлается

сѣрой и комковатой. — Скота (рогат.) самые богатые въ селеніи имѣютъ штукъ 15, коней штукъ по 30. Овецъ держатъ хозяйствахъ въ 4-хъ (стени мало!). Пасутъ скотъ два пасуха: одинъ для лошадей, другой для рогатаго скота. Съ лошади пастуху платятъ 35 к. и 5 ф. муки или хлѣба. Лошадей угоняютъ лѣтомъ въ тайгу, верстъ за 25, гдѣ у пастуха есть балаганъ. Зимой лошади ходятъ по волѣ, подъ присмотромъ самихъ хозяевъ. Два года тому назадъ были казенные жеребцы, „да кобылы ие брались, потому что спустятъ раза два-три — и только“. У кого нѣтъ жеребца, только кобылы — пускаетъ къ чужему жеребцу (сборные табуны). Вмѣстѣ съ чебаковскими лошадьми пасутся и лошади изъ ближайшаго улуса Половинки; и отсюда, изъ Половинки, кобылы пускаются къ жеребцамъ, принадлежащимъ чебаковцамъ, а овцы чебаковскихъ инородцевъ угоняются на Половинку и пасутся вмѣстѣ съ тамошними. Весной даже у „скотныхъ“ (богатыхъ скотомъ) пропадалъ скотъ отъ безкормицы; у которыхъ вывалилось до половины скота; а тутъ еще парша напала. — Сѣна своего не хватаетъ, приходится прикупать. Всѣ вмѣстѣ ставятъ сѣна копенъ тысячъ десять, въ среднемъ на 1 хозяйство копенъ по 300. Покосы ближніе версты за 3, дальніе верстъ за 10. Всѣ они по ту сторону Іюса; каждый годъ ихъ заливаетъ. По рч. Черемуховой есть мочаги, принадлежащіе одному хозяйству; ставится на нихъ копенъ 1000. Общество хочетъ отобрать ихъ у владѣльца, такъ какъ онъ уже годовъ 10 пользуется этими мочагами. — Года три тому назадъ начали сѣять овсы на зелень; научили этому пріѣхавшіе сюда изъ Азындаевой ясачные Калмогоровы. — Разсказчикъ считаетъ, что на одежду у средняго домохозяина — на мужика выходитъ въ годъ рублей 15, на бабу 10.

№ 7. Хозяйство Петра Колишева.

Самому Петру 35 л., женѣ его 36, сыновьямъ 14 и 7., дочерямъ 12 и 4. Живутъ въ некрытой избѣ, лѣтомъ въ юртѣ. — Нѣтъ ни амбара, ни погреба, ни бани. Телѣга кован. 1, лодка 1 (3 руб.). Хлѣба не сѣютъ, а потому никакихъ пахотныхъ орудій

не имѣютъ. Есть деревянная ступка, 2 ружья. Изъ рыболовныхъ принадл. — только 2 удочки. Сундукъ 1, икатулка 1, прибора для приготовленія айраннаго вина нѣтъ: 3 таза, 8 вилокъ, есть зеркало, лампа, подсвѣчникъ. Есть чустыхъ (татарск. подушка), Среди женской одежды — синхэнъ (7 руб.), рубахи, штаны, кольцо, перстень, марха (пуговицы) 10 штукъ (50 к). — Покупали: соли 2 п., чаю 12 кирп., сахару 10 ф., табаку 16 ф., мыла 10 ф., дегтю 3 вед., свѣчъ 20 ф., керосину 10 ф., водки 3 в.; расходы на пастуха 4 р., на кузнеца 3 р., на похороны 3 р., на угощеніе гостей 15 р. Въ году погибло отъ болѣзни: 2 теленка, на сумму 5 р. Мяса покупали (?) на 20 р. Добыли 4 козы, 5 пудовъ рыбы. Извозомъ заработали 80 р. Долговъ платили 5 р. Сѣна ставили луговаго 400 копенъ. Добыли лѣсу строевого 40 концевъ (оцѣнены въ 4 р.). — Хлѣба и овощей собрано: 10 мѣшковъ картофеля. Куплено ржи 50 п., пшеничной муки 30 п., ячменя 5 п., овса 4 п. — Скота въ пер. на кр. 20,3 (свиней нѣтъ).

№ 8. Хозяйство Лаврентія Соускапова.

Семья состоитъ изъ самого Лаврентія, 39 лѣтъ и жены его 50 л. Не кочуютъ. Жилыя постройки — не крытая изба и юрта. Ружья нѣтъ, рыболов. принадлежи. — тоже. Есть кайла, пила, долото; приборы для айран. вина нѣтъ, сундуковъ, тазовъ, подушекъ татарскихъ тоже нѣтъ. Но среди женской одежды — синхэнъ, штаны, марха (двѣ въ 20 к.). — Покупали: соли 2 п., чаю 12 кирп., сахару 10 ф., табаку 24 ф., мыла 10 ф., дегтю 2 в., свѣчъ 10 ф., водки на 10 руб.; расходъ на пастуха 3 руб., кузнецу 1 р., на религіозныя потребности 4 р., на угощеніе гостей 5 р. Въ году погибло: отъ голоду и безкормицы 6 телятъ, отъ болѣзни 1 конь и 1 жеребенокъ, отъ звѣря 3 жеребенка. Всего на сумму 32 руб. — Продали: 1 коня за 20 руб., 2 козы за 3 р. Заработали извозомъ 15 р., батрачествомъ 15 р., отхожимъ промысломъ 6 р. Сѣна ставили 500 копенъ; изъ нихъ 200 продали за 30 рубл. Хлѣба и овощей собрано: картофеля 40 мѣшковъ; 17 мѣшковъ продано за 6 р. 80 к. Куплено ржаной муки 60 п., пшеничной 10 п., ячменя 5 п. Скота въ пер. на кр. — 8,3.

№ 4. Хозяйство Матвѣя Кулакова.

Матвѣю 60 лѣтъ, женѣ его 50, старшему сыну (слабоумный) 25 л,, среднему 13, младшему 10. Съ мая по сентябрь кочуютъ за 10 верстъ. Живутъ въ избѣ съ очагомъ. Юрты нѣтъ. Ружья нѣтъ; рыболовн. принадл. — 2 морды и 1 удочка. Самовара нѣтъ вилокъ нѣтъ, подсвѣчника и лампы нѣтъ. Среди женской одежды: 1 рубаха и 1 штаны. Покупали соли 10 ф., чаю 12 киричей, та-

баку 12 ф., свѣчъ 3 ф., сахару, мыла и водки не покупали вовсе. На религіоз. потреби. 1 р., на угощеніе гостей 1 р. — Рыбы добыли 2 п., 1 п. продали за 2 р. Заработали отхожимъ промысломъ 20 р. Сѣна ставили 200 копенъ лугового, изъ нихъ продали 100 коп. за 7 р. Хлѣбъ покупали — муки ржаной 36 п. Скота въ пер. на кр. 2,1.

№ 10. Хозяйство Павла Янгулова.

Павлу 38 л., женѣ его 30, сыновьямъ 12, 9 и 2 г., дочери 4 г. Съ 1 Іюня по 1 сентября часть хозяйства кочуетъ за 10 верстъ. Жилыя помѣщенья: изба съ очагомъ и юрта. Есть 2 ружья; рыболовн. принадл.: 1 морда и 2 удочки. Есть зеркало, лампа, подсвѣчники, вѣсы. Среди женской одежды: праздничная шуба, (5 р.), 2 рубахи, 1 штаны, 2 кольца, серьги, марха (10 шт.). — Покупали: Соли 3 п., чаю 5 кирп., табаку 20 ф., мыла 5 ф., дегтю 1 вед., свѣчъ 5 ф., керосину 5 ф., водки 1 в.; расходы на пастуха 1 р., на кузнеца 1 р., на религіозн. потребн. 1 р., на угощеніе гостей 5 р. Мяса покупали (?) на 20 р. Добыли: звѣря (козъ?) — 10 шт., рыбы 5 п. Продали звѣря и рыбы на 8 р. Отхожимъ промысломъ заработали 60 р. Сѣна таежнаго ставили 300 кон. Хлѣба покупали: ржаной муки 60 п., пшеничной 20 п., ячменя 5 п., кортофеля 5 мѣшковъ. Скота въ пер. на кр. 4,1.

№ 16. Хозяйство Гаврінла Арчемачева.

Самому хозяйну 37 л., женѣ его 27, сыну 5 л., дочерямъ: 12 8 и 4. Жилыя постройки: крытая изба (оцѣнена въ 200 р.) и юрта. Есть ледникъ и баня. Землед. орудіи: соха, 2 бороны, 3 серпа и пр, Есть 2 ружья. Рыболовн. орудія: 2 морды и 3 удочки. Прибора для айран. вина нѣтъ; шкатулки 2, сундукъ 1, тазовъ 4, зеркало (въ 2 р.). Среди женской одежды: праздничная шуба (8 р.), синхэнъ (5 р.), штановъ 5, рубахъ 5, кольцо, перстень, 2 марха (въ 40 к.). Покупали: соли 3 п., чаю 15 кирп., сахару 1 пудъ, табаку 1 пудъ, мыла 20 ф., дегтю 2 в., свѣчъ 1 пудъ, керосину 1 пудъ, водки 2 вед. Расходы на пастуха 5 р., на кузнеца 3 р., на религіозн. потребн, 2 р,, на угощенія гостей 10 р. Въ году погибло отъ болѣзни: 3 жеребенка на 15 р. Кололи для себя: 5 овецъ, 1 ягненка. Добыли дичи разной 100 шт., рыбы 50 п. Продали скота (овецъ) на 14 р., дичи на 7 р., рыбы на 45 р.; овечьей шерсти на 4 р., яицъ и молока на 16 р. Заработали: ремесломъ 50 р., отхожимъ промысломъ 40 р., извозомъ 60 р. — Сѣна ставили 700 копенъ луговаго; 60 копенъ продали за 9 р. Хлѣба и овощей собрали: ржи 50 п., ячменя 100 пуд., картофеля 20 мѣшковъ. Покупали: ржаной муки 112 п. и пшеничной 50 пуд. Продали ячменя 66 п. за 26 р. 40 к. Скота въ пер. на кр. 34,5.

№ 27. Хозяйство Михаила Карачакова [1])

Самому 50 л., женѣ 52, сыну 17, дочери 14 л. Сынъ и дочь грамотны. Жилыя помѣщенья: 1 крытая (500 р.) и 1 некрыт. (200 р.) изба. Есть амбаръ, ледникъ, баня, овинъ (рига?). Телѣгъ кованыхъ 5, кошевка, 10 саней. Землед. орудія: 2 сохи, 4 бороны, 5 серповъ и пр. ручная деревянная мельница. Есть 2 ружья. Рыболовн. принадл.: 1 удочка. Есть сундукъ, шкатулка; прибора для айран. вина нѣтъ, зеркало (2 р. 50 к.), 3 подсвѣчника, вѣсы (5 р.). Женщины одѣваются по русски. Покупали: соли 5 п., чаю 12 кирп., сахару 5 п., мыла 2 п., дегтю 5 в., свѣчъ 3 п., керосину 1 п., водки 2 в. Табаку не курятъ. Расходы на пастуха 10 р., на батраковъ 30 р., на кузнеца 20 р., на религіозн. потребн. 3 р. — Въ году погибло отъ звѣря (?) 10 телокъ по 3-му году, на сумму 80 р. Кололи для себя: 1 теленка и 5 свиней, всего на 18 р. Заработали извозомъ 150 р. Платили старыхъ долговъ 50 р. Сѣна ставили 800 копенъ. Лѣсу строевого 100 концовъ (оцѣнены въ 10 р.). Хлѣба и овощей собрали: ржи 100 п., ячменя 50 п., овса 200 п., огурцевъ 100 штукъ, капусты 30 ведеръ, картофеля 50 мѣшковъ. Скота въ пер. на кр. 35.

№ 28. Хозяйство Федора Бадажакова.

Федору 40 лѣтъ, женѣ его 43, матери 65, сыну 14, дочери 16 л. Держатъ 3 годовыхъ работниковъ: 47, 23 и 22 лѣтъ, получающихъ по 70 р. въ годъ каждый. Не кочуютъ. Жилыя помѣщенья: одна крытая изба въ 300 р., 1 некрытая и юрта. Землед. оруд.: 2 сохи, 4 бороны, 10 серповъ и пр. Есть 2 ружья, неводъ (15 р.), 2 сундука, 2 шкатулки, 4 таза; прибора для айран. вина, а также и подойниковъ нѣтъ; самовара 2, чайниковъ мѣдныхъ 3, зеркалъ 2 (20 р.), лампы 2 (1 р. 15 к.), подсвѣчниковъ 2, 1 музык. инструментъ (чатыганъ?) въ 20 к., счеты, вѣсы (4 р.). Женская одежда инородческая — есть синхэнъ. штаны, марха и пр. Покупали: соли 6 п., чаю 28 кирп., сахару 2 п., табаку 15 ф., мыла 1 п., дегтю 4 вед., свѣчъ $1^1/_2$ п., керосина $1^1/_2$ п., водки $3^1/_2$ в. Расходы на пастуха 25 р., на батраковъ 310 р., на кузнеца 15 р., на религіозн. потребн. 5 р., на угощеніе гостей 40 р. Въ году погибло отъ болѣзни: 6 кобылъ, 1 конь и 2 жеребца по 3-му году, 2 коровы и 3 овцы, всего на 139 р. Кололи для себя: 3 коровъ, 10 барашковъ. Добыли: рыбы 150 п.; продали 2 коней за 55 р., 120 п. рыбы на 240 р. Заработали извозомъ 60 р. — Сѣна ставили 1000 коп., изъ нихъ 240 коп. продали за 72 р. Хлѣба и овощей

1) Примѣч. составителя: „не вполнѣ обрусѣвшій“.

осталось отъ прошлаго года: ржаной муки 28 п., пшеничной муки 5 п., ячменя 5 п., овса 2 п. Собрали: ржи 255 п., пшеницы 140 п., ячменя 140 п., овса 240 п. и картофеля 45 мѣшковъ. Продали разнаго хлѣба и картофеля на 112 р. — Скота въ пер. на кр. 49.5.

№ 32. Хозяйство Ивана Балахчина.

Ивану 60 л., женѣ его 59, дочери 17, сыну 33 г., женѣ послѣдняго 34 г.; одному внуку 11 л., другому 7, внучкѣ 5 л. Старшій внукъ грамотный. Держатъ одного годового работника, 21 года съ платою 50 р. въ годъ. Съ 15 мая по 20 августа кочуютъ (часть хозяйства) на 10 верстъ. Жилыя постройки: изба некрытая и юрта. Земледѣльч. орудія: 1 соха, 2 бороны, 2 серпы и пр. Есть 3 ружья; изъ рыболовн. принадл. — 2 невода (5 р.), 1 удочка. Есть 2 сундука, 2 шкатулки, приборъ для айран. вина, 2 таза, подойникъ, вилки. Среди женской одежды: синхэнъ, штановъ 6, рубахъ 6, колецъ 6, 3 перстня, серьги, марха. Покупали: соли 4 п., чаю 12 кирпич., сахару $^1/_2$ п., табаку 1 п., мыла 5 ф., дегтю 1 в., свѣчъ 20 ф., керосину 10 ф., водки 2 ведра. — Расходы: на пастуха 5 р., на религіозн. потр. 3 р., на угощеніе гостей 6 р. Въ году отъ болѣзни погибло: 1 кобыла, 5 жеребятъ, 1 корова — всего на 24 р. — Добыли: разной дичи и звѣря на 30 р., рыбы 50 п. на 45 р.; продали звѣря и рыбы на 55 р. Заработали извозомъ 100 р. Сѣна ставили таежнаго 500 копенъ. Хлѣба и овощей собрали: ярицы 100 п., ржи 100 п., ячменя 20 п., картофеля 10 мѣшковъ. Покупали: ярицы 6 п., муки ржаной 30 п., пшеничной 50 п. Скота съ пер. на кр. 30,5 (свиней нѣтъ).

Кромѣ Чебаковъ изъ этого района имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія объ улусѣ Торчинскомъ, въ 20 верстахъ отъ Чебаковъ.

Въ 1890 г. было въ Торчѣ 30 хозяйствъ, 61 мужч., 70 женщинъ. Улусъ Торчинскій существуетъ болѣе 100 лѣтъ. Всѣ живущіе въ немъ инородцы и до сей поры кочуютъ. Зимникъ въ $6^1/_2$ вер. отъ лѣтника, „ближе къ горамъ и лѣсу“. Изъ 30 хозяйствъ — пашущихъ 5—6. Всѣ вмѣстѣ они распахиваютъ дес. 3—4. Пахать начали, лѣтъ 5 тому назадъ, одинъ богатый инородецъ, у котораго жили въ работникахъ инородцы же, работавшіе до того въ деревняхъ у крестьянъ. Ближайшія пашни верстахъ въ 4-хъ, дальніе — въ $4^1/_2$. Рожь уже 2 г. не родится. Ее сѣютъ

на загонъ по полъ-пуду. Когда родится, — съ загона собираютъ пуда 3. Ярицу почти вовсе не сѣютъ. Ячменя сѣютъ на загонъ по 1 п., а собираютъ тоже 3 п. Овесъ, ленъ, коноплю — не сѣютъ. Картофель садятъ мало. Пробы на всхожесть сѣмянъ не дѣлаютъ. Скота во всемъ улусѣ рогатаго до 300 головъ, коней 150 (?), овецъ 300. Нынѣшней (1897 г.) весной вывалилось рогатаго 200 головъ, коней 400, овецъ болѣе 200. — У самаго богатаго въ улусѣ рогатаго скота 50 штукъ, коней 120, овецъ 60. Скотъ и зиму и лѣто пасется на одномъ и томъ же мѣстѣ. Сѣна своего не хватаетъ; весь улусъ ставитъ его 3000 коп. Покосы отстоятъ отъ улуса въ 4—5 верстахъ и болѣе. По рч. Торчѣ есть 5—6 мочаговъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ хозяевамъ. Всего ставятъ на нихъ сѣна копенъ 800. Овса на зелень не сѣютъ.

III. Районъ скотоводческій.

Улусъ Устьпечищенскій.

Въ 1890 г. было здѣсь 6 хозяйствъ, 18 мужчинъ, 20 женщинъ (III, 574). Въ 1897 — 5 хозяйствъ. 20 лѣтъ тому назадъ была здѣсь Кызыльская дума. Всѣхъ хозяйствъ тогда было, примѣрно, столько же, сколько теперь въ Божьеозерскомъ селеніи, т. е. хозяйствъ 100. Какъ Думу перевели отсюда, такъ за ней и „народъ ушелъ“ — кто на Божье озеро перебрался, кто „на станки“ (т. е. на трактовую или проселочную дорогу), чтобы питаться было можно. Остались только три „скотныя“ семьи, да къ нимъ семьи двѣ приселилось бѣдныхъ, живущихъ, главнымъ образомъ, работою на богатыя хозяйства. Когда была здѣсь Дума, улусъ кочевалъ; не кочевали тогда только семьи три. Но лѣтники были тутъ же, вплоть, около зимника — черезъ дорогу, какихъ нибудь сажень 30 всего. Не кочевали дальше потому, что нѣтъ близко покосовъ. Не было прежде и оградъ около юртъ. Теперь уже болѣе 15 лѣтъ, какъ стали ихъ дѣлать, главнымъ

образомъ для того, чтобы къ молочному скоту на лѣзъ „холостой“ — быки и пр.

Пашни у одного засѣяно 1½, дес. и „готовится“ столько же: „какъ еще приготовится, не знаю; вишь (видишь), теперь сѣнокосъ, некогда“. Пашни верстахъ въ 10; „хлѣбъ родится плохо: который на косу косили“. Сѣютъ рожь и ячмень. Съ десятины ржи собираютъ 2½ овина, пудовъ по 7½ на овинъ (мѣшка три, по 2½ п. каждый), или 107½ п. Высѣвали ржи и ячменя на десятину по 3 мѣшка (7½ п.) — Почва черная, песчанная, толщиной отъ 2-хъ вершковъ до 7 четв.; ниже подъ ней — камень. Много въ хлѣбѣ бываетъ жабрею — не даетъ жать: сильно колется. — Во всемъ улусѣ лошадей, вмѣстѣ съ молодяжникомъ, головъ 500; однѣхъ взрослыхъ больше 400. Всѣхъ табуновъ 15; въ табунѣ бываетъ и по 50, и по 30, и по 10 коней, смотря по жеребцу; одинъ жеребецъ „собираетъ“ (около себя), другой „прогоняетъ“ (отъ себя). Скота рогатаго до нынѣшней весны было головъ полтораста, но весной, вслѣдствіе плохихъ кормовъ — сѣно отъ бывшаго лѣтомъ „дыму“ (лѣсные пожары!) и ненастья почернѣло и испортилось — вывалилось 43 скотины, остальныхъ продали. Овецъ въ улусѣ штукъ 200. Вмѣстѣ со здѣшними лошадьми пасутся и сосѣдняго, Сулековскаго улуса — коней 40. Весь скотъ и табуны круглый годъ пасутся на одномъ мѣстѣ: дальше какъ за 4 вер. отъ улуса не ходятъ; иначе сосѣдніе крестьяне „въ протраву имаютъ“ (ловятъ). По длиннику площадь пастбища составляетъ 6 верстъ. Такимъ образомъ 900 головъ всякаго скота (считая молодяжникъ и овецъ) пасутся здѣсь круглый годъ на пространствѣ 1875 десятинъ (хозяйств.). Судя по этому, для каждыхъ 100 головъ всякаго скота нужно 190 десятинъ степи, чтобы прокормить ихъ на ней круглый годъ (покосы находятся въ числѣ этихъ же 1875 десятинъ). Съ такимъ выводомъ совпадаетъ и показаніе живущаго здѣсь, бывшаго выборнаго Е. Ф. Таможикова, который считаетъ, что на 100 головъ рогатаго скота надо не менѣе 150 дес.

степи (не считая покосовъ) для того, чтобы прокормить ихъ на подножномъ корму круглый годъ: „все чисто выѣдятъ, одна земля останется“. Столько же надо класть и на овецъ — „если и не съѣстъ столько, то копытами выбьетъ“. Такое же количество степи онъ считаетъ нужнымъ и для 100 лошадей, не считая „сухихъ“, которыхъ кормятъ сѣномъ дома.

При подножной пастьбѣ въ теченіи круглаго года всегда часть скота „начинаетъ отставать, или въ снѣгу завязнетъ“; ихъ съ полузимы, а то и съ осени уже приходится кормить дома сѣномъ; коней такихъ въ зиму бываетъ 15—20 штукъ. На 20 коней за зиму выходитъ по возу въ день (15—20 пуд.) сѣна. По свидѣтельству Томожикова, рогатый скотъ, кони и овцы — нисколько не хуже здѣсь, чѣмъ у каченцевъ. И никакой скотъ у нихъ не вырождается, не мельчаетъ. Изъ 100 5-годовыхъ коней — коней 20 будетъ 30 рублевыхъ, копей 15—25-рублевыхъ, коней 60—8-рублевыхъ, а если на убой, то и за 10 рубл. продать можно: „хоть и маленькая (лошадь) и на ѣздѣ плохая — да сытая“. Изъ 20 тридцати рублевыхъ коней выбирается 1—3 инородцевъ рублей по 50. „Звѣровой конь“ — для охоты за звѣремъ — стоитъ руб. 40; онъ долженъ быть „бойкій, ѣзжалый (смирный), со скорымъ бѣгомъ“. Такой конь подъ верхомъ выходитъ за день 100 вер., везетъ на себѣ съ сѣдокомъ всего 5—6 пуд. Когда надо, при погонѣ за звѣремъ, въ махъ можетъ бѣгать верстъ 25. Пріема за два, съ отдыхомъ, за день такимъ образомъ (вмахъ) выбѣжитъ верстъ 50. Средній конь больше 20 пудовъ (считая и вѣсъ ямщика) верстъ на 30 не свезетъ, хорошій-же и 30 пудовъ на 50 верстъ утянетъ. Не кормя, на хорошемъ конѣ можно сдѣлать верстъ 100.

Молодые (сыновніе) жеребцы ходятъ сперва въ одномъ табунѣ со старымъ; на 4-мъ году молодой жеребецъ „отшибаетъ“ отъ табуна 1—2 кобылы, угоняетъ ихъ и „не пускаетъ“ въ табунъ обратно. Тогда къ нему отъ разныхъ (большихъ) табуновъ „отлучаютъ“ (отгоняютъ) еще нѣсколько кобылицъ и выдерживаютъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ жеребцомъ

втеченіе сутокъ въ общемъ загонѣ и голодомъ, чтобы потомъ кобылицы не убѣжали сразу же къ старымъ табунамъ, гдѣ молодаго жеребца старые могутъ изувѣчить или даже убить. Черезъ сутки, новый табунъ выпускаютъ и пасутъ его втеченіе, примѣрно, мѣсяца отдѣльно, пока лошади не свыкнутся между собой. — Какъ жеребцы, такъ и кобылицы ходятъ въ табунѣ лѣтъ до 15—20. Выѣзжаютъ коней, обыкновенно, пастухи, подъ присмотромъ самихъ хозяевъ, зимой, по снѣгу. Ловятъ коней арканомъ, подтягиваютъ имъ арканомъ-же заднюю ногу къ брюху, привязываютъ крѣпко къ столбу, сѣдлаютъ и ѣздятъ на немъ, не смотря на всяческія его старанья отдѣлаться отъ сѣдока, часъ, полтора, пока не замучаютъ. На другой день коню даютъ мало ѣсть — „сѣна фунтовъ пять, да снѣгу поѣсть“: это нужно для того, чтобы „жиръ у него скрѣпить, а то на кости сядетъ“ (т. е. похудѣетъ). — Черезъ день послѣ этого запрягаютъ въ сани — кому скорѣе выѣздить хочется — а то снова сѣдлаютъ. Въ этотъ день можно уже дважды объѣзжать, если выдержать послѣ перваго раза 6 часовъ; „съ недѣлю такъ путаются“, пока наконецъ и выѣздятъ.

Волосъ стригутъ — и съ гривы и съ хвоста все равно — черезъ годъ; съ хвоста получается его фунта $1^1/_2$, стоимостью 60 коп. фунтъ, съ гривы тоже $1^1/_2$ ф., стоимостью 5 р. пудъ. Конь на ногахъ, средній, вѣситъ 15—16 пудовъ, убойнаго вѣсу въ немъ пуд. 12; кожа стоитъ отъ 2 до $2^1/_2$ р. Табунъ коней въ 22 головы (2 мерина, 1 жеребецъ, остальное кобылы) купленъ Таможиковымъ у крестьянъ за 190 р. — Скота рогатаго на зиму остается кормиться дома 50 шт., 25 шт. молодяжника и 25 шт. сухого. За прокормъ скота берутъ въ зиму 2 р. (съ головы). Средняя корова дастъ за одинъ удой съ фунтъ молока. Доятъ дважды: утромъ и вечеромъ. Такихъ, которыя даютъ по ведру въ день — изъ 20 коровъ у Таможикова есть 1—2. Доятся коровы мѣсяца 4—5. Если корова начинаетъ давать въ одну дойку со стаканъ молока, не больше — бросаютъ ее доить. Теленокъ сосетъ мать не-

дѣли три. Ему оставляютъ половину молока, другую половину выдаиваютъ — а у кого мало скота, тѣ и больше половины выдаиваютъ. Соли скоту не даютъ, потому что онъ землю — „солонецъ“ — ѣстъ. Масло продаютъ пуда по три въ годъ, по 8 рубл. пудъ. Изъ ведра молока, пожалуй, и 1/2 ф. масла не выйдетъ: „на разъ семьѣ поѣсть не хватитъ“. Вѣсъ коровы и средняго быка почти одинаковы. Живой вѣсъ коровы отъ 5 до 10 л. пудовъ 13, убойный 9, — сала 1 пудъ. Стоимость 1 пуда мяса 1 р. 50 к. — 2 р, сала 2—3 рубл., кожа 3 рубля. Овецъ къ зимѣ оставляютъ штукъ 100, остальныхъ, болѣе 100 штукъ — 50 за лѣто, да столько же осенью — колютъ. „Сухихъ“ овецъ на 100 штукъ бываетъ отъ 4 до 10. На 10 овецъ надо за зиму возовъ 10 сѣна (пятнадцати-пудовыхъ). „Ягушки (козы) и яманы“ — ихъ у Таможикова штукъ 5—6 — ѣдятъ все равно, что овцы. Стригутъ овецъ однажды, весной, потому что онѣ цѣлый годъ пасутся на волѣ и, если стричь ихъ осенью, мерзнуть будутъ. Шерсти съ овцы фунта 2 (пудъ — 3 руб.) Живой вѣсъ средней овцы пуда 2, убойный — 1 п. 10 ф. (рѣдкая вытянетъ 1 1/2 п.); сала фунта 1 1/2, вѣсъ курдюка 1 1/2 ф. Мясо овечье покупается охотнѣе скотскаго: „его больше любятъ“, но цѣна на него одинакова — 1 руб. 50 к. — 2 р. пудъ. Сало баранье продается: курдючное по 3 р. — 3 р. 50 к., не курдючное 2 р. за пудъ. И зимой и лѣтомъ держатъ по 2 пастуха: одинъ для рогатаго скота и овецъ, другой для коней. Лѣтній пастухъ никогда не остается пасти и на зиму, потому что ему „скучно на полѣ, не хочется: лѣто мучься, да еще и зиму мучься“. Зиму онъ „такъ шатается“, подъ подати забираетъ у стараго хозяина деньги, а на лѣто снова идетъ въ пастухи. Конскій получаетъ за пастьбу 60 р., съ хозяйскимъ запасомъ. Пить чай и ѣсть онъ пріѣзжаетъ, когда кони находятся на водопоѣ. Сулековскіе инородцы за пастьбу ихъ коней платятъ хозяину (Таможикову) по 20 коп. съ головы. Зимняя пастьба начинается съ Казанской, лѣтняя съ Пасхи. Пасутъ всякій скотъ — гдѣ какъ придется; особыхъ

пастбищъ для того или другого рода скота нѣтъ. За потерю скота, и такъ-же за потраву его звѣрю лѣтній пастухъ платитъ: за крупныхъ овецъ 2 р., за мелкихъ — 1 р., за круп. рогатую скотину — 9 р., за коня смирнаго (выѣзжанаго) и жеребца 15 р., за кобылу 7 р.; за жеребенка изъ подъ матери тоже по 1 руб., постарше (2-хъ лѣтъ) — 3 руб. Зимой за потраву скота звѣремъ пастухъ не отвѣчаетъ, потому что ночью не спитъ со скотомъ, а лѣтомъ онъ спитъ съ нимъ, поэтому и отвѣчаетъ. Если скотина пропадетъ отъ болѣзни, или завязнетъ въ снѣгу или утонетъ — пастухъ за нее не платитъ, а приноситъ лишь хозяину уши отъ нея съ „мѣтами“. Если это лошадь — то хозяинъ самъ ѣдетъ „доглядѣть“, подлинно ли его конь лежитъ на степи. Зимній пригонъ пастухи дѣлаютъ у ключика, онъ не мерзнетъ — „талецъ“; его, гдѣ надо, подчищаютъ. Пьетъ изъ него только рогатый скотъ, кони и овцы ѣдятъ снѣгъ. Чтобы укрыться отъ погоды и въ то же время имѣть возможность наблюдать за скотомъ, пастухъ строитъ на столбахъ, съ аршинъ вышиной, берестянный шалашъ, внутри самаго пригона. — Помѣщенія для скота слѣдующія: крытыя — куда зимой загоняютъ телятъ къ ночи — рублены въ столбахъ заплотомъ, забраны, замазаны каломъ. Для овецъ такія же, только рублены въ углы. Крыты и тѣ и другія толстымъ слоемъ сѣна. Кромѣ этихъ стай, имѣется еще 4 зимнихъ загорожи: 1 для скота, 1 для овецъ, 1 для телятъ и одна для коней. Эти загорожи устраиваютъ отдѣльно отъ лѣтнихъ, для того чтобы онѣ были чище. Въ нихъ дается утромъ, передъ водопоемъ, сѣно — иначе голодный скотъ не будетъ пить. Лѣтнихъ крытыхъ загорожей не устраиваютъ для того, чтобы подсыхалъ въ нихъ наземъ. Всѣхъ лѣтнихъ загорожей три: для коней, для овецъ и для рогатаго скота. Жеребцы когда вмѣстѣ, хоть и дерутся, да ничего не подѣлаешь. Лѣтнія загорожи для коней занимаютъ у Таможикова десятины съ полторы, для скота рогатаго около 1/4 дес., для овецъ — тоже 1/4 десятины. — 4 зимнихъ загорожи занимаютъ —

скотская 1 дес., телячья 1/4 д., овечья 1/2 дес., конская загона 2: она предназначена только для смирныхъ лошадей „въ худое погодье"; табунныхъ зимою не загоняютъ. Сѣнникъ (огорожа для помѣщенія сѣна) занимаетъ съ десятину. Чистятъ крытыя стаи зимой каждый день. Огорожи чистятъ только одинъ разъ въ году — послѣ Пасхи, когда скотъ переведутъ въ лѣтній пригонъ. Навозъ берегутъ для подстилки — соломы нѣтъ, камышъ далеко, а сухой земли навозъ лучше: теплый, копыто не мерзнетъ, сырость и моча проходитъ черезъ него. Подстилку — камышъ или сухой навозъ — мѣняютъ разъ въ недѣлю. — Звѣрь сильно обижаетъ скотъ. Бываетъ, какъ напр. въ этомъ году, что за годъ волки изъ табуновъ лошадей 30 затравятъ. Не мало также „пухнетъ" и пропадаетъ рогатаго скота отъ укушенія змѣй: скотины 3—4, а то и больше за лѣто.

Ближайшій сѣнокосъ — съ версту отъ улуса, за рѣчкой (Іюсомъ). Скотъ туда пастухи не пускаютъ до самой осени (изгородей у сѣнокосныхъ угодій нигдѣ нѣтъ); осенью, когда сѣно на немъ уберутъ, пускаютъ скотъ кормиться до самаго рѣкостава. Весь этотъ покосъ каждую весну заливаетъ Іюсомъ, поэтому не боятся, что скотъ выбьетъ всю землю и трава перестанетъ родиться. Іюсъ разливается весной, — гдѣ и на цѣлую версту, „по источинамъ". Мѣстъ для мочаговъ нѣтъ. Дальніе покосы — верстахъ въ 4-хъ. Покосныя площади не сплошныя; приходится то тамъ, то тутъ обходить съ литовкой мимо. Иной разъ 3/4 мѣста не косишь. Да и трава „не настоящая родится — водой замываетъ", т. е. наноситъ илу и пр. Съ десятины хорошей травы можно накосить не болѣе 25 пятипудовыхъ копенъ. Здѣсь копны ставятъ маленькія — пуда по 1 1/2—2. 100 копенъ сѣна можно убрать, если ведро стоитъ, недѣлы въ двѣ. Хорошій косецъ больше шести пятипудовыхъ копенъ въ день не накоситъ. Сѣно мечутъ, огораживаютъ и оставляютъ до снѣгу, когда его свозятъ въ сѣнникъ — простая изъ остожья огородь. Сѣна своего не хватаетъ: его и въ хорошій годъ не больше

200 копенъ на хозяйство ставится, а въ засухи, которыя бываютъ раза 4 въ 10 лѣтъ, не болѣе 100 копенъ. Арендуютъ еще копенъ 1300, съ платой по 3 р. съ сотни, да запасомъ и пр. — всего до 4-хъ рублей за сотню. Работники въ сѣнокосъ ставятъ сѣно по 3 р. за сотню деньгами, кромѣ того еще хлѣбомъ, бараниной, вообще запасомъ, такъ что всего выйдетъ руб. на 7. Въ остальное время они за свою работу берутъ запасомъ, за нихъ уплачиваютъ подати, но денегъ имъ не даютъ. Одежда верхняя у работниковъ собственная. Остальное — сагыры (обувь), рубахи, штаны — хозяйскіе. Одинъ работникъ живетъ у Таможикова за 30 р.; имѣетъ свою „юртенку“, гдѣ живетъ его жена, которая тоже кормится хозяйскимъ запасомъ, и куда онъ уходитъ только ночевать.

Строевой лѣсъ — листвягъ — верстахъ въ 20 отъ улуса. Рубятъ вольно.

По мнѣнію Таможикова, чтобы прокормить семью въ 10 чел. и одного (не больше!) работника, надо 8 кв. вер. стени (?), 200 коней, 50 головъ рогатаго скота и 100 овецъ.

По доходности, 100 коровъ эквиваленты 150 конямъ. Рогатый скотъ выгоднѣе держать, потому что на него больше спросъ. Овцы находятъ примѣненія только въ своемъ собственномъ хозяйствѣ. Однѣми ими нельзя прокормиться, сколько ихъ не заводи. Продаютъ ихъ больше мясомъ (не на ногахъ).

№ 12. Хозяйство Константина Абдарина.

Семья состоитъ изъ хозяина 67 л., жены его 59 л., 4 года тому назадъ покинувшаго домъ, сына 23 лѣтъ. — Послѣдній два года служилъ въ работникахъ, а въ теченіи послѣднихъ 2 лѣтъ о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Родился Константинъ въ Итменевскомъ улусѣ, лѣтъ 30 т. наз. переселился въ Сулековскій, прожилъ тамъ до старости, и лишь 3 года т. наз. перебрался сюда. Живутъ въ некрытой избѣ. Весь рабочій инвентарь состоитъ изъ 2-хъ косъ, 1 вилъ, 1 граблей, отбойной бабки, ножницъ, ножа, 1 сбруи, дуги и 2-хъ мѣшковъ холщевыхъ. Есть подойникъ; нѣтъ ни вилокъ, ни лампы или подсвѣчника. Женская одежда — инородческая. — Покупали: соли 1 п., чаю 2 кирп., табаку 10 ф., мыла 2 ф.; сахару, дегтю, свѣчъ, керосину и водки не покупали вовсе. Изъ другихъ денежныхъ расходовъ — только пастуху 30 коп., 10 к. на спички,

на хлѣбъ — 20 п. ржи, 5 п. ячменя и 2 мѣшка картофеля — всего 13 р. Заработали: батрачествомъ 10 р. Сѣна поставлено 50 копенъ луговаго. Скотъ — конь и 2 коровы, полученные въ калымъ.

№ 31. Хозяйство Ефима Саможикова.

Ефиму 28 л., женѣ его 26 л., матери 70 л., братьямъ 40 и 26 л. Не кочуютъ; другіе, какъ думаетъ Ефимъ, потому кочуютъ, что по природѣ народъ они кочевой. Жилыя постройки: 3 некрытыхъ избы съ очагомъ и 1 четырехъ-угольная юрта — лѣтняя. Есть баня (въ прошломъ году строена; кромѣ нея есть еще въ улусѣ одна), рига; есть 2 телѣги, лодка. Земледѣл. орудія: соха, 2 бороны, 3 серпа и пр., ручная деревянная мельница; есть 2 ружья, 2 удочки; 2 сундука, 1 шкатулка, приборъ для айран. вина, подсвѣчникъ, чатыганъ, вѣсы ($1^1/_2$ р.). Женская одежда — инородческая; между прочимъ: 2 сипкэна, 4 перстня. — Покупали: соли 3 п., чаю 8 кирп., сахару на 2 р., табаку на 3 р., мыла на 60 к., дегтю на 60 к., свѣчъ $^1/_2$ п., водки на 10 р.; расходы: на пастуха — 15 р., на батраковъ 5 р., на кузнеца 5 р., на крестины $1^1/_2$ р., на пр. требы 2 р., на угощеніе гостей 10 р. — Въ году погибло отъ болѣзней 10 коровъ, 3 овцы, 4 ягненка; отъ звѣря: 2 кобылы, 2 коня; всего на 136 рублей. — Добыли: 12 козъ, 20 утокъ, 3 п. рыбы. Продали: козъ, овчинъ и конскаго волоса на $9^1/_2$ р. Заработали выдѣлкой кожъ 2 р. Сѣна ставили 400 копенъ. Хлѣба собрали — ржи 27 п. Покупали 20 п. ржи, 5 п. пшеничн. муки и 10 п. ячменя. Скота въ пер. на крупн. 75,3.

Въ сосѣднемъ съ Устьпечищенскимъ, Сулековскомъ улусѣ, на Черномъ Іюсѣ, въ 1890 г. было 15 хозяйствъ, 44 мужч. и 39 женщ. (III, 754). Кочуютъ здѣсь всѣ. Зимникъ верстахъ въ 2-хъ. Жить здѣсь на лѣтникѣ „неловко“ — болото; какъ только уберутся съ сѣномъ, перекочевываютъ поэтому на зимникъ. Кромѣ ихъ улуса, кочуютъ еще: всѣ въ Ключинскомъ улусѣ — на Бѣломъ Іюсѣ, — Торчинскій улусъ (см. выше)и половина Барбаковскаго улуса (на Черномъ Іюсѣ). Лѣтъ 10 тому назадъ кочевало еще улусовъ десятокъ. — Изъ 15 хозяйствъ Сулеков. улуса пашню имѣютъ дома 3; изъ нихъ одинъ пашетъ десятины 4, два другихъ десятины по $1^1/2$. Пашни въ горахъ, въ $1^1/2$—2 вер. отъ лѣтника и верстахъ въ 6 отъ зимника. Хлѣбъ жать пріѣзжаютъ уже изъ зимниковъ.

Скота рогатаго во всемъ улусѣ 100—120 головъ, коней 70, овецъ сотни 2; у самаго богатаго — у него-же и больше всего пашни — рогатаго скота штукъ 30, коней 15, овецъ 25. — Зимой скотъ (кромѣ коней) пасутъ ребятишки между зимникомъ и лѣтникомъ; лѣтомъ пасетъ пастухъ на томъ-же самомъ мѣстѣ, что и зимой, только зимой скотъ ходитъ еще и по покосамъ (заливнымъ, какъ и въ Усть-Печищѣ).

Сѣна самый богатый въ улусѣ ставитъ конецъ 600. — Есть небольшой мочагъ конецъ на 150—200.

Костинскій улусъ.

Въ 1890 г. было здѣсь хозяйствъ 18, мужчинъ 59, и женщинъ 48 (Ш, 754). — Первый снѣгъ выпадаетъ между 20 и 25 октября; послѣдній — передъ Николинымъ днемъ (9 мая). Глубина снѣга бываетъ до 1 арш. и болѣе. Гололедица за послѣдній 10 лѣтъ была дважды. — Кочевать перестали лѣтъ 40 т. наз. Лѣтники теперь рядомъ съ избой. На мѣстѣ улуса былъ, вѣроятно, прежде лѣтникъ, потому что близко покосовъ нѣтъ. Въ годъ, другой разъ, семьи 2—3 выселятся въ другіе улусы и столько-же приселится сюда: „кочуютъ (перемѣняютъ мѣсто жительство) по привычкѣ — кочемный были народъ.“ Переходятъ съ мѣсто на мѣсто больше такіе, у кого нѣтъ пашенъ, хотя бываетъ, что и пашню бросаютъ. Такъ у одного было напр. до 5 дес. пашни — онъ отъ нихъ ушелъ.

Не пашетъ половина улуса. Человѣкъ у 5 нѣтъ не только пашни, но и скота. Пахать начали лѣтъ 70 т. наз. Лѣтъ 10 т. наз. пахали только $^1/_4$ часть хозяйствъ; изъ нихъ самые исправные — не больше 2—3 десятинъ. Теперь среднія хозяйства пашутъ дес. 2—$2^1/_2$, а кто „поисправнѣе“ и до 5 десятинъ. Пашни ближайшія верстахъ въ 5 отъ улуса, дальнія верстъ за 10. Черной земли мало — глина красная, а подъ ней камень-плитнякъ, или галька. Земля скоро выгораетъ, „не дюжая“. На степи пашенъ нѣтъ; поднимаютъ изъ — подъ березняку. Подсушку оставляютъ

стоять года на 3, на 4-й чистять и пашутъ. Пашутъ новину лѣтъ 6—7, и снимаютъ за это время хлѣба 3—4. Сѣвооборотъ: 1) рожь, 2) паръ, 3) ярица, 4) паръ, 5) рожь (яровой не сѣютъ: „трава душитъ"), 6) паръ, 7) ячмень (овесъ не родится), 8 . . .) залежь. Изъ подъ залежи поднимаютъ снова черезъ 10—15 лѣтъ, но тогда уже больше двухъ хлѣбовъ не взять: 1) рожь, 2) паръ, 3) яровое. На 4-й годъ бросаютъ. Если даже оставить лѣтъ на 30 въ залежи — и тогда не лучше. Глубина вспашки: на 1-й рядъ вершка 2, на второй, гдѣ камня меньше, вершка на 3, а то тоже 2 вершка. Высѣваютъ на десятину 16 пудовъ: „сколько загоновъ, столько и пудовъ". Сѣять рѣже нельзя: „лѣто сухое, — посѣешь рѣже — гдѣ-индѣ колосокъ ростетъ". Овса высѣваютъ еще больше — пудовъ 18. Сѣмена высѣваютъ больше сушеныя, только ячмень сѣютъ сыромолотомъ. Покупаютъ сѣмена почти всѣ — не ради обмѣна ихъ, а по нуждѣ. Сѣмена, кромѣ ржи, „пытаютъ" на всхожесть: въ горшокъ садятъ штукъ 10 зеренъ. Взойдетъ изъ 10 девять — хорошо, взойдетъ 5 — вдвое гуще сѣютъ: по два пуда на загонъ. Взойдетъ 3 зерна изъ 10 — тогда и втрое гуще, т. е. по мѣшку на загонъ высѣваютъ. Послѣднее случается, впрочемъ, рѣдко, но все же бываетъ. Сѣмена ржи не пытаютъ — они свои, не купленныя. Не пытаютъ и другія сѣмена, если они куплены у надежнаго хозяина, у сосѣда и пр. — Пшеницу сѣютъ мало: отъ засухи не родится. Гречиху и просо вовсе не сѣютъ, ленъ также. Коноплю сѣютъ домахъ въ трехъ, по полъзагону. Макъ (на масло) сѣютъ рѣдко. Картофель садятъ по 1/2—1 загону. — Хлѣбъ не полютъ. Жалуются на „росы медовыя", на „ржи и на всякомъ хлѣбѣ"; онѣ „выпадаютъ" чаще тамъ, гдѣ сушь больше. Въ средній по урожаю годъ ржи снимаютъ съ десятины пуд. 45, въ хорошій — 60 п., въ плохой 30 и даже 24 п. Столько же и ярицы. Пшеницы въ хорошіе года съ десятины собираютъ овиновъ 8 по 3 мѣшка (трехпудов.) на овинъ, всего 72 п.; въ средній годъ — 36 п., въ плохой 15 п. Овса,

такъ же какъ и ячменя, можно нажать съ десят. 75 п. — 6 овиновъ по 5 мѣшковъ (ячменя немного менѣе; зато въ мѣшкѣ овса $2^1/_2$ п., ячменя $2^3/_4$ п.). Въ хорошій годъ ячменя нажинаютъ 7 овиновъ по 7 мѣшковъ, въ плохой годъ овина полтора по 2 мѣшка, да еще и зерно тогда болѣе легкое — въ мѣшкѣ не больше $2^1/_2$ п. Колебанія въ урожаяхъ овса — также одинаковы съ ячменемъ. Картофеля на загонъ высаживаютъ два мѣшка, собираютъ въ средній урожай 20 мѣшковъ, пуда по $2^1/_2$ въ мѣшкѣ, въ хорошій годъ — мѣшковъ 30, въ плохой — 5.

Скота въ среднемъ на 1 хозяйст. приходится: рогатаго штукъ 20, лошадей 15, овецъ 10. Рогатаго скота здѣсь держатъ больше. Лошадиныхъ табуновъ всего 5 на весь улусъ, по 15—20 головъ въ каждомъ. Зимой кони съ пастухомъ ходятъ по пашнямъ и покосамъ, не вдалекѣ отъ улуса: дальше уйдутъ — либо на звѣря, либо на крестьянскіе покосы и пашни попадутъ: „другой (крестьянинъ) остожье то (съ зародомъ сѣна) нарочно откроетъ, чтобы за потраву взять“. Рогатый скотъ всю зиму — съ Казанск. по апрѣль — держатъ въ дворахъ. На кормъ (подножный) выпускаютъ его только въ томъ случаѣ, если снѣгъ малъ. За 15 л. разсказчикъ помнитъ только одну зиму, когда его выпускали. На лошадь выходитъ за зиму 50 копенъ сѣна, на корову — 30 копенъ (ночью не ѣстъ). Поятъ рогатый скотъ зимой изъ прорубей. Стаи чистятъ каждый день; подстилку — у кого нѣтъ соломы, изъ сѣна или камыша — перемѣняютъ черезъ день, черезъ два. — Лѣтнему пастуху платятъ по 15 к. съ коровы или гнѣзда овецъ. — Средняя корова въ два удоя даетъ $^1/_2$ ведра молока. Ведерницы встрѣчаются рѣдко.

Изъ 10 коровъ яловой остается въ году одна. Средняя корова за всю жизнь (лѣтъ 15) даетъ 10—12 телятъ. Выкидыши бываютъ рѣдко: 1—2 за все время. Случаются они, если во время беременности корова „упадетъ на проруби“ (т. е. на льду) или ее боднетъ другая. Изъ 10 телятъ до

5 л. доживаютъ не больше 2—3-хъ. Телятъ новорожденныхъ дня 3—4 держатъ въ избѣ, потомъ переносятъ въ теплый хлѣвъ — дѣлается заплотомъ въ 4 столба и обмазывается каломъ — а у кого нѣтъ послѣдняго — остаются до тепла (конца апрѣля) въ избѣ. — Изъ 10 кобылъ остаются яловыми 2 или 3 кобылы. За всѣ 20—25 л. своей жизни онѣ приносятъ штукъ 12—14 жеребятъ и 4—5 выкидышей (много выкидышей бываетъ во время гололедицы). Изъ 10 жеребятъ до 5 л. доживаютъ не больше 5. — Средній конь не повезетъ больше 20 п. на 20 вер., хорошія лошади — 25—30 п. на 20 в. (не кормя); съ обозомъ, дѣлая верстъ по 30 въ день, онѣ ходятъ и до Томска (450 в.). Въ легкой запряжкѣ, не кормя, могутъ часовъ въ 12 верстъ 100 выбѣжать. — За 10 л. своей жизни овца приноситъ штукъ 10 ягнятъ: который годъ и по 2 ягненка носитъ, но рѣдко; выкидыши, у нихъ бываютъ еще рѣже, чѣмъ у коровъ. Изъ 10 яг. выживаетъ до 5 лѣтъ 3—4, не больше. Стригутъ овецъ породцы 1 разъ въ годъ, русскія — 2 раза. Въ годъ съ овцы шерсти снимаютъ фунта три. — По увѣренію разсказчика, у нихъ всякій скотъ — рогатый, кони и овцы — менѣе вѣситъ, легче, чѣмъ на степи. Причина тому — болѣзни на скотъ: у овецъ — вертежъ и поносъ; благодаря послѣднему, овецъ съ зимы осталось въ улусѣ всего одна третья часть. На рогатомъ скотѣ поносъ, хромота и парша. Послѣдняя почти каждый годъ; старики говорятъ, что ее прежде не было. — Покосы въ 2—12 верстахъ отъ улуса. Подъ покосъ чистятъ мѣста въ лѣсу, „въ листвягахъ“, отъ сучьевъ и пр. Ложки и еланки (прогалины) „нынче вычистилъ, выкосилъ, на другой годъ опять чистить надо“. Покосы дѣлены. Душевой паи отъ 20 до 100 копенъ (глядя по урожаю), у сторожиловъ больше, вновь приселяющимся приходится брать худшіе мѣста. Бываютъ случаи, что и отрѣзаютъ часть покосовъ, у кого ихъ много. Залежи косятся со 2-го или 3-го года, послѣ того какъ брошены. Съ десятины въ лѣсу накашиваютъ копенъ 40—50, съ залежи

(пырей) копенъ 20—30. Всякаго сѣна среднее хозяйство ставитъ копенъ 200. Стоимость его — 7 руб. за 100 копенъ. — Строевой лѣсъ, листвягъ, — въ 7—8 верстахъ. Рубитъ нанимаютъ по 2—3 к. съ конца (аршинъ 7—8). — Одинъ изъ опрашиваемыхъ живетъ звѣроловствомъ. За годъ добываетъ рублей на 20 мораловъ, на 20 козъ, на 10 бѣлокъ, рублей на 10—12 выдръ; проводитъ на промыслѣ недѣли 2 осенью, да недѣли 2 весной. Въ остальное время живетъ поденно въ работникахъ. Въ зимнее время за день получаетъ на хозяйскихъ харчахъ 18 коп., лѣтомъ мѣсяца 3 — тоже на хозяйскихъ харчахъ — 50 к.

№ 6. Хозяйство Потапа Абдарина.

Самому хозяину 56 л., женѣ 49, брату 63 г. Не кочуютъ. Живутъ въ избѣ съ очагомъ. Не пашетъ и не имѣетъ не только соотвѣтств. орудій, но даже таковыхъ-же для уборки сѣна — коси, граблей, вилъ и пр. — Есть ручная мельница, 1 сундукъ, 2 шкатулки. Прибора для айран. вина нѣтъ. Подойника и вилокъ нѣтъ, лампы и подсвѣчника тоже. Женская одежда инородческая. — Покупали: соли $^1/_2$ п., чаю 5 кирп., табаку 12 ф., сахару, мыла, дегтю, свѣчъ, керосину, водки — не покупали. На пастуха $7^1/_2$ коп., на религіозн. потребн. 50 коп. — Заработали батрачествомъ 80 р. Сѣна (таежнаго) ставили 70 копенъ. Хлѣба покупали: ржаной муки 20 п., пшеничной 5 п., ячменя 10 п. Скотъ: конь, кобыла и корова.

Бѣлоіюсскій (Кожеговскій) улусъ.

Въ 1890 г. было здѣсь 7 хозяйствъ, 15 мужч. 16 женщинъ (III, 754). Въ 1897 г. — 9 семей. Улусъ существуетъ около 50 лѣтъ. Дѣдъ разсказчика „обличьемъ былъ инородецъ“ и жилъ въ 5 верстахъ отсюда, въ деревнѣ Малый Сютикъ, въ работникахъ. Женился тамъ на русской и переселился сюда. Лѣтъ 20 т. наз. было здѣсь дворовъ 15, теперь разъѣхались: еще нынче одинъ въ Чебаки уѣхалъ. Уходятъ отсюда, потому что нѣтъ здѣсь никакого заработка. Съ самаго своего основанія весь улусъ оставался на одномъ мѣстѣ, не кочевалъ. Нѣтъ даже особыхъ лѣтнихъ помѣщеній, юртъ — только поварни для приготовленія айраннаго вина и для молока, чтобы въ жилыхъ помѣщеньяхъ было прохладнѣе. Изъ

окрестныхъ улусовъ — Саражаковъ весь переселился на Черный Юсъ, версты за два, въ улусъ Кагаевъ, потому что онъ стоялъ раньше на покосѣ. Первое время кочевали туда (въ Кагаевъ) только на лѣто, а потомъ уже перестали кочевать на зиму въ Саражаково (теперь такого и улуса нѣтъ). — По словамъ разсказчика, лѣтъ 40 т. наз., вездѣ еще кочевали трижды въ годъ: на зимникъ, весенникъ и лѣтникъ. Занимались тогда скотоводствомъ, хлѣба не сѣяли: „прежде не было близко крестьянъ“. Потомъ, когда они (крестьяне) переселились на инородческія земли и стали пахать, — отъ нихъ и инородцы научились. Теперь народу стало много, земли мало.

Пашутъ въ улусѣ только трое: три брата. Ближніе пашни ихъ только въ 3 вер., дальніе въ 8 вер. Всѣ вмѣстѣ сѣютъ: 3 дес. $+2+2^1/_4$ дес. $=7^1/_4$ дес.; $2^1/_4$ дес. пашни разсказчика находятся въ 8 мѣстахъ. Самыя близкія разстоянія между полосами 30—40 саженъ, дальнія — на $^1/_2$ версты. Величина пахатныхъ участковъ въ среднемъ около $^1/_4$—$^1/_2$ дес. Рѣдко попадается сплошная площадь въ 1 дес., годная подъ пашню. Слой черной земли (глинистой) до $^1/_2$ арш. Пашни расчищаютъ изъ подъ березнику, но скоро придется браться и за залежи, такъ какъ березнику уже мало остается. Подсушенный лѣсъ сохнетъ лѣтъ 7, прежде чѣмъ его начнутъ чистить; корни большіе остаются. Подсушенная, но неподнятая новина переходитъ изъ рода въ родъ, если хозяинъ ея не уѣдетъ изъ улуса. Пашней пользуются лѣтъ 10, возьмутъ съ нея хлѣбовъ 6, прежде чѣмъ бросить въ залежъ (на всегда). Бросать приходится вслѣдствіе того, что ее одолѣваетъ пырей, а частью и конекъ. Отъ послѣдняго еще кое какъ спасаются усиленной пахотой и посѣвомъ ржи. — Овесъ сѣютъ (въ окрестности) очень немногіе. Гороху не сѣютъ. Макъ сѣютъ. Картофель садятъ всѣ, но немногу, на пашняхъ. У кого нѣтъ пашни, тотъ помогаетъ чѣмъ нибудь тѣмъ, у кого она есть: дровъ нарубить, или что нибудь другое. За это, имѣющій пашню садитъ на ней картофель и для неимѣющаго, сѣменами послѣдняго.

Картофель на сѣмена покупаютъ у крестьянъ по 40—50 коп. мѣшокъ. Сѣмена испытываютъ на всхожесть: если изъ 10 зеренъ всходитъ 5, сѣютъ вдвое больше. Хлѣба не полютъ. Если сильно одолѣваетъ ихъ дурнина, косятъ ихъ литовкой на кормъ скоту. По словамъ разсказчика, сосѣдніе крестьяне пашутъ больше ихъ: „лошади у нихъ сытыя, пашутъ они въ три ряда (т. е. троятъ) — этимъ и отличаются отъ ясашныхъ.“ Скота рогатаго во всѣхъ 9 хозяйствахъ около 150 головъ, коней и овецъ столько-же. Табунныхъ лошадей десятковъ 5, въ 3 табунахъ. Скотъ пасется и лѣтомъ и зимой на одномъ мѣстѣ. Лѣтомъ, чтобы дешевле стоило, держатъ одного общаго съ Сютинскими крестьянами (дома 3 ихъ, а скотинъ штукъ 100) пастуха; платятъ ему съ головы крупнаго и гнѣзда овецъ по 16 к., съ жеребятъ подъ матерью по 10 к. За крупную скотину, „настоящую“, пастухъ платитъ 10 р. утраты, за 2-хъ лѣтнюю (корову, лошадь) — 5 р., за овцу 2 р. Зимой скотъ пасутъ ребятишки. За зиму корова съѣстъ копенъ 30, конь 50 коп. сѣна. Если-бы поставить на сѣно весь скотъ гуртомъ — на голову выйдетъ въ среднемъ копенъ 15. Средній конь можетъ везти, не отдыхая, иуд. 20 клади верстъ на 30. Кобылицъ можно-бы держать лѣтъ до 20, но обыкновенно держатъ только лѣтъ до 10—12, а потомъ продаютъ на мясо минусинскимъ инородцамъ. „Старыхъ они больше любятъ — жирнѣе онѣ и вкуснѣе,“ (сами конины не ѣдятъ). За 20 лѣтъ жизни кобылица принесетъ живыхъ жеребятъ 10—15 и до 5 выкидышей (а бываетъ и до 10); изъ 10 кобылицъ яловыми остаются 3—4. Жеребцы начинаютъ ходить съ табуномъ лѣтъ съ 4-хъ. У кого мало кобылъ, употребляютъ зимой и жеребцовъ на работу. Коровы доятся все лѣто до Покрова или Казанской; доятъ дважды въ день. За одинъ удой получаютъ отъ 1-й кринки до ½ ведра молока; смотря по коровѣ и періоду доенья. Телятся — съ осени, около Крещенья и около Пасхи. Теленокъ ходитъ первое время весною съ матерью, мѣсяцевъ до 3-хъ. Впрочемъ, часть молока выдаивается, а у кого мало молочныхъ

коровъ — тѣ оставляютъ ему только 2 титьки. У крестьянъ сосѣднихъ телятъ отучаютъ черезъ недѣлю, „поддабривая“ молоко хлѣбомъ. За свою жизнь корова принесетъ 10—15 телятъ. Яловыми изъ 10 коровъ, иной годъ (рѣдко, впрочемъ), остаются штукъ пять. Овецъ стригутъ трижды: около Пасхи, около Петрова дня и около Покрова. Послѣдняя шерсть лучшая; съ овцы настригаютъ тогда $^3/_4$ ф., пудъ ея стоитъ 6 р. Петровская шерсть самая плохая, настригаютъ ее съ овцы $^1/_4$ ф., пудъ стоитъ 1 р. 50 к. Весенняя шерсть — $^1/_2$ ф. съ овцы, стоимостью 2—3 р. за пудъ. Послѣдніе два года звѣрь (волки) умножился; тоже самое было лѣтъ 15 т. наз. Особенно много ихъ около Крещенья, когда они „табунятся“. Падежа на скота здѣсь не бываетъ. — Покосы дѣлены, но не уравнены: кто больше захватилъ тотъ и владѣетъ. Кто вступилъ въ „дѣльныя души“ (отъ 18 л.), тому даютъ покосъ: на первый годъ 200 коп., на слѣдующій больше — отрѣзаютъ отъ тѣхъ у кого много или отводятъ вольныя мѣста по горамъ, или берутъ у тѣхъ, кто переселился на другое мѣсто, или наконецъ отрѣзаютъ отъ тѣхъ, кто перешелъ въ неплатящій возрастъ (старики). Послѣднимъ, старикамъ, оставляютъ копенъ 150—200; но если у кого изъ нихъ много скота — тѣ удерживаютъ за собой цѣликомъ старые покосы: „другіе за ихними не гонятся, надѣясь на вольныя мѣста“. Луговъ заливныхъ (по Юсу) версты 2 квадр.; собираютъ съ нихъ тысячи 2 копенъ. Съ десятины луга накашиваютъ копенъ 50 сѣна. Горнаго сѣна всего ставится копенъ 300 (хватаетъ и луговъ!). Строевой лѣсъ въ 50 верстахъ.

№ 1. Хозяйство Игнатія Шагалокова.

Игнатію 48 л., женѣ его 33 г., одному сыну 14, другому 3 г., дочери 6 л. Родился Игнатій въ Саражаковомъ улусѣ. Когда ему было 15 л., Саражаковскій улусъ переселился весь за двѣ версты, въ Кочаевскій, отъ покосовъ; Шагалоковъ тогда перекочевалъ сюда, въ Бѣлоюсскій улусъ. Живутъ въ некрытой избѣ; есть ледникъ. Ружье одно; приборъ для айран. вина есть; 2 таза, 6 бутылокъ, 1 винка; нѣтъ ни лампы ни подсвѣчника. Одежда у жены инород-

ческая: есть синкэнъ (3 р.). Покупали: соли 1 п., чаю 5 кирп.; сахару, табаку, мыла, дегтю, свѣчъ и керосину не покупали. Водки брали $1^3/_4$ в. Расходъ на пастуха 6 р., на кузнеца 2 р., на крестины 30 к., на угощеніе гостей 3 р. — Кололи для себя: 1 теленка по 2-му году и 10 овецъ — всего на 20 р. — Добыли: 3 козы. Продали: корову и 2 овецъ за 19 р., кожъ на 2 р. 10 к. — Заработали ремесломъ 10 р. Сѣна ставили луговаго 300 копенъ. Хлѣба и овощей покупали: ржи 30 п., пшеничн. муки 10 п., ячменя 10 п. и картофеля 10 мѣшковъ. Скота въ пер. на кр. 12,2.

№ 3. Хозяйство Димитрія Сапаракова.

Димитрію 50 л., женѣ его 35 л., брату (убогій) — 35, дочерямъ 15, 3 и 1 г. Не кочуютъ; 8 л. т. наз. переселился было въ Варсаковъ улусъ, верстъ за 20 отсюда (близъ улуса Подкаменскаго), потому что здѣсь скотъ не сталъ вестись, да потомъ еще и жена померла, а туда, въ Барбаковъ, звалъ тесть. Однако скоту видно тамъ не понравилось, и онъ (скотъ) побѣжалъ обратно въ Бѣлоюсскій улусъ, да свалился „съ камня“ (съ утеса) и весь разбился. Тогда Сапараковъ, проживши съ годъ въ Барбаковѣ и женившись тамъ, опять вернулся въ Бѣлоюсскій улусъ. Живутъ въ избѣ некрытой; кромѣ того есть еще юрта (въ столбахъ). Ружья нѣтъ, приборъ для айран. вина есть, подойникъ, 5 бутылокъ, 1 картина, подсвѣчникъ. Одежда женская — инородческая. — Покупали: соли 1 п., чаю 5 кирп., сахару 5 ф., табаку 12 ф., мыла 5 ф., свѣчъ 5 ф., водки 1 в.; дегтю не покупали. Расхода на пастуха 1 р. 12 к., на похороны 1 р., на угощеніе гостей 5 р. — Продали: 2 коровы за 28 р. — Заработали: батрачествомъ 30 р., отхожимъ промысломъ 10 р. Сѣна ставили 200 копенъ, продали изъ нихъ 30 копенъ за 3 р. Хлѣба и овощей покупали: муки ржаной 50 п., пшеничной 5 п., ячменя 4 п., овса 6 п., картофеля 15 мѣшковъ. Скота въ пер. на кр. 8,6.

№ 29. Хозяйство Василія Итеменева.

Василью 27 л. (грамотный), женѣ его 25 л., матери 60, сестрѣ 20 л., дочерямъ 4 и 1 годъ, племяннику 11 л., племянницамъ 13, 8 и 2. Послѣдніе 4 — сироты. Имѣетъ 1 работника годового съ платой ему 35 р. и нанимаетъ 5 работницъ на срокъ, съ платой 20 р. всѣмъ вмѣстѣ. Не кочуютъ. Живутъ въ крытой 5-стѣнной избѣ; кромѣ нея есть еще юрта, амбаръ, ледникъ, артельная (вдвоемъ) баня и артельный (вдвоемъ-же) овинъ и гумно. Есть тарантасъ (25 р.), 3 телѣги, кошевка, лодка. — Землед. орудія: соха, 2 бороны, 4 серпа и пр. Ружье одно. Рыболовн. принадлежности: двое сѣтей, неводъ, 2 удочки. Прибора для айран. вина нѣтъ. Сундуковъ 6,

2 подойника, 2 зеркала, лампа, 2 подсвѣчника, 2 часовъ (12 р.), вѣсы, „половниковъ“ 5 арш. Одежда и обувь, и мужская и женская, вся русская. Среди мужск. одежды и обуви: „пиджакъ“, плисовые шаравары, бродни. У женщинъ: 3 праздничн. крытыя шубы (35 р.), ботинки и пр. — Покупали: соли 10 п., чаю 13 кирп., сахару $1^1/_2$ п., табаку на 3 р., мыла 3 п., дегтю 5 в., свѣчъ 2 п., водки на 40 р. Расходы: на пастуха 15 р., на поденщину 30 р., на похороны 35 р., на религіозн. потреби. 7 р., на угощеніе гостей 30 р. — Въ году погибло отъ болѣзни: 1 быкъ, 3 телка (по 2-му году), 1 торбакъ, 10 овецъ и 20 ягнятъ; отъ звѣря: 1 конь и 1 жеребенокъ — годовикъ: всего на 101 р. — Добыли: 1 козу и 4-хъ бѣлокъ, 200 штукъ разной дичи, 30 пудовъ рыбы. Продавали скотъ, бѣлку, конскій волосъ. — Сѣна ставили 500 копенъ. Хлѣба и овощей оставалось отъ прошлаго года: ржи 50 п., картофеля 12 мѣшковъ. Собрали: ржи 40 п., ячменя 20 п., картофеля 60 мѣшковъ, капусты 500 вилковъ, огурцевъ 50 ведеръ. Продавали: огурцы, и картофель на 9 рубл. — Скота въ пер. на кр. 164.5.

Подкаменскій улусъ.

Въ 1890 г. было въ немъ 16 хозяйствъ, 52 мужч. и 44 женщины (III, 754). Въ 1897 г., по словамъ опрашиваемаго, — 30 хозяйствъ. Лѣтъ 40 т. наз. было домовъ 15. Лѣтъ 17 т. наз. весь улусъ кочевалъ на лѣтникъ, версты за 3. Изъ 21 опрошенныхъ здѣсь домохозяевъ 7 родилось здѣсь, одинъ переселился сюда — 43 г. т. наз., 4 — 18—25 лѣтъ т. наз., остальные 9 — отъ 13—2 лѣтъ т. назадъ (въ томъ числѣ 7 семей уже послѣ изслѣдов. 90/91 г. — 5—2 года тому назадъ). Такой ростъ улуса за послѣднее время объясняется тѣмъ, что 17 лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ устроенъ „станокъ“ и перевозъ черезъ Черный Іюсъ. Это-же обстоятельство послужило и причиной того, что подкаменцы перестали кочевать: „надо было — по словамъ одного изъ опрошенныхъ (теперь богатаго) — ради заработка бросить кочевать.“ Впрочемъ нѣкоторые еще продолжали кочевать и позже, а двое изъ опрошенныхъ и до сей поры еще кочуютъ на зимники — одинъ въ Мамоновъ улусъ, другой въ Балакшинскій (верстахъ въ 3 отъ Подкаменскаго, на Черномъ-же Іюсѣ).

Сѣютъ хлѣбъ человѣкъ 7—8. Пахать начали годовъ

20 т. наз. Изъ пашущихъ, теперь самый богатый пашетъ 4 десятины; остальные по 1-й, по 2, а то и по 1/2 и 1/4 дес. Пашни въ 5—6 верстахъ. Рѣдко удается удобная сплошная подъ пашню въ 1 дес. площадь — больше по 1/2 д., по 1/4 д., У пашущаго 4 десятины, напр., онѣ въ 8 мѣстахъ, съ разстояніемъ между полосами въ 20—150 с. Пашни изъ подъ березнику пашутся лѣтъ 10 за каковой періодъ снимается 5—6 хлѣбовъ. Въ залежи земли будутъ оставлять лежать лѣтъ 30. Пашни не троятъ „силы не хватаетъ, кони сухіе.“ Ржи высѣваютъ на 1 дес. пудовъ 12—13, а родится ея въ хорошій годъ пуд. до 100, въ плохой 40 п. Ярицы сѣютъ на 1 дес. — пуд. 16., собираютъ тоже пуд. 40—100. Овса высѣваютъ 18 п. на дес., собираютъ 50—110 п. На всхожесть сѣмена не пытаютъ. Пучку и коневникъ колютъ руками и литовкой.

Всего скота въ улусѣ 200 штукъ рогатаго, 250 коней и 300 овецъ. Табуны есть у 3: у одного 3, у другого 2 и у 3-го одинъ. Остальные, у кого есть кобылицы, отдаютъ ихъ тѣмъ, у кого есть жеребецъ (сборные табуны). Зимой скотъ на рукахъ у хозяевъ, пасутъ его ребятишки; лѣтомъ держатъ 2-хъ пастуховъ. Весь скотъ пасется на площади въ 15 кв. верстъ — 5 по длиннику и 3 в. въ ширину. Весь скотъ: кони, рогатый и овцы лѣтомъ ночуютъ въ общемъ пригонѣ, построенномъ возлѣ улуса всѣмъ обществомъ. На каждую голову скота пришлось сажени по 5 огородить. Телята не выгоняются и лѣтомъ. Ужъ 3-й годъ пропадаетъ скотъ: „обезноживаетъ,“ „отъ мокроты больше.“ Нынѣшней весной погибло до 200 овецъ, да рогатаго скота 60. — Сѣна весь улусъ ставитъ копенъ 2000. Покосы ближніе съ версту, дальніе верстахъ въ 4—5. Луга заливные — не затопляются не каждый годъ, а года 2 въ 10 лѣтъ, когда снѣга большіе. Заливаетъ ихъ Іюсомъ — гдѣ на 1 в., гдѣ меньше. Покосы дѣлены по душамъ; приходится на пай не меньше 100 коп., у богатыхъ до 500. Гдѣ надо, впрочемъ, отъ богатыхъ отрѣзаютъ покосы. — Строевой лѣсъ вер. въ 8.

№ 5. Хозяйство Григорія Тайтынова.

Самому Григорью 34 г., женѣ его 32, матери 70, дочери $^1/_2$ г. Перебрался сюда Григорій лѣтъ 5 т. наз. изъ Мажарскаго улуса, оттого что тамъ ребята „мерли“: 4 умерло. Живутъ въ некрытой избѣ. Есть 1 кован. телѣга. — Ружья нѣтъ. Рыболовн. принадл.: 1 удочка. Прибора для айран. вина нѣтъ. Бутылки 2, вилокъ нѣтъ, подсвѣчникъ, одежда женская инородческая: есть между прочимъ 2 сипкэна. кольцо, 2 перстня, 4 мархи. Покупали: соли 4 п., чаю 6 кирп., сахару 6 ф., табаку 20 ф., дегтю 2 в., свѣчъ 10 ф.; мыла и водки не покупали. Расходы на пастуха 1 р. 20 к., на крестины 30 к., на угощеніе гостей — „не расходуютъ“. Весь годовой денежный расходъ свой Тайтыновъ считаетъ въ 40 р. Въ году рыбы добыли 5 пудовъ. Покупали мяса на 3 р. 20 к. Молока даетъ ведра 2 въ годъ родня. Заработали 5 р. за „недѣльный постой“ (междуулусная гоньба) Продали рыбы на 4 р. 50 к., сѣна на 30 р. (100 коп.). Ставили сѣна 250 коп. Покупали хлѣба и овощей: ржаной муки 30 п., пшеничн. 5 п., ячменя 6 пуд., овса 10 п., картофеля 4 мѣшка. Скотъ: 5 лошадей и 13 овецъ. Всего въ пер. на крупн. 6,3.

Мамоновъ улусъ.

На Черномъ Юсѣ, въ 6 верстахъ отъ Подкаменскаго. Прежде былъ большой, но уже лѣтъ 15 какъ стали изъ него выселяться, потому что скоту стало тѣсно („скоту не было удобно“). Теперь тамъ осталось всего 2 дома (Ивана и Николая Тайдоновыхъ), которые на лѣто кочуютъ въ Подкаменскій улусъ.

№ 19. Хозяйство Николая Тайдонова.

Николаю 30 л., женѣ его 30, отцу 60, дочерямъ 9 л. и 2 года, сестрамъ 16 и 12, брату 20 и женѣ брата 18 лѣтъ. Живутъ зимой въ некрытой избѣ, лѣтомъ въ юртѣ съ очагомъ; есть амбаръ, баня, гумно. Есть кован. телѣга, лодка. Землед. орудія: 2 сохи, 3 бороны, 4 серпа и пр. Ружей два. Рыболовн. принадл.: сѣти, 3 удочки. Есть приборъ для айран. вина, есть подойникъ, вилки, лампа, подсвѣчникъ. Есть и чатыганъ. Мужская шуба — инородческая въ 30 рубл. Женская одежда инородческ. Есть 2 сипкэна (пальто), 4 кольца, серьги (3 р.), марха (5 рубл.). — Покупали: соли 5 п., чаю 12 к., сахару 1 п., табаку 1 п., мыла 30 ф., дегтю 3 в.,

свѣчъ 10 ф., керосину 12 ф., водки 4 ведра. Расходы на пастуха 3 р., на кузнеца 10 р., на поденщину 45 р. Въ году платили калымъ въ 70 рублей. Скота погибло отъ болѣзни: 1 кобыла, 4 быка, 6 коровъ, 3 теленка годовыхъ и 8 ягнятъ; всего на 198 р. Кололи для себя: 1 быка, 1 бычка по 2-му году и 10 овецъ — всего на 50 р. Добыли 15 козъ, 20 п. рыбы. Продали: скота на 75 р., рыбы на 20 р. (10 п.), кожъ на 12 р. — Сѣна ставили 150 коп. лугового и 300 коп. таежнаго. Продали 100 к. за 30 р. Хлѣба собрали всего 240 п., картофеля 20 мѣшковъ. Продали хлѣба на 39 р. — Скота въ пер. на крупн. 49,7.

Больше-Тайдоновскій улусъ.

Въ 1890 г. было здѣсь 14 хозяйствъ, 38 мужч. и 22 женщины. Въ 1897 г. было 15 хозяйствъ (III, 754). Не кочуютъ. На лѣто къ нимъ перекочевываютъ изъ улуса Балакшинскаго (на Черн. Іюсѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ Подкаменскаго). Другая часть этого улуса (Балакш-го) на лѣтники кочуетъ, — уѣзжаютъ отъ покосовъ — въ Подкамень. Въ окрестности есть нѣсколько такимъ же образомъ кочующихъ улусовъ и отдѣльныхъ хозяйствъ. У кого нѣтъ около покосовъ и пашенъ зимниковъ, тѣ устраиваютъ тамъ избушки. Если весь или бо́льшая часть улуса переселяется на новое мѣсто — тогда и названіе улуса мѣняется: такъ, Устиновскій улусъ, въ которомъ было до 25 хозяйствъ, лѣтъ 25 т. наз. переселился въ Мало-Тайдоновскій, ближе къ покосамъ. Часть хозяйствъ изъ него ушла въ другіе улусы; Саражаковскій улусъ, въ которомъ было около 10 хозяйствъ — перебрался, большею частью, въ Кагаевъ, лѣтъ 8 т. назадъ; выше Саралы (улуса) возникли въ послѣднее время два улуса; около Подкаменскаго улуса, образовался лѣтъ 5 т. назадъ новый улусъ „Малый Ключикъ“.

Въ Б.-Тайдоновскомъ улусѣ изъ 15 семей только 3 пашутъ. Самая богатая — вдова-каченка — имѣетъ двѣ десятины пашни (держитъ 2-хъ работниковъ съ платой по 40 р. въ годъ). Пашни верстахъ въ 6, покосы въ верстѣ. Скота рогатаго у каченки 10 головъ, коней 50, овецъ 300.

Янгуловскій улусъ.

Въ 1890 г. было здѣсь 24 хозяйства, 77 мужчинъ и 76 женщинъ (III, 754). Теперь, въ 1897 г., тоже „домовъ 20“. Улусъ очень давній; даже дѣды не помнили его начало. 40 л. т. наз. кочевали на лѣтникъ за 8 верстъ. Теперь никто въ улусѣ не кочуетъ и даже живутъ лѣто и зиму, круглый годъ, въ одномъ домѣ. Живутъ здѣсь все „скотные“ (богатые скотомъ) инородцы; тѣ которые уходятъ изъ деревень, гдѣ они жили по работникамъ — тѣ къ нимъ въ улусъ не переселяются, такъ какъ всѣ они бѣдны скотомъ, и селиться стараются ближе къ тракту, или къ другому „хлѣбному“ мѣсту, гдѣ есть чѣмъ кормиться.

Земледѣліемъ занимаются четверо. Всѣ вмѣстѣ они пашутъ десятины 2. Пахать начали всего года 2 т. назадъ. Первый началъ пахать Янгуловъ, который ходилъ раньше въ работникахъ по крестьянамъ. Пашни верстахъ въ 15 — ближе нѣтъ удобныхъ мѣстъ. Воду приходится на пашню возить изъ улуса, такъ какъ тамъ ея нѣтъ. Земля, какъ камень твердая; сѣютъ только ячмень и ярицу, и высѣваютъ какъ того такъ и другого по пуду на загонъ. У разсказчика, который тоже сѣетъ хлѣбъ, нѣтъ у самого ни сохи ни бороны, а когда надо, беретъ ихъ у сосѣда. Скота рогатаго во всемъ улусѣ головъ 1000 (въ томъ числѣ 450 головъ у богача Ульчегачева), коней 900 (изъ нихъ 800 у У—ва), овецъ 1000 (140 у У—ва). У Ульчегачева свои пастухи, у остальныхъ жителей улуса — свой особый. Рогатый скотъ пасется лѣтомъ вмѣстѣ съ овцами. Зимой пастухъ есть только у Ульчегачева, остальные насутъ скотъ сами. Весной вывалилось много скота: рогатаго во всемъ улусѣ сотни 2, (у одного только Ульчегачева 80 скотинъ), овецъ съ сотню. Овцы пронадаютъ дня черезъ 2 послѣ рожденія. Разсказчикъ завелъ уже отдѣльную избушку, куда отводитъ паршивыхъ овецъ и лѣчитъ ихъ тамъ: „саломъ, масломъ, керосиномъ, мыломъ и табакомъ“. — По проточкамъ (Люса) есть мочаги, всего конецъ на 1300. Кромѣ того проводятъ изъ логовъ

снѣжницу. Въ сухіе годы трава родится сильно худо и на мочагахъ. Тогда косятъ въ тайгѣ, верстъ за 40; тамъ же косятъ и тѣ, у кого нѣтъ мочажныхъ покосовъ. Есть еще сырые болотистые луга, съ которыхъ накашиваютъ всего копенъ 150. — Лѣсъ, и строевой и дровянной, верстахъ въ 15.

Самое большое скотоводческое хозяйство во всей Кызыльской управѣ у живущаго здѣсь Алексѣя Неф. Ульчегачева. Хотя оно и было описано во время составленія бюджетовъ, но использовано не было. Въ виду однако особеннаго интереса, представляемаго этимъ бюджетомъ, я приведу изъ него, нѣкоторыя данныя.

Самому хозяину 52 г., женѣ его 30 л., сестрамъ 48—37, теткѣ 79 и дочерямъ 28 и 4 л. Четыремъ годовымъ рабочимъ Ульчегашевъ платитъ 240 р. и даетъ имъ одежду (харчи тоже Ульчегашева). Жилыя помѣщенья: 4 некрытыхъ избы, стоющихъ 250 р. и 1 изба съ очагомъ, 2 избушки и 1 юрта, амбаръ, ледникъ; бани нѣтъ. Стоимость построекъ для скота 125 р. Телѣги некованныя (5), 2 тарантаса (65 р.), кошевка (8 р.), 8 саней. Земледѣліемъ хотя и занимаются, но ни сохи, ни бороны нѣтъ; цѣповъ 2. Ружья три, одно въ 10 р. (дробовикъ), два револьвера (25 р.). Серебряное сѣдло въ 25 р., 2 кожанныхъ мѣшка, складной желѣзный табуретъ въ 5 р., шкатулокъ 8, 2 сундука — стоятъ 40 рублей [1]). Приборъ для приготовленія айраннаго вина стоитъ 20 р. Есть въ хозяйствѣ 4 серебренныхъ ложки (20 р.), 6 тазовъ, бутылокъ и кувшиновъ 40 на 15 рубл. (моютъ ихъ дважды въ недѣлю), 6 подсвѣчниковъ, лампа (50 к.), чатганъ (50 к.), одна подушка инородческая и 11 русскихъ. Среди женской одежды: 5 праздн. шубъ на 75 р., 5 сипкэновъ (7½), 5 колецъ на 5 р., 6 перстней на 10 р., серьги въ 2 р., 15 марха на

1) Одинъ изъ нихъ громадныхъ размѣровъ, и приготовленъ Ул—вымъ въ качествѣ гроба для самаго себя. (Обычай хоронить покойниковъ въ ирбитскихъ ящикахъ, вмѣсто гроба — очень распространенъ у необрусѣлыхъ кызыльцевъ. Если ящикъ малъ — что бываетъ почти всегда, — одну изъ боковыхъ стѣнокъ у него вынимаютъ и прибиваютъ къ нему, по длинѣ тѣла изъ простыхъ досокъ другую часть „гробовины".)

1 рубл. Среди мужской одежды: праздн. шуба въ 15 р., „пиджакъ“ въ 28 р., шелковый халатъ въ 15 р., шелковый поясъ въ 10 рублей. Ульчегашевъ считаетъ, что на одежду на 1-го въ годъ надо 30 рублей, Покупали въ году: соли 7 п., чаю 30 кирп. и 20 ф. фамильнаго, сахару 5 п., табаку (для себя и для работниковъ) 1 ящикъ (44 р.), мыла $1^1/_2$ п., свѣчъ $2^1/_2$ п., керосину 1 п., дегтю не покупали, водки покупали на 30 р. Расходы на пастуха 60 р., на помочь и поденщину 250 р., на религіозн. потреб. 10 р., на угощеніе гостей 20 р.

Въ году погибло отъ болѣзни: скота всякаго 423 гол., отъ звѣря 50 г. (на 500 р.). Всего на сумму 1667 р.

Кололи для себя: 93 шт. скота (рогатаго) на сумму 514 руб. Добыто дичи разной 20 шт. Куплено рыбы 5 пудовъ. Продано скота всякаго 84 головы на 1862 р.; кожъ, овчинъ, шерсти и волосу продано на 149 р. Въ долгахъ — 600 р. Сѣна ставили 1200 коп. Лѣсу дровянаго добыто 150 саженъ (на $52^1/_2$ р.), строеваго — 10 концовъ. — Хлѣба собрано: ржи 10 пуд., ячменя 10 п. Куплено: ржаной муки 130 п., пшеничной 59 пудовъ, ячменя 30 п.; овса не покупали вовсе, картофеля купили 2 мѣшка.

Скота: лошадей 20 табуновъ, всего 728 головъ, рогатаго 69, овецъ 103; и того всякого 960 головъ на сумму 11416 р. Въ переводѣ на крупный — 720 г.

№ 2. Хозяйство Николая Янгулова.

Николаю 70 л., дочерямъ 35 и 25 л., внуку 17 л. Держатъ 15 лѣтняго работника въ теченіе $^1/_2$ года, во время лѣтнихъ работъ, съ платой ему 15 р. деньгами, да на 5 р. одежды. Родился Николай здѣсь и не кочевалъ никогда. Жилыя помѣщенія: изба некрытая и юрта. Есть 2 ручныя мельницы — 1 дерев., другая каменная, 2 деревян. ступки: 1 для соли, другая для зерна. Есть ружье. Сундука 2, шкатулки 2, приборъ для айран. вина. Есть серебр. ложка ($2^1/_2$ р.), 2 подойника, 2 вилки, 40 бутылокъ, 2 зеркала (1 р.), лампа, подсвѣчникъ, перина (10 р.). Среди одежды и обуви: мужская шуба инородческая въ 100 р., другая въ 25 р.; женская шуба праздн. въ 20 р., два сипкэна (на 10 р.), 2 кольца,

2 перстня (8 р.), 2 пары серегъ (въ 45 р.), 10 марха (на 5 р.). — Покупали: соли 2 п., чаю 25 кирп., сахару 20 ф., табаку 10 ф., мыла 6 ф., свѣчъ 10 ф., керосину 5 ф., водки на 40 р.; дегтю не покупаютъ. Расходы: на пастуха 15 р., на поденщину 20 р., на кузнеца 3 р., на угощеніе гостей 30 р. — Въ году ногибло отъ болѣзней: четыре коня, порозъ, 5 коровъ (4 дойныхъ), 5 телятъ, 30 овецъ и ягнятъ; всего на 240 р. — Колили для себя: 1 быка, 1 корову, 6 овецъ — на 43 р. Продали скота на 75 р., кожи и шерсти на 21 р. Сѣна ставили 500 коненъ. Хлѣба и овощей покупали: ржаной муки 50 пуд., пшеничн. 20 п., ячменя 15 п., овса 10 п., кортофеля 10 мѣшковъ. — Скота въ пер. на кр. 54,6.

№ 17. Хозяйство Петра Янгулова.

Петру 50 л., женѣ его 50-же, сыновьямъ 18, 12 и 3 г., дочерямъ 20, 15 и 8 л. Держатъ годового работника (20 л.), съ платой ему въ 50 р. Петръ здѣсь родился и не кочевалъ никогда. Жилыя помѣщенья: изба некрытая, юрта, избушка для „паршивыхъ“ овецъ, амбаръ. Есть соха („лѣтъ на 10 ее хватитъ: мало пашу“), 2 бороны, 3 цѣпы. Ружья нѣтъ. Рыболовн. принадл.: неводъ (5 р.), 2 удочки. Есть приборъ для айран. вина, 3 шкатулки, 5 тазовъ, 6 ведеръ, но подойниковъ нѣтъ. Далѣе: 2 самовара, 5 вилокъ, 10 бутылокъ, подсвѣчникъ, перина (1 р.). Одежда и обувь инородческія. — Покупали: соли 3 п., чаю 30 кирп., сахару 1 п., табаку 10 ф., мыла 10 ф., дегтю 3 в., свѣчъ 20 ф.; водки не покупали. Расходы: на пастуха 11 р., на кузнеца 2 р., на религіозн. потребн. 1 р., на угощеніе гостей 15 рублей. — Въ году отъ болѣзни погибло: 3 коровы, 1 телка и 15 ягнятъ; всего на $38^1/_2$ р. — Кололи для себя: 1 корову и 10 овецъ, на $32^1/_2$ р. — Добыли рыбы 115 п. — Продали: рыбы на 80 р. (100 п.), шерсти и овчинъ на 21 р. Сѣна ставили 600 коненъ. Хлѣба и овощей собрано: ярицы 15 п., ячменя 30 п., кортофеля 30 мѣшокъ. Куплено: ржаной муки 50 п., ярицы 4 п., пшеницы ?, ячменя 4 п. Въ годъ на одежду выходитъ на всю семью 50 р.; на остальные (денежн.) расходы (на семью) выйдетъ въ годъ рублей 100. — Скота въ перев. на крупн. 55,9.

III. Районъ промысловый.

Мажарскій улусъ.

Въ 1890 г. было здѣсь 72 хозяйства, 188 мужч., 150 женщ. (III, 754). Въ 1897 г. — хозяйствъ 70. Съ зимника на лѣтникъ кочуютъ, хотя послѣдній тутъ же во дворѣ

— 4-хъ и 6-угольныя юрты. На время звѣроловной охоты мужчины уѣзжаютъ ближе къ тайгѣ, „сѣно косить и пахать — сюда ворочаются“. Если есть гдѣ нибудь подъ тайгой родня — уѣзжаютъ къ ней „звѣрить“ всей семьей. Послѣднее бываетъ впрочемъ рѣдко. Въ прошлые года много выселялось отсюда: человѣкъ по 5—6 въ годъ. Теперь не уѣзжаютъ, стали больше заниматься пашнями, а у кого много пашни, тотъ ужъ сидитъ на мѣстѣ. Одинъ изъ опрашиваемыхъ жилъ до сего времени въ Усть-Парной въ работникахъ. Женился тамъ и завелъ было свое хозяйство, но крестьяне стали требовать отъ него отнесенія общественныхъ повинностей, „накладывать подать на скотъ и землю“. „На насъ, ясашныхъ они стараются еще больше (чѣмъ на своихъ крестьянъ) накладывать. А между тѣмъ въ управу инородную тоже вѣдь платить надо“. Вотъ почему ясашные и ѣдутъ туда, гдѣ больше своихъ. Впрочемъ, и здѣсь, въ Мажарѣ, отъ крестьянъ не мало терпѣть приходится: „тоже хоть выѣзжай“. Бѣлопашкинскіе весь лѣсъ вырубили: „ничего съ ними сдѣлать нельзя, силой рубятъ, недавно чуть мужика (ясашнаго) не зарубили“. Лашпинскіе крестьяне выкашиваютъ покосы силой: человѣкъ 20—30 собирутся, „топорами угрожаютъ“, лѣсной сторожъ подѣлать съ ними тоже ничего не можетъ. Въ Баитской раньше былъ улусъ, жили ясашные; когда ихъ перевели на осѣдлое положеніе, они стали пускать къ себѣ сибиряковъ-крестьянъ переселяющихся изъ Евр. Россіи, „чтобы имѣть силу надъ инородцами“; въ настоящее время они, дѣйствительно, „забрали“ надъ послѣдними власть и выкашиваютъ все сѣно въ дачѣ, которою когда-то владѣли смежно съ мажарцами и вмѣстѣ съ ними устраивали тамъ мочаги; теперь они силой къ себѣ (т. е. въ эту дачу) не пускаютъ мажарцевъ. Жалуется опрашиваемый и на самихъ здѣшнихъ инородцевъ-старожиловъ: сами они, по его словамъ, копенъ по 700 сѣна накашиваютъ, а вновь приселяющимся копенъ по 25 даютъ, да и то „пустошныхъ“, а на лугу вовсе не позволяютъ косить. Даже своимъ старожиламъ же, которые

только „до времени по работникамъ жили“ — и имъ, когда они возвращаются заводить свое хозяйство, не даютъ покосовъ, если только у нихъ не осталось пустошей отъ родичей.

Пашутъ „всѣ хоть и по малости“. Лѣтъ 20, „какъ всѣ-то пахать начали“. (Въ 1890 г. непашущихъ было 24 хозяйства). У однихъ больше пашни — мало скота, у другихъ — скота много, пашни мало. Расчистокъ подъ пашню изъ подъ березника не дѣлаютъ, потому что тамъ сплошной камень. Коренныхъ залоговъ (нови) вообще уже нѣтъ. Пашутъ пустоши 3—4 года (2—3 хлѣба), на хорошемъ мѣстѣ и по 7—8 и даже по 10 лѣтъ. Поднимаютъ изъ подъ залежи лѣтъ черезъ 10, а гдѣ „жирное мѣсто“ — лѣтъ черезъ 20. Пашенъ всѣмъ хватаетъ, и споровъ изъ за нихъ, какъ это бываетъ съ сѣнокосными угодьями, не выходитъ съ другими сосѣдними улусами. И пашни, и покосы межеваны. Залежи черезъ 2—5 л. начинаютъ косить, а то и на другой годъ, если еще хлѣбъ былъ задавленъ рѣзуномъ“ (пыреемъ). Хлѣба полютъ; если хлѣбъ еще малъ, и дурнина (осотъ, пучка, лебеда, коневникъ) его съ весны начинаетъ долить — вырываютъ ее руками; когда травы ростомъ (коневникъ, пучка, осотъ) перегоняютъ хлѣбъ — скашиваютъ ихъ литовкой. Ригъ на весь улусъ съ десятокъ. Сѣмена сѣютъ больше сыромолотомъ. Есть 4 вѣялки, покупаютъ ихъ рубл. по 20 у продавцевъ „съ Рубиной заимки, около Маріинска, гдѣ ихъ дѣлаютъ новоселы“. Въ день провѣять на нихъ можно ржи мѣшковъ 100, пшеницы 50—60 мѣшковъ (3—3½-пудовыхъ). Молотилокъ нѣтъ. — Въ среднемъ хозяйствѣ лошадей штукъ 15 (рѣдко бываетъ 20), рогатаго 20—30, овецъ гнѣздъ 20 слишкомъ (штукъ 50). Если у кого есть штукъ 6—7 кобылъ, тотъ и жеребца держитъ; другіе, у кого 1—2 кобылицы, пускаютъ къ нему. Платы владѣлецъ жеребца съ нихъ никакой не беретъ. — Покосы дѣленые. Луговъ около 1000 десят.: „которые (домохозяева) ставятъ по 500 и больше копенъ. Не мо-

гутъ (если въ хорошій годъ) выкосить (всего своего мѣста) — сжигаютъ остальную часть". Мочажнаго сѣна ставятъ, по словамъ одного изъ опрашиваемыхъ, копенъ 800, по словамъ другого (недавно приселившагося сюда и жалующаго на притѣсненія со стороны сторожиловъ) 1500 копенъ. Косятъ мочаги только богатые: „бѣдные, боясь, чтобы богачи не забрали у нихъ и пустошные покосы, — не перечатъ имъ".

Впрочемъ, нѣкоторые изъ богачей уже и пустоши косятъ. Нынче „общество хотѣло было дѣлить мочаги, да всѣ владѣльцы ихъ разбѣжались". — Лѣсъ строевой (листвягъ) добываютъ верстахъ въ 50, въ тайгѣ; нанимаютъ рубить его по 10 к. съ конца, безъ вывозки: свозить только въ одно мѣсто и скласть въ костеръ. — Рыбачатъ Можарцы въ Бѣломъ озерѣ и въ рч. Мажаръ, въ послѣдней мордами, въ озерѣ же сѣтями, а весной также и мордами или вендерями. Въ морды попадаютъ: ерши и мелкая сорожина, въ сѣть и вендеря — щука, сорожина, окуни. Рыбачатъ вольно: „кто гдѣ хочетъ". — Охотятся за козами, за бѣлкой, за выдрой. За бѣлкой уходятъ на недѣлю, на двѣ. Охотой на бѣлокъ занимаются хозяйствъ 5. За выдрой тоже человѣкъ 5 ходятъ. Добываютъ ее въ Агатынской тайгѣ, верстъ за 100 отъ улуса. Уходятъ послѣ Покрова, недѣли на 3. Выдру ловятъ ловушками, въ родѣ морды, сажени $2^1/_2$ длиной и аршина $1^1/_2$ шириной. Убиваютъ ихъ штухъ по 5. — Продаютъ хорошую рубл. по 10 за штуку. Звѣриный промыселъ становится все болѣе и болѣе невыгоднымъ: „звѣря мало стало, а людей много".

Въ тайгѣ мѣстъ хорошихъ все меньше остается: гарей много — „больше отъ пріисковъ гари эти".

№ 20. Хозяйство Ивана Абдарина.

Ивану 38 л., женѣ 38 л., сыновьямъ 12, 10, 8 и 4 г., дочери 1 г. Абдаринъ переселился въ Мажарскій улусъ лѣтъ 20 т. наз. „со степи". Жилыя постройки: изба некрытая и юрта. Земледѣл. орудія: соха, 2 бороны и пр. Есть ружье. Рыбол. принадл. —

8 мордъ и 2 удочки. Прибора для айран. вина нѣтъ. Шкатулокъ, тазовъ, чайниковъ мѣдныхъ, а также и вилокъ нѣтъ. Подойникъ 1. лампа. Тюфяки плетутъ сами изъ травы. Стоимость всей зарегистрированной женской одежды 9 р., мужск. 16 р. — Покупали: соли $1^1/_2$ п., чаю $3^1/_2$ кирп., сахару 3 ф., табаку 5 ф., керосину 5 ф., водки $1^1/_2$ ведра; мыла, дегтю и свѣчъ не покупали. Расходы на пастуха 2 р., на кузнеца 1 р. 50 к., на крестины 30 к., на угощенье гостей 1 р. 50 к. Кололи для себя: 1 корову въ 18 рубл. Добыли рыбы 20 п. Продали скота на 23 р., рыбы на 11 р. (15 п.). — Сѣна ставили пустошнаго 100 коп. и лугового 70 копенъ. Хлѣба и овощей собрано: ржи 70 п., пшеницы 40 п., ячменя 30 п., овса 60 п., картофеля 7 мѣшк., капусты 100 вилковъ, (? 7 р.). Куплено 10 п. ржи. Скота въ пер. на крупн. 8,2.

№ 24. Хозяйство Федота Шурлекова.

Федоту 47 л., женѣ его 45 л., дочерямъ 18 и 10 л., брату 25 л. „Не кочуетъ уже 20 лѣтъ. Сперва, лѣтъ 20 т. наз., жилъ на озерѣ Ураки", тамъ и родился; потомъ перекочевалъ на Малое озеро, къ дядѣ, прожилъ тамъ всего одинъ годъ — не понравилось, и переселился сюда, тоже къ дядѣ, другому. Жилыя помѣщенья: 1 изба (некрытая); юрты нѣтъ. Земледѣльческія орудія: соха, 1 борона желѣзная, другая деревянная и пр. Есть деревян. ручная мельница, деревянная ступка. Ружье 1. Рыболовн. принадл.: 6 мордъ и двѣ удочки. Прибора для айран. в. нѣтъ. Подойникъ есть, вилокъ нѣтъ, тазовъ и шкатулокъ нѣтъ. Есть зеркало, лампа, чатганъ, тюфякъ — травникъ. Покупали: соли 3 п., чаю 15 кирп., сахару 10 ф., табаку 10 ф., мыла 3 ф., дегтю 1 вед., свѣчъ 10 ф., водки 3 ведра. Расходы на пастуха 1 р. 30 к., на кузнеца 2 р., на угощенья гостей 2 р., на требы 10 коп. Въ году: добыли рыбы 40 п., продано — корова за 10 р., рыбы на 20 р. (30 п.). Сѣна ставили пустошнаго 120 копенъ. Собрали хлѣба и овощей: пшеницы 42 п., ячменя 20 п., овса 40 п., картофеля 15 мѣшковъ. Покупали: ржи 50 п., пшеницы 3 п., ячменя 2 пуда. Продали разнаго хлѣба на 9 р. Скота въ пер. на крупн. 4,1.

№ 25. Хозяйство Филиппа Тартажакова.

Филиппу 50 л., женѣ его 50 л., брату 60, сыну 20 л., женѣ сына 18 лѣтъ. Зимникъ — некрытая изба, лѣтникъ — юрта. Земледѣл. орудія: соха, 2 железныхъ бороны, 3 цѣпа и пр. Есть деревян. ручная мельница, деревян. ступка. Ружей два. Рыболовн. снаряды: 5 мордъ. Приборы для айран. вина нѣтъ — не варитъ его: „скотины мало". Подойникъ 1, вилокъ 6, лампа, вѣсы. Покупали: соли 2 п., чаю 2 кирп., сахару 3 ф., табаку 4 ф., дегтю

2 вед., керосину 10 ф. Расходы на пастуха 80 к., на кузнеца 30 к., на религіозн. потреби. 50 к. На угощенье гостей 5 рублей, Въ году добыли рыбы 15 п., изъ нихъ 10 пудовъ (? на 50 ? рубл.) продали. Платили старые долги 10 р. Сѣна ставили 200 копенъ. Хлѣба и овощей собрали: пшеницы 160 п., ячменя 100 п., овса 200 п., картофеля 40 мѣшковъ. Продали хлѣба на 85 рублей. Скота въ пер. на крупн. 8,1.

№ 26. Хозяйство Романа Табаткина.

Роману 40 л., женѣ его 41 г., дочерямъ 15 и 12 лѣтъ. Живутъ лѣтомъ и зимой въ некрытой избѣ, юрты нѣтъ. Земледѣльч. орудія: соха, 2 бороны, 3 цѣпа и пр. Есть деревян. ступка. Ружья нѣтъ. Рыболовн. принадл.: 3 морды, 1 удочка. Прибора для айран. в. нѣтъ, вилокъ нѣтъ, подойникъ 1, 2 таза, 5 бутылокъ, лампа, подсвѣчникъ, счеты. Покупали: соли 2 п., чаю 4 кирп., сахару на 2 рубля, табаку на 2 р., мыла на 50 к., дегтю 1 в., свѣчъ на 1 р., водки на 3 р. Расходы на пастуха 2 р., на работниковъ 10 р., на кузнеца 2 р., на религіозн. потребн. 40 коп., на угощенье гостей 2 р. Долговъ старыхъ платили на 10 рублей. — Сѣна ставили лугового 100 коп. и пустошнаго 50 копенъ. Хлѣба и овощей собрали: ржи 70 п., пшеницы 90 п., ячменя 50 п., картофеля 7 мѣшковъ. Покупали: картофеля 1 пудъ. Продавали хлѣба на 41 р. Скота въ пер. на кр. 11.3.

№ 30. Хозяйство Василія Чаражакова.

Василью 60 л., сыну 26, невѣсткѣ 27, внуку 8 л., другому 1 недѣля. Василій, „когда былъ молодымъ, кочевалъ верстъ за 20“. Жилыя помѣщенья: изба некрытая 5-стѣнная (150 р.) и юрта; есть амбаръ и рига. Телѣгъ 2, кошевки, 3 сани. Земледѣльч. орудія: 2 сохи, 3 бороны, 3 цѣпа и пр. Есть деревян. ступка. Ружье одно. Рыболовн. принадл.: 5 мордъ и 2 удочки. Есть приборъ для айран. в., 3 мѣдныхъ таза, 2 шкатулки, 2 вилки, подойникъ 1, лампа, вѣсы. Есть чатганъ. Среди женской одежды: синкэнъ (въ 5 р.). — Покупали: соли $2^1/_2$ п., чаю 8 кирп., сахару на $2^1/_2$ р., табаку на 3 р., мыла на 50 к. ($1^1/_2$ ф. ?) дегтю $1^1/_2$ в., свѣчъ $^1/_2$ п., керосину на 1 р., водки на 30 р. Расходы на пастуха 8 р., на работниковъ 70 р., на кузнеца 8 р., на крестины 50 к., религ. потр, 25 к., на угощеніе гостей 30 р. Старыхъ долговъ платили 30 р. Имѣютъ въ долгахъ 25 р. Продали старый амбаръ за 34 р. Въ году погибло отъ болѣзней: 2 лошади и 6 головъ рогатаго скота, и отъ безкормицы 20 ягнятъ, Всего на 100 р. — Сѣна ставили 500 коп. Хлѣба и овощей собрали: ржи 70 п., пшеницы 100, яч-

меня 30 п., овса 160 п., картофеля 7 мѣшковъ. Продали хлѣба на 65 р. Скота въ пер. на кр. 32,9.

Больше Ошкольскій улусъ.

Въ 1890 г. было здѣсь 59 хозяйствъ, 153 муж. и 174 женщ. (754, III). Въ 1897 г. въ улусѣ считаютъ „домовъ 40“, прибавляя при этомъ, что за послѣдніе 10 лѣтъ отъ нихъ ушло въ другіе улусы семей 5, но за то и къ нимъ приселилось за это время, примѣрно, столько же. Уходятъ изъ одного улуса въ другой, по объясненію опрашиваемыхъ, потому что „кочемный народъ, куда понравится — туда кочуютъ. Кто хлѣбопашествомъ занимается, тотъ больше сидитъ, кто звѣремъ промышляетъ — ходятъ верстъ за 100 за нимъ; уходятъ на всю зиму, балаганъ тамъ строятъ, а которые и всей семьей туда уѣзжаютъ, или даже, если понравится, каждый годъ на зиму туда кочуютъ“. Лѣтъ 30 т. наз. весь улусъ кочевалъ; лѣтникъ былъ съ версту отъ него. Бросили кочевать, потому что „все равно трава не отдыхаетъ“ (т. е. вытаптывается скотомъ).

Пашней занимаются въ улусѣ человѣкъ 10; всѣ вмѣстѣ засѣваютъ десятинъ 20. Самый „пахотный“ сѣетъ десятинъ 5. Пахать начали лѣтъ 15 т. назадъ. Научились отъ старика, который жилъ въ работникахъ у крестьянъ и первый принялся здѣсь за пашню. Пашни ближнія версты 3, дальнія 15—20. Полдесятины посѣва у разсказчика находится въ 3 мѣстахъ. Пашни расчищаютъ изъ подъ березнику и листвягу. Лѣсъ подсушиваютъ и оставляютъ стоять отъ 4 до 6 лѣтъ; потомъ подрубаютъ деревья топорами, корни извлекаютъ кайлой. Пахотный, черный слой земли — на четверть. Пашня изъ подъ березняку „дюжитъ“ года 4—5, изъ подъ листвягу не больше 3-хъ лѣтъ. Отдыхать надо ей „годовъ 30—40“. Сѣютъ больше рожь, затѣмъ ярицу, овесъ, ячмень; конопля сѣютъ мало, пшеницу и ленъ вовсе не сѣютъ. Картофель садятъ и на огородѣ и на пашнѣ. Сѣвооборотъ слѣдующій: 1) рожь, 2) ячмень, 3) паръ, 4) рожь, 5) паръ, 6) рѣдко сѣютъ еще ячмень или овесъ. Обычно послѣ 4 года бро-

саютъ въ залежъ. Ржи высѣваютъ на десятину 12 пудовъ. Сѣютъ густо, потому что мѣсто каменистое. Ярицы на десятину высѣвается 16 п., овса 18 п., ячменя 17—18 пуд. Если, при испытаніи на всхожесть, взойдетъ изъ 10 зеренъ 5, тогда высѣваютъ сѣмянъ, вмѣсто 1 п. на загонъ 1½ пуд. Въ средній годъ съ десятины снимаютъ ржи овина 4, 48 пудовъ, ярицы 36 п., овса 64 п., ячменя 45 п. Сорная трава — пырей, коньки, будка. Если пырей „задавить“ пашню, ее бросаютъ. Бываетъ, что и отъ конька бросаютъ, хотя онъ и лучше пырея. Дурнину выналываютъ руками, конекъ — заостренными палками („голова снимаешь“).

Скота рогатаго во всемъ улусѣ 150, коней 140, овецъ 200. Осенью и весной пасутъ ребятишки. Зимой совсѣмъ не пасутся, лѣтомъ держатъ 2 пастуховъ. Конскому пастуху платятъ по 27 коп. съ головы („коней мало“), скотскому 15 к. съ головы рогатаго и гнѣзда овецъ. За „безвѣстную“ пропажу и за потраву звѣрю пастухъ платитъ за рабочую лошадь 20 р., за кобылу 10 р., за 2-хъ годового жеребенка 5 р., за меньшаго 1 р. 50 к., за голову крупнаго 12 р., за теленка 4 р. (1—2 лѣтъ). За зиму на корову надо 20—30 копенъ сѣна, на коня 50 к., на овцу 20 к. Подстилка въ стаяхъ — солома, камышъ, осока. Скота рогатаго нынче весной пало въ улусѣ больше половины — 170 штукъ, да овецъ штукъ 120. И тѣ и другія „обезноживаютъ и внутрѣ у нихъ дѣлается боль.“ Сѣна въ улусѣ ставятъ копенъ 5000 — частью въ тайгѣ, частью на лугахъ. Луговые покосы — по Юсу; иногда ихъ заливаетъ, но „послѣдніе годы не топило.“ Мочаговъ нѣтъ. Сплошные покосы — пространствомъ не менѣе 1 десят. — попадаются рѣдко. Опрашиваемый коситъ свои 150 копенъ въ 4-хъ мѣстахъ. Ближніе покосы верстахъ въ 3-хъ, дальніе въ 7—8. Покосовъ у того больше, кто „больше лѣсу или кочекъ чиститъ“. Эти расчищенные покосы „переходятъ изъ рода въ родъ.“ Если владѣлецъ такой расчистки переселится въ другой улусъ, покосное мѣсто дѣлится между общественниками. Тѣмъ кто

приселяется вновь — нарѣзаютъ покосы. Въ средній годъ на десятинѣ луга ставятъ копенъ 20. Сѣна не хватаетъ, приходится каждый годъ его прикупать. Лѣсъ строевой въ 15 в., дровяной въ 7—10 верстахъ.

№ 14. Хозяйство Варлама Кожакова.

Хозяину 58 л., женѣ его 55, дочери 21, сыну старшему 35 л., младшему 15, женѣ старшаго сына 33 г., внуку 3 г. Держатъ 1-го годового и 1-го срокового работниковъ 16 и 17 л., съ платой первому 30 р. да одежды на 4 р., другому — 15 р. да одежды на два рубля. Жилыя постройки: некрытая изба и юрта, Есть амбаръ, ледникъ, баня, рига. Телѣги три (кованыя), саней 7, лодка. Земледѣльч. орудія: 2 сохи, 3 бороны, 4 цѣпа. Есть каменная ручная мельница, деревянная ступка. Ружей два: дробовикъ и винтовка. Рыболовн. принадл.: 3 невода. Айранный приборъ, 3 таза, 15 бут., 2 подойника, 5 вилокъ. Есть зеркало, 2 подсвѣчника, фонарь, чатганъ, счеты, вѣсы въ $11^1/_2$ р. — Среди женской одежды: сипкэнъ (въ 7 р.), 10 марха (на 2 р.), русскія серьги. На одежду на всю семью за годъ выходитъ рублей 70. — Покупали: соли 10 п., чаю 18 кирп., сахару 15 ф., табаку 20 ф., мыла 10 ф., дегтю 6 в., свѣчъ 15 ф., водки 4 ведра. Расходы: на пастуха 12 р., на кузнеца 4 р., на похороны 3 р., на прочія требы 1 р., на угощеніе гостей 25 р. — Въ году погибло скота отъ болѣзни: 3 быка, 2 коровы, 3 телки, 2 теленка и 22 овцы; всего на сумму 140 р. — Кололи для себя: 2 быковъ, 2 коровъ, 5 барановъ; всего на 55 р. — Добыли: дичи 2 штуки, рыбы 20 пуд. — Продали: рыбы на 20 руб. (10 п.), 5 кожъ съ павшаго скота, по 70 к. за кожу. Сѣна ставили 300 копенъ да прикупали 100 копенъ на $13^1/_2$ р. — Оставалось отъ прежнихъ лѣтъ: ржи 30 п., пшеницы 6 п., ячменя 3 п. — Собрали: ржи 126 п., пшеницы $47^1/_2$ п., ячменя 30 п., овса 36 п., кортофеля 20 мѣшковъ. — Продали ржи 40 п., ячменя 10 п. — Скота въ пер. на крупн. 45,6.

№ 22. Хозяйство Митрофана Янгулова.

Хозяину 81 г., женѣ 81 г,, дочери 60 л., сыну 51 г., внуку 19 л., внучкамъ 13 и 11 л. Родился Янгуловъ въ Черноозерскомъ улусѣ, верстахъ въ 20 отсюда. Молодымъ ходилъ по работникамъ, служилъ на пріискахъ и пр. Лѣтъ 60 т. наз. поселился здѣсь. Жилыя помѣщенія: изба некрытая, юрта, поварня („юрта гдѣ готовятъ айранъ и держатъ молоко“). Есть амбаръ и рига. Телѣги некованыя 2, 6 саней. Земледѣльч. орудія: соха, 2 бороны, 3 цѣпа.

Есть деревянная ручная мельница и деревянная ступка. Ружье одно. Рыболовн. принадл. нѣтъ. Приборъ для айрана, 2 шкатулки, таза 2, бутылокъ 5; подойника нѣтъ; вилки 3, подсвѣчникъ 1, фонарь 1. На одежду въ годъ выходитъ на одного — все равно мужика или бабу — 10 р. — Покупали: соли 4 п., чаю 8 кирп., сахару 10 ф., табаку 20 ф., дегтю 2 в., свѣчъ 4 ф. (да 8 ф. сами дѣлали), водки 12 бутылокъ; мыла не покупали. Расходы: на настуха 12 р., на батраковъ 35 р., на кузнеца 10 р., на похороны 1 р. 25 к. Въ году: калымъ платили, 9 скотинъ отдали на 90 р. Долговъ старыхъ платили на 40 р. — Скота погибло отъ болѣзни: 5 телокъ по 3-му году, 7 годовиковъ и 28 овецъ; всего на 78 р. Для себя кололи: 2 коровъ, 10 ягнятъ; всего на 38 р. — Добыли дичи 3 штуки, рыбы 4 пуда. — Продали: шерсти и кожъ на $6^1/_2$ р., да 8 овчинъ отдали подъ работу на 10 р. Сѣна ставили 270 копенъ. Хлѣба и овощей собрали: ржи 105 п., ячменя 30 п., овса 30 п., кортофеля 10 мѣшковъ. — Продали разнаго хлѣба на 33 р. — Скота въ пер. на кр. 40,5.

№ 13. Хозяйство Григорья Янгулова.

Хозяину 45 л., женѣ его 37 л., дочерямъ 27, 14, 7 и 4, сыновьямъ, 18, 15, 10. Самъ Григорій въ теченіе полугода не былъ дома, старшій сынъ — въ теченіи 5 мѣсяцевъ, младшій весь годъ служилъ въ батракахъ. Родился Янгуловъ здѣсь; лѣтъ 9 т. наз. ходилъ на пріискъ, прожилъ тамъ $5^1/_2$ л., сломалъ ногу, и потому вернулся назадъ. Жилыя помѣщенья: изба съ очагомъ, 2 юрты. Землю не пашутъ. Телѣгъ нѣтъ, сани 2; есть 2 ручныхъ мельницы: 1 каменная (30 к,), другая деревянная (50 к.) Послѣднія, по словамъ Я—ва, вытѣсняютъ первыя, потому что онѣ легче. Три пилы, 2 долота, 2 стамески, 3 струга и пр. Ружья нѣтъ. Рыболовн. принадл.: 1 морда и 2 удочки. Приборъ для приготовленія айран. вина есть да не весь — трубы не хватаетъ. Есть подойникъ, 2 вилки, 2 шкатулки, лампа, подсвѣчникъ, хомосъ (музык. инструментъ). Есть частыхъ (инородч. подушка) въ 1 р. — Одежда инородческая. Въ годъ на одежду для всей семьи, кромѣ 2-хъ „живущихъ у людей“ сыновей, выходитъ рубл. 25. Покупали: соли 2 п., чаю 5 кирп., бѣлоголовнику 10 ф. (за 50 к.): „на половину пьемъ его“ (бѣлоголовникъ), табаку 10 ф., (курятъ табакъ на $^1/_2$ съ берестой), мыла на 50 к., свѣчъ 10 ф., водки на 10 р. Дегтю не покупали. Расходы на настуха 1 рубль, кузнецу 55 к., на религіозн. потребн. 1 р., на угощенье гостей 50 к. Въ году старыхъ долговъ платили 10 р. Отъ болѣзни пропала телка, рублей пять стоила. Покупали: рыбы на 2 р. 80 к. Заработали батра-

чествомъ 40 р., ремесломъ 55 р. (?) Сѣна ставили 200 коп., покупали 10 копенъ за 7 рублей. Хлѣба и овощей собрали: 20 мѣшковъ картофеля. Покупали: ржаной муки 50 п., пшеничной 3 п., ячменя 5 п. Скота въ пер. на кр. 5,3.

Нижне-Саралинскій улусъ.

Въ 1890 г. было здѣсь 28 хозяйствъ, 75 мужч. и 67 женщ. (754, III). Въ 1897 г. было тоже домовъ 30, лѣтъ 20 тому назадъ — домовъ 40.

Зима продолжается здѣсь мѣсяцевъ 5½. Первый снѣгъ выпадаетъ въ ранніе года въ концѣ октября, въ поздніе — въ началѣ ноября; чаще — еще въ октябрѣ. Послѣдній снѣгъ — въ концѣ Великаго поста. Рѣки начинаютъ вставать („шуга идетъ“) въ началѣ ноября, и вскрываются въ концѣ Великаго поста. Лѣтъ 20 тому назадъ еще кочевали. Не кочевали только тѣ, у кого вовсе не было скота, которые „питались“ около пріисковъ. Лѣтникъ былъ въ 2-хъ верстахъ отъ улуса. Перестали кочевать лѣтъ 17 т. наз., потому что „станки стали дѣлать для пріискателей,“ явился заработокъ; теперь „около пріиска пробиться можно. Главнымъ образомъ поставляютъ туда сѣно. Пашетъ по немногу человѣкъ 6—7, тѣ „что по русскому живутъ.“ Они самые „справныя“ по улусу. Всѣ они пріѣхали изъ другихъ улусовъ: три семьи изъ Азандаеваго, двѣ съ Божьяго озера, одна съ Урюпа, одна изъ д. Парной. Разсказчикъ переселился изъ Больше-Тайдоновой: „сердце не терпитъ на одномъ мѣстѣ сидѣть.“

Не пашущіе хозяйства тоже „рады-бы пахать, да силы не хватаетъ, да и коней нѣтъ; у кого 1—2 коня — славу Богу.“ А между тѣмъ и ихъ (непашущихъ) заставляютъ городить кругомъ улуса поскотину — управа заставляетъ, „радѣетъ о хлѣбопашествѣ,“ „начальствомъ стращаетъ.“

Сѣютъ хлѣбъ уже лѣтъ 10. Пашутъ десятины по 2—3. Сѣвооборотъ, обычно, такой: 1) рожь, 2) яровое, 3) паръ, 4) яровое, 5) паръ, 6) яровое или рожь, 7) паръ. Такимъ образомъ, можно пахать лѣтъ 10, а тамъ „рѣзунъ“ (пырей) въ конецъ задавитъ хлѣбъ, и надо бросать пашню

въ залежь. Черезъ сколько лѣтъ снова можно поднять залежь — никто изъ опрашиваемыхъ не знаетъ. Тотъ, кто раньше всѣхъ ихъ началъ пахать — нашелъ всего лишь 17 лѣтъ. По его мнѣнію, врядъ-ли вообще можно будетъ „поднимать пашню изъ подъ залежи — камень.“ Высѣваютъ на десятину: ржи 7½ п., пшеницы 15 п., ячменю 15—16 п., овса 15—17 п. Пшеницу вовсе не сѣютъ: родится она въ 10 лѣтъ одинъ разъ. Рожь уже три года подрядъ не родится; послѣдніе два года ее снимаютъ не болѣе 30 п. съ десятины. Ячмень тоже плохо родится — сурокъ его выѣдаетъ. Съ 1 десятины собираютъ пудовъ 45 ячменя. Наконецъ, овесъ тоже „годомъ родится“ — „если сурокъ не высѣчетъ“, съ 1 дес. его нажинаютъ пуд. 100. Плохіе овсы, а иногда и ячмени косятъ. „Дуриину“ — полютъ руками, палками, или косой. Сорныя травы — рѣзунъ, коневникъ, осотъ, повелика, лебеда, будка. Рѣзунъ косятъ на сѣно. Сурковъ „выживаютъ дегтемъ“: „толкаютъ въ норы“ бересту, вымоченную въ дегтю, и зажигаютъ ее.

Скота рогатаго лѣтъ 20 т. наз. было у всѣхъ головъ 20, теперь головъ сто; овецъ тоже съ сотню, а коней штукъ 60. Кони не у всѣхъ есть. Пастуховъ не держатъ; овецъ сдаютъ пасти въ другой улусъ по 15 коп. съ гнѣзда. Помѣщеніе для скота: крытая чащей и сѣномъ загорожа изъ жердей. Весной сѣно съ нея скармливаютъ, а въ октябрѣ опять ее покрываютъ. — Покосы всѣ дѣлены поровну. На каждый пай получается 150 коп. Собственныя покосныя расчистки отдѣльныхъ хозяевъ общество не имѣетъ право пускать въ раздѣлъ — даже отцовскія и дѣдовскія разчистки. Недавно Саралинскіе инородцы составили приговоръ, въ которомъ просили отдать имъ покосныя угодья, которыми пользовались инородцы Балакшинскаго улуса (лѣтникъ у нихъ въ Тайдоновомъ): у нихъ, балакшинцевъ, покосу много, а людей мало. А покосъ этотъ къ Саралѣ ближе, чѣмъ къ нимъ (верстахъ въ 2½ отъ Саралы). Одинъ изъ саралинскихъ богатѣевъ хлопоталъ въ управѣ по этому дѣлу; когда же хлопоты увѣнчались успѣ-

хомъ и покосъ былъ уступленъ саралинцамъ — богатѣй забралъ его весь себѣ: „за хлопоты“. А между тѣмъ, кромѣ этого покоса, у него еще есть 2. Во время отсутствія его изъ улуса саралинцы устроили сходъ, на которомъ постановили отобрать покосъ у захватившаго его самовольно богатѣя, но тотъ, не смотря на приговоръ, не отдалъ ни этого покоса и не отдаетъ, взамѣнъ его, другого, какого нибудь. — Ближніе покосы верстахъ въ 3—4, дальніе въ 8—10. Сѣно ставятъ на пріиски въ хорошій годъ по 8—10 коп., а въ плохой, неурожайный — по 12—15 к. за пудъ. Всего для продажи всѣ саралинцы вмѣстѣ ставятъ 2000 коп. Заливного сѣна мало: „гдѣ на 50, гдѣ на 100 саженъ заливаетъ“ — не больше. А въ ненастные годы, если вода долго простоитъ, весь лугъ заноситъ пескомъ и иломъ. Трава тогда бываетъ хуже таежной. На десятинѣ луга накашиваютъ копенъ 30—40. Въ тайгѣ — коп. 45, а гдѣ даже и 30. Не мало вредятъ сѣну ранніе инеи, сильно высушиваютъ его. Сѣютъ и овесъ на зелень. Высѣваютъ пудовъ по 10 сѣмянъ (крестьяне и по десятинѣ его сѣютъ). Не малымъ подсобнымъ заработкомъ для саралинцевъ служитъ ягода, главнымъ образомъ, брусника. Когда она поспѣваетъ, инородцы собирать ее съѣзжаются сюда со всѣхъ сторонъ, верстъ за 50. „Другой наберетъ ее съ семьей въ урожайный годъ ведеръ 30—40“. Всего набираютъ ея здѣсь ведеръ 200. Крестьянъ брать не пускаютъ, а отдаютъ имъ въ неурожайный на ягоду годъ за мѣшокъ ржаной муки ($2^1/_2$ п.) — $1^1/_2$ ведра брусники, за мѣшокъ пшеничной 4—5 ведеръ, за мѣшокъ сухарей тоже $1^1/_2$ ведра.

Рыбы въ рч. Саралѣ идетъ мало: пріиска (верстахъ въ 40 выше улуса) сильно мутятъ воду. Рыбачатъ и на Черномъ Іюсѣ. Верстъ за 20 отъ улуса рыбу ловятъ неводами, мордами. Добываютъ хайрюза, ленка и тайменя. Послѣдній попадается (въ Іюсѣ) фунт. до 30. Главный промыселъ въ сентябрѣ и въ началѣ октября. У богатыхъ невода свои, а у прочихъ — артельные; обычная длина невода на Іюсѣ

— сажень 30., на Саралѣ немного меньше. Невода безъ мотни. Въ каждой артели обыкновенно бываетъ четверо рыбаковъ, — береговой и 3 въ лодкѣ. Добыча дѣлится поровну. Въ среднемъ, за осень добывается пудовъ по 60 на артель, самое большее, при „очень старательной артели“ — 150 п. Продаютъ рыбу на пріиска и крестьянамъ по 2 р. за пудъ. Весной добываютъ удочками на земляного червя хайрюзовъ и ленковъ, а лѣтомъ, лишь „для пропитанія“, — по немногу ловятъ удочками и неводомъ.

„Звѣрить“ въ тайгу наѣзжаютъ отовсюду изъ улусовъ Подкаменскаго, Тайдоновскаго, Бѣлоюсскаго и друг. Какъ выпадетъ снѣгъ — осенью, а также зимой и весною, гоняются за звѣремъ на лыжахъ. Снѣгъ выпадаетъ аршина на два, на три; на конѣ нельзя — снѣгъ ему по брюхо, да и тайга густая. Притомъ и кони-то не у всѣхъ есть. Всего больше добывается звѣря ружьями (кремневыми). Главная добыча — козы и моралы; попадаются и медвѣди, рыси, выдры и пр. На козъ, мораловъ, а также и выдру, устраиваютъ луки или самострѣлы, съ желѣзными стрѣлами (стоимость такого лука 1 р.). На колонковъ и бѣлокъ ставятся плошки. На волковъ, лисицъ и выдръ ставятъ капканы. Зайцевъ не добываютъ. Изъ лѣсной дичи промышленное значеніе имѣютъ — глухари, тетерева и рябчики.

№ 9. Хозяйство Алексѣя Сулекова.

Алексѣю 38 л., женѣ его 40, дочери 13. Самъ Алексѣй грамотный. Переселился сюда 4 года т. назадъ изъ Тайдоновой. Жилое помѣщеніе — юрта въ столбахъ (стоимостью 1 р.). Телѣга 1, сани (кованыя) 1. Есть деревн. ручная мельница, деревн. ступка. Ружье одно. Рыболовн. принадл. нѣтъ никакихъ. Возжей нѣтъ: „корова съѣла“. Прибора для айран. в. нѣтъ, подойникъ 1, вилокъ нѣтъ, самовара 2, лампа, фонарь, 2 частыхъ (татарск. подушки). Одежда инородческая; есть кольцо, перстень, серьги (въ 2 р.). — Покупали: соли 3 п., чаю 10 кирп., сахару 5 ф., табаку 10 ф., мыла 10 ф., дегтю 1 ведро, керосину 10 ф., водки 2 ведра. Расходы на угощенье гостей — 3 р., Покупали: моральяго мяса 3 п. (3 р.). Заработали ремесломъ (кузнецъ) 50 р., жалованья получилъ Алексѣй

(писаремъ былъ) 30 р. Продалъ избу за 15 р. Сѣна ставилъ 180 коп. Хлѣба и овощей покупалъ: ржаной муки 50 п., ячменя 10 п., кортофеля 9 мѣшковъ. На одного ѣдока хлѣба выходитъ въ мѣсяцъ $2^1/_2$ пуда, 30 пудовъ въ годъ. Покупалъ соломы 60 пуд. (на 1 р. 50 коп.). — Скота въ перев. на крупн. — 2,1.

№ 21. Хозяйство Семена Аргудаева.

Семену 52 г., женѣ его 38 л., сыновьямъ 27, 17, 12, 8, 5 и $1^1/_2$ г., дочери 9 л., женѣ старшаго сына 29 л. Самъ хозяинъ и два сына его малограмотны, старшій сынъ грамотный и служитъ писаремъ. Родился Семенъ въ Парнинскомъ улусѣ, 8 лѣтъ переселился съ отцомъ въ улусъ Агаскыръ верстъ за 60, гдѣ прожили 4 года. 12-ти лѣтъ вернулся обратно въ Усть-Парнинской ул., 18 лѣтъ переѣхалъ въ Талкинъ улусъ, за 30 верстъ (теперь улусъ этотъ не существуетъ, разъѣхался въ 1862 г.); тамъ умерли родители Семена и онъ перекочевалъ въ Косой логъ, гдѣ прожилъ 5 лѣтъ, и потомъ переселился сюда, въ Саралинскій улусъ, гдѣ и живетъ уже 12 л. Собирается однако ѣхать къ Черному озеру — за 30 в., гдѣ по его словамъ, удобнѣе заниматься хлѣбопашествомъ. Жилыя помѣщенія: изба некрытая 5-ти стѣнная „глаголемъ, въ 3 помѣщенія"; лѣтникъ — 4 угольная юрта. Есть амбаръ, баня, рига. Телѣгъ кован. 2, сани 3. Земледѣльч. орудія: соха, 2 бороны, 2 цѣпа. Ручную мельницу и деревянную ступку, когда надо, берутъ у сосѣдей, своихъ нѣтъ. Ружье одно. Рыболовн. принадл. только одинъ неводъ. Айранный приборъ есть, подойникъ есть, вилокъ нѣтъ, самовара 2, зеркало, 2 лампы, 2 подсвѣчника мѣдныхъ (1 р.), счеты, вѣсы (3 р.), подушка русская. Среди мужской одежды: „пиджака" два (6 р.), шарфъ. Среди женской — „пальто изъ матеріи" два-же (8 р.). Есть 2 кольцы, 2 перстня, серьги (въ 3. руб.) — Покупали: соли 20 пуд., чаю 20 кирп., сахару 15 ф., табаку 30 ф., мыла $^1/_8$ п., дегтю 3 в., свѣчъ $^1/_2$ п., керосину 10 ф., водки на 3 р. — Расходы на пастуха 5 р., на кузнеца 6 р., на религіозн. потребн. 1 р. 50 к., на угощеніе гостей 5 р. Въ году отъ звѣря погибло: иноходецъ въ 50 р., 3 овцы (въ 9 р.). Отъ болѣзни пропала 1 свинья (1 р.). Кололи для себя: теленка въ 2 р. 50 к. Добыли: 2 козы, 15 п. рыбы. Продали рыбы на 6 р. (7 пуд.), кожу козлиную за 30 к. Заработали: жалованья (писарю) 60 р., извозомъ 100 р. Хлѣба и овощей собрали: ржи 25 п., ячменя 25 п., огурцевъ 5 ведеръ, картофеля 30 мѣшковъ, капусты 10 вед., сѣна 300 копенъ. Сѣно не уродилось, пришлось покупать для себя овесъ. Продали сѣна на 21 р. (150 пудовъ). Покупали: ржи 150 п., пшеницы 4 п., овса 150 п. — Скота въ пер. на крупн. 25,1.

№ 9. Хозяйство Петра Ч—на.

Петру 52 г., женѣ 48 л., сыновьямъ: 27, 24, 13, 2 и $^1/_2$ г., дочерямъ: 14, 12 и 8 л. Старшій сынъ въ годовыхъ работникахъ и не живетъ дома весь годъ. Родился Петръ въ Кагаевомъ улусѣ, 11 лѣтъ переселился въ Саралинскій, 17 обратно въ Кагаевъ, а черезъ 2 г. — оттуда снова въ Саралу. Теперь опять собирается уходить отсюда. Жилыя помѣщенія: изба некрытая съ печью, изба съ очагомъ и 4 угольная юрта. Телѣгъ нѣтъ, сани двои. Хлѣба не сѣютъ. Ружья 2., самострѣловъ 80 (40 р.), плашекъ 80 (3 р.). Городьба около самострѣловъ оцѣнивается въ 10 рублей. Рыболовн. принадл.: 3 морды, 3 удочки. Есть двои лыжи (6 р.). Приборъ для айран. в. есть; вилокъ 2, подойникъ 1, самовара 2, лампа, 3 фонаря. Среди мужской одежды: шапка бобровая праздничная (6 р.). Женская одежда инородческая. Покупали: соли $3^1/_2$ п., чаю 8 кирп., сахару 5 ф., табаку 12 ф., мыла ?, деготь „сами сидѣли“ — 8 вед., керосину на 7 р. (?), водки на 100 р. Расходы на пастуха 1 р. 50 к., на батраковъ 10., на кузнеца 70 к., на религіозныя потребн. 1, на угощенье гостей 3 р. Долговъ платилъ 130 р. Въ году медвѣдя убилъ, 40 козъ, 3 волка, дичи разной 30 штукъ, выдръ 3, морала 1, бѣлокъ 150. Рыбы добыли 15 п. Продали всякой дичи и рыбы (всю) на 135 р. 50 к. Сѣна ставили 250 коп. Хлѣба и овощей собрали: огурцевъ 5 вед., картофеля 10 мѣшковъ. Покупали: ржаной муки 90 п., пшеничной 15 п., ячменя 10 п. Скота въ пер. на кр. 10,4.

Распредѣленіе бюджетнаго матерьяла по зажиточности хозяйствъ представленное въ помѣщаемой ниже таблицѣ (стр. 330—333) произведено совершенно такъ же, какъ это было сдѣлано въ отношеніи матерьяла Мелецкой управы [1]). Должно однако замѣтить, что здѣсь эта задача оказалась гораздо затруднительнѣе, отчасти потому, что описанія хозяйствъ у кызыльцевъ производились еще болѣе спѣшно и менѣе полно, отчасти

---

1) Мелецкіе инородцы, стр. 136 и слѣд.

же по другимъ причинамъ, говорить о которыхъ на страницахъ настоящей работы не мѣсто. Необходимо замѣтить лишь, что въ виду значительной неувѣренности въ точности нѣкоторыхъ итоговыхъ цифръ (въ таблицахъ инвентаря, прихода и расхода), мы принуждены были или замѣнить ихъ знаками вопроса, или, по крайней мѣрѣ, отмѣтить, помѣстивъ ихъ въ скобкахъ. Ставя своей задачей представить возможно въ полномъ и подлинномъ видѣ матерьялъ собранный въ 1897 г., я не избралъ другого, несомнѣнно, болѣе правильнаго пути — подвергнуть обработкѣ лишь часть бюджетныхъ описаній, наиболѣе полно составленныхъ и достовѣрныхъ. Къ числу послѣднихъ должны быть отнесены бюджеты с. Божьеозерскаго (Землед. районъ), составленные П. Ф. Шафрыгинымъ — №№ 15, 23 и 33, описанія хозяйствъ №№ 8, 16 и 28, сдѣланныя А. С. Донскимъ, №№ 7, 27 и 32, сдѣланныя С. И. Алановымъ. Далѣе изъ бюджетовъ № 2, 13 и 14, отмѣченныхъ составителями, какъ „очень достовѣрные“, или „внушающіе довѣріе“ — только № 2 (скот. районъ) представляется дѣйствительно сравнительно полнымъ и достовѣрнымъ. Изъ остальныхъ хозяйствъ лучше другихъ описаны и болѣе пригодны для обработки №№ 1, 3, 5, 19, 20 и 29.

Ниже приводятся соотвѣтственныя помѣщеннымъ въ работѣ о Мелецкихъ инородцахъ таблицы, характеризующія различныя группы хозяйствъ, ихъ приходныя и расходныя смѣты, за которыми (таблицами) слѣдуютъ далѣе сначала итоговыя таблицы инвентаря и оцѣнки его въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, а затѣмъ итоговыя-же таблицы прихода и расхода хозяйствъ съ іюня 1896 по іюнь 1897 г. (приблизительно). По причинамъ, частію выясненнымъ выше, я вовсе воздержался отъ анализа кызыльскихъ бюджетовъ, а также и отъ подробнаго описанія означеннаго въ бюджетныхъ бланкахъ отдѣльныхъ хозяйствъ инвентаря и статей прихода и расхода.

Районы, группы улусовъ, улусы и хозяйства.	На одно хозяйство.					
	Душъ об. пола.	Площадь посѣва (чистая и нечистая хоз.)	Собрано всякаго хлѣба пудовъ.	Скота на перев. на крупный.	Доходъ отъ промысловъ (рубли)	Общая стоимость имущества (рубли).
I. Районъ земледѣльческій.						
Среднее для ул. Божьеозерскаго и др.[1]) по даннымъ подворн. переписи 1890 г. . .	5,2	2,4	—	7,5	—	—
Хозяйство № 34	7	—	248	138,9	97	2115
„ № 15	—	—	282	14,8	176	905
„ № 33	8	—	288	17,1	58	547
„ № 23	3	—	30	2,0	79	104
Среднее для ул. Ураки по переписи 1890 г.	5,0	3,4	—	7,2	—	—
Хозяйство № 18	7	—	180	18,8	?	(389)
Среднее для всего района по перепи. 1890 г.	5,1	4,0	—	8,3	—	—
II. Районъ скотоводческій.						
Среднее для ул. Чебаки и др.[2]) по переписи	5,1	1,1	—	13,7	—	—
Хозяйство № 27	4	—	450	35,0	214	1554
„ № 28	5	—	745	49,5	472	1744
„ № 16	6	—	150	34,5	284	972
„ № 32	9	—	220	30,5	211	679
„ № 8	2	—	—	8,3	50	241
„ № 7	6	—	—	20,3	110	464
„ № 10	6	—	—	4,0	84	217
„ № 4	5	—	—	2,1	27	60
Среднее для ул. Янгулова и др.[3]) по перепи. 1880 г.	5,4	0,2	—	36,8	—	—
Хозяйство № 2	4	—	—	55,6	9	159
„ № 17	8	—	45	55,9	102	104

1) Улусы: Божьеозерскій, Малоозерскій и Сертачульскій.
2) Улусы: Чебаки, Половинка и Торча.
3) Улусы: Янгуловъ, Балыхчинъ, Григорьевъ, Максимовскій.

Наемъ (+) или отпускъ (—) батраковъ (годов. и срочн)		Подсобныя занятія.	Квалификація зажиточности хозяйствъ владѣльцами ихъ.	Принятая квалификація зажиточности хозяйствъ.
Годовыхъ.	Срокоыхъ.			
—	—	—	—	—
+1	—	Звѣро- и рыболовство, извозъ.	Богатое.	Богатое.
—	—		Среднее.	Выше средняго.
—	—	Тоже.	Среднее.	Выше средняго.
—	—1	Ремесло, отхожіе промыслы	Бѣдное.	Бѣдное.
—	—	—	—	—
—	+1	?	Среднее.	Выше средняго.
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
—	—	Извозъ.	Богатое.	Богатое.
+3	—	Рыболовство, извозъ.	Богатое.	Богатое.
—	—	Звѣро- и рыболовство, извозъ, ремесло, отх. пром.	Среднее.	Выше средняго.
+1	—	Звѣро- и рыболовство, извозъ.	Среднее.	Выше средняго.
—	—1	Извозъ и отхожій пром.	Среднее.	Среднее.
—	—	Звѣро- и рыболовство, извозъ.	Среднее.	Среднее.
—	—	Тоже.	Бѣдное.	Ниже средняго.
—	—	Рыболовство.	Бѣдное.	Бѣдное.
—	—	—	—	—
—	+1	—	Среднее.	Выше средняго.
+1	—	Рыболовство	Среднее.	Выше средняго.

Районы, группы улусовъ, улусы и хозяйства.	На одно хозяйство					
	Душъ об. пол.	Площадь посѣва считая и несѣющ. хоз.	Собрано всякаго хлѣба пудовъ.	Скота въ перев. на крупный.	Доходъ отъ промысловъ (рублей).	Общая стоимость инвентаря (рублей).
Среднее для ул. Подкаменскаго, Іюсскаго и др.[1]) по переписи 1890 г.	5,5	0,6	—	19,5	—	—
Хозяйство № 19	9	—	240	50,1	(77)	1298
„ № 29	10	—	60	47,3	92	1400
„ № 31	5	—	27	75,3	38	1132
„ № 1	5	—	—	12,2	(16)	326
„ № 3	6	—	—	8,6	60	291
„ № 5	4	—	—	6,3	14	183
„ № 6	3	—	—	3,0	85	192
„ № 12	3	—	—	3,2	?	64
Среднее для всего района по перепи. 1890 г.	5,1	1,0	—	18,2	—	—
III. Районъ промысловый.						
Среднее для ул. Б.-Ошкольскаго и др.[2]) по переписи 1890 г.	5,1	0,5	—	9,7	—	—
Хозяйство № 14	7	—	239	45,6	9	1083
„ № 22	7	—	165	40,5	10	584
„ № 13	9	—	—	5,3	99	126
Среднее для ул. Мажарскаго по перепи. 1890 г.	4,7	1,5	—	4,8	—	—
Хозяйство № 30	5	—	(360)	35,8	10	857
„ № 25	5	—	460	8,2	90	316
„ № 26	4	—	210	11,3	?	314
„ № 20	7	—	200	8,2	33	27[illegible]
„ № 24	5	—	102	4,1	31	21[illegible]
Среднее для ул. Саралинскихъ, по переписи 1890 г.	5,0	0,7	—	7,1	—	—
Хозяйство № 21	10	—	50	25,1	189	80
„ № 11	3	—	—	2,1	97	13
„ № 9	10	—	—	10,4	(129)	42
Среднее для всего района по перепи. 1890 г.	5,0	0,8	—	7,5	—	—

1) Улусы: Подкаменскій (и Мамоновъ лѣтникъ), Барбиковъ, Ключинскій, Балахчинъ, Б. и М. Тайдоновы, Іюсскій (Кожеговъ), Итменовъ.

2) Улусы: Б. и М. Ошкольскіе, Чернозерскій и Сектинскій.

Наемъ (+) или отпускъ (—) батраковъ (годов. и срочн.)		Подсобныя занятія.	Квалификація зажиточности хозяйствъ владѣльцами ихъ.	Принятая квалификація зажиточности хозяйствъ.
Годовыхъ.	Срочныхъ.			
—	—	—	—	—
—	—	Звѣро- и рыболовство.	Выше средняго.	Выше средняго.
+1	+5	Тоже.	Выше средняго.	Выше средняго.
—	—	Тоже.	Выше средняго.	Выше средняго.
—	—	Звѣроловство.	Среднее.	Ниже средняго.
—	—1	Отхожій промыселъ.	„Ниже средняго, по не удусу средній.“	Ниже средняго.
—	—	Рыболовство, ямщина.	Бѣдное.	Ниже средняго.
—	—1	—	Бѣдное.	Бѣдное.
—1	—	—	Бѣдное.	Бѣдное.
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
+1	+1	Звѣро- и рыболовство.	Среднее.	Богатое.
—	—	Тоже.	Среднее.	Выше средняго.
—1	—	Рыболовство, ремесло?	Бѣдное.	Бѣдное.
—	—	—	—	—
—	+?	Звѣро- и рыболовство.	Богатое.	Богатое.
—	—	Рыболовство.	Бѣдное.	Выше средняго.
—	+1	?	Выше средняго.	Выше средняго.
—	—	Рыболовство.	Среднее.	Среднее.
—	—	Тоже.	Бѣдное.	Среднее.
—	—	—	—	—
—	—	Звѣро- и рыболовство, извозъ, служба.	Среднее.	Выше средняго.
—	—	Кузнецъ, писарь.	Бѣдное.	Среднее.
—1	—	Звѣро- и рыболовство.	Ниже средняго.	Среднее.
—	—	—	—	—

Таблица I.

1) Общая характеристика группъ хозяйствъ различныхъ районовъ и категорій зажиточности.

2) Приходъ и расходъ на 1 душу населенія въ различныхъ группахъ хозяйствъ.

Районы и категоріи зажиточности	Число бюджетовъ.	Число душъ обоего пола.		Число работниковъ.		Число ѣдоковъ.		Стоимость имуще				
		Общее.	Среднее на 1 хоз.	Общее.	Среднее на 1 хоз.	Общее.	Среднее на 1 хоз.	Строенія.	Скотъ	Рыболовн. и зѣф. прин.	Птицы, собаки и проч.	
Бѣдныя хозяйства.												
Земледѣльч. районъ . .	1	3	3	1	1	2,5	2,5	5,7	8,3	—	0,4	
Скотоводческ. районъ .	3	11	3,7	3,5	1,2	8,25	2,75	1,9	11,8	0,01	0,2	
Промысл. районъ . . .	1	9	9	2,5	2,5	7	7	2,6	5,2	—	0,1	
Хоз. ниже средняго.												
Скотоводческ. районъ. .	4	21	5,25	4,5	1,1	15,75	3,9	5,4	24,8	1,2	0,2	
Среднія хозяйства.												
Скотоводческій районъ	2	10	5	2,5	1,2	6,25	3,1	9,7	30,5	3,2	0,3	
Промысловый районъ .	4	25	6,25	7,5	1,9	19	4,75	3,7	13,7	4,6	0,3	
Хоз. выше средняго.												
Земледѣльч. районъ . .	3	23	7,7	6	2	16,75	5,6	13,2	30	3 ?	1,9 ?	
Скотоводческ. районъ .	7	50	7,1	12,5	1,8	42	6	14,1	75	3,5	(1,8)	
Промыслов. районъ . .	4	26	6,5	8,5	2,1	19,75	5	12,4	(41,8)	4,5	0.3	
Богатыя хозяйства.												
Земледѣльч. районъ . .	1	7	7	1,5	1,5	6,25	6,25	34,1	218,2	(4,7)	3,8	
Скотоводческ. районъ .	2	9	4,5	3	1,5	10,75	5.4	130,4	126,4	6	2.1	
Промыслов. районъ . .	2	12	6	4,5	2,2	11,25	5,6	22,5	98,2	2,7	0,5	
Итого.												
Бѣдныя хозяйства. . .	5	23	4,6	7	1,4	17,75	3,55	2,7	87,4	—	0,2	
Ниже средн. хоз. . . .	4	21	5,25	4,5	1,1	15,75	3,9	5,4	24,8	1,2	0,2	
Среднія хоз.	6	35	5,8	10	1,7	25,25	4,2	5,4	18,5	4,2	0,3	
Выше средн. хоз. . . .	14	99	7,1	27	1,9	78,5	5,6	13,5	(55,8)	3,7	(1,4)	
Богатыя хоз.	5	28	5,6	9	1,8	28,25	5,6	60,1	137,3	4,2	1,8	
Хоз. земледѣл. района . .	5	33	6,6	8,5	1,7	25,5	5,1	17	67,9	3,1	2,1	
Хоз. скотов. района . .	18	101	5,6	26	1,4	83	4,6	20,9	57,8	2,9	1.2	
Хоз. земл. и скот. район.	23	134	5,8	34,5	1,5	108,5	4,7	19,9	60,3	2,9	1,4	
Хоз. промысл. района.	11	72	6,5	23	2,1	57	5,2	9.9	36,9	3,7	0,3	
Хоз. всѣхъ 3-хъ район. вмѣстѣ	34	206	6,1	57,5	1,7	165,5	4,9	16,4	52,1	3,2	1	

…шу.		Среднее число головъ скота въ перев. на крупный на 1 душу.	Приблизит. число десят. посѣва на 1 факт. работ.	Хлѣба собрано на 1 фактическаго работника.	Потреблено на 1 душу.				Потреблено на 1 скота		На 1 голову скота скормлено хлѣба.	Поставлено сѣна.		На 1 факт. работн.	
…ой и пр.	Всего.				Ржи.	Пшеницы.	Ячменя.	Картофеля.	Всего хлѣба въ перев. на рожь.	Картофеля.		На 1 фактическ. работн.	На 1 голову скота.	Всего хлѣба въ перев. на рожь.	Картофеля.
2	34,8	0,7	0,5	30,0	10,0	—	—	3,3	12,0	4,0	—	—	—	6,0	73,0
1	29,3	0,8	—	—	6,9	0,9	0,9	0,3	11,6	0,4	—	91,4	38,6	(3,4)	(31,4)
9	14,0	0,6	—	—	5,4	0,3	0,6	2,2	8,0	2,9	0,1	80,0	4,3	1,6	38,0
3	48,3	1,5	—		8,1	1,9	1,2	1,6	15,2	2,2	0,5	233,3	33,7	13,1	25,6
0	70,5	2,9	—	—	9,8	4,0	1,4	3,0	25,7	4,8	0,4	120,0	31,5	5,7	1,6
1	41,7	3,4	0,5	40,3	8,6	3,0	2,6	1,9	18,9	2,5	0,5	96,0	8,5	(23)	(35,7)
9	80,0	2,2	1,6	107,1	5,6	5,7	1,0	3,5	19,0	4,8	2,4	100,7	1,1	25,7	12,8
1	162,5	7,0	0,7	47,9	11,7	4,5	1,9	2,6	20,2	3,1	0,5	166,0	10,4	34,1	23,2
6	(77,2)	3,3	1,1	104,1	8,0	4,2	3,0	3,4	20,5	4,1	3,1	93,7	10,5	24,0	20,0
1	302,2	19,8	1,6	99,2	6,3	2,1	5,0	2,4	14,0	2,6	0,4	440,0	7,9	28,1	10,0
1	366,5	9,4	2,2	197,5	38,2	15,5	2,2	8,3	50,6	7,0	4,8	300,0	22,5	57,8	56,7
1	161,6	6,8	1,6	109,6	8,8	5,1	2,2	2,8	18,2	2,9	1,3	106,7	9,8	3,5	11,1
3	24,1	0,7	0,1	4,3	6,7	0,6	0,7	1,4	10,2	1,9	0,2	74,3	33,3	3,1	(39,7)
3	48,3	1,5	—	-	8,1	1,9	1,2	1,6	15,2	2,2	0,5	233,3	33,7	13,1	25,6
1	49,9	3,2	0,4	30,2	9,0	3,3	2,3	2,2	20,6	3,1	0,5	162,0	14,3	(21,5)	(38,5)
0	(120,9)	4,7	1,0	76,7	9,3	4,7	2,0	3,0	20,0	3,8	1,1	136,2	10,8	29,5	20,0
5	262,6	10,9	1,8	145,9	17,6	7,7	2,9	4,5	29,6	4,1	1,9	231,3	12,1	31,2	31,7
0	123,0	5,8	1,5	97,9	6,2	4,4	1,7	3,3	17,1	4,2	0,9	171,9	9,1	24,4	17,9
1	133,3	5,0	0,8	60,5	12,6	3,6	1,6	2,7	22,8	3,3	1,2	200,5	15,4	30,9	32,5
1	130,7	5,2	0,9	69,8	11,0	3,8	1,6	2,8	21,4	3,5	1,1	194,4	13,7	29,3	28,9
5	71,1	3,6	0,9	71,5	8,0	3,5	2,4	2,6	18,0	3,3	1,6	96,7	10,2	16,0	24,5
1	109,9	4,6	0,9	70,4	10,0	3,7	1,9	2,8	20,3	3,4	1,3	161,8	12,7	24,4	27,3

Районы и категоріи зажиточности.	Приходъ на 1 душу населенія						
	Полеводство и огородничество.	Луговодство.	Скотоводство и птицеводство.	Пчеловодство.	Промыслы.		Взято взаймы подъ работу или подъ добычу.
					Рыболовств. звѣрол. и лѣсн. пром.	Вмѣстѣ съ прот. промыслами.	
Бѣдныя хозяйства.							
Земледѣльческій районъ .	7,2	—	0,3	—	2,0	26,3	—
Скотоводческій районъ . .	—	2,2	3,3	—	1,1	11,1	—
Промысловый районъ . .	2,8	2,2	7,1	—	0,4	11,0	—
Хоз. ниже средняго.							
Скотоводческій районъ . .	0,1	7,7	8,5	—	2,8	9,2	—
Среднія хозяйства.							
Скотоводческій районъ . .	2,1	9,3	12,3	—	4,2	15,5	—
Промысловый районъ . .	4,6	4,6	7,9	—	10,0	13,1	—
Хоз. выше средняго.							
Земледѣльческій районъ .	18,5	4,2	7,6	—	7,8	11,5	—
Скотоводческій районъ . .	9,5	8,8	28,3	—	10,6	16,7	0,7
Промысловый районъ . .	17,6	4,0	4,4	—	6,6	13,1	—
Богатыя хозяйства.							
Земледѣльческій районъ .	17,7	18,9	45,6	—	10,0	13,6	—
Скотоводческій районъ . .	75,5	22,0	28,8	—	38,6	61,9	14,4
Промысловый районъ . .	14,5	16,1	17,9	—	4,4	6,1	2,8
Итого.							
Бѣдныя хозяйства	2,0	1,9	4,4	—	1,0	13,0	—
Ниже средн. хоз.	0,1	7,7	8,5	—	2,8	9,2	—
Среднія хоз.	3,9	5,9	9,2	—	8,4	14,0	—
Выше средн. хоз.	13,7	6,5	17,2	—	8,7	14,5	0,3
Богатыя хоз.	—	—	—	—	—	—	—
Хоз. земледѣл. района . . .	17,3	7,0	15,0	—	7,7	13,3	—
Хоз. скотов. района . . .	11,7	9,1	19,9	—	9,8	18,5	1,6
Хоз. земл. и скот. района .	13,1	8,6	18,7	—	9,3	17,2	1,2
Хоз. промысл. района . .	10,7	6,0	8,2	—	6,7	11,7	0,5
Хоз. всѣхъ 3-хъ районовъ вмѣстѣ	12,2	7,7	15,0	—	8,4	15,3	1,0

Расходъ

на 1 душу населенія.

	Наемъ рабочихъ.	Амортизація.	Скотоводство.	Птицеводство.	Пища. Растительная	Пища. Животная.	Пища. Молочная.	Пища. Разная и пр.	Пища. Всего.	Разные расходы.	Уплата долговъ.	Отопленіе.	Всего.
	—	9,4	3,6	—	7,0	0,1	0,3	4,1	11,8	3,9	—	2,0	33,1
	—	6,2	1,6	—	5,2	1,6	2,7	1,7	11,2	1,7	—	0,7	21,4
	—	2,1	3,8	—	5,6	1,4	2,0	2,2	11,2	1,5	1,1	0,4	20,1
	0,4	6,8	6,8	—	7,4	2,2	6,6	2,5	18,7	5,9	—	1,9	40,5
	—	12,3	15,0	—	10,8	1,8	8,0	6,5	27,1	9,9	0,9	2,1	67,4
	0,4	7,9	7,4	—	7,0	2,5	5,3	3,6	18,4	8,7	5,6	1,5	50,4
	0,4	13,1	(8,6)	—	8,0	5,2	5,2	1,3	22,7	9,0	1,3	2,0	62,3
	5,5	16,9	26,9	—	10,9	10,4	10,0	6,7	38,0	13,8	0,3	1,9	104,7
	1,7	10,4	10,0	—	9,6	3,7	4,2	2,9	20,4	9,8	2,3	1,9	59,1
	14,3	18,3	75,1	—	7,5	7,2	23,5	10,9	49,2	10,4	—	3,9	175,0
	37,8	46,5	73,6	—	36,8	16,2	14,4	15,2	82,7	26,5	5,5	5,2	289,1
	10,1	*11,4*	*27,4*	—	*6,9*	*9,6*	*12,3*	*7,3*	36,1	16,1	2,5	3,4	110,7
	—	5,0	2,7	—	5,6	1,3	2,1	2,2	11,2	1,9	0,4	0,8	22,5
	0,4	6,8	6,8	—	7,4	2,2	6,6	2,5	18,7	5,9	—	1,9	40,5
	0,3	9,1	9,6	—	8,1	2,3	6,1	4,4	20,8	9,0	4,3	1,6	55,2
	3,4	14,3	18,2	—	9,9	7,4	7,4	5,2	29,9	11,4	1,1	1,9	82,9
	20,0	24,4	54,2	—	16,6	11,1	15,8	10,8	54,3	18,0	2,9	11	181,1
	3,3	13,9	22,2	—	7,8	5,2	8,7	5,7	27,4	8,8	0,9	2,1	83,6
	6,2	15,8	23,0	—	11,8	7,4	8,7	6,0	33,9	11,4	0,7	2,1	95,0
	5,5	15,3	22,7	—	10,8	6,9	8,7	6,0	32,4	10,8	0,8	2,2	92,2
	2,4	8,7	11,2	—	7,7	4,0	5,6	3,8	21,1	9,4	3,3	1,8	59,7
	4,4	13,0	18,8	—	9,6	5,8	7,6	5,2	28,3	10,3	1,7	2,0	80,9

Оцѣнка инвентаря. Распредѣленіе описан. хозяевъ по районамъ и зажиточности.		I. Строенія.	II. Рабочій инвентарь.	III. Мебель.	IV. Посуда и домашн. утварь.	V. Разные предметы.	VI. Постельн. принадлежности.	VII. Мужск. одежда.	VIII. Женск. одежда.	IX. Скотъ.	X. Итого.
I. Районъ земледѣльческій.											
Богатое хозяйство:	№ 34	239,0	104,4	8,8	32,6	5,3	9,5	101,8	60,3	1553,7	2115,4
Выше средняго хозяйства	№ 15.	163,0	193,2	12,2	29,3	7,7	11,4	76,6	91,6	319,9	549,6
	№ 33.	86,5	100,1	4,1	22,6	3,3	3,9	46,7	23,5	256,5	547,6
	№ 18.	55,0	57,3	13,5	48,1	4,6	6,5	25,8	25,2	152,6	388,6
Бѣдное хозяйство:	№ 23.	17,0	12,6	1,8	11,3	2,8	0,5	26,8	5,4	26,1	104,4
II. Районъ скотоводческій.											
Богатыя хозяйства:	№ 27.	807,0	175,9	16,1	31,0	15,5	10,0	31,3	41,9	425,0	1551,1
	№ 28.	367,0	281,0	41,5	72,5	36,8	10,5	112,5	90,9	731,0	1774,3
Выше средн. хозяйства:	№ 16.	266,0	120,0	24,0	26,1	7,1	10,0	43,2	72,1	402,8	972,0
	№ 2.	52,0	88,0	26,0	76,2	5,9	29,1	152,6	161,8	1000,0	1591,7
	№ 17.	64,0	67,7	11,5	45,1	3,2	11,0	51,8	79,1	711,5	1049,0
	№ 19.	45,0	133,2	7,3	41,3	4,2	35,0	70,8	105,3	856,0	1298,3
	№ 29.	163,5	130,8	35,2	50,5	27,8	42,0	78,9	128,0	743,7	1400,0
	№ 31.	76,0	91,5	7,2	42,0	4,3	20,0	49,9	25,8	815,5	1132,0
	№ 32	38,0	113,7	7,4	29,6	4,3	8,0	72,2	99,4	306,0	678,7
Среднія хозяйства:	№ 8.	51,0	25,0	4,3	10,4	2,2	1,0	14,3	14,3	118,0	240,5
	№ 7.	46,0	74,7	3,9	31,9	3,7	5,0	58,5	49,9	190,0	463,8
Ниже средн. хозяйства:	№ 10.	34,0	57,8	4,2	15,2	3,1	3,0	18,4	17,3	66,6	216,7
	№ 1.	30,5	31,2	4,3	21,1	0,2	3,4	21,0	10,9	203,0	325,6
	№ 3.	33,8	11,7	5,0	27,1	0,6	4,0	30,5	12,2	162,8	290,9
	№ 5.	19,0	14,2	6,2	8,6	0,5	3,5	13,2	25,2	92,5	183,0
Бѣдныя хозяйства:	№ 4.	6,0	13,6	3,0	5,9	0,4	1,0	6,5	1,6	28,0	66,3
	№ 6.	9,5	18,4	7,1	16,6	0,3	4,0	25,8	49,2	61,0	191,9
	№ 12.	5,5	3,9	0,9	1,2	0,1	0,3	3,1	2,7	43,3	64,3
III. Районъ промысловый.											
Богатыя хозяйства:	№ 14.	74,0	119,8	17,1	60,2	15,8	7,0	52,0	53,8	682,9	1082,6
	№ 30.	196,5	68,6	4,3	19,5	5,8	4,4	38,2	17,8	501,5	856,6
Выше средн. хозяйства:	№ 21.	179,0	61,7	6,1	25,1	8,5	14,0	56,1	73,7	376,6	801,1
	№ 22.	56,0	34,0	4,8	13,6	1,1	2,0	20,8	28,7	422,5	583,6
	№ 25.	59,0	65,3	4,6	13,0	5,6	4,0	31,7	18,1	114,4	315,8
	№ 26.	34,0	24,4	4,3	9,7	3,5	3,5	15,8	37,4	181,5	314,1
Среднія хозяйства:	№ 20.	26,5	32,1	4,7	16,0	2,1	2,3	33,4	9,2	148,0	271,2
	№ 24.	26,0	52,4	4,3	17,3	3,0	2,4	26,2	18,3	62,7	212,6
	№ 11.	6,5	32,7	11,3	23,6	2,3	4,0	10,9	12,6	28,8	132,5
	№ 9.	33,0	105,7	3,3	40,2	4,1	12,2	87,0	31,9	111,1	428,0
Бѣдное хозяйство:	№ 13.	23,0	12,0	5,0	10,7	2,4	2,5	11,1	12,4	47,0	126,1

1) Хозяйства №№ 1, 2, 12, 14, 19, 20, 21 и 24 описаны А. А. Кузнецовой.
„ „ 9, 13, 18, 26, 29, 30 и 31 „ И. Е. Кулаковымъ.
„ „ 3, 5, 6, 11, 17, 22 и 25 „ А. А. Ярцловымъ.
„ „ 4, 7, 10, 27 и 32 „ учителемъ С. И. Алановымъ.
„ „ 15, 23, 33 и 34 „ учител. П. Ф. Шафрыгинымъ
„ „ 8, 16 и 28 „ б. письмов. Упр. А. С. Донскимъ

2) Описано очень не полно.

Таблица III.

Годовой приходъ описанныхъ хозяйствъ.

Распредѣленіе описан. хоз-въ по районамъ и зажиточности.	Оцѣнка инвентаря.	I. Строенія.	II. Рабочій инвентарь.	III. Мебель.	IV. Посуда и домашн. утварь.	V. Разные предметы.	VI. Постельн. принадлежности.	VII. Мужск. одежда.	VIII. Женск. одежда.	IX. Скотъ.	X. Итого.
I. Районъ земледѣльческій.											
Богатое хозяйство:	№ 34	239,0	104,4	8,8	32,6	5,3	9,5	101,8	60,3	1553,7	2115,4
Выше средняго хозяйства	№ 15.	163,0	193,2	12,2	29,3	7,7	11,4	76,6	91,6	319,9	549,6
	№ 33.	86,5	100,1	4,4	22,6	3,3	3,9	46,7	23,5	256,5	547,6
	№ 18.	55,0	57,3	13,5	48,1	4,6	6,5	25,8	25,2	152,6	388,6
Бѣдное хозяйство:	№ 23.	17,0	12,6	1,8	11,3	2,8	0,5	26,8	5,4	26,1	104,4
II. Районъ скотоводческій.											
Богатыя хозяйства:	№ 27.	807,0	175,9	16,4	31,0	15,5	10,0	31,3	41,9	425,0	1554,1
	№ 28.	367,0	281,0	41,5	72,5	36,8	10,5	112,5	90,9	731,0	1774,3
Выше средн. хозяйства:	№ 16.	266,0	120,0	24,0	26,4	7,4	10,0	43,2	72,1	402,8	972,0
	№ 2.	52,0	88,0	26,0	76,2	5,9	29,1	152,6	161,8	1000,0	1591,7
	№ 17.	64,0	67,7	11,5	45,1	3,2	11,0	51,8	79,1	714,5	1049,0
	№ 19.	45,0	133,2	7,3	41,3	4,2	35,0	70,8	105,3	856,0	1298,3
	№ 29.	163,5	130,8	35,2	50,5	27,8	42,0	78,9	128,0	743,7	1400,0
	№ 31.	76,0	91,5	7,2	42,0	4,3	20,0	49,9	25,8	815,5	1132,0
	№ 32	38,0	113,7	7,4	29,6	4,3	8,0	72,2	99,4	306,0	678,7
Среднія хозяйства:	№ 8.	51,0	25,0	4,3	10,4	2,2	1,0	14,3	14,3	118,0	240,5
	№ 7.	46,0	74,7	3,9	31,9	3,7	5,0	58,5	49,9	190,0	463,8
Ниже средн. хозяйства:	№ 10.	34,0	57,8	4,2	15,2	3,1	3,0	18,4	17,3	66,6	216,7
	№ 1.	30,5	31,2	4,3	21,1	0,2	3,4	21,0	10,9	203,0	325,6
	№ 3.	33,8	14,7	5,0	27,4	0,6	4,0	30,5	12,2	162,8	290,9
	№ 5.	19,0	14,2	6,2	8,6	0,5	3,5	13,2	25,2	92,5	183,0
Бѣдныя хозяйства:	№ 4.	6,0	13,6	3,0	5,9	0,4	1,0	6,5	1,6	28,0	66,3
	№ 6.	9,5	18,4	7,1	16,6	0,3	4,0	25,8	49,2	61,0	191,9
	№ 12.	5,5	3,9	0,9	4,2	0,1	0,3	3,4	2,7	43,3	64,3
III. Районъ промысловый.											
Богатыя хозяйства:	№ 14.	74,0	119,8	17,1	60,2	15,8	7,0	52,0	53,8	682,9	1082,6
	№ 30.	196,5	68,6	4,3	19,5	5,8	4,4	38,2	17,8	501,5	856,6
Выше средн. хозяйства:	№ 21.	179,0	61,7	6,1	25,4	8,5	14,0	56,1	73,7	376,6	801,1
	№ 22.	56,0	34,0	4,8	13,6	1,1	2,0	20,8	28,7	422,5	583,6
	№ 25.	59,0	65,3	4,6	13,0	5,6	4,0	31,7	18,4	114,4	315,8
	№ 26.	34,0	24,4	4,3	9,7	3,5	3,5	15,8	37,4	181,5	314,1
Среднія хозяйства:	№ 20.	26,5	32,1	4,7	16,0	2,1	2,3	33,4	9,2	148,0	271,2
	№ 24.	26,0	52,4	4,3	17,3	3,0	2,4	26,2	18,3	62,7	212,6
	№ 11.	6,5	32,7	11,3	23,6	2,3	4,0	10,9	12,6	28,8	132,5
	№ 9.	33,0	105,7	3,3	40,2	4,4	12,2	87,0	31,9	111,1	428,0
Бѣдное хозяйство:	№ 13.	23,0	12,0	5,0	10,7	2,4	2,5	11,1	12,4	47,0	126,1

1) Хозяйства №№ 1, 2, 12, 14, 19, 20, 21 и 24 описаны А. А. Кузнецовой.
„ „ 9, 13, 18, 26, 29, 30 и 31 „ П. Е. Кулаковымъ.
„ „ 3, 5, 6, 11, 17, 22 и 25 „ А. А. Ярцловымъ.
„ „ 4, 7, 10, 27 и 32 „ учителемъ С. П. Алановымъ.
„ „ 15, 23, 33 и 34 „ учител. П. Ф. Шафрыгинымъ.
„ „ 8, 16 и 28 „ б. письмов. Упр. А. С. Донскимъ.

2) Описано очень не полно.

Таблица III.

Годовой приходъ описанныхъ хозяйствъ.

Статьи прихода. / Распредѣленіе описан. хозяйствъ по районамъ и зажиточности.		A. Полеводство и огородничество.		B. Луговодство.		C. Ското- и птицеводство.		D. Заработки и промыслы.		E. Кредитъ и случайныя поступлен.		Всего въ приходѣ.	
		Сумма прихода (въ рублях).	Изъ того числа получ. деньгами.	Сумма прихода (въ рублях).	Изъ того числа получ. деньгами.	Сумма прихода (въ рублях).	Изъ того числа получ. деньгами.	Сумма прихода (въ рублях).	Изъ того числа получ. деньгами.	Сумма прихода (въ рублях).	Изъ того числа получ. деньгами.	Сумма прихода (въ рублях).	Изъ того числа получ. деньгами.
I. Районъ земледѣльческій.													
Богатое хозяйство:	№ 34.	124,1	16,0	(132)	—	319,3	77	95,3	47,0	—	—	670,7	140,0
Выше средн. хозяйства:	№ 15.	166,1	—	36	—	102,6	3,0	175,6	84,6	—	—	480,3	87,6
	№ 33.	179,9	16,0	30	—	56,6	2,5	57,7	9,0	—	—	324,2	27,5
	№ 18.	79,0	16,7	(31,5)	—	(15,5)	—	?	?	—	—	?	?
Бѣдное хозяйство:	№ 23.	21,6	—	—	—	0,7	—	79,0	73,0	—	—	101,3	73,0
II. Районъ скотоводческій.													
Богатыя хозяйства:	№ 27.	250,0	—	48,0	—	63,0	—	164,5	150,0	50,0	50,0	575,5	200,0
	№ 28.	120,5	112,6	150,0	72,0	223,8	55,0	392,5	300,0	80,0	80,0	1275,8	619,6
Выше средн. хозяйства:	№ 16.	77,0	26,4	105,0	9,0	145,5	34,0	250,0	202,0	34,6	34,6	612,1	30,6
	№ 2.	—	—	100,0	—	258,5	96,0	9,0	—	—	—	367,5	96,0
	№ 17.	37,5	—	(60,0)	—	(201,5)	(96,0)	102,0	80,0	—	—	(401,0)	(176,0)
	№ 19.	156,0	39,0	55,0	30,0	359,0	87,0	77,0	20,0	—	—	647,0	176,0
	№ 29.	79,0	8,9	50,0	—	397,0	169,5	147,3	55,3	—	—	673,3	233,7
	№ 31.	14,0	—	40,0	—	?	?	(38,0)	(3,0)	—	—	?	?
	№ 32.	114,0	—	30,0	—	50,0	—	211,0	155,0	—	—	405,0	155,0
Среднія хозяйства:	№ 8.	16,0	6,8	65,0	30,0	75,0	23,0	48,5	36,0	1,4	1,4	205,9	97,2
	№ 7.	5,0	—	28,0	—	58,0	—	110,0	80,0	—	—	201,0	80,0
Ниже средн. хозяйства:	№ 10.	—	—	18,0	—	(18,0)	—	(104,0)	(88,0)	—	—	(140,0)	(80,0
	№ 1.	—	—	100,0	—	101,1	21,1	16,0	10,0	—	—	217,1	31,1
	№ 3.	—	—	10,0	—	100,0	28,0	60,0	40,0	—	—	170,0	68,0
	№ 5.	1,2	—	31,5	30,0	7,5	4,5	14,0	5,0	—	—	57,2	39,5
Бѣдныя хозяйства:	№ 4.	—	—	14,0	?	6,2	—	27,0	22,0	—	—	47,2	(22,0
	№ 6.	—	—	5,6	—	(3,0)	—	85,0	80,0	—	—	93,6	80,0
	№ 12.	—	—	5,0	—	28,0	10,0	(10,0)	(10,0)	—	—	43,0	20,0
III. Районъ промысловый.													
Богатыя хозяйства:	№ 14.	127,8	24,0	18,0	—	(77,5)	(3,5)	9,1	2,0	—	—	(232,5)	(29,5
	№ 30.	?	?	?	—	(137,5)	(53,0)	(27,0)	(23,0)	(34,0)	(34,0)	?	?
Выше средн. хозяйства:	№ 21.	50,5	—	30,0	21,0	28,8	0,3	189,0	160,0	—	—	298,3	187,3
	№ 22.	70,5	32,9	15,0	—	57,5	16,5	(20,2)	10,0	—	—	(163,2)	(59,4
	№ 25.	252,0	85,0	50,0	—	(2,3)	—	90,0	50,0	—	—	394,3	135,0
	№ 26.	83,5	40,7	9,0	—	(34,5)	(28,5)	?	?	—	—	?	?
Среднія хозяйства:	№ 20.	71,5	11,5	10,5	—	53,7	23,0	33,0	11,0	—	—	168,7	45,5
	№ 24.	39,4	9,0	36,0	—	18,0	10,0	31,0	20,0	—	—	124,4	39,0
	№ 11.	—	—	43,3	—	63,0	—	80,0	80,0	15,0	15,0	201,3	95,3
	№ 9.	4,0	—	25,0	—	67,0	—	186,5	135,5	—	—	282,5	135,5
	№ 13.	25,0	—	20,0	—	63,9	34,0	(99,0)	(95,0)	—	—	(207,9)	(129,4

Таблица IV.

Годовой расходъ описанныхъ хозяйствъ.

Приложеніе 1-е.

„По Указу
Ея Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны Самодержцы Всероссійской“
и прочая, и прочая, и прочая.

„Данъ сей Ея Имнераторскаго Величества, Указъ Томскаго вѣдомства Кызыльской волости князцу Дмитрію Кулучакову, для того, что онъ, Кулучаковъ, поданною въ Сибирскую Губернскую Канцелярію съ товарищами своими, таковыми-жъ иноземцами, челобитною просили, дабы Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Указомъ повелено было ихъ, томскихъ иноземцевъ, по силѣ Ея Императорскаго Величества Указовъ, отъ содержанія по красноярской дорогѣ подводной гоньбы уволить вовсе, дабы они, иноземцы, отъ того въ конецъ не разорились и не отстали-бы отъ платежа въ казну Ея Императорскаго Величества ясаку. А вмѣсто ихъ повелѣть-бы тою гоньбу исправлять и почтовые станки содержать енисейскимъ и красноярскимъ обывателемъ, поселившимся на ихъ ясашныхъ земляхъ; да къ нимъ-бы въ прибавокъ опредѣлить откуль указомъ Ея Имнераторскаго Величества заблагоразсудитца. А для той гоньбы объявленнымъ, что они на ихъ ясачныхъ земляхъ поселились и живутъ, и пашни запахали, и сѣнные покосы распространили, — они, иноземцы, не спорятъ, но добровольно уступаютъ жить спокоемъ; токмобъ отъ нихъ имъ, иноземцамъ, ни какихъ обидъ и притѣсненія ни подъ какимъ образомъ причиняемыхъ не было, а особливо въ луч-

Приложеніе 1-е.

„По Указу
Ея Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны Самодержцы Всероссійской“
и прочая, и прочая, и прочая.

„Данъ сей Ея Императорскаго Величества, Указъ Томскаго вѣдомства Кызыльской волости князцу Дмитрію Кулучакову, для того, что онъ, Кулучаковъ, поданною въ Сибирскую Губернскую Канцелярію съ товарищами своими, таковыми-жъ иноземцами, челобитною просили, дабы Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Указомъ повелено было ихъ, томскихъ иноземцевъ, по силѣ Ея Имиераторскаго Величества Указовъ, отъ содержанія по красноярской дорогѣ подводной гоньбы уволить вовсе, дабы они, иноземцы, отъ того въ конецъ не разорились и не отстали-бы отъ платежа въ казну Ея Императорскаго Величества ясаку. А вмѣсто ихъ повелѣть-бы тою гоньбу исправлять и почтовые станки содержать енисейскимъ и красноярскимъ обывателемъ, поселившимся на ихъ ясашныхъ земляхъ; да къ нимъ-бы въ прибавокъ опредѣлить откуль указомъ Ея Императорскаго Величества заблагоразсудитца. А для той гоньбы объявленнымъ, что они на ихъ ясачныхъ земляхъ поселились и живутъ, и пашни запахали, и сѣнные покосы распространили, — они, иноземцы, не спорятъ, но добровольно уступаютъ жить спокоемъ; токмобъ отъ нихъ имъ, иноземцамъ, ни какихъ обидъ и притѣсненія ни подъ какимъ образомъ причиняемыхъ не было, а особливо въ луч-

ихъ ихъ звѣриныхъ угодьяхъ звѣря, а въ рѣкахъ рыбу не выловливали, бобровыхъ и орловыхъ гнѣздъ не разворяли, и отъ того-бъ въ ловлѣ звѣрей имъ, ясашнымъ людямъ, обидъ не чинили, дабы отъ того въ промыслахъ ихъ, въ ловлѣ звѣрей и рыбъ въ конецъ не разорица, и не отстать-бы отъ платежа ясаку и о прочемъ.

А по справкѣ въ Сибирской Губернской Канцеляріи оказалось: въ Указѣ Блаженныя и Вѣчно-достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, изъ Сибирскаго приказу Декабря 15-го 736-го, а въ Сибирской Губернской канцеляріи полученномъ Генваря 11-го числа 737 годовъ, между прочимъ написано: Правительствующій де Сенатъ, имѣя разсужденіе о важныхъ Экспедиціяхъ Сибирскихъ, что нужно быть частой пересылкѣ писемъ и рапортовъ, какъ въ тѣ Экспедиціи изъ С. Петербурга, изъ Москвы, такъ и оттуда; а какъ извѣстно, что нетокмо за Тобольскимъ, но и до Тобольска установленной почты нѣтъ, и затѣмъ во время первой Камчацкой Экспедиціи и послѣ того по нынѣ оттуда письма и вѣдомости приходятъ и отходятъ продолжительно — въ полгода, въ годъ и болѣе — а если съ нарочнымъ всегда посылать, то убытокъ казенной произойдетъ. А при бытности въ Сибири Думнаго Дьяка Виниуса было учрежденіе ординарной почты до Тобольска и до Китайской границы, и положено платы съ купецкихъ писемъ съ вѣсу съ золотника и та (т. е. плата) нынѣ на содержаніе черезъ такую дальность почтъ вспомогать можетъ. И о учрежденіи отъ Москвы до Тобольска ординарной почты по общему Сибирскаго приказу ямской конторы . . . опредѣленію Правительствующаго Сената — въ контору Декабря 11-го дня 735 году съ требованіемъ Указу подано доношеніе. А Сентября 2 дня въ рапортѣ отъ посланнаго изъ Сибирскаго приказу въ Сибирскую Губернію капрала Плещеева написано: поданной де ему изъ Сибирскаго приказу инструкціи въ проѣздъ почтовыхъ становъ досматривать — и, по осмотру де, отъ Верхотурья до Тобольска и отъ Томска до города Тары почтовые станы

имѣютца, а отъ Тары до Тобольска и отъ Томска до Красноярска, а отъ Красноярска до Иркутска — вѣдомства почтовыхъ становъ не учреждено; а Иркутскимъ вѣдомствомъ до Китайской Границы почтовые станы учреждены, а до Камчацкой де Экспедиціи и учрежденіи почтовыхъ становъ известить-бы . . . И по опредѣленію Сибирскаго приказу велѣно въ Тобольскъ послать указъ: велѣть, ежели паче чаянія для Экспедицій, такъ-же до Иркутскаго вѣдомства почтовыхъ становъ не представлено, то, по силѣ Правительствующаго сената указа, учредить въ самой скорости. И о вѣсовыхъ деньгахъ съ партикулярныхъ писемъ росписаніе и съ пріобщеніемъ мнѣнія такъ-же, гдѣ уже почты дѣйствительно есть, то на какомъ . . . и впредь безъ казеннаго убытку однимъ платежемъ вѣсовыхъ денегъ содержатця можетъ ли — о томъ обстоятельное извѣстіе прислать въ Сибирской приказъ. И для того въ Сибирской Губернской канцеляріи, по силѣ объявленнаго Указу, общее съ капитаномъ Командоромъ Берингомъ учинено опредѣленіе слѣдующее.

1-е. Съ росписаніемъ почтовыхъ становъ отъ Тобольска до Енисейска, до Иркутска и до Китайской Границы зимнимъ и лѣтнимъ путемъ и до Якутска и до Охотска; при промеморіи изъ Сибирской Губернской Канцеляріи Капитану Командору Берингу сообщенъ реестръ и требовано, чтобъ по силѣ данной ему, Капитану Командору, изъ Правительствующаго сената инструкціи освидѣтельствовать и назначить почтовые станы — отъ котораго до котораго мѣста возить лѣтомъ и зимою по однова въ мѣсяцъ — отъ Тобольска до Якутска, а отъ Якутска до Охотска въ два мѣсяца; такъ-же въ Якутцкѣ съ тамошними Командорами съ совѣту учинить, дабы . . . изъ Камчатки и изъ Охотска могли всякія вѣдомости въ Тобольскъ, въ Москву и паки туда безъ остановки ходить. И, по разсужденію Капитана Командора, изыскать къ тому безъ-убыточные способы, дабы, — буде пустыя и не жилыя мѣста, — какъ удобнѣе оную почту содержать и впредь въ которыхъ мѣстахъ и какими людьми оныя мѣста вселить.

Дабы о томъ о всемъ учрежденіи прислать въ Сибирскую Губернскую канцелярію, а воеводамъ и прочимъ командорамъ и управителямъ приказать по оному назначенію, — какъ онъ, Капитанъ Командоръ, (распорядится) — оную почту содержать. О чемъ изъ Сибирской Губернской канцеляріи въ Иркутскую провинцію и къ воеводамъ въ Тару, въ Томскъ, Енисейскъ и въ Якутскъ къ полковнику Середину, и въ Охотскъ къ полковнику Писареву посланы указы; и при тѣхъ указахъ съ присланныхъ указовъ и съ данной изъ Правительствующаго Сената ему, Капитану Командору Берингу, о почтѣ съ инструкціи сообщены копіи, и велѣно, по опредѣленію ево, Капитана Командора, почту учредить немедленно съ такимъ основаніемъ, какъ отъ него, Капитана Командора, въ томъ опредѣлено будетъ и по силѣ присланнаго изъ Ямскаго приказу Экстракта и учрежденія, какъ въ городахъ оныя почты содержать и записки и прочее чинить. А лѣтнимъ временемъ велѣть по вышеявленному росписанію почту постановить отъ Томска черезъ Красноярскъ до Иркутска по объявленному расписанію. А которые почтовые станы имѣются по большимъ рѣкамъ и . . . водою тѣмъ путемъ почту возить внизъ водою способнѣе — и тѣмъ почтовымъ станамъ тоё почту возить и водою, ежели тѣ почтари пожелаютъ, станъ отъ стану въ такіе (же) указные дни и часы, какъ и сухимъ путемъ, неотмѣнные.

2) Съ купецкихъ и прочихъ писемъ, посылаемыхъ по той почтѣ, брать за провозъ при взятьѣ писемъ на почту отъ Тобольска до Москвы по 12-ти конѣекъ; отъ Тобольска до Тары и отъ Тары до Тобольска по 2 конѣйки; отъ Тобольска до Томска и изъ Томска до Тобольска по 6 коп.; отъ Тобольска до Енисейска и отъ Енисейска до Тобольска по 10 коп.; отъ Тобольска до Иркутска и отъ Иркутска до Тобольска по 15 коп.; отъ Тобольска до Китайской границы и отъ границы до Тобольска по 18 коп.; отъ Тобольска до Якутска и отъ Якутска до Тобольска по 23 коп., а отъ Якутска до Охотска и отъ Охотска до Якутска по 4 коп.; а отъ Охотска до Тобольска и отъ Тобольска до Охотска по 27 коп. съ золотника;

а отъ Охотска до Камчатки и отъ Камчатки до Охотска моремъ по 3 коп. съ золотника. Итого будетъ отъ Камчатки до Тобольска и отъ Тобольска до Камчатки по 30 коп. съ золотника; и тѣ письма въ Тобольску и въ городахъ принимать и по вышеописанному росписанію взятыя деньги записать въ книгу, занумеровать и послать при той почтѣ; и о томъ въ Тобольскѣ для всенароднаго извѣстія публиковать. А какъ оное почтовое росписаніе отъ Капитана Командора Беринга отъ Тобольска до Охотска и до Камчатки освидѣтельствовано будетъ — и о томъ росписаніи и постановленіи почты, такъ-де о взятьѣ денегъ съ купецкихъ и прочихъ людей, почемъ съ золотника брать съ писемъ — для главной апробаціи въ Правительствующій сенатъ писать отпискою.

А по росписанію Командора Беринга о почтовыхъ станахъ, между прочимъ, показано:

Отъ Томска къ Енисейску и отъ города Томска до села Семилужнаго 29 верстъ; почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади Томскаго уѣзду жителями; смотрѣніе имѣть Слободскому старостѣ.

Отъ Семилужнаго села до Турунтаевой деревни 38 верстъ; почтѣ быть удобно; содержать Спасскаго села жителями 4 лошади; смотрѣніе имѣть прикащику Андрею Сеченову.

Отъ Турунтаевой деревни до Зырянскаго села 42 версты; почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади того села жителями; смотрѣніе имѣть прикащику Андрею Сеченову.

Отъ Зырянскаго села до Чартановой новокрещеной деревни 28 верстъ; почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади той деревни жителямъ; смотрѣніе имѣть Ясаулу Михаилѣ Иванову.

Отъ Чартановой до Казановой деревни 33 версты; почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади; заселить новокрещеными татарами несходимо.

Отъ Табарычевой до Сарбачевой деревни, гдѣ Спаское село, 27 верстъ; почтѣ быть удобно; содержать тѣхъ юртъ новокрещеными татарами 4 лошади; смотрѣніе имѣть новокрещеному татарину Василью Сарбачеву.

Отъ Сарбачевой до Есауловой деревни 26 верстъ (пусто); почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади; заселить новокрещеными татарами несходимо.

А отъ Есауловой до Кайбердинской деревни 26 верстъ (пусто); заселить новокрещеными татарами безсходно; содержать 4 лошади.

Отъ Кайбердинской до Кайдинской 22 версты (пусто); почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади и заселить новокрещеными татарами безсходно.

Отъ Кандинской до Константина Ясаула 27 верстъ (пусто); почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади и заселить новокрещеными татарами несходимо.

Отъ Константина Ясаула до Богдановой деревни 29 верстъ (пусто); почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади и заселить новокрещеными татарами несходимо.

Отъ Богдановой деревни до Мелецкаго острогу 20 верстъ; почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади окрестными новокрещеными татарами; смотрѣніе имѣть прикащику Ивану Петрову.

Отъ Мелецкаго острогу до Камчатской деревни 31 верста; почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади той деревни жителями; смотрѣніе имѣть новокрещеному татарину Степану Катышеву.

Отъ Зырянскаго села и до помянутой Камчатской деревни въ зимнее время почту содержать по вышеописанному, а въ лѣтнее время по помянутымъ же мѣстамъ содержать удобно по рѣкѣ Чулыму. По немъ въ лѣтнее время между вышепоказанными мѣстами сухимъ путемъ ходу не имѣется. По всему Чулыму рѣкѣ между Зырянскомъ селомъ и Мелецкимъ острогомъ къ поселенію мѣста весьма удобныя имѣются и многіе жители сверху оной рѣки и изъ Томскаго уѣзду объявили словесно, что между помянутыми мѣстами по оной рѣкѣ поселиться охоту имѣютъ. Также и новокрещеные Чулымскіе татары желаютъ, чтобъ русскіе крестьяне селились. Такого отъ Томской канцеляріи позволительнаго указу не имѣется. Такихъ, которые и прежде поселились русскіе, — Томская канцелярія оныхъ ссылаетъ.

А отъ Камчатской деревни до Соковскаго ручья зимовья 30 верстъ, почтѣ быть надлежитъ, и къ поселенію мѣста удобныя; населить изъ Енисейскаго уѣзда и содержать 4 лошади.

Отъ Сыковскаго ручья до Малокецкой слободы 42 версты: почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади той слободы жителямъ; смотрѣніе имѣть прикащику Красильникову.

Отъ Малокецкой слободы до зимовья на рѣкѣ Алтатѣ 24 версты, почтѣ быть удобно, содержать 4 лошади въ Малокецкой слободѣ и построить почтовый дворъ; а смотрѣніе имѣть помянутому прикащику Красильникову.

Отъ Алтацкаго зимовья до зимовья же на большой рѣкѣ Кети 26 верстъ; почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади Бѣльскаго острога жителями, и построить почтовый дворъ; смотрѣніе имѣть Бѣльскаго острога прикащику Ивану Галкину.

Отъ Большекецкаго зимовья до Бѣльскаго острогу 33 версты; почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади того острогу жителями; смотрѣніе имѣть помянутому прикащику Галкину.

Отъ Бѣльскаго острогу до Чалбышева двора 29 верстъ; почтѣ быть удобно; содержать 4 лошади того села жителями; смотрѣніе имѣть прикащику Андрею Галкину.

Отъ Чалбышева двора до Еланскаго села 33 версты; почтѣ быть удобно; содержать того села жителями; смотрѣніе имѣть прикащику Михайлѣ Колпакову.

Отъ Еланскаго села до города Енисейска 22 версты; почтѣ быть надлежитъ; содержать 4 лошади грацкими жителями; смотрѣніе имѣть кому поручитъ Енисейская канцелярія. Отъ Тобольска же къ Красноярску лѣтнимъ путемъ, по извѣстію Томскаго фискала Саввы Канаева:

Отъ Томска до села Семилужнаго 33 версты 70 саженъ; содержать 4 лошади Томскими обывателями.

Отъ села Семилужнаго до деревни Серковой 35 верстъ 30 саженъ, — содержать же Томскими обывателями на 4 лошадяхъ.

Отъ деревни Серковой до рѣки Яи 52 версты; содержать деревни Серковой жителями на 4 лошадяхъ.

Отъ рѣки Яи до рѣки Колыяна 30 верстъ; содержать тойже деревни обывателями на 4 лошадяхъ.

Отъ рѣки Колыяна до рѣки Туйды 30 верстъ 400 саженъ; содержать деревни Серковой жителями, на 4 лошадяхъ.

Отъ рѣки Туйды до рѣки же Ундебесу 35 верстъ 380 саженъ; содержать той-же деревни жителямъ на 4 лошадяхъ.

Отъ рѣки Ундебесу до рѣчки Исни 37 верстъ; содержать той-же деревни жителямъ на 4 лошадяхъ.

Отъ рѣки Исни до рѣки Сельдіи 37 верстъ 300 саженъ; содержать той-же деревни жителямъ; на 4 лошадяхъ.

Отъ рѣки Сельдіи до рѣки до Тезбѣлю 24 верстъ 50 саженъ; содержать на 4 лошадяхъ той-же деревни жителямъ.

Отъ Тезбѣлю до рѣки Юрыпсы 30 верстъ 350 саженъ; содержать на 4 лошадяхъ, той деревни жителямъ.

Отъ Юрыпсы до рѣки Бережа 35 верстъ; содержать деревни Самковой жителямъ на 4 лошадяхъ.

Отъ рѣки Бережа до Божьяго озера 65 верстъ; содержать противъ того.

Отъ Божьяго озера до рѣки Имешу 34 версты 400 саженъ; содержать противъ того-же.

Отъ рѣки Имешу до деревни Арыжуковой 25 верстъ 200 с.; содержать той-же деревни жителямъ на 4 лошадяхъ.

Отъ Арыжуковой до деревни Безъязыковой и до рѣчки Іюсу 29 верстъ 400 саж.; содержать той-же деревни жителямъ на 4 лошадяхъ.

Отъ деревни Безъязыковой до деревни Даурской 31 верста; содержать той деревни жителямъ на 4 лошадяхъ.

Отъ Даурской до деревни Изагашу 30 верстъ; содержать той деревни жителямъ на 4 лошадяхъ.

Отъ Изагашу до деревни Донниковой 43 версты; содержать той деревни жителямъ на 4 лошадяхъ.

Отъ Донниковой до города Красноярска 36 верстъ; содержать той деревни жителямъ на 4 лошадяхъ.

Итого отъ Томска до Красноярска лѣтнимъ путемъ 656 верстъ 435 саженъ.

А въ наказѣ изъ Сибирскаго приказу, данномъ ближнему боярину князю Михаилъ Яковлевичу и сыну его ближнему стольнику Петру Михайловичу Черкаскимъ и Дьякамъ сентября въ 1-й день въ прошломъ 7206 году [1]) написано:

Въ пунктахъ, въ 4-мъ: сказати Сибирскимъ и Тобольскимъ татарамъ и Бухарцамъ, а изъ волостей ясашнымъ лучшимъ людямъ Великаго Государя и Великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя Россіи Самодержца жалованное слово, что Царское Величество ихъ пожаловалъ, велѣлъ ихъ держать во всякомъ ихъ царскомъ милостивомъ призрѣніи и ото всякихъ людей велѣлъ ихъ оберегать; чтобъ имъ никакихъ обидъ и продажи и убытковъ и налоговъ и раззоренія ни отъ кого не было, и они бъ, Тобольскія татаровя и Бухарцы и уѣздные ясашные люди, въ ихъ царскомъ жалованьѣ, во всемъ покоѣ и тишинѣ, безъ всякаго сумнѣнія, и промыслы всякими промышлями по прежнему и Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу служили и прямили, и во всемъ добра хотѣли по своей смерти, на что Ему, Великому Государю, шерть дали. А надъ ворами шатости и всякаго воровства и лихова умышленія смотрѣли и берегли и накрѣпко дѣтей своихъ, братью и племянниковъ, и друзей отовсюду въ Государеву милость призывали и въ Городахъ Юрты, и въ Уѣздахъ Юрты помнили. А Царское Величество во всемъ имъ пожалуетъ своимъ Царскимъ жалованіемъ. А въ которыхъ будетъ людяхъ почаютъ шатость или какое воровство и они бъ тѣхъ воровъ не укрывали и не таили, и тѣмъ Великому Государю службу свою и правду объявляли и на тѣхъ воровъ, въ которыхъ почаютъ шатость и воровство, — сказывали и, переимавъ ихъ, приводили къ нимъ, ближнимъ Боярину и воеводамъ, ко князю Михаилѣ Яковлевичу съ товарищи. А кто на кого скажетъ какое воровство или измѣну, а сыщется про то до пряма — и Великій Государь Царь и Великій князь Петръ

1) Т. е. въ 1698 году. А. Я.

Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, тѣхъ людей, кто на ково какую измѣну или воровство подлинно доведетъ, а тотъ въ томъ обличенъ будетъ, совершенно пожалуетъ своимъ царскимъ жалованіемъ и животы и вотчины тѣхъ людей, на кого какую измѣну и воровство доведутъ, велитъ дать имъ кто доведетъ, и, сказавъ имъ то Великаго Государя жалованное слово, велитъ ихъ напоить и накормить Государственнымъ запасы довольно; а, напоивъ ихъ и накормя, распуститъ ихъ по домамъ.

А о Государевѣ ясакѣ и о поминкахъ ясашнымъ людямъ приказывати, чтобъ они Великаго Государя ясакъ и поминки, соболи съ пупки и съ хвосты, а лисицъ бы приносили съ лапы и хвосты.

Въ 39-мъ: изъ прежняго сбору и изъ окладу, какъ денежные и ясашныхъ людей ясаки и всякіе Великаго Государя доходы до нихъ въ Тобольску сбираны, не убавити; и во всѣхъ сибирскихъ городахъ Тобольскаго разряду велѣть всякіе доходы потому сбирати съ великимъ радѣніемъ въ правду, по Святой Евангельской Заповѣди. И того смотрѣти и беречи на крѣпко. И татаръ и остяковъ отъ русскихъ людей отъ обидъ и отъ продажъ и отъ насильства сберегать, и къ ясашнымъ людямъ ласку и привѣтъ держати и воровъ отъ воровства унимати и наказаніе и оборону имъ чинить и поискати во всемъ, въ Сибирскихъ городѣхъ Великому Государю прибыли, чтобъ во всѣхъ доходахъ, въ деньгахъ, и въ хлѣбѣ, и въ мяхкой рухляди, и въ рыбныхъ ловлехъ, и во всякихъ сборахъ передъ прежними годы учинить Великаго Государя казнѣ прибыль, какъ бы Великаго Государя казнѣ было прибыльнѣе. И чтобъ та прибыль и впредь была прочна и стоительна, а всякимъ людямъ не въ тягость и, смотря по тамошнему дѣлу и посвоему разсмотрѣнію, какъ будетъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ. И розни межъ себя ни въ чемъ не чинить, а дѣлать всякіе Великаго Государя дѣла вмѣстѣ, заодно, въ правду, по указу Великаго Государя.

А прошлаго 750 году Августа 2 дня присланнымъ доно-

шеніемъ, Томская всеводская Канцелярія по протчемъ представляла: поданной де разсмотрѣнія и свидѣтельства по Енисейской и Красноярской дорогамъ почтовыхъ становъ, казачій Сотникъ Ломовъ, по прибытіи обратно въ Томскую канцелярію, рапортомъ объявилъ, что де слѣдовалъ онъ, Ломовъ, до Енисейскаго и Красноярскаго вѣдомству во Ачинской Острогъ и свидѣтельствовалъ ту прямую дорогу, и оная де явилась чрезъ Ачинской Острогъ въ Красноярскъ и въ Енисейскъ лѣтнимъ и зимнимъ путемъ прямая, и проѣзжающимъ курьерамъ и прочимъ людямъ къ ѣздѣ весьма способна, и противъ прежней дороги 70 верстами менѣе; а горъ и болотныхъ мѣстъ малое число. А почтовыя де и объѣздныя подводы надлежитъ содержать Красноярскимъ обывателямъ. И про тое де сысканную дорогу для проѣзду учредить и по учрежденіи перевесть на ту дорогу изъ бывшей Енисейской дороги уѣздныхъ подводчиковъ. И, буде по той сысканной дорогѣ будетъ до Ачинскаго Острогу проѣздъ одинъ, требовала (томская канцелярія) не соблаговолено-ль будетъ . . . , чтобъ на тѣ учрежденныя почтовыя станціи Енисейскіе и Красноярскіе обыватели были опредѣлены для гоньбы подводъ отъ Сибирской Губернской канцеляріи. И о томъ бы въ Енисейскую провинціальную и Красноярскую Воеводскую Канцеляріи подтвердить указами, ибо на той Енисейской дорогѣ де были въ прежде опредѣленныхъ станціяхъ состояли и подводы гоняли одни ясачные иноземцы, а оные Енисейскіе обыватели, кои жительство имѣютъ, тѣхъ подводъ не гоняли и живутъ праздно, а по Указамъ ясашныхъ иноземцевъ въ почтовую гоньбу запрещать опредѣлено, а велѣно опредѣлить изъ русскихъ обывателей, и такъ онымъ Енисейскимъ, по жительству своему, должно въ тѣхъ станціяхъ и отправлять подводы, кромѣ ясашныхъ, безотрицательно.

Того ради, минувшаго ноября 29 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, Сибирская Губернская Канцелярія приказали: хотя вышеописанные Томскіе ясашные новокрещеные иноземцы, по росписанію Капитана Командора Беринга,

подводную почтовую гоньбу, за неимѣніемъ тогда по близости къ Красноярской дорогѣ обывателей, и по той Красноярской дорогѣ гонять опредѣлены, — токмо, по силѣ даннаго изъ Сибирскаго приказу ближнему Боярину Князю Михаилѣ Яковлевичу и сыну его ближнему Стольнику Петру Михайловичу Черкаскимъ и Дьякамъ наказу Сентября 10 дня 7206 году, и указу Блаженныя и Вѣчно-достойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго изъ Сената марта отъ 9-го а въ Сибирскую Губернскую Канцелярію полученнаго Декабря 15 числа прошлыхъ 1727 годъ Указу, повелѣно, для принятія христіанской православной вѣры, съ новокрещеныхъ, или которые впредь воспріимутъ, сверхъ ясака, никакихъ податей не накладывать, и подводъ неимать, обидъ и налогъ не чинить. А вышерѣченные Томскіе, живше по Красноярской дорогѣ ясашные новокрещеные, кои вышеписаннымъ, поданнымъ въ Сибирскую Губернскую Канцелярію, доношеніемъ объявляютъ, что отъ содержанія подводной гоньбы пришли уже въ самое крайнее раззореніе и нищету, и для того, въ силу вышеписанныхъ даннаго изъ Сибирскаго Приказу наказу и присланнаго Блаженныя и Вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго изъ сената Указу,— показанныхъ Томскихъ ясашныхъ иноземцовъ, отъ содержанія по Красноярской дорогѣ вышерѣченной гоньбы уволить всѣхъ, и той почтовой гоньбы имъ не гонять, и, кромѣ одного ясака, другихъ никакихъ податей неимать, дабы они въ платежѣ того въ казну Ея Императорскаго Величества ясака были исправны и доимки бъ не было. А тоё подводную гоньбу велѣть исправлять поселившимся на ихъ ясашныхъ земляхъ Енисейскимъ разныхъ деревень, а именно: Назаровой, Арефьевой, Ачинской, Еловской, Новоселовой, Иваповской, Улутской, Волковой, Бѣлошапкинской, Красной — обывателемъ, да къ тому въ прибавокъ распредѣлить, по надлежащему числу, безъ недостатку, изъ Енисейскихъ и Красноярскихъ обывателей, по сношеніямъ съ тѣми канцеляріями, чтобъ на станціяхъ въ подводной гоньбѣ съ указанными почтовыми лошадьми на-

ходились всегда безотлучно. Вышеписаннымъ же, живущимъ на ясашныхъ земляхъ Енисейскимъ и Красноярскимъ обывателямъ запретить на крѣпко, чтобъ они Томскимъ ясашнымъ иноземцамъ никакихъ обидъ и притѣсненій ни подъ какимъ образомъ не чинили, а особливо, въ лучшихъ ихъ звѣриныхъ угодьяхъ звѣрей, а въ рѣкахъ рыбу не вылавливали, бобровыхъ и орловыхъ гнѣздъ не раззоряли, чтобы они ясашные иноземцы въ платежѣ въ казну ясака всегда были въ состояніи. И о томъ въ Томскую, Красноярскую и въ Енисейскую провинціальную канцелярію послать Указъ. А чтобъ оные ясашные въ крайней скорости съ тѣхъ почтовыхъ и уѣздныхъ становъ были въ домы съ ихъ лошадьми распущены, а вмѣсто ихъ изъ вышепомянутыхъ Красноярскихъ и Енисейскихъ обывателей, по числу душъ, безобидно поставлены съ показаннымъ числомъ лошадей — того ради Томской канцеляріи послать нарочнаго человѣка добраго и неподозрительнаго, кого оные ясашные похотятъ.

А что же оные Томскіе ясашные иноземцы просили о выдачѣ имъ съ 749 по нынѣшній 751 годъ изъ казны Ея Императорскаго Величества, за приносъ ими ясаку, корму, яко то хлѣба, вина харчеваго, кромѣ прежнихъ ихъ выдачъ; да впредь-бы надлежащее выдаваемо было сполна, — то, за неимѣніемъ точно о томъ грамотъ и указовъ, Губернской канцеляріи выдачу учинить не можно. О чемъ и представлено въ Сибирскій Приказъ доношеніемъ, съ требованіемъ повелительнаго указу.

Декабря 10 дня 1751 года.

На подлинномъ подписали: Алексѣй Сухаревъ, Яковъ Долбиловъ. Секретарь Алексѣй Соколовъ. Канцеляристъ Илья Девятовъ.

У подлиннаго, у сего Ея Императорскаго Величества Сибирской Губерніи города Тобольска приложена печать".

Приложеніе 2-е.

„Указъ ея Императорскаго Величества Самодержцы Всероссійской изъ Томской Воеводской канцеляріи кызыльско-ачинской волости князцу Дмитрію Колучакову.

„Понеже въ прошломъ 754 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ проѣздѣ изъ города Томска воеводѣ коллежскому ассесору Микулину происходили Томскаго вѣдомства разныхъ волостей отъ ясашныхъ иноземцевъ Федора Алыбаева съ товарищи въ несносныхъ красноярскаго вѣдомства священниками и причетниками обидахъ и взяткахъ жалобы, чего ради отъ имени онаго, колежскаго ассесора и воеводы Микулина, какъ въ Сибирскую губернскую канцелярію, такъ и въ консисторію Его Преосвященства Сильвестра, митрополита Тобольскаго и Сибирскаго, о защищеніи оныхъ иноземцевъ отъ нападокъ представлено было доношеніями. На которое представленіе въ двухъ присланныхъ Ея Императорскаго Величества изъ Сибирской губернской канцеляріи, генваря отъ 17-го полученныхъ въ Томскѣ марта 9 и 10 числъ, сего 755-го года, въ указѣ изображено, а именно:

Въ 1-мъ, въ Томскую воеводскую канцелярію: По опредѣленію де оной губернской канцеляріи, велѣно во всѣ сибирскіе города, гдѣ ясашные иноземцы имѣютца, подтвердить, наикрѣпчайшими указами, чтобъ находящіеся въ вѣдомствѣ оныхъ таковые-же ясашные иноземцы, подобно какъ и упомянутые ясашные Томскаго вѣдомства, красноярскаго духовнаго закону

отъ священно-церковно-служителей обижены и притѣсняемы ничѣмъ отнюдь ни отъ кого не были. А ежели впредь имъ, ясашнымъ такія-жъ обиды и раззоренія слѣдовать будутъ, или уже отъ кого либо и есть, и въ томъ отъ нихъ ясашныхъ просьба и челобитье происходитъ или происходить будетъ объ ономъ, — тѣмъ канцеляріямъ всячески стараться и до такихъ раззореній ихъ, ясашныхъ не допущать, но, по силѣ указовъ слѣдовать и обидимое возвратить имъ тотчасъ, немедленно. И притомъ оказывать къ нимъ ласку и всякое береженіе имѣть, и положенный на нихъ въ казну ясакъ собирать не только безъ упущенія, но какъ можно и съ пополненіемъ, — какъ о томъ прежними Ея Императорскаго Величества указами повелѣно неотмѣнно, что если будетъ тѣхъ мѣстъ канцеляріями отпущено (т. е. упущено — А. Я.) и пренебрежено — и то взыщется на нихъ съ неотмѣннымъ штрафомъ."

Во 2-мъ, на имя господина колежскаго ассесора и воеводы Микулина: Съ прописаніемъ-де онаго ассесора и воеводы Микулина представленія къ Его Преосвященству сообщить и сообщено промеморіею, и почтенно требовано, чтобъ Его Преосвященство соблаговолилъ о вышепоказанныхъ причиненныхъ томскаго вѣдомства новокрещеннымъ ясашнымъ иноземцамъ, красноярскаго духовнаго заказа священниками Терскимъ съ товарищи, несносныхъ обидахъ, раззореніяхъ и о прочемъ — какъ въ вышеписанномъ его доношеніи то значится — кому по благоразсмотрѣніи Его Преосвященства надлежитъ приказать, по силѣ указовъ, наикрѣпчайше изслѣдовать отъ духовной стороны обще съ нимъ, ассесоромъ и воеводою Микулинымъ, и, по слѣдствію, съ винными, кто въ томъ окажутся, учинить по указу-же безъ всякаго — чтобъ и впредь такъ не отважились безстрашно, паче-же безсовѣстно, въ противность правъ государственныхъ, раззореніе чинить не дерзали — послабленія. А что-бъ тѣ бѣдные, всеконечно отъ нихъ, священно и церковно-служителей, обиженные ясашные иноземцы, въ той ихъ горестной обидѣ, на перво хотя мало были порадованы, — взятыя у нихъ тѣми обидчиками

насильно деньги и прочее — скарбы и лошадей — велѣть тотчасъ, отобравъ, отдать имъ, просителямъ, ясашнымъ иноземцамъ, Алыбаеву съ товарищи, по прежнему въ цѣлости.

А ко оному ассесору и воеводѣ Микулину присланъ оной Ея Императорскаго Величества указъ, и притомъ особливо объявлено, что таковымъ его о состоящихъ въ вѣдомствѣ здѣшнемъ ясашныхъ иноземцахъ, ко отвращенію и къ недопущенію ихъ ясашныхъ до обидъ и раззореній, и наблюдательствѣ высокаго Ея Императорскаго Величества интереса старательствомъ, — Сибирская Губернская канцелярія довольна. Впредь-же ему ассесору, ихъ, ясашныхъ, отъ такихъ и подобныхъ тому раззореній и обидъ всячески не допущать, оборонять, защищать и тщательное въ томъ смотрѣніе имѣть. И сверхъ того, къ нимъ, ясашнымъ иноземцамъ, ласку и надлежащее снисхожденіе особливо показывать, чтобъ положеннаго на нихъ ясака казенному Ея Императорскаго Величества интересу и ущербу не учинилось, но, какъ можно, усматривая, по знаемости здѣшнихъ обстоятельствъ, и лучшему приращенію интереса неусыпное и неотложное всегдашнее попеченіе прилагать, что все, по силѣ прежде состоявшихся о томъ указовъ, предается на особливое попеченіе ему, ассесору. А о причиненыхъ нынѣ тѣмъ ясашнымъ иноземцамъ отъ упомянутыхъ священно и церковно-служителей несносныхъ обидахъ и раззореніяхъ ему, ассесору, обще со опредѣленною къ тому отъ духовной стороны персоною, кому отъ Его Преосвященства быть при томъ велѣно будетъ —, на крѣпко изслѣдовать и обидимое тѣмъ ясашнымъ, со всякою ласкою объявить, что они впредь ни то какихъ уже наглыхъ обидъ и притѣсненій совершенно допущены не будутъ, и для того, безъ всякаго опасенія и страху жили (бы) при своихъ волостяхъ по прежнему, и въ казну Ея Императорскаго Величества надлежащій ясакъ приносили съ пополненіемъ. А съ виннымі, кто въ томъ ихъ раззореніи окажутся, учинить по указамъ безъ всякаго упущенія.

И того ради, по Ея Императорскаго Величества указу

и по опредѣленію томской воеводской канцеляріи, томскаго вѣдомства въ остроги, и села, и комисарамъ, гдѣ оные ясашные жительство имѣютъ, посланы съ крѣпкимъ подтвержденіемъ Ея Императорскаго Величества Указы, по которымъ велѣно имъ накрѣпко смотрѣніе и наблюдательство имѣть, дабы ясашнымъ никто изъ тамошнихъ обывателей и изъ пріѣзжающихъ разныхъ чиновъ людей, также и сами тѣ комисары, обидъ, налоговъ, и нападокъ, и помѣшательства въ промыслу ясака подъ наижесточайшимъ штрафомъ, не чинили, и ни чѣмъ къ нимъ не примѣтывались.

А къ тебѣ, князцу Колучакову, велѣно послать сей Ея Императорскаго Величества указъ съ таковымъ подтвержденіемъ, чтобъ вы въ своихъ волостяхъ жили во всякомъ покоѣ и тишинѣ, и положенный бы на васъ по окладу ясакъ платили изъ году въ годъ въ Томскую воеводскую Канцелярію весь сполна, бездоимочно. А если къ вамъ отъ кого и какая именно обида будетъ причинена, то-бъ вы имѣли, прибывъ въ Томскъ, и о той своей обидѣ ясашнымъ, и достовѣрнымъ обстоятельствомъ подавать въ томскую воеводскую канцелярію доношенія, безъ всякаго напраснаго на неповинныхъ излишества. По которымъ (доношеніямъ) вы правосудіемъ и удовольствованы, также и обидимое взято и отдано вамъ будетъ обратно, а съ винными учинено будетъ въ защищеніе ваше. По указу же, неупустительно чрезъ сіе же тебѣ накрѣпко подтверждается, если вы того, положеннаго на васъ ясака платить, за тѣмъ васъ отъ обидъ и отъ прочаго охраненіемъ, повсегодно бездоимки не будете, то о взысканіи оной всей бездоимочно, хотя раскладкою, — посыланы быть имѣютъ нарочные сборщики неотмѣнно. Вы уже съ тѣмъ ясакомъ, какъ то и до сего происходило, въ Томскъ, за нечувствіемъ оказуемой къ вамъ, къ защищенію васъ, милости, допущены не будете, а тотъ ясакъ сбиранъ и привозимъ будетъ тѣми нарочно посланными безъ доимки. Ибо должно вамъ ту показанную къ защищенію къ вамъ милость чувствительно въ памяти содержать, положенный на васъ въ казну ясакъ пла-

тить самимъ, не ожидая подтвержденія и о томъ взысканій нарочно посланныхъ, изъ году въ годъ, безъ доимки. Къ тому-жъ вы такой тяжести, какъ русскіе граждане не несете, а только платите одинъ ясакъ, да и то небольшимъ окладомъ, да и не весь-же сполна, изъ году въ годъ, — бываетъ не малое число въ недоимкѣ.

И князцу Кулучакову чинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества указу.

А о томъ-же, куда надлежало, указы посланы.

Апрѣля 17 дня 1755 года.

На подлинномъ подписано тако: Петръ Микулинъ.

Съ приписью: Петръ Соколовъ.

Капитанъ Иванъ Звѣревъ.